А. М. СЕЛИЩЕВ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

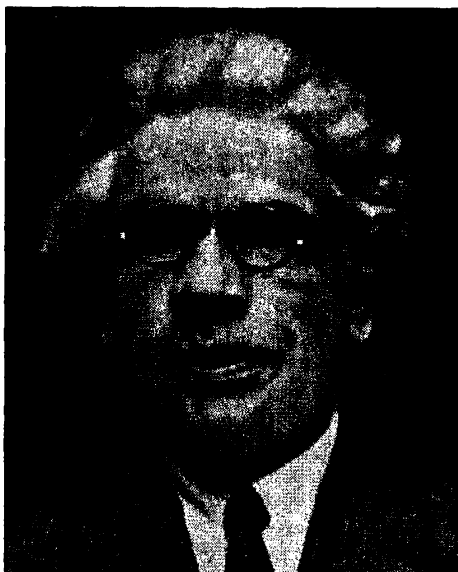
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ ФОНЕТИКА

Допущено
Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов филологиче ких факультетов университетов и факультетов русского языка и литературы педагогических институтов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ~ 1951

ОТ АВТОРА

Задача курса старославянского языка заключается в том, чтобы представить необходимые лингвистические сведения, которыми должен располагать каждый приступающий к изучению истории русского и других славянских языков. По мере своих сил, я выполнял эту задачу в своих курсах, которые читал в течение многих лет в университетах и педагогических институтах. В своем изложении я не останавливаюсь на истории решения того или иного лингвистического вопроса. Дать подробное критическое обозрение мнений по излагаемому вопросу невозможно в таком вводном курсе, а ограничиться сводкой мнений, по меньшей мере, бесполезно. Поэтому я даю изучаемым фактам такие объяснения, какие считаю ближе соответствующими истине. Усвоив предлагаемый курс, студент или аспирант будет иметь возможность критически отнестись к разным мнениям по изучаемым вопросам.

Издаваемая часть моего курса старославянского языка заключает в себе филологическое введение и фонетику. Острая нужда ощущается в старославянских текстах, необходимых при прохождении этого курса. Поэтому одновременно с фонетикой издается сборник текстов со словарем, а также с краткими замечаниями о словообразовании и о формах.

А. М. Селищев.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Старославянский язык — это язык славянских переводов греческих книг, — переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. До нас не дошли рукописи на этом языке, которые относились бы ко времени деятельности первых переводчиков. Древнейшие старославянские рукописи принадлежат X—XI вв. Одни из них писаны азбукой, называемой „глаголица“, другие — „кириллицей“.

Такое общее определение старославянского языка не отвечает на следующие два вопроса: 1) элементы какой славянской языковой группы второй половины IX в. были положены в основу языка первых славянских переводов; 2) какой азбукой, глаголицей или кириллицей, пользовались первые славянские переводчики.

Данные, на основании которых можно ответить на эти вопросы, извлекаются из указаний: 1) исторических, 2) лингвистических и 3) палеографических.

§ 2. Необходимо представить главные моменты и обстоятельства, относящиеся к начальному периоду славянской письменности. Источниками служат произведения на славянском, греческом и латинском языках. Это — легенды (жития) и исторические документы.

и характером), в письме архиепископа Теотмара Зальцбургского, в легенде о папе Клименте (Vita cum translatione s. Clementis), в полемической „Истории обращения хорутан" („Historia conversionis Carantanorum" или „Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum"), отстаивающей интересы немецкого духовенства. См. в названной выше книге проф. Пастрнека („Dèjiny...", стр. 239—278).

§ 3. В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Цель посольства, по сообщению жития Константина, заключалась в желании Ростислава получить проповедников, которые пользовались бы славянским языком. Повидимому, это желание было вызвано тем, что Ростислав хотел парализовать деятельность латино-немецкого духовенства, распространявшего христианство в Моравии: это духовенство было проводником влияния немецкого императора. Возможно полагать, что политическая цель посольства заключалась и в другом: в желании заключить союз с Византией в противоположность союзу Болгарии с государством Людовика Немецкого. Область государства Моравского граничила на западе с государством немецким, на юге, у Дуная, с княжеством Паннонским, а на востоке — с Болгарией (на севере и северо-западе границы Болгарии простирались до Днестра и Тиссы). В борьбе против моравского князя Людовик Немецкий хотел воспользоваться помощью болгарского князя Бориса. Папа Николай I, благословляя Людовика на войну с Моравией, получил в начале 864 г. сведение, что Людовик „намерен отправиться в Тулну и там укрепить мир с болгарским королем и заставить Ростислава волей или неволей подчиниться". Союз же Бориса с Людовиком был, видимо, заключен ранее, в 861—862 гг. Несомненно, в Константинополе придавали большое значение отношению с Моравией. Открывалась перспектива распространить и укрепить влияние Византии на западе, в областях государства моравского. В пределы этого государства входили области нынешней Словакии,— в областях реки Моравы и далее на восток к Грону, Ипелю и северной Тиссе. В зависимости от моравского княжества находились и края чехов и далее на северо-запад — некоторые племена славян, живших в бассейне средней Эльбы (Лабы).

Где был центр Моравского государства? Определенного указания по этому вопросу исторические документы не дают. Историки полагали, что таким центром был или высокий Девин

у Дуная, недалеко от Братиславы, или Нитра. В последнее время получили некоторое подтверждение средневековые упоминания о Велеграде, у Угорского Градишта, как о центре Великой Моравии. Такое упоминание идет от XIII в. Недавние раскопки обнаружили недалеко от Угорского Градишта, в его предместье (Staré Mĕsto — „Старый Город“), следы крепости и многочисленного населения, которое вело оживленную торговлю с Византией. Может быть, тут-то и была urbs antiqua Rastici („старый город Растица“ — Ростислава), упоминаемая в фульдских анналах под 871 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии принадлежала младшему брату, высокообразованному Константину-философу. Константин и Мефодий были уроженцы города Солуня (Фессалоники). Они хорошо знали язык славян, живших в самом городе и в окрестностях его. „Вы оба солуняне, а солуняне все говорят хорошо по-славянски“ („въі бо юста селоунанина, да селоунане вьси чисто словѣньскы бесѣдоують“; жит. Меф.). Мефодий был некоторое время правителем какой-то славянской области („княжению словѣньско“; жит. Меф.) в Византии, — на юго-востоке в Македонии или в областях побережья Эгейского моря (прочие области Македонии и восточной части Балканского полуострова входили в состав болгарского государства). Константин получил блестящее по тому времени образование. Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке. Но это занятие не соответствовало настроению Константина. Он предпочел удалиться в уединенное место, „на узкое море“ (жит. Конст.) — у Босфора. Спустя некоторое время он получил назначение „учити философии своѧ земцѧ (тъземцѧ) и страннъıѧ („своих и приходящих со стороны“), „и по то сѧ ıатъ“ („и он принялся за это дело“). С эпитетом „философ“ обычно представляется в источниках его имя. Еще ранее моравской миссии на Константина была возложена миссия к сарацинам в Малую Азию и затем миссия к хозарам. В последней принимал участие и Мефодий, живший до этого в монастыре Олимп, в Малой Азии. Там некоторое время перед хозарской миссией провел и Константин, сосредоточившись на книжных занятиях („токмо книгами бесѣдоуя“; жит. Конст.). Византия нередко в политических целях пользовалась религиозными миссиями. Повидимому, хозарская миссия находилась в какой-то связи с походом русских на Константи-

нополь в 860 г. В хозарской миссии обнаружились многосторонние способности Константина. По пути к хозарам, в Херсонесе, он находит евангелие и псалтырь, „рушкым писменем“ писанные, и человека, знающего этот язык,— и быстро научился читать эти книги. Он изучает древнееврейский язык. Состязался он и с самарянином, жившим в Херсонесе, и самарянские книги, принесенные им, Константин за несколько дней выучился читать, „бес порока“ (жит. Конст.). Свое знание древнееврейской, в частности самаритянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения из хозарской миссии, прочтя в Константинополе загадочную самаритянскую надпись на одной древней чаше. С древнееврейской письменностью Константин мог познакомиться и раньше, в Олимпе (в Малой Азии). Там он мог узнать и письмо коптское.

На Константина и Мефодия и была возложена миссия в Моравию. По сообщению житий и Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам на этом языке: „сложи писмена и нача бесѣдоу писати еуаггельскоую“ (жит. Конст.); „и абие оустроивъ писмена и бесѣдоу съставль, поути сѧ ѩтъ моравьскааго“ (жит. Меф.). Это — важное указание. Возможно полагать, что Константин не впервые только теперь, в связи с моравской миссией, занялся делом славянской азбуки. В такой непродолжительный период времени, который оставался до отбытия в Моравию, едва ли можно было составить цельную, хорошо приспособленную к славянской фонетической системе азбуку, какой является алфавит Константина. Требовал значительной подготовительной работы и перевод, приспособление славянского языка и его элементов к новой функции — к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду всего этого можно полагать, что вопрос о славянской письменности для славян Византии и для соседней с нею Болгарии давно уже занимал Константина и вызвал некоторую подготовительную работу. По каким-то обстоятельствам введение славянской письменности для этих славян замедлилось. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по формированию книжного языка для славян. Он не изменил прежней языковой основы этого языка — основы языка, какой он знал, славян солунских: по справкам, какие он мог навести у членов моравского посольства, язык солунских славян был вполне доступен пониманию мораван.

Миссия отправилась в Моравию не позднее 864 г. Константин, Мефодий и несколько лиц, знавших славянский язык и помогавших братьям в деле славянской письменности, отправились вместе с другими членами миссии в Моравию. Первые годы пребывания в Моравии прошли в подготовке кадров славянских книжных людей и в изготовлении дальнейших славянских переводов с греческого. С первых же дней славянский язык в письменности и в церковном ритуале встречен был враждебным ропотом со стороны латинского духовенства в Моравии, утверждавшего латинский язык в письменности и ритуале. К Константину и Мефодию это духовенство относилось враждебно и по другой причине: в них оно видело не без основания опасных противников своему господству.

Проработав более трех лет в Моравии, Константин и Мефодий с группою своих учеников отправились в Рим, чтобы представить папе сведения о своем деле. Вместе с тем они надеялись получить поддержку папы — поддержку в их трудном положении среди враждебно относившегося к ним латинского духовенства. По пути из Моравии они на некоторое время остановились в Паннонии. Там их радушно принял князь Коцель и дал им около 50 учеников обучить славянским книгам (жит. Конст.). Далее путешественники направились в Венецию. Там у них были горячие споры с „треязычниками", т. е. с лицами, утверждавшими, что только на трех языках законна письменность — на еврейском, греческом и латинском. „Треязычники" были посрамлены греческим философом. „Как вам не стыдно принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими? Мы же знаем много народов, имеющих письмена... на своем языке. Ведь известны (в этом отношении) армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы Сугдеи), готы (крымские готы), авары, турки, хозары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие". Посрамив их многими текстами из писания, Константин оставил их. В средние века создалось представление, что в письменности могут быть допущены только три языка: еврейский, греческий и латинский. Такой взгляд был в особенности распространен на Западе в связи с тенденцией к универсальности латинского языка. Были и в Византии такие „треязычники". Но там в господствующих верхах свободнее относились к письменности на других языках. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного

господства, которое принадлежало латинскому языку на Западе. Глубокой давности традиция письменности существовала у египтян, сирийцев, халдеев, персов. На Востоке свободнее, чем на Западе, применялись народные языки в письменности, и Византия нередко пользовалась даже в целях политических ролью народного языка в письменности.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия. Обстоятельства сложились так, что папа в целях укрепления своего влияния в Моравии и Паннонии признал славянский язык в письменности и в литургии. Из Рима Константин не вернулся. Заболев, он умер там в 869 г. в возрасте 42 лет. Перед смертью он принял имя Кирилл. По смерти Константина Мефодий действовал некоторое время в Паннонии. В Моравии положение было смутное — война с немцами, перемены в княжестве: Ростислава сменил его племянник Святополк, признавший верховную власть Карломана. Затем Мефодий получил назначение епископом Паннонии. Неудача папского Рима в Болгарии побуждала папу Адриана II к утверждению своего влияния в Моравии и в Паннонии: для этих областей основана была особая славянская епископия. Но Мефодий попал скоро в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии. Там он просидел больше двух лет. В Моравии произошли изменения. Вспыхнуло восстание против франков. Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но деятельность там славянских книжников проходила в крайне тяжелых условиях. Святополк не был защитником славянской письменности. Приобрели большее значение латинники. Интриги, ложные доносы в Рим с обвинением Мефодия в „ереси", подложные письма — всё они пускали в ход, чтобы скомпрометировать дело славянской письменности и восстановить свое господство над населением. В особенности мрачной фигурой является в это время интриган епископ Вихинг. (Позднее он покинул Моравию и стал канцлером у короля Арнульфа.) Последние годы деятельности Мефодия были заняты изготовлением славянских переводов. В 885 г. он умер. После его смерти противники славянской письменности во главе с интриганом и фальсификатором Вихингом торжествовали. Они добились у папы Стефана V запрещения славянского языка в церковном ритуале. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии, а некоторые проданы в рабство. Изгнанники отправились одни на юг, к хорватам, другие — на

юго-восток, в Болгарию. Там они продолжали дело славянской книжности.

§ 4. В особенности благоприятны условия для славянской письменности были в Болгарии. Из учеников Мефодия выдающимся писателем был Климент, действовавший в Македонии и в юго-восточной Албании. Македония была областью, где было изготовлено много славянских рукописей,— изготовлено с сохранением книжных традиций в языке и в письме, как они установлены были в кирилло-мефодиевских оригиналах и их продолжениях под пером Климента и близких его учеников. Из Македонии идет и большинство тех рукописей, глаголических, XI в., которые объединяются в группу старославянских.

Во время правления Симеона (893—927) государственный центр Болгарии Преслав становится и центром славянской книжности на востоке Болгарии. Из преславского круга писателей выдающимся был Иоанн экзарх. Преславские книжные люди пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии. Связь личная и обмен рукописями в книжной среде востока и запада Болгарии существовали в разные периоды государственной жизни этой страны и в период ее независимости, и под властью Византии (972—1186). Но в восточноболгарских рукописях отражались отступления от прежних языковых книжных норм более значительно, чем на западе, в Македонии. Отступили в Преславе и от графической традиции: глаголицу там, повидимому, заменили так называемой кириллицей. В Преславе было изготовлено много рукописей, списки с которых распространялись затем в среде восточных славян и среди сербов.

§ 5. В Моравии и Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Кое-где она продолжалась и в X — XII вв. О письменности на славянском языке в этих краях свидетельствуют Киевские листки (X в.) и Пражские отрывки (конец XI или XII в.). На том же языке была составлена там легенда о Вячеславе и некоторые другие произведения. В конце XI в. в чешском Сазавском монастыре, где ютилась еще славянская письменность, славянские книги были совсем уничтожены приверженцами латинского языка или так испорчены, чтобы никоим образом нельзя было больше по ним читать. Так сообщает современный летописец (см. „Fontes rerum bohemicarum“, II, стр. 250). Следы старославянского языка отражаются в позднейших памятниках чешской письменности, на лексике ее.

Таковы главнейшие факты из начальной истории славянской письменности. Эти факты помогают дать ответ на поставленные выше вопросы: 1) об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов и 2) о начальной славянской азбуке.

§ 6. По вопросу об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов надо принять во внимание указание легенд, что в Моравию Константин, Мефодий и их помощники отправились с начатыми переводами. В основу языка этих переводов был положен язык тех славян, с которыми Константин и Мефодий имели общение,— славян Солуня и его района. Среди них прошли детские годы братьев. Среди славян, близко родственных с солунскими, проходила в течение некоторого времени административная деятельность Мефодия как правителя „княжества словенского“ где-то на юго-востоке Балканского полуострова.

Черты языка кирилло-мефодиевских переводов указывают также на область славян болгарских. Это была область, находившаяся рядом с греческой. Связи с греческим населением обусловили появление греческих слов в языке славян этой области. В славянской среде там употреблялись слова сѫбота, параск'евьг'ни, (параск'евъг'ни), левьг'итъ и др. Звуковой вид некоторых из слов греческого происхождения указывает, что они перешли в язык славян не из литературного греческого языка, а из речи народной греческой среды: сѫбота [1. „неделя“, 2. „суббота“] указывает на народно-греческое *σάμβατον*, а не на литературно-греческое *σάββατον*. На греческое сочетание *αμβ* вместо ββ может указывать и передача имени *'Αββακούμ*, находящаяся в древнерусских книгах: Амбакоумъ; такая передача ведет к греческому *'Αμβακούμ*.

На греческую народную среду указывают заимствования с г' (параскевьг'ни, левьг'итъ): народно-греч. *παρασκευγ'ί*, литерат. *παρασκευή* („день перед субботой“, „пятница“), *λευ'γ'ίτις*, литерат. *λευίτης*: домъ левьг'ӥнъ — *τοῦ λευγί* (*λευί*) (Син. пс.); е'вьга — *ἔυγα* (*εὔα*). По греческим диалектам с первых веков н. э. появился согласный γ после заменителя дифтонгов *ευ*, *ου*: *ευγ*, *ουγ* — *παρασκ'ευγ'ί*, *δουλέυγω* вместо *δουλεύω* „служу“ и т. д.

По народному произношению введены были и некоторые другие слова. Например, прилагат. олъгоуинъ или алъгоуинъ — *ἀλόης* — из алоэ сделанный или с алоэ смешанный. (Сок из алоэ — из дерева с длинными широкими листьями, имевшими колючки на концах, применялся на востоке при бальзамировании мертвых.)

В более поздних старославянских текстах передано это прилагательное ближе к греческому ἀλόης — алоинъ (алоино). Так было, например, в старославянском оригинале Остромирова евангелия. Первые славянские переводчики ввели в язык их переводов некоторые греческие слова в том звуковом виде, в каком они применялись в живой речи славянской среды. Если бы Константин и его сотрудники вводили эти слова как заимствования из литературного греческого языка, то они передали бы их в виде параскевги, левитъ, алоинъ. Непосредственное соседство славян с греками было на юго-востоке Балканского полуострова.

И другие черты словаря старославянских памятников указывают на то, что славянский язык первых переводчиков принадлежал той славянской среде, в которой употреблялось много греческих терминов. В старославянских памятниках находится длинный ряд непереведенных греческих слов — не переведенных по разным обстоятельствам.

1) Это были названия должностей, должностных лиц и предметов с их специфической значимостью:

а) архитриклинъ — греч. ἀρχιτρίκλινος („главный стольник", „распорядитель пиршества"); ефимерия—греч. ἐφημερία („дежурство", „очередной служитель"; в Зографском кодексе перевод: дьневьная урѣда); игемонъ—греч. ἡγεμών („вождь", „наместник"); икономъ — греч. οἰκονόμος (слав. приставьникъ „управитель", „управляющий"); коустодия — греч. κουστωδία („стража"); практоръ — греч. πράκτωρ („судебный пристав"); стратигъ — греч. στρατηγός („полководец", „вождь");

б) ароматъ — греч. ἄρωμα, родит. ἀρώματος; катапетазма—греч. καταπέτασμα (слав. опона — „занавес"); корвана или корванъ — греч. κορβᾶν („касса", „денежный ящик"); краниево мѣсто — греч. κρανίου τόπος („лобное место", „место казни"); соударь — греч. σουδάριον, слав. оуброусъ („полотенце") и многие другие.

2) Слова отвлеченного значения: оусия — греч. οὐσία („существо"): бж҃ния оусия нашея плътию покрывъшия ся (Син. тр.); сканъдѣлъ (Син. пс.) — греч. σκάνδαλον („соблазн") и др.

3) Были слова, перевод которых бытовыми славянскими словами понизил бы стилевое значение их — понизил бы своей бытовой окраской. Например: кринъ — греч. κρίνον („лилия"), епендитъ — греч. ἐπενδύτης („верхняя одежда", „плащ"), позднее переведено так: „срачица"; тектонъ — греч. τέκτων („плотник"); ср. текст: не сь ли естъ тектоновъ снъ (Мариин.); петра, петрѣ (на семь петрѣ или на семь камене, по отношению к личному имени Петръ) — греч. πέτρα („огромный камень", „скала"),

акротомъ (Син. тр.) — греч. ἀκρότομος — „твердый камень": недвижимо основано на акротомѣ і дховьнѣ камени тво[е]ѩ вѣры (Син. тр.); акротомъ и в Син. псалтыри; алекъторъ — греч. ἀλέκτωρ, слав. пѣтьлъ; власвимиꙗ — греч. βλασφημία („ругательство", „злословие"); афедронъ — греч. ἀφεδρών („отхожее место", „задний проход у животных"); кротафъ: покоі кротафома моіма (Син. пс.) — греч. κρόταφος („висок").

Переводчики полагали, что введение некоторых греческих слов не затруднит понимания текста в известной им славянской среде — в среде, близкой к грекам, — на юго-востоке Балканского полуострова.

Что касается общего словарного состава старославянских памятников, то он недостаточно показателен при отсутствии сведений по истории слов у южных славян. В этом словаре были такие слова, которые ясно указывали на Балканы. Таково слово клеврѣтъ в значении греч. σύνδουλος, т. е. „сораб", „товарищ по работе" (подроугъ в более поздних переводах). Это слово характерно для балканских областей, так как вышло из романско-балканской среды, это — передача балкано-романского слова collibertus. Из балкано-романской среды взято было балканскими славянами название верхней одежды котыга. Это слово находится в Супрасльской рукописи и в древнерусских памятниниках, списанных с южнославянских оригиналов. Например: бѣ же котыга нешвена — в Мстиславовом ев. (XII в.), Иоан., XIX, 23 — в греческом тексте — ἦν δὲ ὁ χιτὼν ἄρραφος; и хотѧщюмоу съ тобоѭ пьрѣти сѧ и ризѫ твоѭ възѧти остави юмоу и котыгоу (в Сборнике Святослава 1073 г.); облечеся въ зеленую котыгоу (σχῆμα) (в хронике Иоанна Малалы). В словах Ефрема Сирина (в списке XIV в.) находится это слово в более новом звуковом виде, с гласным у: котуга (χιτών, tunica): котугу пестру. На юго-западе Балканского полуострова, где в особенности сильно было романское воздействие, сохраняется до сих пор это слово: в хорватских говорах на острове Вресе, в Башке, в Коштрене, в Бакарце, в Чавлях: kotȉga, kȍtiga. В некоторых из этих местностей так называют только женскую верхнюю одежду из меха овец (о. Врес). Балканско-славянское котыга (более позднее котуга) представляет собою передачу среднелатинского слова cotuca — название верхней одежды клириков (tunica clerici).

Характерны для южнославянских языков слова сланъ („иней"), ковьчегъ („ящик", „сундук"), горюшьнъ („горчичный"), градѫ, градеши...

Как грецизмы, так и некоторые другие явления словаря старославянских памятников указывают на юго-восток полуострова, на области болгарские. Показательное значение заключается в том, что эти слова совпадают со словарем болгарских писателей последующего времени, конца IX — начала X в.— со словарем Иоанна экзарха болгарского, действовавшего на востоке, со словарем Климента, деятельность которого относилась к юго-западу болгарских областей. Например: градеши в ст.-слав. памятниках у Иоанна экзарха, у Климента; клеврѣтъ в ст.-слав. памятниках и у Иоанна экзарха; страньнъ (в значении „чужой", „гость") в ст.-слав. памятниках, у Иоанна экзарха, у Климента, и ряд других слов.

Отметим еще слово ланита („щека") — слово, представляемое только говорами болгарскими на юго-востоке Македонии [Неврокоп] и во Фракии.

Показательно своим архаизмом и слово ч'ъд вместо чѧдь в говорах на юго-востоке Македонии. Значение этого слова такое же, как и в давнее время: „род", „племя", „группа людей". мы словѣне — проста чѧдь, по словам послов князя Моравии Ростислава [жит. Конст.].

Обратим внимание на значение глагола поустити: он имеет значение не только „пустить", „отпустить", но и „послать", „дать". Например: ѥгда напишетъ кн'игы [„письмо, грамоту"] и поуститъ къ мнѣ (Супр. рук., 77 об.); поусти же („послал") мѫжа жоупаны и сановиты къ стоумоу (Супр. рук., 147); приде же вечеръ ѕѣло („поздним вечером") сълъ („посол") поуштен' отъ того трокон'да (Супр. рук., 147); ѕаконъ иже сѫтъ поуштени нимъ (Супр. рук., 75 об.); поусти привѣтъ („послал привет") в Синайском патерике XI в.,— в русском списке со старославянского оригинала. В значении „послать" знали этот глагол и семиградские болгары, вышедшие в XIII в. из восточной Болгарии: „твуите свенте ангеле ми нусти на помощ (napamast)". В том же значении применяется этот глагол и в современных болгарских говорах, преимущественно на юго-западе: „Ако ти не втасат тије пари, пушти ми една книга, ја к'а ти пушта уште пари" („Если этих денег тебе нехватит, пришли мне письмо, я пошлю тебе еще денег"; западная Македония).

„Кога те викаф, не дойде,
То шчо ти пушчиф, не зеде"

(„Когда я звал тебя, ты не пришла; то, что я послал тебе ты не взяла"; там же).

„Фано, пиле материно!
Пушчи мене бела рака“.

(„Фана, птенчик материн! Дай мне белую руку“; там же).

И в говорах Солунского района до сих пор существует глагол „пусна“ в таком значении. Например: пуснала една робинка, зема за десет пари халва — „послала служанку взять на десять копеек халвы“; за вилеетут пари да пусни — „в вилает деньги послать“.

Глагол пушчи в значении „послал“ имеется также в говорах южной Македонии — в говорах Костурского края, близких по своей основе к говорам Солунского края.

Нет основания видеть в глаголе поустити, употреблявшемся с значением „послать“, „отправить“, позднейшее наслоение в языке старославянских памятников (Супрасльская рукопись); он применялся и на юго-западе, как свидетельствуют современные болгарско-македонские говоры.

На область славян Болгарии указывают и тюркские слова, перешедшие от тюрков-болгар в язык этих славян и отразившиеся в старославянском языке: чрьтогъ — „терем“, „спальня“ (в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук.). К болгарам, как и к некоторым другим тюркам, оно перешло от каких-то иранцев (персидск. čârtâk, может быть, аланское čärtak вместо kartaka „дом“, „огороженное место“). Позднее из турецкого языка это слово заимствовано было южными славянами и русскими с согласным d: болг. чардак, сербо-хорв. čardak, cërdag, русск. чердак.

Отметим одну синтаксическую черту языка старославянских памятников, указывающую на тесные взаимоотношения славянского и греческого населения — на взаимоотношения, при которых появилось среди тех и других двуязычие: греки знали славянский язык, а славяне — греческий. Некоторые черты синтаксиса и семантики греческого языка переносились в славянскую речь. Таково происхождение двойных форм имен существительных, служащих для передачи дистрибутивности, дифференцированной множественности, отдельных частей, групп, рядов и т. п. Так, в Зографском кодексе, в VI, 39—40 Марка читается. І повелѣ імъ посадити ꙗ вьсꙗ·на сподꙑ· на сподꙑ·[1] на травѣ зеленѣ· І възлегоша

[1] „Группами“, „на группы“;

на лѣхы· на лѣхы·[1] — греч. *συμπόσια συμπόσια, ... πρασιαὶ πρασιαὶ*. Славянская передача не являлась лишь книжной передачей греческого текста, а отражала явление живой славянской речи. Это были славяне юго-востока Балканского полуострова — славяне болгарские. В их языке и в среднеболгарскую и в новоболгарскую эпоху представлены такие сочетания. Например: „Из полето на вълни на вълни се доносяха екливи и тъжни песни“ — „С поля доносились волнами звучные и печальные песни“ (Елин-Пелин, Разкази, I „Летен день“). Подробнее об этом сочетании говорится в отделе синтаксиса.

§ 7. Черты фонетические языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о славяно-болгарской основе этого языка. Из них особенно показательны следующие черты.

1) **шт', жд'** вместо ранних доисторических tj (а также kt'), dj. Изменение ранних доисторических tj (kt'), dj в шч (шт'), ждж (жд') — это давняя характерная черта славян болгарской группы. Области поселения славян этой группы были в VII — XII вв. весьма обширны. Они жили и к северу от Дуная, в пределах нынешней Румынии и восточной Венгрии; в пределы Болгарии входили области Срема, Баната, Семиградии. В особенности многочисленно было население в Семиградии. Там в долине реки Мароша находились богатейшие в то время, ценнейшие соляные запасы. Население в IX — X вв. было там славянское и тюрко-болгарское. Эта двойственность населения оставила след на топонимии Семиградии. Так, название местности Торда — тюркское, Солънокъ — славянское; имя речки Кюкюлё — тюркское, Търнава — славянское. Те же славянские племена занимали и восточную часть Балканского полуострова, и обширные области в Албании, в Эпире, Фессалии и по местностям Пелопоннеса. В силу общественных и экономических условий, неблагоприятно сложившихся для славянского населения, в областях к северу от Дуная и в краях Албании, северной и южной Греции получил преобладающее значение иноязычный элемент. Но следы прежнего населения, славянского, в этих областях отражаются в языке земли (в топонимии) и в языке румын, мадьяр (венгров), албанцев, греков.

Из топонимии: Pešt (в Венгрии), Peštera, Grăždeni (в Румынии), Пештера, Лешта, Хоштова, Граждани, *Либражди* (в Албании), Χόστοβα (на Пелопоннесе).

---

[1] „Рядами“, „в ряды“.

Из славянских слов в венгерском языке: mostoha („мачеха") — болг. маштеха; rozsda („ржа", „ржавчина") — болг. ръжда; в румынском mășteha, dažde („подать") — болг. даждие; grajd („стойло", „конюшня") — болг. гражд; в албанском: graždi, važdoj („идти по следу") и др.

2) Другая фонетическая черта, характерная для языка славян болгарских по сравнению с языком других южных славян (сербов, хорватов и словинцев), а также по сравнению с языком чехов и словаков — это гласный открытый переднего ряда ā, с мягкостью предшествующего согласного, в таких случаях, как хл'āбъ, дъв'ā рыб'ā „2 рыбы" и т. п. В глаголической азбуке этот гласный передавался знаком ⰰ, а в кириллице посредством ѣ. На такое образование „ять" (точнее „ядь") указывают все говоры славян болгарских и на востоке, и на севере от Дуная, и в Македонии, и в Греции, и в Албании. Отметим несколько примеров из топонимии областей, где некогда жили группы славян болгарских, и из славянских слов с ѣ, перешедших к румынам, грекам.

Из топонимии Румынии: Brează, Breastă, Deal (слав. дѣлъ), Oreav (слав. орѣхъ), Pleaš (слав. плѣшь); Албания: Леаска (Ляска), Дряново (слав. Дрѣново, корень дрѣн-), Лябово вместо Хлѣбово; Греция: Λιάσκοβον (слав. корень лѣска-), 'Αραχοβίτζα („орѣх-").

Такое же указание представляют славянские слова, перешедшие в румынский, албанский, греческий языки. Например: pleava (болг. плѣва — „мякина"), mreaža (болг. мрѣжа), nevеasta (болг. невѣста) — в румын.; χράνος (хрѣн), ἀστράχα („стрѣха", „крыша"), σανόν — σανό (сѣно) в новогреч.; sanē (сѣно), carą (черѣн — „камень у очага") в албанском.

На гласный ä указывают все говоры славян болгарских в их истории. И в настоящее время имеются говоры с ä вместо ѣ на юго-востоке и на северо-востоке: б' āли, нед'āлит'ā (недѣлитѣ), в'āрен...

В глаголице знак ⰰ служит для передачи не только ѣ, но и давнего *а* после мягкого согласного — ⰰⰽⱁ, ⰽⱁⰾ'ⰰ (кирилл. кол'ꙗ). Такая передача была вызвана тем, что были близки звуки ѣ и заменитель гласного *а* после мягкого согласного. Это был гласный *ä*. Такой гласный вместо *а* после мягкого согласного представляют и современные говоры к востоку от Солунского края.

Было бы методологически неправильным делать заключение из сопоставления языка кирилло-мефодиевских переводов с современными болгарскими говорами (XIX—XX вв.) — заключение о взаимоотношении их. Вне исторической перспективы такое заключение было бы недостаточно обосновано и вызвало бы ряд возражений относительно генетической связи языка первых славянских переводов с языком славян болгарских. Историческое же изучение болгарского языка обнаруживает все главные черты звукового и морфологического состава языка кирилло-мефодиевских переводов.

1) Носовые гласные ѫ, ѧ.

2) Редуцированные гласные ъ, ь.

3) l — epentheticum.

4) Аффриката ʒ (ѕ): ноѕѣ.

5) Разные формы в системе склонения.

6) Окончание -тъ в формах 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени: несетъ, несѫтъ.

7) Форма аориста и имперфекта.

Болгарские диалекты представляют также следы таких форм сигматического аориста, которые уже в XI в. по говорам были утрачены,— форм с ѣ в корне: 1-е л. ед. нѣсъ, вѣсъ, рѣхъ, 3-е л. мн. вѣсѧ, рѣшѧ и др. В то время, когда такие образования аориста были еще в употреблении, их основа с ѣ обобщилась в некоторых говорах для других форм: для инфинитива, для причастия прошедшего времени: донѣт[и], донѣл[ъ]. Такой процесс был пережит и в сербо-хорватских говорах: doněti, doněl → donio, doněla; аорист с новым ch: doněch. Формы причастия *донел, занел* („принес", „занес") существуют в западноболгарских говорах. Следы аористных форм нѣсъ имеются и в говорах Солунского района. В этих говорах представлены такие же следы и от форм с инфинитивной основой лѣз-. Вот несколько примеров: Чилиби Теодорак донел невеста от Европа; бабата утрината излела с куконата да седи („старуха утром вышла с хозяйкой посидеть"); я утрината саатю на четритя излела коконата, влезе на хамаму..., точас тос приател излел от сандъко и много си помачи да отвори вратата от хамамю, па влезел он на сандъко и си затвори сам; она си умула и па излела на удаюшката („утром часа в 4 вышла хозяйка, вошла в купальную комнату..., тогда этот приятель вылез из ящика и много старался открыть дверь в купальную комнату, и влез он в ящик и там затворился,

она омылась и вышла в маленькую комнату"). Эти говоры представляют основу с ѣ и в новообразовании для итеративного глагола с суффиксом *-ва-*: донѣвам (дон'ăвам, доневам — 1-е л. ед.), излѣвам (изл'ăвам, излевам — в других болгарских говорах излѣзвам, излизвам — „выхожу"). Такие же следы аористных форм нѣсъ представлены и дальше на юго-восток, в говорах Фракии.

§ 8. Итак, теперь не подлежит сомнению, что элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян, находившихся на юго-востоке Македонии и в других областях востока и юга полуострова, — славян болгарских. Оставлена, как явно несостоятельная, паннонская теория происхождения старославянского языка — теория В. Кóпитаря (1780—1844), П. И. Шафарика (1795—1861), Фр. Миклошича (1813—1891). По их мнению, элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян Паннонии, т. е. предкам нынешних словинцев. Одним из главных доводов в пользу такого взгляда служили некоторые слова старославянских памятников, указывавшие на ту область, где было воздействие латинское и немецкое. Это такие слова, как поганъ, олътарь, оцьтъ („уксус"), мнса („обедня"), постъ, црькы, попъ... Но как быть с такой языковой чертой кирилло-мефодиевских переводов, как шт — жд вместо давних tj (kt') — dj? У словинцев издавна в этих случаях были č — j (sveča — meja), в Моравии c — dz (z). Для объяснения шт — жд Миклошич полагал, что у славян Паннонии были такие же замены ранних tj (kt') — dj. Славянские слова с шт — жд, перешедшие в мадьярский (венгерский) язык, будто бы свидетельствуют о наличии таких звуков вместо tj — dj в языке славян Паннонии.

Все это несостоятельно и противоречит историческим данным.

Константин и Мефодий оказались в Паннонии только после того, как более трех лет провели в Моравии. В Моравии же, как и далее в Чехии, население было западнославянское, с c — dz (z) вместо tj — dj: svěca (cvěcā) — medza (meza). Киевские листки, написанные в X в. в области Моравии, ясно указывают на эту фонетическую черту: даꙁь, освѣцѣниѣ.

Славянские заимствования с шт — жд в мадьярском языке взяты были от одной из групп славян болгарских, в VIII — IX вв. живших не только на востоке Балканского полуострова, но и далеко к северу от него (см. выше, § 7).

Такие слова латинского происхождения, как поганъ (лат. paganus), миса (missa), олътарь (altare) находились и в греческом языке, как результат взаимоотношений Византии с Западом (греч. παγανός, μίσσα, ἀλτάριν). Из греческого источника они и могли перейти в язык кирилло-мефодиевских переводов. В греческой среде употреблялось и слово παπᾶς, откуда оно перешло и к южным славянам: попъ.

Среди населения на востоке Балканского полуострова были распространены и некоторые другие латинские термины — распространены римскими колонистами здесь. К таким словам относилось, например, acetum — слав. оцьтъ.

Через балкано-романскую среду могло прийти к южным славянам и слово црькы, восходящее к греческому τὸ κυρικόν вместо τό κυριακόν („дом господний, храм"). Вероятно, в старославянском языке отразилось и латинское название „восприемника" („ку́ма") — compater: къмотръ („кум"), къмотра („кума́"). Но и это слово могло прийти к южным славянам на Балканах от романского населения, находившегося там. И позднее названия для „кумы" и „кума" заимствовались южными славянами, болгарами, из этой среды при бытовом общении с нею. Таково происхождение слова „кумба́ра" у болгар в селах Сухо и Висока Солунского района.

Вероятно, из романской же среды пришло к балканским славянам, жившим неподалеку от Эгейского моря, и название кормы или лавки для гребцов доχъторъ (употреблялось также в значении „подушка"). Это слово восходит к др.-верхн.-нем. dofta — „лавка для гребцов", слово, близкое по значению к латинскому ductarius.

Слово же постъ, восходящее к др.-верхн.-нем. fasta, проникло в разные славянские языки в разное время.

Но нельзя отрицать, что в Моравии в язык славянских переводов вошли некоторые слова, бытовавшие там, указывавшие на сферу деятельности латино-немецкого духовенства. Таково происхождение слова цръкы с -ир- в Киевских листках и в Синайской псалтыри, папежь („папа"), рованиѧ в значении лат. munera в Киевских листках: эти слова указывают на верхненемецкий источник: цръкы вместо др.-верхн.-нем. chiricha, папежь вместо др.-верхн.-нем. bâbes („папа") и рованиѩ (рованиъ), повидимому, вместо др.-верхн.-нем. aravanī — лат. munera; по образцу латинского media hebdomas стало применяться слово срѣда (день недели). Может быть, в связи с значением латинского слова feria („праздник, день отдыха, покой") стали применять слово недѣлю — „воскре-

сенье" (день недели). Но вероятнее предположение Фр. Миклошича о семантической связи старославянского слова недѣлꙗ, с греческим ἄπρακτος ἡμέρα — „праздничный (нерабочий) день". В таком значении употреблялось это выражение не только у классиков, но и в византийский период. Например σεπτῆς κυριακῆς ἡ ἄλλης ἀπράκτου ἡμέρας в папирусе 594 г. н. э. (H. Van Herwerden, Lexicon graecum s. v.).

В Моравии в старославянский язык приняты бывшие там в церковной практике и такие слова: комъкати — „причащать", комъкание — „причащение" (Син. тр.). В этом термине отражаются латинские communicare, communicatio.

В Моравии через немецко-латинскую среду был уже введен mъnichъ по образцу др.-немецкого munich (совр. нем. Mönch), вместо латинского monicus, а это из греческого μοναχός — „монах". Имя мънихъ, прилагат. мънишьскъ вошли и в старославянский язык (мьнишьскааго чина — Син. тр.).

Из лексики славян Моравии и Паннонии могли быть взяты и некоторые славянские слова. Такого происхождения слова амьтъ („даром", „напрасно"), ръснота („истина", „правда", „действительность"), отълѣкъ, („остаток") и некоторые другие.

§ 9. Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде сельского населения. В числе греческих заимствований были у славян города и слова городского обихода того времени. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне. Например: параскевьг'ии — παρασκευή, — в народной среде пАтъкъ („пятница"), икономъ, диꙗволъ, афедронъ и др. От греков в эту городскую славянскую среду перешли слова латинского происхождения: поганъ, олътарь.

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом.

Так, славянское сѫбота с сѫ-, а не с со- восходит к народногреческому σάμβατον, а не к книжному σάββατον; славянские заимствования с г' также свидетельствуют об этом источнике: параск'евьг'ни — нар.-греч. παρασκευγή, а не книжно-греч. παρασκευή.

Можно полагать, что и в отношении фонетики язык городского славянского населения отличался кое-чем от языка славянских деревень. Может быть, в звуковом составе языка славян города раньше, чем в деревне, стали возможны сочетания с согласными палатальными (мягкими) *к'*, *г'*, *х'*. Такие согласные были в языке старославянских переводов. В языке же славянской деревни на юго-востоке Балканского полуострова, как и у восточных славян, долее действовала прежняя фонетическая тенденция изменять *к'*, *г'*, *х'*. В давнем языковом фонде славян не было *к'*, *г'*, *х'*: вместо этих согласных в раннюю доисторическую эпоху появились *ч*, *ж*, *ш*; в более позднюю доисторическую эпоху вместо вновь появившихся *к'*, *г'*, *х'* получились мягкие *ц'*, *д͡з*, *с'*. Новые слова, появившиеся в языке славян в историческое время, — слова с *к* — *г* перед гласным переднего ряда передавались или с палатальными *т'* — *д'* (вместо *к'* — *г'*) или с *ч* (вместо *к'*), с *ж'* (вместо *г'*). Позднее появлялись в разных славянских языковых группах *к'*, *г'*, *х'*. По отдельным славянским группам происходили дальнейшие сдвиги в их образовании. Наиболее выразительны в этой позднейшей передвижке некоторые словинские говоры: čé вместо къ [de]; róče вместо roke (вин. мн.; ед. roka — „рука"); číslo вместо kíselo; šiša вместо chiša („дом") и др. Передача палатальных *к'*, *г'* посредством *ч'*, *ж'* представлена была в разное время и на славянском востоке.

В др.-русском языке были греческие имена с κυ (к'ü), κι (к'i). Мягкий *к'* передавался русскими посредством *ч*. Несколько примеров, извлеченных из летописей, из деловых документов, из писцовых книг, из топонимии:

Κυπριάνος — Чуприян, Чупро, Чуприло, Чупря, Чупрак, Чупрун, Чиприян;

Κύριλλος — Чурило, Чурилко, Чурилец;

Κύριος, Κύρ — Чур, Чурей, Чирей, Чурик; но последнее может быть вместо Κύριξ (Κήριξ);

Κυριακός — Чурьяк;

Κήριξ — Чирик, Чирей, Чирец;

Νικηφόρος — Ничипор.

Отметим еще то же явление, отразившееся на передаче финских слов: название финского племени Ижера вместо финского Inkeri (Inger); название озера Селижар, отражающееся в имени речки „Селижаровка"; другое название озера ближе соответствует финскому оригиналу: Серегѣрь — Селигер; ср. финск. Särkijäri, эст. Sär'gjär'v — „Красноглазое озеро".

Применялся и другой способ замены мягкого *к'* (*г'*) в заимствованных словах — его передавали посредством твердого *к* (*г*): др.-русск. Куприян (Купреян), Купря; Курило, Курил, Курилко; куриловица, Кур, Куряй, Курей; Курьяк, Курьян. Таким же способом передан был *к'* в тюркских словах, рано перешедших в славянскую среду: русск. *кочевать*, польск. kočovać — вместо тюркск. köč того же значения; ст.-сл. капь — вместо тюркск. kāp — „изображение", „фигура".

Палатальные *к'*, *г'*, *х'* были в языке славян солунских в IX в. Язык кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует об этом. В народной же речи юго-востока Балкан в подобных случаях были шипящие согласные (нового происхождения). Например: греческое имя Κύριξ (вместо Κίρυξ, Κήρυξ) передавалось раньше у этих славян с *ч* вместо *к'*: Чурикъ. Такая передача сохранилась в качестве нарицательного имени *чурици* — день 15 июля по старому стилю (день Кирика и Иулиты). В этот день в Македонии не работали: чтили жаркие, горячие дни, чтобы огонь не наделал бед. На произношение этого имени с *к'ü* и *к'i* указывает др.-русская передача *Кюрикъ* — *Кирикъ* (*кю*, *ки* отражают более позднюю русскую фонетику — фонетику того времени, когда в системе ее были мягкие *к'*, *г'*). Того же происхождения *ч* вм. *к'* в имени северо-западного македонского села Ничпур, от личного имени Ничипор (Νικηφόρος).

Язык первых славянских переводов представлял и такие элементы, которых не было в языке ни городского, ни деревенского славянского населения. Это был язык к н и ж н ы й, литературный, представлявший много слов, не существовавших в языке обиходном. Переводы с греческого требовали много н о в ы х с л а в я н с к и х с л о в. Образование их нередко зависело от греческого образца. Таково, например, происхождение многих сложных слов: благодѣть, греч. εὐεργέτης; благовол'еније, греч. εὐδοκία и др. Примеры иных словарных образований по греческому образцу: величати, греч. μεγαλύνειν; въдворити сѧ, греч. ἐναυλίζεσθαι; благословити, греч. εὐλογεῖν.

Того же происхождения было и слово насѫщьнын (хлѣбъ насѫщьнын) — греч. ἐπιούσιος (ὁ ἄρτος ἐπιούσιος). Ст.-слав. насѫщьнын — новообразование, произведенное в зависимости от греческой формы; представлявшей префикс ἐπι-(на-) и прилагательное οὐσιος от причастия наст. вр. глагола εἶναι, εἰμί; ὤν, οὖσα, ὄν. Глагол ἐπεῖναι имел значение „быть на чем, при чем"; прилагательнсе ἐπιούσιος — „достаточный на день". В славянском новообразовании основа причастия наст. вр. для глагола быти (сѫщ-) распространена посредством суффикса -ьн-, входившего в состав прилагательных и указывавшего на отношение к значению корня, на-сѫщ-ьн-ын.

Внесено было много греческих слов без перевода.

Кроме лексики, язык первых славянских переводов отличался от обиходной славянской речи и в синтаксисе: в переводе на славянский отражался иногда синтаксис греческого оригинала.

В старославянском языке, как языке книжном, отражались элементы греческого языка не только в словаре и синтаксисе, но и в фонетике. Константин и близкие к нему ученики в передаче греческих слов, не бывших дотоле в употреблении в речи славян Солунского района, вводили некоторые особенности фонетики греческой. Так, введен был гласный ѵ (у) в передаче греческого υ, согласный ф и междузубной спирант ѳ, соответствовавший греческому ϑ. Например: ег'ѵпьтъ, филипъ, анаѳема (см. ниже, в отделе о звуковом составе старославянского языка).

Итак, старославянский язык — это язык славянских переводов, выполненных Константином (Кириллом) и Мефодием и их учениками. В основе этого языка лежали элементы языка славянского населения Солуня и его пригорода. Кроме некоторых особенностей в лексике и в звуках, — особенностей, принадлежавших населению города, в своей основе это был язык славянского населения востока Балканского полуострова — язык славян болгарских. В отличие от обиходной речи в старославянском языке были элементы книжные — в лексике, в синтаксисе и в звуках.

§ 10. Отметим теперь некоторые черты переводческой техники первых устроителей старославянской письменности. Старославянские рукописи свидетельствуют о тонком языковом чутье первых славянских переводчиков, о их глубоком знании элементов греческого и славянского языков. „Утонченность", „ясность", „переводческое мастерство" характеризуют, по словам профессора Мюнхенского университета Е. Бернекера, славянские

переводы Константина и его близких учеников. Хотя в отношении синтаксиса и отражалось иногда воздействие греческого оригинала, переводчики стремились передавать содержание оригинала конструкциями славянского языка. Осуществляя это стремление, они не останавливались перед отступлениями в синтаксическом и лексическом отношении от греческого оригинала. Несколько примеров.

1) Следуя за содержанием текста, переводчик применял славянские формы двойственного числа в соответствии греческим формам множественного и единственного числа: съ беꙁаконьникома въмѣни сѧ („к двум беззаконникам причислился“) — μετά τῶν ἀνόμων ἐλογίσθη (Марк, 15, 38); иглинѣ оуши — τρῆμα βελόνης (Матф., 19, 24; — τό τρῆμα — „просверленное отверстие“, „дыра“, βελόνη „иголка“; в греческом единственное число); и бѣ иосифъ и мати его чюдѧшта сѧ — καὶ ἦν Ἰωσὴφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες (Лука, 2, 33) — в греческом множественное число причастия; θαυμάζω („удивляюсь“).

2) Употребляются по-славянски формы сравнительной степени в таких случаях, в которых греческий текст представлял по древнееврейскому образцу положительную степень: добрѣи ти естъ — καλόν σοί ἐστιν (Лука, 17, 2); каѣ [каꙗ] ꙁаповѣдь естъ бол'ьши въ ꙁаконѣ — ποία ἐντολὴ μεγάλη ἐν τῷ νόμῳ (Матф., 22, 36; μεγάλη — „большáя“). Иногда по славянской семантике применялась форма положительная (основная) прилагательного в соответствии сравнительной степени греческого оригинала: егда бѣ юнъ — ὅτε ἦς νεώτερος (Иоанн, 21, 18). Но при конкретном сравнении и в славянском тексте представлена сравнительная степень: чловѣкъ единъ имѣ дъва сынъ и рече юнѣи — ὁ νεώτερος (Лука, 15, 11—12).

3) В славянском языке не было членных форм (форм с артиклем). Поэтому в славянском переводе артиклевый элемент греческого имени или опускается или заменяется причастием сыи (причастие наст. вр. для глагола быти) или местоимением иже: а) οἱ γραμματεῖς — къннжьници; ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν δώδεκα — отъ числа обою на десѧте (Лука, 22, 2,4); б) οἱ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ φευγέτωσαν εἰς τὰ ὄρη — сѫште въ июдеи да бѣгаѭтъ въ горы (Лука, 21, 21); в) ὁ ἐν τῷ ἀγρῷ μὴ ἐπιστρεψάτω — иже на селѣ такожде да не въꙁвратитъ сѧ (Матф., 24, 18).

4) Звательные формы сочетания существительного и прилагательного греческого текста передаются посредством сочетания звательной формы существительного с формой именительного сложного прилагательного: κράτιστε Θεόφιλε — славьныи өео-

фило (Лука, 1, 3); διδάσκαλε ἀγαθὲ — оучителю благыи (Лука, 18, 18). Так же и прилагательное с суффиксом -ьскъ.

5) Многие отличия представляет славянский текст от греческого оригинала в отношении падежных форм:

а) После сравнительной степени употребляется форма родительного падежа: вашто пати хлѣбъ — πλεῖον ἢ πέντε ἄρτοι.

б) Родительный при глаголах боıати сѧ, плакати сѧ, бѣжати, отъметати и др.: оубоıа сѧ народа — ἐφοβήθη τὸν ὄχλον (Матф., 14, 5); оубѣжати вьсѣхъ сихъ — ἐκφυγεῖν πάντα ταῦτα (Лука, 21, 36).

в) Родительный при отрицании: не творите домоу отьца моего домоу коупльнаего — μὴ ποιεῖτε τὸν οἶκον τοῦ πατρός μου οἶκον ἐμπορίου (Иоанн, 2, 16).

6) В ряде случаев греческие конъюнктные (безударные) личные местоимения переведены самостоятельными, ударными — переведены так, чтобы подчеркнуть высказываемое; тебѣ глаголѭ — σοὶ λέγω (Матф., 16, 18); горе тебѣ хоразинъ· горе тебѣ виѳъсаида — οὐαί σοι, Χοραζίν, οὐαί σοι, Βηθσαϊδά (Лука, 10, 13).

7) В переводе греческих слов, имеющих разное значение, применяются такие славянские слова, которые точно определяют содержание текста. Например: греческое наречие δωρεάν по требованию содержания текста переведено посредством тоун'е („даром", „без платы"), в другом месте для выражения иного значения этого греческого наречия переведено посредством спыти („напрасно", „вотще"): а) δωρεάν ἐλάβετε, δωρεάν δότε — тоун'е приıасте, тоун'е дадите (Матф., 10, 8); б) ὅτι ἐμίσησαν με δωρεάν — ѣко [ıако] възнавидѣшѧ мѧ спыти (Иоанн, 15, 25).

Греческое существительное χώρα имеет значения: а) „страна", „местность" и б) „поле". В первом значении это слово переведено посредством страна; во втором — посредством н'ива.

Греческий глагол πατάσσειν переведен: а) посредством оударити кого-нибудь каким-нибудь оружием и б) посредством поразити в значении „поразить".

Греческий глагол κινεῖν — слав. а) двигнѫти, б) покывати главами в переводе κινεῖν τὰ κεφαλάς.

Глагол ἐλπίζειν переведен посредством надѣıати сѧ при сочетании с инфинитивом или с союзом: надѣıаше сѧ знамение етеро видѣти (Лука, 23, 8); мы же надѣемъ сѧ ѣко сь естъ (Лука, 24, 21). Но при сочетании ἐλπίζειν с именем (τινί, εἴς τινα) — по-славянски оупъвати: и на имѧ его ıазыци оупъваıѫтъ — καὶ ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ ἔθνη ἐλπιοῦσιν (Матф., 12, 21).

8) Стремясь к более яркой передаче текста, переводчик не довольствуется одинаковостью греческого термина, а вводит иногда суффиксальные элементы уменьшительного значения при выражении соответствующего стилевого оттенка. Так, греческому имени χήρα в славянском тексте соответствует вьдова: и та въ вьдова (Лука, 7, 12). Но в переводе выражения ἡ χήρα ἄυτη ἡ πτωχή (Марк, 12, 42—43), в славянском тексте передан эмоциональный оттенок, передан посредством суффикса -ица: вьдовица си оубогаꙗ.

9) Нередко в славянском переводе греческие слова переданы описательно: чловѣкъ добра рода — ἄνθρωπος εὐγενής (Лука, 19, 12); иже васъ безъ грѣха естъ — ὁ ἀναμάρτητος ὑμῶν (Иоанн, 8, 7) и др.

§ 11. Переводы последующего времени, выполнявшиеся в Болгарии, не стояли на той высоте, на какой находились переводы первых устроителей славянской письменности. Нередки случаи, когда переводчик, не понимая как следует греческого текста, пользовался неподходящим вариантом в значении греческого слова. Например: τρόπος („образ", „способ") переводится посредством прѣвратъ; наречие ἄνωθεν в значении времени („издавна", „в давнее время") передано съ горы и др. Такие неточности и неясность в переводе представляют славянские рукописи, возникшие в X—XI вв. на востоке Болгарии,— Супрасльский кодекс (XI в.), а также произведения выдающегося книжного деятеля Болгарии X в. экзарха Иоанна. Недостаточное внимание к смыслу греческого оригинала обнаруживается у восточноболгарских книжных людей XI в. и на следующем примере из Супрасльской рукописи: имя города Гермополя (Hermopolis, недалеко от левого берега Нила) переведено как имя нарицательное: „пустой город". савинъ... поуста града прѣвын блага рода сы (145) ...τῆς ἑρμουπόλεως. Переводчик греческое ἑρμου(ἑρμος) понял как прилагательное ἔρημος — „пустой", „безлюдный". В своем предисловии к переводу произведения Иоанна Дамаскина Иоанн экзарх указывает на трудности перевода. Эти трудности заключаются и в значении и в форме слов: слово одного языка „красиво", а соответствующее ему слово другого языка серо по своему значению; слово в одном языке мужского рода, а в другом ему соответствует слово женского рода: иже глъ (глаголъ — „слово") въ иномь ѩзыцѣ красьнъ, то въ дроузѣмь не красьнъ· иже въ иномь страшьнъ, то въ дроузѣмь нестрашьнъ· иже въ иномь чьстьнъ, то въ дроузѣмь нечьстьнъ· и еже има моужьско, то въ иномь женьско, якоже

се грьчьскыи ватрахос [βάτραχος] и потамосъ [ποταμός], словѣньскы жаба и рѣка... и пакы глемъ еллиньскы пантъта та езни [πάντα τά ἔθνη], а словѣньскы вси ѩзыци. Основательно замечал экзарх, что следует соблюдать смысл, содержание, а не форму слова: не бо ѥсть льзѣ вьсьде съмотрити еллиньска гла („слова") нъ разоума ноужде блюсти (по русскому списку XII в.). Но все-таки он уступал форме „елинского глагола". Так, греческое τὸ τάλαντον он перевел формою среднего рода таланьто.

В такой же форме передано это имя и в Супрасльской рукописи — ѥмоу же вържено ѥдино таланъто. Но во множественном числе форма образована по мужскому роду: таланти бо сьде сѫтъ (378).

Памятники письменности, появлявшиеся на востоке Болгарии, отличались не только тем, что качество перевода было ниже основных славянских переводов, но и тем, что современная славянская речь списателей, отражавшаяся в них, обусловила значительные отступления от более раннего типа книжного языка — более значительные, чем те, которые представляют глаголические рукописи болгарского юго-запада (Македонии). О фонетических и морфологических изменениях языка старославянских памятников говорится ниже, в отделах старославянской фонетики и морфологии. Здесь отметим некоторые отличия восточноболгарских памятников письменности в лексикальном отношении. Несколько примеров.

Глаголические рукописи	Кириллические рукописи
вълаѭти сѧ	погрѫжати сѧ
гоумьно	токъ
достоѣние	наслѣдиѥ
дрьколь	жрьдь
драселъ, драхлъ („печальный")	сѣтьнъ
жрьтва	трѣба
искони	испрьва
искрь, искрьнии	блиꙁъ, ближьнии
клеврѣтъ	подроугъ
natroути	напитѣти, капитати
наоустити („подстрекнуть")	наꙁадити
ради	дѣлѧ
скълаѕь („монета", др.-в.-нем. skilling)	цатѧ
сънимъ	съборъ

§ 12. Супрасльская рукопись — памятник, написанный на **востоке** болгарской области, представляет и такие указания в лексическом отношении: в нем находятся некоторые слова (тюрко-болгарского происхождения), отсутствующие в языке других старославянских памятников; на востоке Болгарии тюркское воздействие на славянскую среду было более значительно, чем на юге и на западе страны.

капь — „образ", „изображение", „идол"; капиште — „место, где находятся капи (или капь)", или же этим словом называется самое изображение: кназъ рече· имъ· пожьрѣте великоуоумоу богоу іраклю терентии рече· сии бо бози' аже мънимии каменню и дрѣво и мѣдь и желѣза сжтъ... и не прѣпьрнши насъ капиштемъ неүнстомъ поклонити са; kep, kāp — „форма", „образ" находится в разных тюркских языках; существовало оно и в тюрко-болгарском, как может указывать мадьярское kér, перешедшее к мадьярам от тюрков-болгар еще в то время, когда предки мадьяр находились на востоке Европы.

болıаринъ. В этом слове, распространившемся и в сербской среде, отражается тюркское слово boj — „рост", „вышина", bojlu — „рослый" или baj — „богатый", „знатный", bajan, bajar — „богатый", „властитель". Тюркского происхождения и вост.-слав. боярин.

былıа = комисъ, греч. κόμης — „вельможа", „боярин". Тоже тюрко-болгарского происхождения. Из тюркской среды это слово заимствовано было и на славянском востоке. Из тюркских языков соответствующее слово представляет орхоно-тюркск. boila или buila. Корень тот же, что и в болярин.

Некоторые из лингвистов полагают, что тюркского происхождения был также суффикс -үин. В словах на -үин старославянских памятников (самьүин — „сановник", „управитель"; сокаүин — „повар"; шарьүин — „художник"; кръмьүин — „кормчий"; кънигъүин — „книжный человек") отражается тюрко-болгарский суффикс -či. Продуктивность иноязычного суффикса (-či) свидетельствует о ряде заимствованных слов с этим суффиксом: от таких слов и отвлечен был суффикс и применялся к основам традиционного (славянского) языка. Но давних тюркских заимствованных слов с -či язык славян болгарских не представляет. К таким словам относится только, может быть, самьүин. Вероятнее полагать, что -үин суффикс давний славянский, представлявший собою объединение суффиксов -ък- (-ьк-) с -ii (sǫd-ii, ba-lii).

§ 13. В лингвистике нет одного установившегося н а з в а н и я по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов. Одни из лингвистов называют этот язык древнецерковнославянским. Но такое название недостаточно определенно: церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и позднее.

Некоторые пользуются термином „древнеболгарский". Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары". Но этим термином надлежит пользоваться в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими: язык кирилло-мефодиевских переводов в своем звуковом составе, в своих формах представляет данные для суждения о языке этих славян во второй половине IX в. Но сам по себе термин „древнеболгарский" недостаточно удовлетворителен по отношению к языку этих славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собою не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя „болгары". Но и позднее, как и в IX в., это население все еще называлось „словенами". Такое название держалось за ними и в Болгарии и за пределами ее — в Греции, в Албании. Исторические источники называют язык кирилло-мефодиевских переводов „словенским": словѣньскы кънигы (жития Константина, Мефодия, статья Храбра); Константин и Мефодий перевели книги от елиньска ѩзыка, еже есть грьчьскъ, на словѣньскъ (Иоанн экзарх); litteras... sclaviniscas a Constantino quondam philosopho repertas (в письме папы Иоанна VIII, 880 г.).

Более удовлетворительным считаем термин „старославянский" („старословенский"), хотя и он не вполне удачен: термин не определяет, к какой именно славянской группе относился этот язык в своей основе. Но этот термин указывает на лингвистическое значение этого языка для исторического изучения славянских языков.

§ 14. Значение изучения старославянского языка весьма важно в системе славянского языкознания. Во второй половине IX в., когда происходила фиксация элементов языка солунских славян в письменности, славянские языковые группы были еще мало дифференцированы: в своей основе они представляли одинаковые черты в звуках, в формах, в лексике. Черты различия были, но

их было немного. Поэтому-то так велико значение показаний старославянского языка как документального источника для исторического изучения славянских языков.

И в другом отношении важно изучение старославянского языка для истории отдельных славянских языков. Рукописи на старославянском языке распространялись в разных славянских областях — не только в Моравии, в Чехии, в Паннонии, но и в Болгарии, у сербов и хорватов, у восточных славян. Книжные люди усваивали тип этого языка, как языка литературного. Некоторые черты его вносились в чешский, сербский, хорватский, русский языки при применении этих языков в письменности. Некоторые слова с чертами старославянского языка распространялись и в народной среде на юге и на востоке у славян.

Рукописи на старославянском языке были образцами для книжного языка у сербов, хорватов, у русских. Памятники церковной письменности сербо-хорватской и русской писаны на основе языка старославянского со внесением тех или иных черт языка писца — серба, хорвата, русского. При лингвистическом изучении памятников церковной письменности сербо-хорватской или русской как источника для истории этих языков необходимо выделить их старославянскую основу, чтобы получить нужные сведения о чертах языка писцов памятников сербо-хорватских или русских.

§ 15. Одни из сохранившихся памятников старославянского языка писаны глаголицей, другие — кириллицей.

В отношении памятников, писанных глаголицей, отметим следующее. Один из них, Киевские листки, представляет наиболее древние начертания букв глаголицы. Так, в написании для *л* верхняя часть заканчивается петлей вверху и не соединяется с левой нижней петлей: Ⰾ В начертании для *м* нижние петли разветвляются не у самой верхней линии, а несколько ниже: Ⰿ Для передачи гласных *ъ*, *ь* служит модификация знака Ⱁ (о): Ⱏ для *ъ*, Ⱐ для *ь*.

В других глаголических памятниках отражаются позднейшие изменения: в написании для *л* верхняя часть соединяется с нижними петлями: Ⰾ; для *м* нижние петли начинаются у самой верхней линии: Ⰿ; в знаках для *ъ*, *ь* нижний овал перекинут направо: Ⱏ, Ⱐ и затем основа буквы получила вид цифры „8“: Ⱏ, Ⱐ. Но в разных глаголических рукописях встречаются и более древние начертания, иногда в переходном виде.

ⰰ	1	а	ⱅ	300	т
ⰱ	2	б	ⱆ	400	оу
ⰲ	3	в	ⱇ	500	ф
ⰳ	4	г	ⱒ	600	х
ⰴ	5	д	ⱉ	700	ѡ
ⰵ	6	є	ⱋ	[1]	шт
ⰶ	7	ж	ⱌ	900	ц
ⰷ	8	ꙃ ѕ	ⱍ	1000	ч
ⰸ	9	ꙁ	ⱎ		ш
ⰹ	10	ї	ⱏ		ъ
ⰻ	20	и	ⱏⰺ		ъı
ⰺ	10	і	ⱐ		ь
ⰼ	30	ђ	ⱑ		ѣ
ⰽ	40	к	ⱓ		ю
ⰾ	50	л	ⱘ		ѫ
ⰿ	60	м	ⱙ		ѭ
ⱀ	70	н	ⱔ		ѧ
ⱁ	80	о	ⱗ		ѩ
ⱂ	90	п	ⱑ		ꙗ
ⱃ	100	р	ⱛ		ѵ
ⱄ	200	с			

Глаголическая азбука по письму Зографского евангелия.

В Киевских листках для носового гласного переднего ряда служит один знак: ⱗ. Более позднее явление отражается в раздвоении этого знака: ⱗ стал употребляться в соответствии ѩ кириллицы, а правая часть глаголического знака, ⱔ стала применяться в соответствии ѧ кириллицы (в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом кодексах, в Клоцовом сборнике, в Синайском требнике, в Македонском листке).

[1] Глаголическая буква ⱋ (кирилл. щ) в Зографском кодексе не встречается. Цифровое значение глаголической буквы ⱋ — 800.

А 1 Б В 2 Г 3 Д 4 Є 5 Ж Ѕ 6 З 7 И 8 І 10 К 20

Л 30 М 40 Н 50 О 70 П 80 Р 100 С 200 Т 300 ОУ 400

Ф 500 Х 600 Ц 900 Ч 90 Ш Щ Ъ ЪІ Ь Ѣ Ю Ꙗ

Ѥ Ѧ Ѩ Ѫ 900 Ѭ Ѯ 60 Ѱ 700 Ѿ 800 Ѳ 9 Ҁ 90

КА Мцато страстаагомѧка нєа

Азбука кириллицы по письму Остромирова евангелия (мелкий почерк).

Архаичны и языковые черты Киевских листков. Это — единственный из группы старославянских памятников (сюда не относятся памятники XI в. восточнославянские), в котором ъ, ь не утрачены, не заменены другими гласными, не смешиваются (кроме двух случаев местоимения въсѣхъ вместо вьсѣхъ).

Характерной чертой языка этого памятника является ц вместо давних tj и kt' (gt'), з вместо давнего dj, в соответствии щ (шт), жд языка кирилло-мефодиевских переводов: овьцѣниѣ (овьщѣниѣ — овьщании), подазь (подаждь). Эта черта указывает на западнославянское происхождение Киевских листков, в частности на область чешско-моравскую. Содержание памятника, месса по римскому обряду, также свидетельствует о связи его с Западом.

Итак, один из наиболее архаичных глаголических памятников происходит из области, близкой к той, где проходила деятельность Константина, Мефодия и их учеников. Можно полагать, что он написан был в X в.

Другие старославянские глаголические рукописи указывают на македонское происхождение их писцов. Так, они все представляют примеры изменения *ъ*, *ь* в сильном положении в *о*, *е*. В отношении времени написания этих памятников полагаем, что они относятся к XI в.

§ 16. В числе памятников кириллических есть один с датой, 993 г. (6501—5508); это надпись на намогильном камне, сделанная по распоряжению западноболгарского царя Самуила. Прочие памятники, писанные кириллицей, относятся к XI в., как можно полагать на основании указаний языка их. Их писцы были не из Македонии, а из восточной Болгарии.

Языковые элементы кириллических памятников заключают в себе меньше архаических слоев языка предшествующих оригиналов по сравнению с памятниками глаголическими. Так, например, в глаголических памятниках находятся формы простого аориста (типа могъ). В кириллических они редки; в Супрасльской рукописи совсем отсутствуют. Или сравните передачу форм имперфекта 2 л. множ. и 2—3 л. двойств. ч.: в одних глаголических памятниках употребляются эти формы только с окончаниями -шете, -шета (Зограф., Сборник Клоца); в других при формах с этими окончаниями находятся новообразования с аористными окончаниями -сте, -ста. Но эти новообразования в меньшинстве (Мариин., Ассеман.). В кириллических памятниках формы на -шете, -шета или совсем не встречаются, будучи заменены новыми формами на -сте, -ста (вост.-слав. рукопись — Остромирово ев.), или -шете, -шета употреблены только в немногих случаях (Супрасльская рукопись).

Эти наблюдения относительно места происхождения глаголических и кириллических памятников старославянской письменности и относительно общего характера графики и языка их следует учесть при решении вопроса, какая азбука была древнейшей.

Появление азбуки для одного из славянских языков было связано с переводческой деятельностью Константина и Мефодия. Какая же азбука, кириллица или глаголица, была составлена ими? Для ответа на этот вопрос следует предварительно определить

источники той и другой азбуки, выяснить взаимоотношения кириллицы и глаголицы, принять во внимание область, где применялось глаголическое и кириллическое письмо, учесть палеографические и лингвистические черты старославянских памятников.

§ 17. **Источник кириллицы** ясен: это — греческое унциальное письмо торжественных книг.

Греческий унциал имел неодинаковый вид на протяжении VII — X вв. Более ранний унциал с кругами и квадратами, с прямо стоящими буквами заменился в VII—IX вв. унциалом, несколько наклоненным вправо, с овалами и прямоугольниками. В X в. буквы опять стали прямыми. Но остроконечность, овальность и прямоугольная форма их удерживаются. Вот этого-то вида унциалы X в. и легли в основу кириллицы — тех букв ее, которые взяты из греческого письма. Такими буквами являются следующие: а, в, г, д, е, ꙃ, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, ѡ, ѯ, ѱ, ѳ, ѵ (v). Ср. снимки греческого и кириллического письма. В зависимости от греческой азбуки находятся два знака для гласного і: и, і (в греческом письме некогда они передавали разные гласные: и = ē, который позднее изменился в і; а і служило издавна для гласного і). В той же зависимости и две буквы для гласного о: о, ѡ. (В греческом письме о — ὂμικρόν, т. е. „о малое", служил для передачи краткого ŏ, а ω — ὦμέγα, т. е. „о большое", употреблялся для передачи долгого ō).

Как в греческом письме, гласный *у* передан двумя буквами: оу. Сокращенным написанием для оу служил знак ꙋ: ꙋмѣете, наꙋчите сѧ (Савв. кн.), юмꙋ (Супрасльская рук.). Знаком ꙋ пользовались иногда в конце строки: юмоу рекꙋ ||; съкрꙋ || шаюмъ (Супрасльская рукопись).

Из греческого письма взяты ѕ в значении „6" и ҁ в значении „90".

Греческие буквы дополнены другими, которые нужны были для передачи славянских звуков. К таким буквам относятся следующие: б, ж, ꙃ, ц, ч, ш, щ, ъ, ь, ꙑ (ъи), ѣ, ю, ѫ, ѧ. В рукописях имеются еще буквы ѥ, ꙗ, ѭ, ѩ. Но есть основание полагать, что в начальном составе кириллицы этих букв не было.

Какой источник тех букв кириллицы, которые дополнял и греческий алфавит? Ответ на этот вопрос будет дан после определения происхождения другой славянской азбуки — глаголицы.

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.			ГРЕЧЕСКОЕ.
Буквы.	Название.	Знаки старшіе и младші	Курсивъ.
a	азъ		
b	боукы		
g	глаголи		
d	добро		
e	есть		
dz	ѕѣло		
ï	иже		
i	ижеи		
k	како		
l	людие		
m	мыслите		
n	нашь		
o	онъ		
p	покои		
r	рьци		
s	слово		
t	тврьдо		
f	фрьтъ		
x	хѣръ		
ō	штъ		
θ	дита		
v	вѣдѣ		
	—		

Глаголическое и греческое письмо.

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.			ГРЕЧЕСКОЕ.
Буквы.	Названіе.	Знаки старшіе и младшіе.	Курсивъ.
ž	живѣте	[illegible]	= τσ
z	ꙁемлꙗ	[illegible]	= θσ
dj	ꙉа	[illegible]	= δι
	(ꙉрьвъ)	[illegible]	= τυ
u	оукъ	[illegible]	{ θθ = οο; θυ = ου }
š	ша	[illegible]	ω σσ (= σσ)
št	шта	[illegible]	(= σσ/τ = σστ)
c(ts)	ци	[illegible]	q q (= σ/τ = τς)
č	чрьвь	[illegible]	= σσ/τ = τσσ
i	иже	[illegible]	8 (= ει = ει)
ě(ja)	ѣть	[illegible]	{ θ + σ = ει + ε; θ + α = ει + α }
ju	ю	[illegible]	υο = υα
ę	юсъ	[illegible]	= σμ = εν
ǫ	юсъ	[illegible] = 8 + є	= θ + εν
ü	ижица	[illegible]	ει/υ = υει
o/ŭ	еръ	[illegible] = ο + 8	ο + ει
y	еры	[illegible]	= ο + ει + η
e/ĭ	ерь	[illegible] Т = σ + 8	ε + ει
ję	юсъ	[illegible] = э · є	= ε + εν
jǫ	юсъ	[illegible] = ϒ + є	= η + εν

Глаголическое и греческое письмо (окончание).

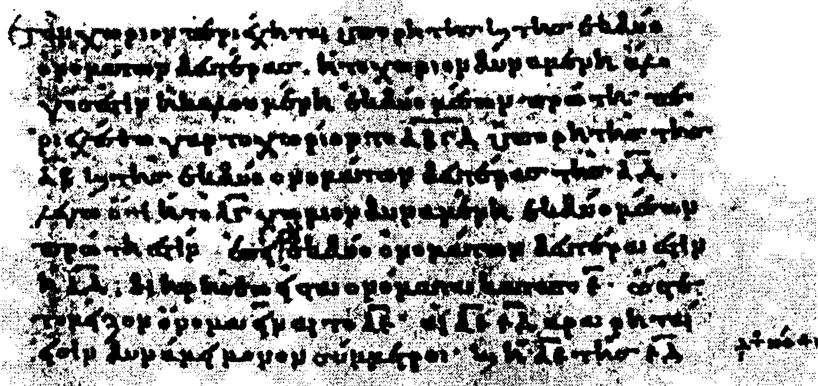
ΙΣ ΠΡΟΤ ΧΥ ΓΕΝΝΗ

ΕΚ ΚΣ ΜΑΤ

ΙΒΛΟΣ ΓΕΝΕΣΕ
ΩΣ ΙΥ ΧΥ ΥΥ ΔΑΔ
ΥΥ ΑΒΡΑΑΜ· ΑΒΡΑ
ΑΜ ΕΓΕΝΝΗΣΕ
ΤΟΝ ΙΣΑΑΚ· ΙΣΑ
ΑΚ ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ
ΤΟΝ ΙΑΚΩΒ· ΙΑΚΒ
ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ
ΤΟΝ ΙΟΥΔΑΝ ΚΑΙ
ΤΟΥΣ ΑΔΕΛΦΟΥΣ

Греческий унциал X века.

Греческий минускул IX века.

§ 18. Источник глаголицы долгое время был загадочным. В отдельных глаголических буквах уже в конце XVIII—в первой половине XIX в. видели видоизменение греческих букв. В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тэйлор (Isaak Taylor) попытался для всей глаголической азбуки определить источник — греческое минускульное письмо. Эти попытки представлены в его статье „Ueber den Ursprung der glagolitischen Alphabet" („Archiv für slavische Philologie", т. V) и во 2-м томе его труда об алфавитах („The Alphabet", II, 201—207, London, 1883). Мысль Тэйлора о греческом источнике глаголицы принята была профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым („История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы", Казань, 1886) и проф. И. В. Ягичем. Последним в особенности много сделано по изучению глаголического письма. См. его фундаментальный труд „Глаголическое письмо" („Энциклопедия славянской филологии", вып. 3. Графика у славян, Пб. 1911). Беляев и Ягич во всех знаках глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма и их комбинацию (лигатуры). См. таблицы, представленные в книге Ягича.

Несомненно, основным источником глаголицы были греческие минускулы. Но в объяснения Тэйлора, Беляева и Ягича следует внести изменения и поправки не только в отношении греческих источников для отдельных глаголических букв, но и в отношении всей системы азбуки: в ней отразились элементы и негреческого письма.

	Греческие курсивные и минускульные буквы VIII—IX—X стол.	Глаголические буквы древнейших памятников X—XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы IX—X стол.
[illegible]	[illegible]	[illegible]	А А А А Ꙗ Ꙗ	А А
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Б Б Б	Б Б Б Б
[illegible]	[illegible]	[illegible]	В В В	В
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Г Г Г	Г
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Д Д	Д
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Є Є Є Є Є Ѥ Ѥ	Є Є
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Ж Ж Ж Ж	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Ѳ Ѳ	Ѳ
[illegible]	[illegible]	[illegible]	З З З	З
[illegible]	[illegible]	[illegible]	З Ч Ч Ч Ч	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	І І	І
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Н И Н	Н

Глаголица, кириллица, греческие минускулы и унциалы в сопоставлении И. В. Ягича.

	Греческие курсивные и минускульные буквы VIII—IX—X стол.	Глаголические буквы древнейших памятников X—XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы. IX—X стол.
γ				
κ			К К К	К
λ			Λ Λ Λ	Λ Λ
μ			М М М М М	М
ν			N N	N
ο			О О О	О
π			П П	П
ρ			Р Р Р Р	Р
σ			С С С	С С
τ			Т Т Т	Т
υ, ου			ОУ Ѵ Ѵ ОѴ	ОѴ Ѵ
φ			Ф Ф	Ф
χ			Х Х Х	Х
ω			Ѡ Ѡ	Ѡ
σσ			Ш Ш Щ	

Глаголические буквы древнейших памятников X–XI стол.		Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы IX–X стол.
		ъ ъ ъ ъ	
		ь ь ь	
		ѣ ѣ ѣ ѣ	
		ю ю ю	
		ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ	Α Α
		ѫ ѫ ѫ ѫ ѫ	
		ѭ ѭ ѭ	
		ѯ ѯ ѱ ѱ	ξ ξ ξ ψ ψ

Латинские буквы курсивного письма VI–VIII стол.

at era en e it posui pro t sign d

en est eu receptum noster stetuit

abyssus mens penetrat ra bi li ter urguem

Несколько албанских букв

Для большинства знаков глаголицы послужило греческое минускульное письмо. В конце VIII — начале IX в. на смену износившемуся, трудно читавшемуся скорописному греческому письму деловых грамот появился более четкий, плавный минускул. В начертания его букв вошли отдельные буквы минускульной скорописи. Отразились в нем и некоторые элементы унциального письма. Минускулами писали деловые грамоты. Реже его применяли для книг церковного обихода: для этой цели употребляли попрежнему унциал.

Вот этот минускул с некоторыми элементами скорописи и положен был в основу большинства букв глаголицы.

Многие знаки глаголицы характеризует петлеобразный рисунок их. Тенденция к петлям отражалась, хотя и не систематично, и в греческом курсиве. Если учесть эту стилевую черту глаголицы, то в ряде букв ее ясно вскроется основа их. Так, сравните минускуло-скорописные греческие буквы и глаголические, развернув в последних петли, отсутствующие в греческих соответствиях:

Греческие	β	γ	δ	λ	μ	ο	π	χ	ω	υ
Глаголическ.	Ⰲ	Ⰳ	Ⰴ	Ⰾ	Ⰿ	Ⱁ	Ⱂ	Ⱈ	Ⱉ	Ⰹ

Ср. переработку минускульного ɩ: в глаголице она получила вид такой: Ⰻ и Ⰺ.

В зависимости от греческой азбуки в глаголице были два знака для і: Ⰹ („иже на круге") и Ⰻ. Может быть первоначально эти знаки для і в глаголице применялись так: Ⰻ в начале слова и после гласного, а Ⰹ — после согласного. Третий знак для і в глаголическом письме Ⰺ был введен позднее. Он представлял собою видоизменение знака Ⰻ. На то, что в первоначальном составе глаголицы „иже на ножке" отсутствовал, может указывать то обстоятельство, что он не имел цифрового значения. (Буквы же Ⰻ и Ⰹ имели такое значение: Ⰻ — „10", Ⰹ — „20").

Как в греческом письме, в глаголице есть две буквы для о. По греческому образцу для u (у) служит соединение двух знаков: *о* и *у*: глаголическое написание Ⱆ является упрощением сочетания двух букв Ⱁ и Ⰹ, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листков.

Неясно происхождение особого глаголического знака для *х*, в виде паукообразного начертания См. таблицу на стр. 45. В Синайской псалтыри такой *х* встретился дважды на *л.* 149— в написании слова хлъми. Для славянских звуков глаголические буквы составлены из элементов разных источников.

1) Подверглись изменению некоторые буквы. Так, для носового гласного заднего ряда служила буква ЭЄ; для носового гласного переднего ряда буква ЗЄ. В состав этих букв вошли Э (о) и З (е), дополненные справа значком Є — значком, который указывал на носовой элемент в образовании этих гласных. Иногда Є писали вместо Р (н) перед задненебным согласным. Таково написание н в слове Є Э (лѧгѣлъ) в Синайской псалтыри.

Буквы для редуцированных гласных (в кириллице ъ, ь) представляли собою модификацию Э: (кириллич. ъ), Э (кириллич. ь); о дальнейшем изменении этих написаний указания были сделаны выше (→ , →).

Буква для гласного среднего ряда ы составлена из двух букв: из Э, 8 (кириллич. ъ) и из 8 (ѵ), 8: , Э 8 (кириллич. ы, ън).

Для *шт' (шч)* служили знаки Ш или один знак Щ (кириллич. щ), представлявший собою комбинацию ш и (т) или ш и (ч).

2) Для других славянских звуков источник был иной — древнееврейское письмо, главным образом в его самаритянской разновидности, и, может быть, коптское письмо. Древнееврейским письмом составитель глаголицы пользовался и для некоторых звуков, для которых имелись соответствующие знаки в греческой азбуке. Но по тем или иным соображениям составитель глаголицы предпочел в этих случаях воспользоваться не греческим, а восточным источником.

Из самаритянского источника взята была основа для (кириллич. ц). Об этой связи свидетельствует одинаковость рисунка букв глаголического и еврейско-самаритянского („tsade") в конце слова (при письме справа налево).

В еврейском письме была и иная разновидность для „цаде": в середине слова рисунок напоминал бокал: — рисунок, послуживший, может быть, для глаголического (кириллич. ч). Но возможно, что для этой буквы принята была во внимание буква коптского письма Щ („шеи")

Для глаголического ш послужил, несомненно, древнееврейский „шин" в его самаритянском виде. Сходство обнаруживается и в

א
ב
ג
ד
ה
ו
ז
ח
ט
י
כ
ל
מ
נ
ס
ע
פ
צ
ק
ר
ש
ת

Самаритянское письмо.

деталях: в глаголическом письме ▪ был короче других букв, занимал только $^3/_4$ верхней части строки, не доходя своим основанием до линии оснований других букв,— не доходил, как и в самаритянском письме. На древнееврейский источник этих букв может указывать и порядок этих букв в системе азбуки: ⱛ — ⱋ — Ш.

Еврейско-самаритянское письмо послужило образцом и для таких букв глаголицы.

Глаголический ⰼ (кириллич. г') близок к самаритянскому „jod" ⱖ — во всяком случае ближе, чем к греческому сочетанию двух букв γι.

Восточного происхождения и знаки Э (е), ⰽ (к). Своею открытостью влево они обнаруживают их связь с таким письмом, которое производилось справа налево, т. е. с письмом древнееврейским. В основу Э была положена самаритянская буква „hē" ३ В самаритянском письме знак „he" обозначал собою узкий гласный *е*, а также *ja*. Возможно, что составитель глаголицы для славянского гласного *е* воспользовался самаритянским письмом потому, что хотел отметить палатальный элемент при славянском *е*,— элемент, отсутствующий в греческой передаче посредством ε: по-славянски je (jε-) в начале слова, мягкость согласного перед *е*.

В отношении глаголического ⰽ (к) следует иметь в виду не только открытость его влево, но и разрыв в написании. Это — черта древнееврейской азбуки в отношении ряда букв, в частности буквы „коф" („koph"): ק. Она и послужила для глаголического ⰽ — послужила, вероятно, потому, что выражала собой глубоковелярный *к*; греческая же „*κάππα*" (*к*) могла выражать разные согласные: велярные и палатальные.

ⰲ (кириллич. в). Может быть, по образцу самаритянского ᵿ Общим в глаголической и самаритянской букве является не только геометрическая форма рисунка, но и числовое значение их: „2".

ⰺ (кириллич. и). Начертание этой буквы далеко от курсивного η, с которым связывал его проф. Ягич. В этой букве обращает на себя внимание верхняя часть ее: треугольник, обращенный основанием кверху. Так писался древнееврейский „ảjin"— такой же треугольник с хвостом внизу. В глаголице сходны написания ⰺ (и) и ⱄ (с). Это сходство не случайно: в нем отразилось воздействие самаритянской азбуки, в которой самех" („samech") и „ảjin" находились рядом и имели похожие начертания.

Коптское письмо.

Для глаголической буквы Ⰶ (кириллич. ж) образец был взят, повидимому, из коптской азбуки: ϫ („джанджа“).

Может быть и для Ⱋ послужил коптский источник ϣ („щеи“).

Глаголический Ⱏ (кириллич. ъ и ы). Источник неясен. Следует обратить внимание на общую черту в рисунках букв, указывающих на палатализацию согласного или на j (ĭ), на черту в виде треугольника или его изменения: Ⱓ (кириллич. ю), Ⱗ (кириллич. ѭ). Вероятно, такой частью написания эти буквы объединялись с Ⰺ (і).

Из других мнений о происхождении глаголицы отметим такие:

Л. Гейтлер (L. Geitler) в своей работе „Die albanesischen und slavischen Schriften“ (Wien, 1883) полагал, что некоторые буквы глаголицы связаны были не с греческим письмом, а с албанским. Таково происхождение глаголических Э, Є, Ⰶ и некоторых других.

Нет никакого основания полагать, что особые албанские письмена были уже в IX в. Образцы албанского письма, которыми пользовался Гейтлер, не восходили ко времени более раннему, чем XVIII в., и происходили от греческого курсива того времени. О них см. в статье (в отчете об экспедиции в Албанию) Gj. Pekmezi („Anzeiger der Akademie der Wissensch., Philos.-histor. Klasse“, Wien, 1901, № IX, 39 след.). См. также критический анализ, произведенный Ягичем в „Archiv für slav. Philologie“,

VII, 444—479 и в „Четырех критико-палеографических статьях" (Пб. 1884, 113—184).

Произвольно и случайно объяснение букв глаголицы из готского рунического письма. Такое предположение было высказано И. Ганушем (J. Hanuš) в ряде его работ о славянских азбуках: 1) Zur slavischen Runenfrage... в издании „Archiv für österreich. Geschichte", XVIII, Wien, 1857; 2) Zur Glagolica-Frage („Slavische Bibliothek", которую издавал Fr. Miklosich, II, Wien, 1858). Та же мысль была высказана А. Хомяковым в письме к К. С. Аксакову („Русская Беседа", V, 1859, стр. 1—12). О связи глаголицы с рунами думал и И. Гам (J. Ham), „Postanak glagoljskoga pisma u svijetlu paleografije", в журн. „Nastavni Vjesnik", Zagreb, XLVI, 1937—1938).

Так же безосновательно было и мнение Вс. Миллера о связи некоторых глаголических букв (ш, ф и др.) с авестскими и со знаками на сассанидских монетах (в статье Миллера „К вопросу о славянской азбуке", в „Журнале Мин. нар. просв.", 1884, т. CCXXXII, 1—35).

На основании случайного и отдаленного сходства некоторых букв глаголицы с буквами армянского и грузинского алфавитов высказаны были гипотезы о кавказском источнике славянской азбуки М. Гастером и Р. Абихтом. 1) M. Gaster, „Ilchester Lectures on grecko-slavonic literature and its relations to the folklore of Europe during the middel ages" (London, 1887, 209—229); 2) R. Abicht, „Ist die Ähnlichkeit des glagolitishen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?" (Leipzig, 1895). Несостоятельность объяснений Гастера и Абихта показана была В. Вондраком в „Archiv für slav. Philologie", XVIII, 542—544 и в „Časopis Českého musea", LXV, 1896, 282—295.

Были попытки связать глаголицу с знаками письма у хозар и народов Кавказа. 1) М. Оболенский, Исследования и заметки по русским древностям (Пб. 1875, стр. 119—243, 245, 431—435); 2) Н. Грунский. Нова теория про походження глаголиці („Записки історично-филологичного відділу", Украинской академии наук, XIX. Київ, 1928, стр. 266—267).

C. Wessely („Glagolitisch-lateinische Studien", в изд. „Studien zur Palaeographie und Papyruskunde", Heft XIII, Leipzig, 1913) высказал мнение о происхождении глаголицы из латинского курсива IV — VI вв.

Была также попытка найти источник для глаголицы на Западе.

Ф. Ф. Фортунатов полагал, что глаголица была связана с греческими минускулами, но некоторые знаки ее составлены были по образцу коптского письма: ш из коптского Ϣ (шеи), ⰶ из коптского Ϫ (джанджа); глаголический ⱈ (х) из коптского „хеи“; в знаках ⱑ (ѣ) и ⱋ (щ), в первой части их, отражается нижнеегипетский курсивный *i* (Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVIII, 1913, кн. 4, 221—256, и в „Отчете Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1913).

§ 19. Буквы глаголицы и кириллицы по образцу греческого алфавита могли иметь числовое значение. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак ~, а по бокам писались точки: ·ⰰ҃·, ·а҃·. В применении букв в значении цифр глаголица более самостоятельна, чем кириллица, В глаголице цифровое значение имеют буквы алфавита и те, которым были соответствия в греческом алфавите, и те, которым не было там соответствий. ·ⰰ҃· — 1, ⰱ҃ — 2, ⰲ҃ — 3, ⰳ҃ — 4... В кириллице цифровое значение имеют только те буквы, которые взяты были из греческого алфавита: а҃ — 1, в҃ — 2, г҃ — 3... Из других букв только ѧ҃ употреблялось в значении „900“; под влиянием глаголицы такое цифровое значение получила позднее буква ц.

В кириллических памятниках употребляется ѕ (ѕ҃) в значении цифры „6“. Для „90“ введена была греческая коппа ϟ. В более позднее время для обозначения этого числа стала применяться ч (видоизменение буквы ч).

При обозначении чисел от 11 до 19 знак для единиц стоит перед десятью: ⰱ ⰹ — в҃і = 12. Реже применялся иной порядок: ⰹ ⰱ

При следующих десятках единицы писались после цифры десятка: ⱀ҃ ⰳ҃ — н҃д = 54.

Тысячи обозначались цифрой единиц со значком ҂ перед а в.: ҂а — 1000, ҂в — 2000...

§ 20. В глаголице и кириллице употребляются над буквами значки ', ⁀, ~. Особо выделяются Киевские листки своими значками над буквами гласных звуков — значками, указывающими, может быть, на количество (на долготу) слога и на ударение его.

Значки ' или ˜ употреблялись в старославянских памятниках для обозначения мягкости согласных, в особенности мягкости р, л, н: р', л', н': вол'а, мор'е, н'ива (н'ивы — Супрасльская рукопись). Также при к', х': ꙁак'ъх'ве, к'есар'ь. Для мягкого г' в гла-

голице была особая буква ꙉ; в кириллице употреблялась буква г' или г: параскевьг'ни — параскевьгни.

Другой способ передачи мягкости согласного — написание йотованного гласного ю, ѩ, ꙗ (ѧ в глаголице = ꙗ в кириллице). Иногда оба способа объединялись: вол'ꙗ.

По греческому образцу писали ‘ над начальным гласным слова, а иногда и над другими гласными: ѿтъ иꙁбытка; иже хощетъ; еже естъ; абие; глоухыѧ (Савв. кн.).

Надписные значки в памятниках XI в. пишутся иногда при пропуске гласных ъ, ь: м'нѣ, д'нo, м'ногъ...

По греческому образцу некоторые слова передавались на письме в сокращенном виде. В таком случае над ними писали титълъ, титла (гр. τίτλος). Вид титла был не одинаков: ~, ⁻, ⁻. Под титлами писали слова, часто применявшиеся в определенной сфере языка средних веков. Например:

бъ, бѧ (род. ед.), бе (зват.) — сокращенная передача слова богъ, бога, боже подобно греческим письменным передачам слова θεός: θς, θυ, θε; господь, господинъ: гь, гъ (для передачи господинъ) — греч. κς (κύριος); доухъ: дхъ — греч. πνα (πνεῦμα).

Были и другие слова, часто встречавшиеся в речи и потому передававшиеся на письме под титлами:

отьць: оць — греч. πηρ (πατήρ);

члѡвѣкъ: члкъ, чкъ — греч. ανος, ανπς, ανθρς (ἄνθρωπος);

цѣсар'ь: црь, цѣсрь, цѣрь; цѣсар'ьствовати — црствовати.

глаголати: глати, гла (аорист глагола).

Для избежания ошибки при чтении при некоторых сокращенных написаниях ставили вверху букву согласного глв = глава (а не глагола); нед = недѣлꙗ; въ оно = въ оно врѣмѧ.

Титла ставили также над буквой в значении числа: в, г... И это по греческому образцу. В некоторых славянских рукописях (Ассеманиев кодекс) над десятками ставили два титла, тоже по греческому примеру.

Знаками препинания были точка (·) и точка с запятой (;). Последний знак препинания (;) имел значение знака вопроса.

Для указания на конец предложения или фразы применяли две точки (:) и более (:·, ·:·). Пользовались также черточками прямыми или волнистыми:

.:. —; ~, ∸.

В одной русской рукописи XI в., содержащей в себе перевод греческого азбучного акростиха (алфавитарь),— перевод, сделанный в Болгарии,— находится запятая и акут ('), служащие для того, чтобы отделить одно предложение от другого или отметить цезуру:

лютѣ оубогоу быти нъ лютѣе богатѣти злѣ ·:· —
ıарость обоуздаваи, да не от оума внѣ непадеши·:· —

Писатель конца XIV — первой половины XV в. Константин Констенческий, мудрый книжный человек, сторонник сложной орфографии архаического направления,— орфографии, нормированной во второй половине XIV в. по инициативе болгарского патриарха Евфимия Тырновского, требовал писать гласные в начале слова или в отдельном их употреблении с надписным значком, с дасней и с апострофом. Гласные — это женщины, а согласные мужчины. Только дома, в присутствии мужа женщина может быть без головного покрова. Так и на письме: гласная буква в сочетании с согласной бывает непокрыта, без дасни и без апострофа. Если же женщина выйдет с непокрытой головой в город или на улицу, или в общество, то она позорит себя: „и к томѹ не донна быти въ домѹ моужа ѥе нь съ блѫдницами". Если же будет над согласными, над мужчинами „на глтвоующими" знак ˉ или ˘, то это позорит их „срамляѥть си ıако и моужа жен'ска оутварь· паче же их' златѣва, и тина изводить своистьвнаго ıако не быти ѥмоу к томоу донноу въ црквь или въ уть съборa вънити, ıако и оци въ правилѣ рѣше". Если в слове встречаются два слога, из которых один кончается согласным, а другой начинается согласным, то между ними ставится знак ', как сторож или свидетель, предупреждающий „претыкание".

§ 21. Эти азбуки представляют некоторые различия в системе.

1) В глаголице один знак Э; в кириллице ему соответствуют е и ѥ.

В первоначальном составе глаголицы был один знак для носового гласного переднего ряда: ЭЄ. Позднее этот знак стал употребляться в соответствии кириллическому ѩ, а вторая часть стала служить в значении ѧ. В кириллице — ѩ, ѧ.

2) В глаголице один знак ѧ; в кириллице ему соответствуют ѣ, ıа.

3) В глаголице разные знаки для аффрикаты dz и для z: ⰷ = dz, ⰸ = z. В кириллице первоначально не было знака для аффрикаты dz. В кириллических рукописях, в языке которых отражается эта аффриката, она передана слегка модифицированным знаком ꙁ: ꙁ (перечеркивающая линия различной длины). Так в отрывках Хиландарских, Зографских и Ундольского. В кириллице есть знак ѕ; но он употребляется в значении цифры „6"

4. В глаголице особая буква ⰼ для мягкого g' (г') в словах заимствованных. В кириллице для этого служит буква г (г').

5) В кириллице были буквы ѯ, ѱ в соответствии греческим ξ, ψ. В глаголице не было соответствующих знаков.

Но более важное показательное значение представляют черты сходства в славянских азбуках — и в системе и даже в начертаниях букв, черты, с несомненностью свидетельствующие, что составитель одной из азбук знал о другой и следовал ей. Мы подходим к вопросу, какая же азбука древнее, т. е. какая из них составлена Константином.

Указанные выше черты различия не все восходят к давнему составу кириллицы. Так, и в кириллице, в ее более раннем виде, не было ѥ, ꙗ, ѩ, как это обнаруживается из наблюдений над архаическими элементами в написаниях кириллических памятников: нет ѩ в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи, в Хиландарских и Зографских листках, в листках Ундольского, в Македонском листке; редко употребляется ѥ; в листках Ундольского и Зографских — только є; встречаются написания с ѣ в значении ѣ и ꙗ: [ринѱимн]ѣ (именит. ед.) — в надписи Самуила; ѣвн сѧ грнгорнѣ (родит. ед.), сєптабрѣ (родит. ед.) — в листках Ундольского; ꙁємлѣ (именит. ед.), морѣ (родит. ед). в Саввиной книге.

Черты сходства в общей системе глаголицы и кириллицы:

1) Два знака для *i* (третий глаголический знак ⰺ представлял собою модификацию знака ⰻ).

2) Два знака для *о*.

3) Две части в букве для *и* (*у*).

4) Одинаковый способ передачи славянского гласного *ы*: написанием знака для *ъ* (ⱏ) в сочетании со знаком для *i* (і, и; ⰻ, ⰺ, ⰹ).

5) Одинаковый способ передачи шт': щ — ⱋ.

6) Общие элементы в рисунках букв для славянских звуков *ж, ш, ч, ц, ъ, ь, ѣ*.

7) Одинаковость в написаниях надписных значков и титл.

Некоторые общие черты в глаголице и в кириллице могут объясняться тем, что в основе той и другой азбуки лежит греческое письмо: минускульное — в основе глаголицы, унциальное — в основе кириллицы. Но показательна общность в передаче славянских звуков — общность и в основе, и во внешнем виде букв.

Несомненно, в связи находится передача для ы: сочетание букв ъ и и.

Не случайно и сходство в написаниях букв для славянских звуков. Источник для некоторых из этих букв ясен в глаголице. Кириллица следует за глаголицей, изменяя ее знаки для славянских звуков, придавая им геометрические формы в стиле прочих букв. Сравните глагол. Ⰶ и кирилл. ж, глагол. Ⱎ и кирилл. ш, глагол. Ⱋ и кирилл. щ, глагол. Ⱓ и кирилл. ү, глагол. Ⱌ и кирилл. ц. Знаки для редуцированных гласных в глаголице представляют модификацию Ⱁ: Ⱏ, Ⱐ (ⰟⰟ, Ⱏ, Ⱑ, Ⱑ).

Кириллица воспользовалась результатом позднейшего изменения основы для передачи этих гласных — воспользовалась формой в виде Ⱏ и придала ей угловатую форму: ъ, ь. Такое же отношение и между глаголическим Ⱑ и кириллическим ѣ. Источник глаголических букв для носовых гласных ясен: это Ⱁ (о), Ⰵ (е) в сочетании со значком Ⱔ: Ⱘ, Ⱔ. Кириллические же ѫ, ѧ представляют угловатую перелицовку глаголических знаков, поставленных набок (вниз значок Ⱔ).

На то, что первоначальной была глаголица, указывает также цифровое значение букв той и другой азбуки. В глаголице цифры следуют в порядке алфавита. Ⰰ — 1, Ⰱ — 2, Ⰲ — 3, Ⰳ — 4, Ⰴ — 5... В кириллице цифровое значение имеют только знаки, взятые из греческого письма: а — 1, в — 2, г — 3, д — 4... Из дополнительных букв только ѧ имел цифровое значение „900“. Позднее в таком значении стали применять букву ц, подобно глаголическому Ⱌ — 900. Если бы глаголица следовала кириллице, то буквы глаголицы были бы расположены иначе, согласно счету по кириллической азбуке: Ⰰ, Ⰲ, Ⰳ, Ⰴ...

Палеографический анализ кириллицы также указывает, что эта азбука не составлена Константином в IX в.: тот греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в., как на это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность (отсутствие наклона) букв кириллицы (см. выше о греческом унциале).

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и черты языка глаголических памятников: в этих памятниках представлены архаические пласты первооригиналов более значительно, чем в памятниках кириллических, как отмечено было выше.

В глаголице не было букв, которые соответствовали бы греческим ξ, ψ. Не было потребности в них, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания ks, ps. Такие сочетания изменились в давнее время: ks ⟶ kch ⟶ ch (rěchъ — 1-е л. ед. сигматического аориста от основы rek- с суффиксом -so-); ps ⟶ s (opsa ⟶ osa); см. об этом в § 146. При изготовлении славянских переводов оказалось необходимым ввести некоторые слова греческого текста с ξ, ψ — имена собственные и названия должностей. Такие сочетания были приспособлены к славянской фонетической системе посредством артикуляции гласного ъ между k-s, p-s: kъs, pъs. Посредством артикуляции гласного ъ избегали непосредственного сочетания и некоторых других согласных, как это отмечено ниже, в § 36. Это применение ъ не было явлением только графическим: соответствующий гласный был в речевой передаче греческих слов с ξ, ψ и с некоторыми другими сочетаниями согласных. Итак:

алекъсанъдровъ — Ἀλεξάνδρου; (ср. в Зографском ев. алек'сан'дровоу со значками ', указывающими на пропуск ъ более раннего глаголического оригинала);

доукъсъ — δούξ, лат. dux; (ср. в кириллической Супрасльской рукописи доук'съ, доук'сомъ с ', указывавшим на пропуск ъ, находившегося в более раннем оригинале);

пъсалъмъ — ψαλμός, пъсалътырь — ψαλτήριον; (примеры многочисленны в Синайской псалтыри).

В памятниках кириллических пишут попрежнему к'с, кс, п'с, пс или чаще ѯ, ѱ: алеѯан'дръ — алеѯандръ, маѯимъ, ѯан'оні, доуѯъ, доуѯова пришествиѥ, принк'іѱъ — πρίγκιψ, лат. princeps и многие другие в Супрасльской рукописи; ѱал'мъ в Саввиной книге.

Буквы ѯ, ѱ применяются в отмеченных кириллических памятниках не только в передаче заимствованных слов, но и слов традиционных, в которых произошла к этому времени утрата слабых ъ, ь — п'сати, псати, псанъ, но и рѫкоѱаньѥ в Супрасльской рукописи; по сава ѱалъ — в записи Саввиной книги.

Наличие в кириллице букв ѯ, ѱ и передача ими сочетаний ks, ps указывает на то, что кириллическая азбука составлялась тогда, когда сочетания ks, ps были не совсем чужды славянской

фонетической системе, а это свидетельствует о *более позднем* состоянии этой системы сравнительно с той, для какой составлялась глаголица, *не нуждавшаяся* в знаках, соответствующих греческим ξ, ф.

Обстоятельства и области распространения глаголицы подтверждают старшинство глаголицы. В Моравии применялась глаголица, а не кириллица. Киевские листки и Пражские отрывки (см. ниже) свидетельствуют об этом. Нет основания предполагать, что в Моравии после изгнания учеников Мефодия кириллица была брошена, а вместо нее кто-то, хорошо знавший греческое минускульное письмо, а также письмена еврейские и самаритянские, составил глаголицу. Ни обстоятельства того времени, ни элементы глаголицы не допускают такого предположения. Древние славянские памятники, идущие из областей хорватских, где действовали некоторые изгнанники из Моравии, также писаны глаголицей.

В Болгарии деятельность учеников Мефодия протекала преимущественно в Македонии и в соседней Албании. Письменность там велась глаголическая: на македонское происхождение указывают черты языка старославянских глаголических памятников.

Элементы древнееврейские, самаритянские, а также коптские введены были в славянскую азбуку, в глаголицу, ее составителем Константином: он знал древнееврейский язык; в малоазийском монастыре Олимп он мог иметь общение с лицами, пользовавшимися коптской письменностью.

Когда же и где появилась кириллица?

§ 22. Полагаем, ее появление относится к восточной Болгарии, ко времени правления царя Симеона (893—927). Симеон, „полугрек" (ἡμιάργος) по образованию, стремился сравниться во всем с Византией. Беспрерывные войны, истощившие страну, раздвинули далеко пределы Болгарского государства: в пределы Болгарии входили области от Днестра на севере до Тиссы на северо-западе, до Лима, Тары, Бояны на западе; пределы на юго-западе представляло Адриатическое побережье от устья Бояны до реки Каламы (напротив острова Корфу); бассейн южной Быстрицы, нижнее течение Вардара, Струмы и устье ее, нижнее течение Месты, вся область Родоп на юге. Византии он хотел противопоставить не только мощь государственную, но и культурную. Он собрал в своей столице Преславе славянских книжников, которые выполняли многочисленные переводы с гречe-

ского языка. Позднее списки с этих переводов распространялись в области восточных славян (на Руси) и в Сербии. Письменность в симеоновское время в восточной Болгарии выполнялась не глаголицей, а кириллицей, т. е. письменами торжественных греческих книг — письменами, которые должны были соответствовать величию государственному.

Пользовались кириллицей и в Македонии, но пользовались в среде господствовавших верхов, применяя ее в надписях, для которых служило в особенности торжественное письмо. Таково применение кириллицы в надгробной надписи, сделанной на камне по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии, в 993 г. (см. снимок на стр. 75).

§ 23. На востоке Болгарии изредка пользовались и глаголицей. Так, в церковной росписи применяли иногда буквы глаголицы. Так было в Преславе, как это обнаружили раскопки последних лет, произведенные там. Именно, на развалинах церковных стен оказалось несколько слов, написанных глаголическими буквами. На тех же развалинах имеются и надписи кириллицей. Но начертания и правописание этих graffiti не относятся к симеоновской эпохе, а к более позднему времени.

Глаголица также была известна сербским книжным лицам, в особенности в Босне. По образцу глаголицы они ввели в свое письмо (кириллическое) знак, представлявший собою в нижней части написание, похожее на П; над П возвышалась вертикальная черта; черта эта часто представляла вверху загиб или особый нажим; иногда загибы были и у П: ꙉ ꙉ, ꙉ. Эта буква служила для передачи мягкого г′ в заимствованных словах. Так в Мирославовом евангелии. В других памятниках ею передавали г′ не только в заимствованных словах, но и тот палатальный согласный, который был заменой давнего сочетания dj (виꙉю, ст.-слав. виждѫ вм. vidjǫ). Так в Волкановом евангелии. В древнейшей сербской грамоте боснийского бана (правителя) Кулина, 1189 г., знак ꙉ служит только для согласного, заменявшего собою dj. Позднее в Босне этой буквой стали пользоваться не только для согласного, заменявшего dj, но для согласного палатального, заменявшего собою раннее сочетание tj (отвѣꙉати, ст.-слав. отъвѣштати вместо otъvětjati). Так, например, в Никольском евангелии (XIV в.).

Эта буква представляет собою модификацию соответствующего глаголического знака для г′ — Ⰼ. В связи с общим стилем

кириллицы, с его угловатостью, петля вверху заменена линией, с небольшим загибом вверху (следы петли). И внизу остался след глаголической буквы — небольшой загиб влево, как в глаголице. Сравните начертания сербского П и начертания глаголического Ⱂ.

Глаголицу знали и русские книжники и изредка пользовались ею.

От XI — XVI вв. известно пятнадцать русских рукописей, в кириллическом тексте которых имеются глаголические буквы. В особенности их много в двух пергаментных листках XII в., находящихся в Погодинском собрании № 68 (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина). Описание этих отрывков и снимки с них даны в пражском издании „Byzantinoslavica“, I, 1929. Там же отмечены и другие русские рукописи со следами глаголического письма. Иногда русские книжники пользовались глаголицей в качестве *тайнописи*. Обозрение такой тайнописи и снимки ее представлены в книге М. Н. *Сперанского* „Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма“ (Ленинград, 1929, стр. 58—67, „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 4.3).

Применяли ее и в стенной росписи церквей, как и на востоке Болгарии. Глаголические graffiti найдены на нижних частях Софийского собора в Новгороде (эти надписи относятся к древнейшей поре существования собора).

§ 24. Глаголицу заменяла кириллица. Иногда глаголический текст смывался, и пергамент заполнялся кириллическими буквами. Это — *палимпсест* (греч. παλίμψηστος; πάλιν — „опять“, ψάω — „скоблю“). Таким палимпсестом является, например, Боянское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в. В некоторых листах этой рукописи видны еще буквы прежнего, глаголического текста. (см. снимок на стр. 62).

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда строчки глаголического оригинала. Так, в ряде среднеболгарских рукописей XII — XIII вв. (в Охридском апостоле, в Болонской псалтыри, в Битольской триоди). В глаголических же рукописях встречаются слова, написанные кириллицей. Но они не одновременны с глаголическим написанием, а *позднейшего происхождения*. Это разные пометки практического содержания.

Боянское евангелие (палимпсест).

§ 25. Название „кириллица" не может указывать на принадлежность этого письма Кириллу-Константину. Это название применялось раньше к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке Книги пророков, сделанном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г. Запись сделана была в 1047 г. переписчиком рукописи попом Упирем Лихим. В этой записи указано, что рукопись списана „ис коуриловицѣ", т. е. с письма, имевшего иной вид и называвшегося „куриловица" (кириллица). То была рукопись глаголическая. И в кириллическом списке попа Упиря есть кое-где глаголические буквы. В хронографе б. Румянцевского музея (ныне Ленинской библиотеки), по „Описанию"

А. Востокова, NCCCCLIII 1494 г., имеется такое замечание: во дни Михаила црѧ греч(ес)каго и во дни кнѧзѧ Ререка (Рюрика) Новгородцкаго... стыи Конъстантинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, сотворилъ грамоту словесным (словеньскимъ) азыкомъ, глемую литицю". Слова „глаголемую литицю" следует понимать, как указание на глаголицу, на „глаголитицу". В одном из более ранних оригиналов этой заметки было написано, повидимому, под титлами не только „глемую", но и „глитицу" (=„глаголитицу").

§ 26. О порядке букв глаголицы и кириллицы можно судить по их цифровому значению: глаголические Ⰰ (а) — 1, Ⰱ (б) — 2, Ⰲ (в) — 3 и т. д., а также по следующим указаниям: 1) по азбучному акростиху древних славянских стихотворений, 2) по алфавитным спискам (по перечню букв и их названий).

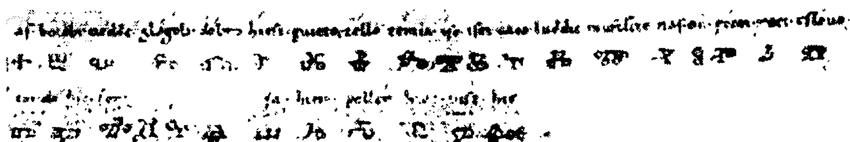
Стих азбучного стихотворения начинался с гласного или согласного в порядке славянского алфавита, хотя и не с полной выдержанностью: были такие звуки, которые не начинали слова,— ъ, ь, ы. По византийскому образцу размер славянских стихотворений — политический стих (στίχος πολιτικός) в двенадцать слогов, с цезурой обычно после пятого слога. Из таких стихотворений древнейшими являются два: стихотворение Константина Болгарского, ученика Мефодия, и стихотворение, находящееся в „азбувнике" XIII в. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Азбучный акростих в этом последнем стихотворении составляют начальные звуки не каждого стиха, а двустишия. Из стихотворения Константина Болгарского:

Просаштоуоумоу || помошти отъ тебе
Рѫцѣ бо свои || горѣ въздѣѭ присно
Силѫ приꙗти || и мѫдрость оу тебе...

Издания этих стихотворений см. в книге А. И. Соболевского „Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии", Пб. 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 88, № 3).

Древнейшие перечни славянских букв и их названий относятся к XI — XII вв. Это: 1) в латинской рукописи № 14485 Мюнхенской библиотеки (см. пражский журнал „Byzantinoslavica", II, 1930), 2) в одной парижской латинской рукописи (см. у И. В. Ягича в „Энциклопедии славянской филологии", вып. 3, Пб. 1911, стр. 135—136). (См. снимок на стр. 64.)

§ 27. В заключение остановимся на одной интересной статье древнеславянской письменности — „О письменехъ черноризца Храбра“. Эта статья пользовалась большой популярностью у славянских книжников на юге и на востоке. Она сохранилась в ряде списков. Древнейший из них находится в среднеболгарском сборнике 1348 г. (Ленинградская Публичная библиотека). Статья была составлена не позднее начала X в., когда „еще (были) живы те, которые видели их“, т. е. Константина и Мефодия, как замечено в двух списках сказания. Эта статья ярко выделяется на фоне безличной средневековой церковнославянской

Abecenarium bulgaricum.

письменности: она защищает ее право на существование, отрицавшееся не только на Западе, но и некоторыми лицами из греческой среды.

Статья построена так.

Вначале даны справки по истории письма у славян. В давнее время у них не было букв. В случае необходимости отметить что-нибудь, славяне применяли „черты и резы“: чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще — „посредством черт и надрезов считали (вели счет) и разбирали (понимали) начертанное (гатаахѫ)“. Это были надрезы и черточки на палочке или на куске дерева и имели значение чисел — количества каких-нибудь предметов. Такие счетные палочки применялись у славян, как и у других народов. У южных славян они употреблялись до недавнего времени. Там эта счетная палочка получила название „рабош“ (румынск. răbos, от венгерск. róvas = rovaš; венг. róni, rovak — „врезывать“). У русских такая палочка была известна под именем „бирка“, вероятно, от скандинавского слова Birk — „береза“, а не от татарского „бир“ — „подать“ — и не от славянского глагольного корня бир- (бирати, бьрати).

По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами; славяне же в юго-восточных областях, находившиеся в сфере влия-

ния Византии, применяли греческие буквы в случае нужды написать славянские слова. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы, было „без устроения". Да и нельзя было передать латинскими или греческими буквами многих славянских звуков: „нъ како можеть ся писати добрѣ грьчьскыми писмены ·бъ· или животь, или ѕѣло или црковь, или чаание, или широта, или ѩдь, или ждоу, или юность, или ѧзыкъ [вместо ѩзыкъ] и ина подобнаа симь", — т. е. указаны примеры со звуками б, ж, дз (ѕ), ц, ч, ш, ѣ (ѩдь), ж, ю, ѩ (ѧ), для которых не было знаков в греческом алфавите. Только Константин Философ, называемый Кирилл, составил славянам полную буквенную систему из 38 знаков: „сътвори имъ ·л҃· писмена и осмь, ова оубо по чиноу грьчьскыхь

Бирка.

писменъ, ова же по словѣн'стѣи рѣчи", т. е. одни из этих букв соответствовали системе греческой азбуки, подобно тому, как греческая азбука соответствовала еврейской: они (греки) оубо алфа а съ [сь или сьи = „этот" — Константин] азъ (буква а). от аза начать обою...; как евреи „прьвое писмѧ (букву) имать (имеют) алефъ... и грьци подобащеся томоу алфа рѣшѧ (сказали, назвали)". Храбр указывает, что „по чину греческих письмен" было 24 буквы, а по „славянской речи" — 14. К последним принадлежали:

Б	Ж	Ѕ Ц	Ч	Ш	Ъ	Ь
ЪИ	Ѣ	Ю	Ѩ	Ѫ	Ѧ	

Знак для мягкого Г (г'), повидимому, относился к числу букв, соответствовавших звукам, передававшимся греческой азбукой.

О какой славянской азбуке говорится в сказании Храбра, о глаголице или кириллице? Определенных указаний по этому вопросу сказание не представляет. Но ясные следы глаголического оригинала, отражающиеся в Московском списке (б. библиотеки Московской духовной академии, теперь в Ленинской библиотеке), и некоторые указания на буквы азбуки, имеющиеся в нем, могут свидетельствовать о глаголице.

Далее Храбр переходит к возражениям против славянской письменности и к опровержению их.

Первое возражение: 38 букв слишком много для славянской речи; можно обойтись и меньшим количеством, подобно грекам, которые 24 буквами пишут. Храбр указывает на неосведомленность возражателей: „не вѣдать колицѣмь пишѫть грьци". Храбр и в греческом алфавите насчитывает 38 знаков.

Другое более важное возражение: еврейские, греческие и римские письмена идут искони и свыше даны, а славянские нет; — и не отдают себе отчета в том, что говорят окаянные („не вѣдат сѧ что глаще окааннии"). И что сказать этим идиотам („что речемь къ тацѣмь безоумнымь")? Скажем от святых книг, которым мы научились. И далее следуют опровержения „треязычников". „Святые книги", из которых Храбр почерпнул материал для своих возражений, — это какое-нибудь греческое грамматическое сочинение по истории письмен, вроде грамматики псевдо-Феодосия Александрийского, или какого-нибудь другого подобного сочинения. Храбр указывает, что древность и еврейской и греческой письменности относительна. Было время, когда и греки не имели своей азбуки, но пользовались финикийскими письменами: еллини не имѣхѫ своимъ ѧзыкомь (ѧзыкомь) писмен', нѫ финичьскыми писмены писахѫ своѫ рѣчь. и тако бѣшѧ многа лѣта. Следует сообщение о том, как в течение долгого времени составлялась греческая азбука. Семь человек в разное время составляли ее; из них пять названо — Паламид, Кадм, Симонид, Епихарм, Дионис, двое оставлены без имени. Перевод же библейских книг на греческий язык выполняли семьдесят человек. Итак, Храбр делает такое построение: у греков азбуку составляли долгое время семь человек, а перевод делали семьдесят. А у славян все это сделал один человек и в короткое время. А отсюда, по умозаключению апологета, следует вывод: словѣн'ская писмена свѧтѣиша сѫт и чьстнѣиша. свѧть бо мѫжъ створилъ ѧ ѥсть, а грьчьская еллини погани. Чтобы сделать такое построение и им усилить свою аргументацию, Храбр к пяти известным устроителям греческого алфавита прибавил двух неизвестных, а по отношению к устроению славянской письменности умолчал о Мефодии.

Храбр имеет в виду еще одно возражение, которое могут сделать по отношению к славянской письменности: производилось в его время какое-то исправление ее: еще ли кто речеть· яко нѣсть оустроилъ добрѣ, понеже сѧ постраяѫть и ѥще, отвѣтъ речемь симь: и

греки много раз исправляли (построшили), например, Акилла и Симмах и другие. Легче потом исправить, чем создать вначале: оудобѣю бо юсть послѣжде потворити, неже прѣвое створити. Какое исправление имеет в виду Храбр? Вероятно, здесь говорится не об изменении азбуки, а об исправлениях или дополнениях в переводах, как на это может указывать ссылка на соответствующее явление в греческой письменности: Акилла и Симмах имели отношение не к греческой азбуке, а к письменности, к толкованию библейских текстов.

Заканчивает свою апологию Храбр указанием на такое преимущество, какое, по мысли Храбра, имеют славянские письмена по сравнению с греческими: у греков редко кто знает имена создателей их азбуки, а славянские книжные люди („букаре") все дадут ответ, если ты спросишь у них „кто вы (вам) писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ („перевел")? — стъıи Костантинъ философъ нарицаемыи Кирилъ, тъ намъ писмена створи и книгъı прѣложи, и Меѳодию братъ его, и аще въпросиши, въ кое врѣмя; то вѣдать и рекжть... Следует дата: имена правителей и год: ѕ҃ѫ҃ѯ҃г (6363). Итак, в конце пришлось забыть о предшествующей пропорции 1:7, 1:70 и упомянуть имя Мефодия.

Что касается даты 6363 г., то она долгое время возбуждала сомнение. По обычному счету того времени из этой даты нужно вычесть 5508. Получится по новому летосчислению 855 г. Но в Византии и у славян применялось и другое исчисление, александрийское, 5500 лет. Такой счет применен и в статье Храбра. В среднеболгарском сборнике 1348 г., где находится древнейший из дошедших до нас списков сказания, недалеко от статьи о письменах находится хронологическая статья, в которой определенно указано летосчисление в 5500. Таким образом, 6363 — 5500 = 863 — год, на который указывают и другие данные (или 862 г.).

СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

§ 28. Рукописи на старославянском языке не дошли до нас непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия и их учеников. Два старославянских памятника относятся к X в., прочие к XI в. В этих памятниках, в особенности в памятниках XI в., имеются значительные отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов. Но эти отступления легко

выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским образцам.

Памятники старославянского языка писаны глаголицей и кириллицей.

ПАМЯТНИКИ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ.

1. Киевские листки, или Киевский миссал. Это — наиболее древний памятник старославянского языка. Но одна черта этого языка систематически устранена: шт — жд (вместо tj — dj). Вместо этой черты представлена иная — ц — з, черта языка славян западной части прежнего Моравского государства.

На западное происхождение памятника указывает и его содержание (месса).

Нет отступлений в употреблении ъ, ь, за исключением двух случаев с написанием въсѣхъ (вместо вьсѣхъ). Но это написание — недосмотр писца; имеются и другие явные недосмотры и поправки, в частности, на одной из страниц с написанием въсѣхъ. Архаичен этот памятник и в начертании букв (ср. замечания, сделанные выше, в отделе об азбуках).

По чертам языка и написаниям относим этот памятник к X в. Название этого памятника „Киевским" вызвано тем, что он был открыт в Киеве, куда попал с Востока.

Лучшее издание сделано В. Ягичем (V. Jagić), Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien, 1900.

Замечания о палеографии и языке памятника см. в работах:

1) V. Oblak, Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente („Archiv für slav. Philologie", XVIII, 1896).

2) V. Jagić, Einige Streitfragen, 1, („Archiv für slav. Philologie", XX, 1898). 4 (там же, XXII, 1900).

3) W. Vondrák, O původu, Kijevských listů, Praha. 1904.

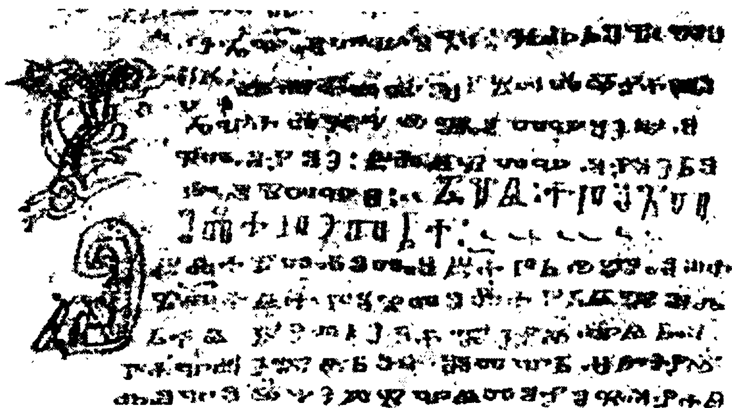
4) Он же, Über die Provenienz der Kijever Blätter und Prager Fragmente („Archiv für slav. Philologie", XXVIII, 1906).

5) Н. Грунский, Памятники и вопросы древнеславянской письменности I, Юрьев, 1904.

Критические замечания см. в „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук", X, № 4, 1905, (о работе Вондрака) и в „Журнале Мин. нар. пр.", 1906, № 3 (о работе Грунского).

6) Н. Грунский, Київськи глаголицьки листи і фрейзінгенськи уривки, У Київі, 1928.

Заметки Н. Грунского о синтаксисе памятника в его книге „Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков", Юрьев, 1911 (IV. Приложение).

Киевские листки.

7) Б. М. Ляпунов, Ватрослав Облак („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук", I, стр. 928). — Между прочим изложен взгляд Ф. Ф. Фортунатова на принадлежность языка переводчика Киевских отрывков южнославянской языковой области.

8) В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги (СПб. 1899, стр. XVIII — XX). — Тоже утверждает южнославянское происхождение писца Киевских листков. Но это утверждение не убедительно ни в лингвистическом, ни в историческом отношении.

9) А. И. Соболевский, К хронологии древнейших церковнославянских памятников (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук", т. 88, 1910).

10) Он же, Родина Киевских отрывков (там же, стр. 106—109). Совершенно безосновательно перевод отрывков отнесен к Польше.

11) Ed. Sievers, Die altslavischen Verstexte von Kiew und Freising (Berichte der Sächsischen Akademie der Wissensch. Philos.-hist. Klasse, 76, 1924).

12) N. van Wijk, Kilka uwag o pochodzeniu Mszału Kijowskiego (Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera, Lwów, 1925, II).

13) Заметки Курца (J. Kurz) в пражском журнале, „Listy filologické", тт. 51, 54.

14) M. Weingart, Hlaholské listy Vídeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii", XXIV): Замечания о происхождении славянского перевода миссала.

2. Зографский кодекс — евангелие. Этот, как и другие глаголические памятники, представляет новые черты и в письме и языке. Относим все прочие глаголические памятники к XI в.

К XII в. их нельзя отнести: в них нет существенной черты, характеризующей все болгарские памятники XII—XIII вв.: мены ѫ и ѧ при определенных условиях. 17 листов (41—57, Матф., XVI, 20—XXIV) вставлено позднее.

По чертам языка писцов глаголических памятников полагаем, что они написаны в пределах Македонии. Название „Зографское" дано по месту прежнего нахождения этого памятника, в Зографском монастыре (на Афоне). Теперь он хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Издан В. Ягичем: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc. Petropolitanus, Berolini, 1879. Ягич дал и исследование о языке этого памятника, главным образом о гласных ъ, ь „(Archiv für slav. Philologie", I, 1876; II, 1877). См. также работы:

1) A. Leskien'a в „Archiv'e für slav. Philologie", II, 1877, XXVII, 1905;

2) Н. Грунского в „Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук" ,т. 83, 1907, № 3;

3) N. van Wijk'a в „Archiv'e für slav. Philologie", XXVII, 1920; XXXIX, 1925; в „Roczniku slavistycznym", IX, 1921 и в журн. „Slavia", I, 1922;

4) J. Kurz'a в журн. „Listy filologické", т. 50, 1923 и в журн. „Slavia" IX, 1930; XI, 1932.

3. Ассеманиев кодекс — евангелие, названное по имени Ассемани, вывезшего эту рукопись с Востока в конце XVIII в. Другое название — Ватиканское ев., по месту нахождения ее в библиотеке Ватикана.

Имеется 3 издания:

1) F. Rački, Assemanov ili Vatikanski evangeljistar. Zagreb, 1865. (Издано глаголическим шрифтом.) Издание малоудовлетворительное.

2) J. Črnčić, Assemanovo izborno evangjelje, Rim, 1878. (Издано латиникой).

3) Лучшее издание приготовили И. Вайс и И. Курц: Evangelium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glag. Editio phototypica cum prolegomenis, textu litteris cyrillicis transcripto... Ediderunt dr. J. Vajs et dr. J. Kurz. I. Pragae, 1929.

4) St. Mladenov, Assemański albo Watykański Ewangeljarz (в изд. „Słownik starożytności słowiańskich". Warszawa, 1934, стр. 1—3).

На полях памятника сделаны в XII—XIII вв. и позднее записи кириллицей. Интересны в фольклорном отношении записи XII—XIII вв. о „злых днях" каждого месяца.

Об этих записях см. в статье М. Н. Сперанского „Злые дни" в приписках Ассеманова евангелия" („Македонски Преглед", VIII, кн. I, София, 1932).

Зографский кодекс.

4. Мариинский кодекс — евангелие, вывезенное В. И. Григоровичем с Афона. Хранится в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Издан В. Ягичем: Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus. Ptb., 1883. Издание снабжено большой статьей о языке и полным словарем.

1) A. Leskien, „Archiv für slav. Philologie", XXVII.

2) Ф. Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия. Пб. 1908, 55—60.

5. Клоцов кодекс — сборник поучений, похвальных слов. 12 листов этой рукописи находились в библиотеке Клоца и изданы были в 1836 г. В. Копитарем. Теперь они хранятся в музее в Триенте. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа того же сборника, изданные Фр. Миклошичем в 1860 г.

Полное издание сделано было В. Вондраком (W. Vondrák): Glagolita Clozû. Praha, 1893. Некоторые исправления к этому изданию сделал Noha в журн. „Časopis Matice Moravske", т. 50, 1926.

V. Oblak, Zur Würdigung des Altslovenischen („Archiv für slav. Philologie", XV, 338—370).

См. также статью Таля (G. A. Thal): „Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus" („Archiv für slav. Philologie", XXIV, 1902).

6. Синайская псалтырь; рукопись находится на Синае.

Издана была Гейтлером (L. Geitler): Psalterium. Glagolski spomenik monastira Sinai brda. Zagreb, 1883. Лучшее издание приготовил С. Северьянов: Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. (Изд. Отделения русск. яз. и слов. Рос. Акад. наук. Пгр. 1922). Об этом издании сравнительно с изданием Гейтлера см. замечания в „Јужнословенском Филологу", IV, 1924, стр. 166—186.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 248—251. B. von Arnim („Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum". Leipz. 1930). См. также статью Ю. В. Петровской „Мена глухих в Синайской псалтыри" („Известия Отделения русск. яз. и слов. Академии наук", т. XXI, кн. I, 1917).

7. Синайский требник. Находится на Синае. В большей своей части памятник представляет перевод с греческого языка,— перевод статей, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения. Некоторые отделы переведены были с немецкого и латинского. Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, как на это указывает наличие переводов с немецкого и латинского.

Памятник был издан Гейтлером: Euchologium. Glagolski spomenik monastira Sinai brda. Zagreb, 1882.

Поправки и дополнения к изданию Гейтлера сделал В. Ягич в „Archiv für slav. Philologie", VII, 1884, 129 след. Листы 101—104 по собственным фотографическим снимкам напечатал В. Н. Бенешевич в сборнике в честь Ягича („Jagić — Festschrift, Zbornik u slavu V. Jagića". Berlin, 1908). 3 листа той же рукописи вывезены были с Востока в Петербург в 1853 г. Порфирием Успенским и Н. Крыловым и изданы были И. И. Срезневским в его серии „Древние глаголические памятники". Пб. 1866 (244—255). Часть памятника переиздал J. Frček в Париже в 1933 г. („Patrologia orientalis", XXIV, 5).

О памятнике: W. Vondrák, „Archiv für slav. Philologie“, XVI, стр. 118—132.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 251—257, 274—275.

[Jean Frček, Euchologium sinaiticum, „Patrologia orientalis“, t. XXIV, fasc. 5, Paris 1933].

[Н. С. Державин, Euchologium sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памятника). „Сборник статей и исследований в области славянской филологии“, М.-Л. 1941].

Ланг (P. Lang), „Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského (Zpráva gymnasia v Příbrami, 1888, 1889 и 1890).

N. von Wijk в „Archiv'e für slav. Philologie“, XL, 1926.

А. И. Соболевский, Синайский требник („Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 88, стр. 100—105).— Заметка о некоторых общих словах врачевальных молитв Синайского Требника и „Слова болящихъ ради“ других рукописей.

В отношении содержания евхология см. в книге Вондрака (W. Vondrák): „Studie z oboru cirkevněslovanského písemnictví“, Praha, 1903.

Он же, Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern („Archiv für slav. Philologie“, XVI, 118—132).

Словарь к памятнику составил St. Słoński: „Index verborum do Euchologium sinaiticum“ (Warszawa, 1934).

8. Охридские листки, найденные В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Лучшее издание в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. 2-й, Птгр. 1915.

9. Македонский глаголический листок с отрывком из Слова Ефрема Сирина, найденный также В. И. Григоровичем. Хранится в библиотеке Академии наук СССР (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 6-й, Пб. 1909.

10. Отрывки глаголической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись относится к концу X в. или к XI в.

Описание и снимки см. в статьях Кр. Миятева („Български Преглед“, I, кн. 1, София, 1929) и В. Ивановой („Български Преглед“, I, кн. 4, 1930). См. замечания М. Вейнгарта в журн. „Byzantinoslavica“ (Praha), II, вып. 1, 166—168 и И. Вайса в журн. „Slavia“ (XII, 229—231), М. Н. Сперанского („Из славянской эпиграфики“, Доклады Академии наук СССР, 1930, № 3).

§ 29. 1. Надпись на надгробном камне, сделанная в 993 году по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии и Македонии. Камень находился у могилы умерших членов семьи Самуила. Найден он был экспедицией Константинопольского Русского Археологического института в юго-западной Македонии, в селе Герман, недалеко от озера Преспа. Надпись представляет 11 строчек. Правый угол камня отбит.

Имеется ряд изданий. Отметим издания:

1) В „Известиях Русского Археологического института в Константинополе", т. 4, 1899, кн. 1;

2) И. Иванов, в его книге „Български старини из Македония", София, 1908, 2-е изд., 1931;

3) П. А. Лавров, в его „Палеографическом обозрении кирилловского письма", Птгр. 1914;

4) Е. Ф. Карский, в его „Славянской кирилловской палеографии", Лнгр. 1928;

5) В изд. „Гласник Скопског Ученог Друштва. Одељење друштвених наука". V. Скопље, Београд, 1931;

6) См. замечания К. Иречка и В. Ягича в „Archiv für slav. Philologie", XXI, 1899.

2. Отрывки кириллической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись сделана была не ранее XI в.

Издание ее см. выше в отделе о глаголических памятниках.

3. Саввина книга, названная так по двум припискам с упоминанием Саввы. По содержанию — евангельские чтения. Хранится в Московском Главном Архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издана В. Н. Щепкиным в „Памятниках старославянского языка", I вып. 2-й, Пб. 1903. Неточности издания отмечены Н. М. Каринским в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук" (т. 69, 1914, кн. 3). В. Н. Щепкину принадлежит и „Рассуждение о языке Саввиной книги", Пб., 1899. О редуцированных гласных см. также статью А. Лескина в „Archiv'e für slav. Philologie", XXVII, 1905. Там же замечания о „Рассуждении" Щепкина.

I. Bărbulesku, Iarăşi despre Savina kniga şi Codex Suprasliensis I Dacia Traiana („Archiva Societă ii Istorico-Filologice din Iaşi". T. XLIV, 59—75). Саввина книга и Супрасльская рукопись, по мнению И. Барбулеску, были написаны к северу от Дуная, в Траяновой Дакии.

4. Супрасльский кодекс. Рукопись содержит жития, легенды и слова. Найдена в Супрасле около Белостока. Первая часть ее хранится в Любляне, в быв. Лицейской библиотеке,

Надпись царя Самуила.

16 листов принадлежали И. А. Бычкову в Ленинграде; прочая часть ее (151 лист) находилась в Варшаве, в книжном собрании Замойских.

Полное издание рукописи сделано С. Северьяновым в „Памятниках старославянского языка“, II, вып. 1-й. Необходимым дополнением к изданию является словарь. Он обработан К. Мейером (K. Mayer): „Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis“. Glückstadt und Hamburg, 1935. О памятнике см. след.:

1) A. Margulиés. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927;

2) Статьи В. Вондрака в изд. Венской Ак. наук „Sitzungsberichte der philosophisch.-histor. Klasse der Akademie der Wissensch.“ Wien, 1886 (т. 112), 1890 (т. 122), 1891 (т. 124);

3) В. Облака (V. Oblak) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XV (1893);

4) А. Лескина (A. Leskien) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII (1905) и в „Berichte über die Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissensch. Philos.-hist. Klasse“, XXVII, XXVIII;

5) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 17 (1912), кн. 3 и 4, в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 101, № 3, 1928;

Саввина книга.

6) Пастрнека (F. Pastrnek) в журн. „Listy filologické", XXIV;

7) N. van Wijk, Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis. Amsterdam, 1925;

Его же, Zur Vorgeschichte zweier altkirchenslavischer Sprachdenkmäler, I. Suprasliensis („Archiv für slav. Phil.", XL, 1926);

Его же, Zur Herkunft dreier Legenden des Codex Suprasliensis (там же; XLII);

8) R. Abicht, Quellennachweise zum Codex Suprasliensis („Archiv für slav. Philologie", XV, XVI).

R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение вышеназванной работы, „Archiv für slav. Philologie", XVIII).

R. Abicht und G. Reichelt (Продолжение, там же, XX).
R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение, там же, XXI).
9) K. H. Meyer, Altkirchenslavische Studien. I. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis („Schriften der K. Gelehrten Gesellschaft". Jahrg. XV—XVI. Geisterwissensch. Kl. № 2, Halle a. d. S.) 1939. См. замечания B. von Arnim в „Zeitschrift für slav. Philologie", XVII, 1940, стр. 201—207).

5. Хиландарские листки, с отрывком из поучений Кирилла Иерусалимского. Памятник хранится в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка", I, вып. 1, Пб. 1900. См. замечания В. Вондрака в „Archiv für slav. Philologie", XXII.

6. Листки Ундольского,— отрывки из евангельского текста, принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка", I, вып. 3-й, Пб. 1904. См. статью В. Н. Щепкина „Листки Ундольского" в „Русском Филолог. Вестнике", т. 49, 1902 г. (с датой, определяемой В. Н. Щепкиным — XII в., нельзя согласиться).

7. Македонский листок, с отрывком текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха Болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка", I, вып. 5-й, Пб. 1906.

8. Зографские листки, с отрывком из „Правил" св. Василия. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты П. А. Лавровым; описаны и изданы им в журн. „Revue des études slaves", VI (и отдельно). Там же статья М. Г. Долобка о языке отрывков. Греческий оригинал памятника определил А. Вайян (A. Vaillant); см. его статью и тексты славянского отрывка и его греческого оригинала в том же издании, т. X, 1930.

Перечисленные рукописи, писанные кириллицей, по чертам языка следует отнести к XI в. Писцы их происходили не из Македонии и не из юго-западной Болгарии, а с востока Болгарии или из местностей, близких к востоку.

9. Любопытными в палеографическом и в культурно-историческом отношениях являются кириллические вставка и приписка, сделанные в разное время в латинской рукописи конца X в. или начала XI в., хранящейся в Райграде около Брна (в Моравии). Одно слово, латрина, написанное твердым,

уверенным почерком, является современным написанию латинского текста, будучи вписано в строчку с латинским письмом, на л. 2. Над кириллическим написанием надписано латинскими буквами: latria.— At illo cultu, qui grece латрия (latria) dicitur, latine uno verbo dici n potest...

На л. 70 позднее, в XI—XII вв., написано кириллицей несколько строчек славянского текста. В почерке букв кириллицы этих строчек представлены те же черты, какие свойственны кириллическим рукописям XI—XII вв. Имеются и более поздние славянские пометки.

Об этой записи см. статью А. И. Соболевского „Райградский сборник" (Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов.", т. LXXXVIII, № 3, 1910; стр. 154—158). Там же снимки лл. 2 и 70. См. также статью П. К. Симони в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук", XVI, книга 3, стр. 133—142; см. также замечания в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук", т. CI, № 3, 1928, стр. 310—313.

Таковы старославянские памятники X—XI вв. Делались попытки издать старославянские тексты в реконструированном виде,— в том виде, в каком они вышли из-под пера первых переводчиков. Последний такой опыт сделан профессором И. Вайсом (J. Vajs). В 1935—1936 гг. он издал в Праге старославянские евангельские тексты в такой реконструкции. Но многие детали ее вызывают возражения и в отношении графики и в отношении фонетики, форм, лексики.

§ 30. Ценный материал по изучению старославянского языка заключается также в ранних памятниках сербских и восточнославянских. Изучая эти рукописи, следует стремиться к тому, чтобы ясно различить черты старославянских оригиналов, к которым восходят эти памятники, и те наслоения, сербские или восточнославянские, которые отразились на них. При таком изучении могут быть получены данные, важные в двух отношениях: 1) черты старославянских оригиналов важны для грамматики старославянского языка; 2) черты языка писцов, сербских или русских, важны для истории сербского или русского языка.

Старославянским пользовались книжные люди в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и восточнославянских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка писавшего — чехо-моравана, серба (хорвата) или русского.

§ 31. Памятники с чертами чешского языка.

Из памятников с чертами чешского языка на старославянской основе сохранилось только два. Один из них определен выше: Киевские листки, X в. Имея в виду его архаические черты в начертаниях букв и в старославянском языке, мы отнесли его в группу старославянских памятников. Чешско-моравские черты Киевских листков:

1) ц вм. давнего tj и kt' в соответствии старославянскому щ (шт) и ʒ вм. давнего dj в соответствии старославянскому жд: просѧце; обѣцѣнне; даʒь.

2) шт вм. stj и skj в соответствии старославянскому шт: оуішуенне.

3) Окончание формы творительного пад. ед. ч. в именах с основой на -о, — окончание -ъмь: въсѧдъмь, образъмь, надъ оплатъмь.

Другой памятник более поздний, конца XI или XII в., с рядом черт чешского языка. Это — Пражские глаголические отрывки. Их содержание — песнопения по восточному обряду. Найдены в Праге, в библиотеке митрополичьего капитула.

1) Группа дл, как и в других западнославянских языках (в языках южнославянских и восточнославянских л): модлитвоу.

2) ш вм. ś, как и в других западнославянских языках: вшѣ, ст.-слав. вьси), вшѣх'.

3) Отсутствие л' после губного согласного, как и в других западнославянских языках: прѣставение, ʒемѧ.

4) ц, ʒ вм. ранних tj, dj, как в чешском языке; хвалѧцимъ; оутврьʒение.

5) оу вм. ж; а вм. ѧ, как в чешском языке: обидоу, помилѫи (смешение букв ж и оу); оударнша вм. оударишѧ; та вм. тѧ.

Издание и обследование отрывков см. в „Памятниках старославянского языка", I, вып. 4-й, Пб. 1905 (Н. К. Грунского) и в книге В. Вондрака: „O původu kijevských listů a pražských zlomků. Praha, 1904. См. и статью Б. М. Ляпунова „Wie soll man I B. 4—5 der Prager glagolitischen Fragmente lesen? („Archiv für slav. Philologie", XXVIII, 1906, 478—480) и замечания по этому пункту в другой его статье „Вацлав Вондрак и его научная деятельность" („Известия Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук СССР", XXXII, 1927, 254—257).

В первой половине XIX в. чешские романтики потратили много труда на поиски старославянских памятников. Стремясь связать чешскую письменность с кирилло-мефодиевской, они причисляли

к старославянским памятникам не только найденные в то время Пражские отрывки, но и позднейшие произведения.

Так это представлено было, например, в очерке В. В. Ганки „Объ остатцѣхъ славяньскаго богослуженія оу чеховъ". (Изданіе Вацеслава Ганкы. Празѣ. 1859).

§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка.

У хорватов в славянской письменности применялась глаголица. Вид ее — угловато-кругловатый, позднее становящийся угловатым. Древнейшие из сохранившихся славянских памятников у хорватов относятся к XII — XIII вв.

1) Венские листки миссала, бывшие на переплете какой-то книги, XII в.

Их описание и издание сделано В. Ягичем (в издании „Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse", XXXVIII, Wien, 1890). См. также ценную статью М. Вейнгарта (M. Weingart): Hlaholské listy Videňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii", XXIV, 105—129, 233—245).

2) Отрывок апостола, названный Гршковичевым отрывком. XII или начало XIII в.

Издан В. Ягичем (в изд. Starine. XXVI; Zagreb, 1893).

3) Фрагмент легенды о 40 мучениках — глаголическая рукопись XIII в., находящаяся в архиве „Старославянской академии" на острове Крке.

Издание и описание фрагмента сделано проф. Ст. Ившичем: St. Ivšić, Ostaci staroslovenskih prijevoda u hrvatskoj glagolskoj književnosti („Zbornik kralja Tomislava", изд. Загребской академией наук, Zagreb, 1925, 452—510).

Обозрение других глаголических памятников у хорватов см. в книге Ягича: „Графика у славян. III. Глаголическое письмо". Пб. 1911.

Сербские памятники писаны кириллицей; но, как было отмечено выше, сербские книжные люди знали и глаголицу.

Древнейшие сербские кириллические рукописи относятся к XII в.

1) Мирославово евангелие, с иллюстрациями и орнаментом XII в.

Издано Л. Стояновичем в 1897 (Белград).

2) Вуканово (Волканово) ев., начало XIII в.

Описание его см. в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук", 1898, кн. 4.

3) Шишатовацкий апостол 1324 г.

Издан Фр. Миклошичем, Вена, 1853 (Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice).

Палеографическое обозрение памятников сербской письменности см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма". Птгр. 1915 г.

Главнейшие языковые черты сербо-хорватских памятников:

1) оу вместо ѫ, е вместо ѧ.

2) Один гласный „глухой" вместо давних ъ, ь. В кирилловских сербских рукописях обычно употребляется ь: дьска, сьнь, дьнь. Так и в глаголических сербо-хорватских рукописях. Но некоторые писцы пользовались одним знаком ъ. Так в Гршковичевом отрывке апостола.

3) Гласный у (оу) вместо въ, вь в начале слова перед слогом с гласным полного образования: ꙋ вѣки (Миросл. ев.), оудовица, оуꙁьгласите, оуста вм. въста (Волкан. ев.).

4) и вместо ы — ѿкрилъ, ти вм. ты, посилаеть (Миросл. ев.), ви вм. вы, благоωбраꙁьнии и др. (Волкан. ев.).

5) Обобщение окончания в именных и местоименных формах с твердым и с мягким согласным перед окончанием, — обобщение по формам с мягким согласным. В формах родит. пад. ед. ч. и именит. — винит. пад. множ. ч. женского рода на а окончанием был гласный е, представлявший собою фонетическую замену более раннего гласного ѧ: ꙁемл'е (вм. ꙁемл'ѧ), все (вм. вьсѧ) и т. п. С окончанием е стали образовывать и формы с твердым согласным. Такие формы отразились уже в Мирославовом ев.: на моуке все дѣвы те.

§ 33. Писали на старославянском языке также у славян Паннонии, в области князя Коцеля (правил с 860 или 861 до 874 г.). Он с радостью принял Константина, Мефодия и их учеников, направлявшихся в Рим, и дал 50 человек обучить славянскому письму. В Паннонии действовал некоторое время Мефодий по возвращении из Рима. В Паннонии жили тогда славяне, составлявшие со славянами Каринтии, Штирии, Крайны одну языковую группу — словинскую (словенскую). Но памятники словинские, которые были бы написаны на основе старославянского языка, не дошли до нас. Сохранившиеся три словинских текста в Фрейзингенской латинской рукописи конца X — начала XI в. не находились в связи с языком старославянских памятников. Эти словинские тексты называются Фрейзингенскими отрывками по месту

прежнего нахождения рукописи,— в баварском городе Фрейзинге.

Издание Фрейзингенских текстов: W. Vondrák, Frisinské památky, Praha, 1896.

§ 34. К восточным славянам памятники старославянской письменности занесены с юга, из областей болгарских. Вместе с рукописями прибывали и учителя — славяне из Болгарии. Политические обстоятельства благоприятствовали появлению болгарских книжников на Руси. То было время, когда восточные области Болгарии утратили государственную независимость и вошли в состав Византии (с 972 г. до 80-х годов XII в.). Под руководством болгарских списателей и переводчиков готовились первые книжные люди у восточных славян. Уже в ранний период восточнославянской письменности их было немало на Руси. В летописи под 6545 г. (1037 г.) сообщено, что Ярослав „собра письцѣ многы и прекладаше ѿ грекъ на словѣньское письмо, и списаша книгы многы“.

Рукописи, принесенные с юга на славянский восток, были писаны кириллицей. Черты языка старославянских оригиналов, которыми пользовались восточнославянские книжники, указывают на восточноболгарские области. Знали русские книжники и глаголическое письмо; они иногда списывали свои рукописи кириллицей с глаголических оригиналов или вносили некоторые слова в глаголической передаче; иногда применяли глаголицу в качестве тайнописи. См. выше в отделе об азбуках. Но следует полагать, что среди книжников, действовавших на Руси, были славяне не только из восточной Болгарии, но и из юго-западной (из Македонии). Со слов книжников из юго-западных болгарских областей усвоили русские книжные люди произношение буквы щ как *шч*: свѣща читали как свѣшта (на востоке Болгарии щ = шт). На произношение буквы щ как *шч* указывают написания с шт, встречающиеся в некоторых восточнославянских памятниках XI — XII вв.: отвѣшта и др. От этих же лиц русские книжники узнали, что буквы ъ, ь в старославянских текстах надлежало произносить как *о*, *е* (на востоке Болгарии были тогда вместо неутраченных ъ, ь гласные *ъ*, *е*; у русских особые гласные *ъ*, *ь* в X — XI вв. еще не совпадали в определенных условиях с *о*, *е*).

Язык древнерусской письменности не был вполне тожественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся

русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой русской речи

Было высказано и иное мнение [акад. С. П. Обнорским. *Ред.*] о давней основе языка древнерусской письменности,—мнение, основанное на изучении языка Русской Правды, первоначальная письменная редакция которой относится к XI в., ко времени Ярослава I (он умер в 1054 году). Многочисленные элементы русского языка, отразившиеся в языке этого юридического памятника, дали основание некоторым лингвистам [т. е. акад. С. П. Обнорскому. *Ред.*] для такого утверждения: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры, представлявший собою цельно элементы живой русской речи; это была речь, которой пользовались восточные славяне на севере, в Новгородской области; в этом языке не было заимствований южнославянских, но были заимствования более ранние, шедшие в севернорусскую среду с запада, из мира северогерманского (скандинавского). Мы не можем принять таких утверждений. Все данные, на которых основываются они, представляют иное значение, как показано это нами в отдельной работе (см. в отделе библиографии).[1]

---

[1] Точка зрения А. М. Селищева, не совпадавшая с взглядами С. П. Обнорского, была изложена им в специальной работе („О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка"), оставшейся неопубликованной *(Ред.)*.

СѪ · А · СТГОПОСТА ВЪНЕ
НЖЕ БЪІВАѤТЬ ПА · СТГО
МЧКА · ѲЕОДОРА · ЕВА ·
ОТЪ МАРКА · ГЛА · КД ·
ВЪ ВРѢМѦ О
НО · ХОЖДА
АШЕ НІѤ ВЪ
СѪБОТЪІ
СКВОЗѢ
СѢАННІѦ
И НАЧѦШѦ ОУ
ЧЕНИЦИ ѤГО ·

Остромирово евангелие.

Памятники восточнославянские XI—XII вв. многочисленны. Отметим некоторые из них.

1. Остромиров кодекс — евангелие 1057 г., писанное в Новгороде для посадника Остромира.

Памятник писан двумя писцами. По почерку рукопись разделяется на такие части: 1—24 об. и 25—289. Первый писец последовательно отступал от старославянского оригинала в передаче сочетаний редуцированных с плавными между согласными: он писал ъ, ь перед р, л: скърбь, мьртвъ. Второй писец чаще пишет по-старославянски: скрьбь, мрьтвъ; у него, как в старославянском оригинале, ѣ а не ю в передаче именит. пад. ед. числа имен на 'а: каплѣ. Хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Издавалось трижды: А. Х. Востоковым в 1843 г., и фотолитографически Савинковым в Пб. в 1883 и в 1889. гг. Снимки даны в альбоме Н. М. Каринского „Образцы письма древнейшего периода истории русской книги", Л. 1925.

О языке и письме этого памятника см. статью В. Н. Щепкина и А. А. Шахматова в приложении к переводу пособия по старославянскому языку А. Лескина (Handbuch der altbulgarischen Sprache): „Грамматика старославянского языка", М. 1890. См. также: большую статью М. М. Козловского „Исследование о языке Остромирова евангелия", Пб. 1885 (в „Исследованиях по русск. языку". I Изд. Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук. Пб. 1885—1895); замечания Ф. Ф. Фортунатова, „Состав Остромирова ев.", Пб. 1908. (Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, II, Пб. 1908); 2 статьи Н. М. Каринского „Остромирово евангелие, как памятник русского языка" („Журнал Мин. нар. пр.", 1903 г., № 5) и „Письмо Остромиров. ев." (Сборник Петербургской библиотеки, 1920).

2. Архангельское евангелие конца XI в. Рукопись найдена была в Архангельской губернии во время перекладки печи в крестьянской избе. Хранится в Публ. библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (б. б-ка Румянцевского музея).

Издан памятник в снимках с помощью трехцветной фотоцинкографии. М. 1912. Некоторые замечания о языке см. в статье Е. Ф. Карского („Русск. Филолог. Вестник", т. 69, 1913). Подробное описание этого памятника дано в большой работе М. А. Соколовой „К истории русского языка в XI веке" (Известия по русск. яз. и слов., III, кн. I, 1930.).

3. Минеи служебные 1095—1097 г. Хранятся в Типографской библиотеке в Москве.

Изданы В. Ягичем в 1886, Пб. Статьи об этом памятнике: 1) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук", т. 29:

2) Комарович, там же, т. 30; 3) Корнеевой-Петрулан в „Русском Филолог. Вестнике", тт. 75, 76, 78.

4. Чудовская псалтырь, XI в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издана в „Памятниках старославянского языка", III, вып. I, Пб. 1910. Работы о ней: 1) С. П. Обнорского „К истории глухих в Чудов. пс.", „Русск. Филолог. Вестник", т. 68, кн. 2, 2) В. Погорелова: а) „Словарь к толкованиям Феодорита Киррского", Варшава, 1910, б) „Толкование Феодорита Киррского", Варшава, 1910.

5. Евгениевская псалтырь, XI в. Хранится в Ленингр. Публ. б-ке.

Издана И. И. Срезневским в его „Древних памятниках русского письма и языка"; Пб. 1863, 2-е издание Пб. 1882.

См. замечания И. Курца в журн. „Slavia", XII, 217—222. См. также статью Гринковой об этом памятнике в „Известиях Отдел. русск. яз.", т. XXIX.

6. Изборник (Сборник) Святославов, 1073 г. Памятник был списан для князя Святослава Ярославича со сборника, переведенного с греческого для болгарского царя Симеона. Основная часть этого Изборника писана двумя писцами. Один из них написал 1—86 листы и 264—265 об. Другому писцу принадлежали листы 86—263 об. Из орфографических приемов писцов этого памятника отметим букву ы (см. в отделе о славянских азбуках); буквой ꙑ он почти не пользовался. Второй писец пользовался буквой ы в конце строки. В других случаях он писал ꙑ. И еще одну укажем. Первый писец пользуется буквой ж в значении не только оу, но и ю. Хранится в Московском Историческом музее.

Издан Обществом любителей древней письменности, Пб. 1880 г. Поправки сделаны были А. А. Шахматовым („Archiv für slav. Philologie", VI, 1881).

7. Изборник (Сборник) Святославов, 1076 г. Хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Снимки см. в „Образцах письма..." Каринского, 1925.

8. Новгородские или Куприяновские отрывки— 2 пергаментных листа большого формата, XI в. По содержанию — евангельские чтения. Принадлежали эти листы некогда Новгородскому Софийскому собору, а позднее археологу Куприянову, от которого они поступили в Публичную библиотеку в Петербурге в 1865 г.

Последнее издание и замечания о языке в работе Ф. В. Каминского, „Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими)", в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук", т. XXVIII, 1923. Черты восточнославянские отразились очень слабо.

9. Слуцкий отрывок апостола, XI в., тоже с немногими восточнославянскими чертами.

Был издан: 1) И. И. Срезневским, Древние славянские памятники юсового письма, № 2, Пб. 1862; 2) Ягичем (V. Jagić), Specimina linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. Пб. 1882.

10. Синайский патерик, или Луг духовный (Λειμὼν πνευματικός), или Лимонарь (Λειμωνάριον) Иоанна Мосхова, рукопись XI или первой половины XII в. (Московский Историч. музей).

Небольшая часть издана И. И. Срезневским в его „Сведениях и заметках о неизвестных и малоизвестных памятниках". Пб. 1880. Снимки см. в „Образцах" Каринского.

11. Слова Кирилла Иерусалимского XI или первой половины XII в. (Московский Исторический музей).

Описание сделано Горским и Невоструевым в их „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки" (II, часть 2-я, М. 1859, № 114, стр. 44—62).

12. 13 Слов Григория Богослова. Рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Списаны были эти Слова с глаголического старославянского оригинала. Следы этого оригинала отражаются в том, что в тексте встречаются глаголические буквы, а также в том, что смешиваются ѣ и ꙗ (в глаголице один знак ⰰ, в кириллице ꙗ, ѣ).

Издан памятник А. С. Будиловичем: „XIII слов Григория Богослова". Пб. 1875. Тому же лицу принадлежит и исследование (весьма слабое) языка этого памятника: „Исследование о языке XIII слов Григория Богослова". Пб. 1871.

13. Алфавитарь (граневса. алфавитарь) — славянский перевод греческого акростиха. Перевод был сделан в Болгарии. Русский список относится к XI в. Хранится в Историческом музее в Москве (в рукописи № 30 собрания Синодальной библиотеки) — граневса в значении греческого слова στίχοι, алфавитарь в значении ἀκροστιχίς (стихотворение, крайние буквы в письменной передаче которого составляют слово; ἄκρος — „крайний", „верхний").

Н. М. Каринский, Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. („Известия по русск. языку и словесности" Академии наук СССР, III, кн. 1, 1930, 259—268). Снимок находится в сборнике Н. М. Каринского, „Образцы письма древнейшего периода истории русской письменности", Л. 1925, № 30.

14. Галицкое евангелие 1144 года. Листы 1—228 писаны в Галиче в 1144 г. Прочие 32 листа писаны там же, но позднее, в XII—XIII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Первые 228 листов издал Амфилохий в 1882—1883 гг. в двух томах („Четвероевангелие Галичское 1144 г., сличенное с древлеславянскими рукописными евангелиями, с греческим еванг. текстом...").

Снимки: 1) Савва, Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей. М. 1863.

2) Материалы для истории письмен. М. 1855.

Описания: 1) И. В. Ягич, Четыре критико-палеографические статьи. (Приложение к Отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г., Пб. 1884, стр. 74—102.)

2) Он же, Критические заметки по истории русского языка. Пб. 1889. (Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, т. 46.)

3) Le-Juge, Das galizische Tetraevangelium vom J. 1144. Leipzig, 1897.

15. Церковный устав (типик — τυπικόν) студийский, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Отрывки изданы Горским и Невоструевым в „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки", III, I. М. 1869, № 380, стр. 230—270, а также Лисицыным в его книге „Первоначальный славяно-русский типикон". С приложением 45 фототипических снимков. Пб. 1911.

16. Ефремовская кормчая, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издание: В. Н. Бенешевич, Кормчая XIV титулов. Пб. 1906. (Славянский текст издан параллельно с греческим.)

Описание языка памятника: С. П. Обнорский. Язык Ефремовской кормчей XII в. Пб. 1912 („Исследования по русск. яз.", III, I).

17. Успенский сборник, XII в. (в Московском Историческом музее). Рукопись содержит жития, слова и поучения. В состав этого сборника вошли между прочим две русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского. Изучение этих статей с прочими, списанными с южнославянских оригиналов, имеет важное значение для представления о русском правописании XII в.

Издание: А. А. Шахматов и П. А. Лавров, Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. I. М. 1899. („Чтения в Обществе истории и древностей российских", 1899 г.).

О языке: 1) И. Попова, Паннонское житие Мефодия („Русск. Филолог. Вестник", LXIX, LXX).

2) А. Лукьяненко, О языке Несторова жития Феодосия Печерского („Русск. Филолог. Вестник", LVIII, I).

Обозрение других древнейших памятников восточнославянской письменности см. в следующих трудах:

1) Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л. 1928.

2) Н. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI — XIV вв. и их указатель. Пб. 1897.

3) Н. К. Никольский, Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X — XI вв.). Пб. 1906.

О русском переводном деле при Ярославе и о переводах см. в следующих работах:

1) В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы Киевского периода. Пгр. 1922.

2) Он же, Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. II. Пгр. 1922.

3) А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода („Сборник Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук", т. 88, Пб. 1910).

О языке Русской Правды в связи с вопросом об основе древнерусского литературного языка:

1) Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л. 1930. (Введение к изданию текста.)

2) С. П. Обнорский, Русская Правда как памятник русского литературного языка („Известия Академии наук", 1934. Отделение общественных наук). [См. также книгу акад. С. П. Обнорского „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода". 1946].

3) А. Селищев, О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка.

О южнославянских элементах в русском литературном языке см. в книгах:

1) С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. I. Пб. 1893. См. рецензию Е. Ф. Будде в „Ученых записках Казанского университета", 1894 г.

2) А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. Л. 1925. 3-е изд., Л. 1941. Глава I. 60—90.

Главнейшие черты языка русских памятников письменности.

1) оу вместо ѫ.

ꙗ вместо ѧ.

2) ър, ьр, ъл (со слоговыми ъ, ь) в соответствии старославянским ръ, рь, лъ, ль между согласными.

скърбь (ст.-сл. скръбь), зьрно (ст.-сл. зрьно), вълкъ (ст.-сл. влькъ).

Нередко встречается в русских рукописях XI в. графическая комбинация старославянских написаний с ръ, рь, лъ с русскими ър, ьр, ъл, — комбинация в виде ъръ, ьрь, ьръ, ълъ; скъръбь, съмьрьть, зьрьно, испьрьва, пьрьстъ, напълънена, тълъцѣте и др. в Остромир. ев.; кърьмити, пьрьвыꙗ, дьрьзость, испълъниꙗ и др. в Минее 1095 г.

3) ро-, ло- в начале слова перед согласными вместо давних *or-*, *ol-*, имевших некогда нисходящую интонацию. В старославянском языке, как и в других южных языках, было в этих случаях ра-, ла-. Немногие слова по диалектам славян Болгарии представляли ро-, ло-. Др.-русск.: роботати, розбоиникы, розоумъ, розоумѣти, розлитье, лодиꙗ, локъть и др. в Сборн. Святосл. 1073 г.; рожьженыими, ростꙗше в Минеях 1095—1097 гг.; локъть, въ лодью в Галицком ев. 1144 г.; робѫ (винит. пад. ед. ч. женск. р.), робота, роздвигъ, росыпа, локътию в Синайском патерике и др.

4) ж вместо давнего dj (в ст.-сл. жд), ч вместо давних tj и kt' (gt') (в ст.-сл. щ — шт). — ж: прихожѫ, прѣже, роженыи (Остром. ев.); жажа, прѣже, рожение (Сб. Святосл. 1073 г.); дажь, вижь (XIII Слов Григ. Богосл.) и др.

ч: хочю, хочеши, чюжихъ, вячеслава, възлечи, наречи сѧ, печь (Арх. ев.), приходуча, чюже, тъпъчюща (Минеи 1095, 1096 гг.), хочеши, хочемъ, обьчь, дъчькѫ, шьпъчюща (Син. патер.) и др.

Иногда русский писец подставлял согласный ч вместо старославянского щ и в такие слова, в которых щ был иного происхождения, и ему соответствовал в русском языке не *ч*, а *шч* (вместо давних stj, skj, sk'). Так, в Архангельском ев. находится ѿпоучати вм. ст.-сл. ѿпоущати (в русском глагол пушчати).

5) оро, ере, оло в соответствии старославянским ра, рѣ, ла, лѣ: перегънжвъ (Остром. ев.), вередити, черепиꙗ, полонъ (ст.-сл. плѣнъ), полоньникъ, поросѧте (Сб. Свят. 1073 г.), по берегоу, оумерети, веремꙗ, жеребиꙗ (Арх. ев.), посередѣ, черево, коровъ, золотѣ (Минеи, 1095—1097 гг.), оумерети, половелы (ст.-сл. плѣвелы), исполовесмъ (Матф., XIII), солона (Галицк. ев. 1144 г.) и др.

Под влиянием старославянских слов с ра, рѣ, ла, лѣ, т. е. сочетаний с гласным после плавного, русские писцы иногда изменяют на письме (не в речи) восточнославянские оро, ере, оло в ро, ре, ло: сломена вм. соломена (Сб. Свят. 1073 г.), възврочения (Слова Кирилла Иерус.), злотьникъ, вроты, поволоти, плонишь (Син. патерик) и др.

Иногда русское *оло* переделывалось в старославянское ла в таких словах, в которых не было ла, а было лѣ. Так, русское полонъ писец XIII Слов Григория Богослова заменил несуществовавшим старославянским планъ (ст.-сл. плѣнъ).

6) о в начале слова вместо давнего је — озеро (Минея 1097 г.), одинъ, одиного (Арх. ев.), одиною, одина (Мстислав. ев.), осень в передаче греческого слова осеювъ (Слова Кирилла Иерус.).

7) Многие древнерусские памятники характеризует сравнительно со старославянскими звуковой вид имени „человек"; в старославянских текстах это слово передано без гласного после ч — чловѣкъ; в древнерусских же памятниках это имя передано с гласным е: человѣкъ, человѣчьскыи. Так, например, в Сборнике Святосл. 1073 г. (человѣк-, чоловѣка), Минея 1095—1096 гг., Галицкое ев. 1144 г., Ефремовская кормчая XII в., житие Феодосия в Успенском сборн. XII в. и др.

И еще одно слово, характерное в его звуковом виде, отметим в древнерусских памятниках: серебро, серебрьникъ в соответствии старославянским сребро, сребрьникъ.

8) ѣ в окончании формы родит. пад. ед. ч. и именит.-вин. пад. множ. ч. имен и местоимений на 'а (после мягкого согласного: капля) и в винит. пад. мн. ч. имен мужск. рода на 'ь (кон'ь) в соответствии старославянскому окончанию ѧ — троицѣ, своѣ, отъ н'еѣ(Сб. Свят. 1073 г.), землѣ, воурѣ, дѣвицѣ (Минея 1095—1096 гг.)., недѣлѣ, еуфимиѣ, ключѣ — вин. пад. множ. ч. (Арх. ев.), п'тицѣ — винит. пад. множ., ч., отъ конѣ змїрьныѣ, отъ землѣ, своѣ овьцѣ (Мстисл. ев.), воѣ — винит. пад. множ. ч. (Галицк. ев.) и др.

9) ъмь в форме творит. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода основ на *-и* и на *-о*: сынъмь; гнѣвъмь, возъмь; мѣстъмь (в ст.-сл. — сынъмь, но возомь, мѣстомь).

10) В дательном и местном пад. единств. ч. личных местоимений, 2 л. и возвратного, гласный о в корне: тобѣ, собѣ. Так в древнерусских памятниках XI — XII и последующих веков.

11) ть в форме 3 л. единств. и множ. числа в соответствии старославянскому -тъ: несеть, несоуть, хвалать — хвалять.

§ 35. Памятники, писавшиеся в болгарских областях в XII — XIV вв., представляют группу среднеболгарских рукописей. Они отражают черты таких языковых процессов, которых не было в X — XI вв. Из ранних среднеболгарских памятников отметим следующие:

1. Добромирово евангелие, XII в. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Его описание дано В. Ягичем (в изд. „Sitzungsberichte der Akademie der Wissensch. philos.-hist. Klasse". Bd. 138, 140. Wien, 1898, 1899).

2. Охридский апостол конца XII в. Хранится в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Среди кириллического текста вписаны отдельные слова и целые строчки глаголицей.

3. Болонская псалтырь. Начало XIII в. Хранится в Болонье. Издан В. Ягичем (Psalterium Boloniense. Вена, 1907).

Палеографическое и лингвистическое исследование представляет диссертация В. Н. Щепкина: „Болонская псалтырь", Пб. 1906. Это — лучшее из всех работ, относящихся к лингвистическому изучению памятников славянской письменности.

4. Битольская триодь, XIII в. Найдена в районе западномакедонского города Битоли. Хранится в библиотеке Софийского университета. Среди кириллического текста встречаются слова и целые строчки глаголические.

Отрывки напечатаны в книге Йорд. Иванова, „Български старини из Македония", София, 1908, стр. 87—104, 2-е изд., София, 1931, стр. 452—467.

5. Добрейшево евангелие. Названо так по упоминанию попа Добрейша, изображенного на л. 72. XIII в. 127 листов хранятся в Софийской Народной библиотеке, 49 листов в Белградской Народной библиотеке. Имеются заставки и миниатюры.

Описан и издан Б. Цоневым в 1 книге серии „Български Старини", София, 1906.

6. Боянское евангелие, найденное В. И. Григоровичем в с. Бояна в районе Софии. XIII в. Палимпсест: написан кириллицей по пергаменту, с которого смыто, хотя и не повсюду чисто, глаголическое письмо. Хранится в Москве, в Ленинской библиотеке.

7. Тырновское евангелие, XIII в. Хранится в библиотеке Ак. наук в Загребе.

Описание сделано Валявцем в изд. „Starine“, XX, XXI, Zagreb, 1889.

8. Перевод византийской летописи Манасии, переведенной в восточной Болгарии в XIV в. Один список хранится в библиотеке Исторического музея в Москве. Некоторые замечания о правописании памятника в книге Билярского „О среднеболгарском вокализме“, изд. 2-е, Пб. 1858. Другой список, с дополнениями из болгарской истории, с рядом миниатюр, находится в Риме, в библиотеке Ватикана. Весьма важен в лингвистическом отношении присоединенный к летописи Манасии народный средневековый рассказ о Троянской войне. Этот рассказ издан был Фр. Миклошичем в III книге загребского издания „Starine“.

Ватиканский сборник издал также проф. И. Богдан: „Cronica lui Cost. Manasses. Text şi glosar de Ivan Bogdăn“. Bucureşti, 1932.

Среднеболгарских рукописей много дошло до нас.

Их обозрение см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Пгр. 1915. (В этой книге и в приложенном к ней „Альбоме“ находится много снимков.) См. также I том книги Б. Цонева: „История на българский език“, София, 1919.

Одной из характерных черт среднеболгарских памятников является „смешение“ ѫ и ѧ.

1) После ш, ж, шт, жд, j, а также и некоторых других согласных пишут ѫ вместо ѧ: шѫтати, жѫтва, ѭзык и др. вм. шѧтати, жѧтва, ѩзыкъ...

2) После мягких н', л', р', мягких губных пишут ѧ вм. ѫ: хран'ѧ, твор'ѧ, вол'ѧ, съп'ѧ, вм. хран'ѫ, твор'ѫ, вол'ѫ, съп'ѫ (ст.-сл. съпл'ѫ).

Из форм отметим обобщение во множ. числе окончания имперфекта для форм аориста. Например, 3 л. мн. ч.: положихѫ, прѣвратихѫ, с -хѫ, как и в имперфекте.

В эту эпоху происходили весьма значительные изменения в системе фонетической и синтаксической,— изменения, результаты которых представляет современный болгарский язык.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

§ 36. Изучение памятников старославянского языка обнаруживает, что в славянском языке, которым пользовались первые переводчики в применении его к переводам греческих текстов, находились такие звуки, какие показаны ниже.

1. Гласные полного образования:
   Задний ряд: а, о, оу, ѫ
   Средний ряд: ы, [а̇], [ю], [ѭ]
   Передний ряд: е, ѣ, и, ѧ, [ю, у], [ѭ].

2. Гласные неполного образования:
   ъ, ь
   ы, и
   Задненебные: к, г, х
   Палатальные и палатализованные (мягкие):
   і (j), н', л', р', ч, ш, ж, ц, ꙃ (ѕ), с (с'), щ, жд; к', г', х';
   Небнозубные: н, т, д, с, ꙁ;
   Междузубной: [ѳ];
   Губные: м, п, б, в, ф;
   Плавные: р, р', л, л'.

Знаками, поставленными в прямые скобки [], отмечены гласные среднего и переднего ряда, фонетически обусловленные, произносившиеся вместо гласных заднего ряда при нахождении их после палатальных согласных: вол'ꙗ = вол'а̇ или вол'ā (волѣ); хран'ѭ = хран'ѫ̇ или хран'ж; чюдоу = čüdu или čüdu и т. п.

В прямые скобки поставлены и знаки тех звуков, которые были перенесены из греческой фонетической системы и находились в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и вводивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей ѵ: в речи одних — ü, в речи других i, u (оу). Так было и с передачей ϑ: ѳ — в речи одних, т — в речи других.

Не заключаем в прямые скобки ф, который был усвоен многими славянскими книжниками. О передаче υ, ϑ и 'φ см. также ниже.

ы (ъи). Из этих начертаний, из комбинации знаков ъ и і или и невозможно заключить, что гласный ы произносился дифтонги-

чески: ъ+ı. Это был монофтонг среднего ряда, с высоким подъемом языка. Такой гласный передавали нередко в письме сочетанием двух букв, из которых второю была i, указывавшая на высокий подъем языка. Первою же буквой служила буква u (в латинском письме). Так, напр., передан этот гласный в древнейшем памятнике словинского языка, в Фрейзингенских отрывках (X—XI вв.): buiti вм. byti, mui вм. my. Так передано *ы* и в чешских словах, находящихся в латинских документах XII—XIII вв.: Buitsov вм. Bydžov, Buistrice вм. Bystrice. Выбор на букву u пал потому, что после губного согласного гласный ы писавшие произносили с некоторой лабиализацией. На монофтонгичность ы указывает фонетика славянских языков, имеющих этот гласный,— фонетика русского и польского языков, судьба этого гласного в истории славянских языков, его происхождение и изменение (см. в дальнейших отделах), а также и то, что этим гласным в старославянских памятниках передан иногда греческий монофтонг i после твердого согласного (τη): пъсалътыр'ь — греч. ψαλτήριον; монастыр'ь — греч. μοναστήριον; Давыдъ — Δαυῒδ, магдалын'и — гр. Μαγδαληνή (Сборн. Клоца). Константин взял первою буквой знак для редуцированного ъ (Ⱏ),— взял удачно: ъ перед и (ı) имел образование, похожее на ы. Комбинация же двух букв для передачи одного гласного применялась в греческом письме и отразилась на славянском: греч. ου — слав. Ⱁ — оу.

В Супрасльской рукописи (во 2-м почерке), в Зографских отрывках, в Македонском листке в состав знака для гласного ы входил знак ь в сочетании с ı: ы. Так и в некоторых древнерусских рукописях: в Сборнике Святослава 1073 г. (часто), в Словах Кирилла Иерусалимского и в некоторых других.

Гласный i был в слоговом и неслоговом значении. В качестве неслогового i он не был категорически отграничен от j. Неслоговой i или согласный j был перед гласным: ıмıа, ıѧти, ıєзеро, моıа, моıє, рѫкоıѫ, юнъ, строую (род.— местн. п. двойств. числа).

ѣ, глаголич. Ⰰ. Это — гласный â после мягкого согласного.

ѵ (у), глаголич Ⰺ Эта буква употреблялась в передаче греческих слов с υ. Произносился же греческий υ не одинаково славянскими переводчиками и писателями: одни подставляли гласный славянской фонетики — у (u) после твердого согласного; другие — у или ӱ (ü) после мягкого согласного. Напр., Αἴγυπτος

передавался таким образом: егvпта — род. ед., егvптѣ (Мариин.); ег'vп'тъ, ег'оуп'тъ; ег'юп'та, егіпта; тоуръ — τύρος (Син. пс.); егvптъ, егоуп'тъ (Супр. рук.). На значение ѵ (v) как гласного лабиализованного указывает также применение этой буквы для ю в славянском слове vтро при ютро и обычно оутро (Мариин.).

О том, что v (у) многие славянские писцы на юге читали как ю или оу, свидетельствуют не только варианты написаний с ю (оу), но и дальнейший результат изменения некоторых слов с v (у). Так, в той рукописи, которой пользовался писец сербского Мирославова ев., находилось слово соукоморна или соукоморнѣ (сукоморнѣ). Так и в Мариинском ев.: сукоморнѣ. Это — передача греческого слова συκομορέα — „смоковница". Писец же Мирославова ев. сблизил это слово со славянскими соухо, мор'е и написал соухоморнѣ.

В Супрасльской рукописи, в памятнике со многими новыми чертами в языке и в письме, применяется иногда буква v (у) в значении оу. То же явление отражается и в последующих южнославянских рукописях, например, в македонско-болгарском Охридском апостоле, в южносербском Мирославовом ев. Так и в русских рукописях.

Следует полагать, что устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком ѵ (у, v) передавали гласный у (ü), соответствовавший греческому υ в его архаическом, книжном произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством у (оу) после мягкого или после твердого согласного.

Рано отражалось и иное произношение υ и славянского ѵ (у, v): как і. Так произносился υ и по греческим говорам в IX—X вв. Ср. указанный выше пример из Син. пс.: егіпта. Другие примеры: газофоулакиим (Зограф.), газофилакиим (Мариин.) — греч. γαζοφυλάκιον („денежный ящик"); оупокритъ, ипокритъ — греч. ὑποκριτής (перевод: лицемѣръ, лицедѣи); мvро, миро — греч. μύρον.

Редуцированные ъ, ь. Такие гласные находились в определенном фонетическом условии: перед j (или i̯) и перед і: крыѭтъ, кыѭтъ, добрын, бол'ии, въинстинѫ.

к', г', х'. Мягкие к', г', х' находились в заимствованных словах: к'едръ — греч. κέδρος; к'есар'ь — греч. καῖσαρ; лег'еонъ — греч. λεγεών; иг'емонъ — греч. ἡγεμών; г'еннсарет(ьскъ) — Γεννησαρέτ; параск'евьг'ии — народно-греч. παρασκευγή; закх'ѣе (Зогр.); рах'иль (Супр. рук.); хитонъ — греч. χιτών; ехидъна — греч. ἔχιδνα („змея").

ꙃ (s). Знак ꙃ употребляется для передачи аффрикаты d͡z в листках Ундольского, Хиландарских и Зографских. В глаголических рукописях для этого служил знак ⰷ. Так в Син. пс., в Ассеман. При транскрибировании глаголического текста буквами кириллицы принято пользоваться буквой ѕ („дѕѣло" — „ꙃѣло"). Как раньше было отмечено в отделе об азбуках, в кириллических памятниках ѕ употреблялось только в цифровом значении: „6". В памятниках позднейших, среднеболгарских (с XII в.) ѕ применялось не только в таком значении („6"), но и для передачи аффрикаты d͡z. Так, напр., в Слепченском апостоле. Но пользовались и знаком ꙃ. Напр. в Болонской псалтыри.

ф. ф — новый согласный в звуковом составе славянской речи. В старославянском языке он находится в передаче греческих слов с φ: финикъ — φοίνιξ, фарисеи — φαρισαῖος, филипъ — Φίλιππος, гнафеи — γναφεύς („белильщик"). Несомненно, в языке кирилло-мефодиевских переводов был этот согласный. Но в языке переводов более позднего времени этот согласный передавался иногда ближе к языковой славянской системе, — посредством п: пиникъсъ (Син. пс.) — φοίνιξ. Изредка писали старославянские книжники ф вместо п в заимствованных словах: скоръфии, скоръфиꙗ, скорьфиꙗ — обычно скоръпии, скоръпиꙗ — греч. σκορπίος; фетронии (Синайск. требн.) — петронии; ософомь — творит. ед. — греч. ὑσσώπῳ (именит. ὕσσωπος — название одного из душистых растений, др.-еврейск. ezob); фроситъ (Сб. Клоца) — греч. προφήτα — „пророк", ср. ф для π и п для φ; форфура (Зограф.) — порфира — греч. πορφύρα — „пурпур", „пурпуровая, дорогая одежда". То же в древнесербском Мирославовом ев.: пилипь и филифь, филатъ = пилатъ и др. Славянские писцы в передаче греческих слов с φ нередко подставляли свой согласный *п*. Не зная правописания этих слов, они писали ф и там, где было п. Но, может быть, в некоторых случаях отражалось стремление писца к „правильному" произношению заимствованного слова с ф. Обычное произношение этих слов с *п* вместо *ф* путало: произносили с особым, новым согласным ф и заимствованные слова с *п*.

ѳ — глаголич. ⱚ. В славянский алфавит Константин ввел особый знак для передачи согласного, соответствовавшего греческому ϑ. Можно полагать, что это был междузубной согласный.

Такой согласный в передаче греческих слов с ϑ представляли греки, говоря по-славянски, а также некоторые близкие сотрудники Константина — славяне, хорошо знавшие греческий язык.

Отметим, как параллельное явление, спирант ϑ, а также δ в речи болгар, находящихся на юго-востоке Албании, в селах Бобошчица и Дреновяне (в районе Корчи): при сильном греческом воздействии эти болгары усвоили и греческие спиранты ϑ, δ в передаче греческих слов: ϑáros („смелость, отвага"), ϑiría („великан")—греч. ϑηρίον („дикий зверь", „дикий человек, великан"); dáskál („учитель")—греч. δάσκαλος вместо διδάσκαλος.

Но в обиходной славянской речи народной славянской среды Солуня имелись и более ранние заимствованные греческие слова с ϑ. В этих заимствованиях греческий согласный ϑ передавался не по-гречески, а заменялся согласным т (t). Так, например, передавали тамошние славяне глагол ἀναϑεματίζειν („проклинать"): анатематисати. В старославянский язык могли войти некоторые из таких более ранних заимствований с т вместо ϑ. В ином словарном слое, в книжных словах, Константин, Мефодий и их ближайшие ученики представляли особый согласный, близкий к греческому ϑ: анаѳема—греч. ἀνάϑεμα. Но уже рано в языке старославянских переводов слова с ϑ стали передаваться с т: Βαρϑολομαῖος—вартоломии; Βηϑανία—витаниꙗ; Θαδδαῖος—тадеи; Θωμᾶς—тома; Μαρϑα—маръта и др. Был и иной способ передачи греческого ϑ,—тот же, что служил и для передачи греческого φ—ф: сит(овъ), сиф(овъ) (Зограф.)—Σήϑ; витъвагꙗ, витъфагꙗ (Зограф.)—Βηϑφαγῆ.

Была еще иная передача греческого ϑ: посредством з, как на это указывает экзарх Иоанн, болгарский писатель X в. Греческие слова πάντα τὰ ἔϑνη он транскрибировал таким образом: панъта та езни, а словѣньскы вси ꙗзыци („все народы", из предисловия к переводу Иоанна Дамаскина). Но передавал и он греческий ϑ посредством т: таласа (греч. ϑάλασσα)—море.

Греческий ϑ в славянской среде Болгарии передавался еще иначе: посредством х: пехер—„тесть", пехера—„теща" в передаче новогреческих πεϑερός (вм. πενϑερός), πεϑερά (вм. πενϑερά). Так в говорах Солунского края. Но обычно греческие слова с ϑ переданы там, как и в других болгарских говорах, посредством *т*: *паратир*—„окно"—греч. παραϑύρι; *тарос*—„смелость"—греч. ϑάρος; *матима*—„учение"—греч. μάϑημα и др.

Плавные р, л в определенных сочетаниях (в словах) были слоговыми (носителями слога): прьвъ (pr̥ьvъ), тврьдъ (tvr̥ьdъ), влькъ (vl̥ьkъ), скрьбь (skr̥ьbь).

Старославянские тексты не имеют знаков долготы и ударения, кроме не вполне ясных по их значению значков, находя-

щихся в Киевских листках. Но следует полагать, что старославянский язык, представлявший много черт древнейшего языкового славянского фонда, сохранял, с некоторыми изменениями, и давнее различие слогов в количественном отношении: одни слоги были краткими, другие — долгими. Ударение было подвижное и неодинаковое по интонации: в одних случаях интонация была нисходящая, в других повышающаяся, восходящая.

§ 37. На передаче новых (заимствованных) слов обнаруживаются следующие тенденции фонетической системы старославянского языка, — тенденции, восходящие к далекому прошлому.

1) Слог не оканчивается носовым согласным, плавным r, l и согласным v; для избежания закрытости слога происходит образование редуцированного гласного ъ, реже ь, после этих согласных, и таким образом согласный отходит к следующему слогу с ъ, ь: скандълъ — *σκάνδαλον* („соблазн"); пенътикостии — *πεντηκοστή*; андрѣа — *'Ανδρεας*; кинъсъ — *κῆνσος* („подать подушная"); варъваръ, оръганъ, каперънаоумъ — *Καπερναούμ*; скоръпии — *σκορπίος* („скорпион"); марька, роса ѥрьмоунѣ (Син. пс.) — роса ѥрьмоунъска (Син. тр.), — τοῦ Αερμόν; олътарь — *αλτάριν*, вместо лат. altare; мельхиевъ — τοῦ Μελχεί; параскевьг'ии — *παρασκευή*; авъгоустъ — Αὔγουστος; павьлъ — Παῦλος.

2) Подвергаются изменению группы согласных — те именно группы, которые, как показано будет ниже, издавна изменялись у славян: mn, dn (tn), pt, ps, ts, kch, tl (dl). В давнее время эти сочетания согласных изменялись так, что утрачивалось образование для первого согласного: dn ⟶ n, pt ⟶ t, ps ⟶ s, ts ⟶ s, kch ⟶ ch, tl ⟶ l. (Изменение tl, dl ⟶ l происходило не у всех славян, а только у предков восточных и южных славян). В славянской фонетической системе IX в., отражающейся теперь в старославянском языке, актуален иной способ избежания этих звуковых сочетаний: образуется вторичный гласный ъ (ь) между этими согласными: скумьнъ — *σκύμνος* — „львёнок"; ехидъна, ехидьна — *ἔχιδνα* („змея"); егупьтъ — Αἴγυπτος; пъсалъмъ — *ψαλμός*; пъсалътырь — *ψαλτήριον*; витъсаида — Βηθσαϊδά; закьхеи — *Ζακχαῖος*; вакъхъ, вакъха — родит. ед. — *Βακχος*; витьлеемъ — Βηθλεέμ; титълъ, титьлъ — τίτλος, лат. titulus („надпись", „титул").

Написание ъ, ь в этих случаях не представляет собою только графического явления: и в произношении этих слов были редуцированные гласные между указанными согласными. О фонети-

ческом значении написаний с ъ, ь свидетельствуют не только многочисленные примеры таких написаний, но и дальнейшая судьба этих сочетаний: в сильном положении обнаружились в XI в. в болгарских областях замены этих ъ, ь такие же, как и давних ъ, ь: скумси[ъ] (скоуменъ — Син. пс.), Павел(ъ), сгуаст[ъ], псалом[ъ].

Мягкие согласные *к'*, *г'*, *х'*, согласный *ф* — это новые черты славянской фонетики на юге. Возможно полагать, что они появились раньше в языке славян города, близких к греческой среде. В речи деревни такие согласные появились позднее.

Только в произношении таких книжных лиц, как Константин, Мефодий и близкие к ним ученики, был гласный ѵ (у), соответствовавший греческому υ, и согласный ѳ, произносившийся не как t или f, а как междузубной спирант, в соответствии греческому ϑ.

§ 38. На основании изучения языка письменности южных, восточных и западных славян и на основании сравнительно-исторического изучения диалектов отдельных славянских групп можно представить главные черты отдельных славянских языков в ранний период их исторической жизни. Сравнение давнего звукового состава разных славянских языковых групп со звуковым составом старославянского языка обнаруживает одинаковые черты в этих фонетических системах, при немногих различиях.

Так, особенностью старославянского языка были щ, жд вместо ранних доисторических tj (kt'), dj: свѣща, нощь, межде. В других языковых группах были иные замены tj (kt'), dj: в западнославянских языках (в чешском, словацком,. лужицких, польском, кашубском, полабском) c, dz (или z вместо dz); у сербо-хорватов палатальные $t^{š}$, $d^{ž}$ — с дальнейшим изменением, у словинцев č, j, на востоке č, ž.

Не одинаково было образование ě (ѣ): у славян болгарских — 'ā; такой же гласный находился и у славян на северо-западе,— у поляков, у поморян (предков кашубов), у полабян; у других славян ě был гласный закрытый: ê.

§ 39. В ближайшем отношении система старославянского языка, как и прочих языковых групп славян болгарских, находилась к языкам сербо-хорватскому и словинскому.

1) В старославянском языке были сочетания слоговых плавных с неслоговыми ъ, ь, которые произносились за плавными в таких сочетаниях, как: скръбь, тръдъ, влькъ. Возможно полагать, что и в других южнославянских языках были такие же соче-

тания, возникновение которых могло находиться в связи с перестановкой в давних сочетаниях or, er, ol, el между согласными: градъ, брѣгъ, глава, млѣко.

2) Удлинение гласного *о* (→*а*) и перестановка в сочетании or, ol перед согласным в начале слова,— удлинение почти во всех случаях. 1) рало, лакати; 2) ладии, равьнъ, расти, рабъ, лакъть. Но и: робъ; в некоторых диалектах славян болгарских — *локъть*.

Особенностью тех славянских групп, которые легли в основу групп славян болгарских, было в этом отношении то, что, кроме указанного выше изменения, пережито было в некоторых словах иное изменение начального ort-; гласный удлинялся (о→ā), но перестановки не произошло: после плавного развился редуцированный ъ: алъкати, алъдии. Тот же способ избежать окончания слога на r, l, m, n отражался в славянских группах Болгарии и позднее, как отмечено было выше: олътарь и др.

В тех языковых группах, которые легли в основу языков восточнославянских и западнославянских, тоже происходила перестановка; но удлинение гласного *о* было не во всех словах: оно зависело от вида интонации, как подробнее отмечено будет ниже — radło или ralo (ralo у вост. славян), łakati; но — łodь (łodъka), rovьnъ, rosti, łokъtь, robъ, robota.

3) Сочетания ра, рѣ, ла, лѣ между согласными вместо давних or, er, ol, el: градъ, глава, врѣмѧ, млѣко, плѣволъ. То же явление издавна представляли две западнославянские группы, близкие к южнославянским: словацкая и чешская.

4) Издавна южнославянские группы представляли гласный ѧ в окончании родит. ед. и винит.-именит. множ. имен на-а после мягкого согласного (вол'ѩ, строуѩ) и в окончании винит. множ. мужск. рода с основой на *-о* после мягкого согласного (имена типа мѫжь, кон'ь): кон'ѧ, строуѩ; мѫжѧ, кон'ѧ. В прочих славянских языках в этих формах окончанием был гласный ě (ѣ).

5) Издавна южнославянские языки имели в именах с основой на *-о* (дворъ, кон'ь, село) форму творит. ед. с окончанием -о-мь, -е-мь (дворомь, кон'емь) и в именах с основой на (ŭ) (сынъ, домъ)— с окончанием -ъ-мь (сынъмь).

В прочих языках форма творит. ед. в именах с давней основой на *-о* оканчивалась на -ъ-мь так же, как в основах на ŭ — synъmь, domъmь; так и: dvorъmь, vozъmь, kon'ьmь.

6) Широкое применение сочетаний глагола с союзом da. Такие сочетания не чужды синтаксису и других славянских языков,

особенно в раннем их состоянии. Например: др.-польск. da bačče — „посмотрите!“; нижнелужицк.: da-śi jo (jo — 3 л. ед., ст.-сл. ѥстъ), da-śi su (su — 3 л. мн. ч., ст.-сл. сѫтъ). В южнославянских языках применялись издавна, применяются и теперь в значении конъюнктива, при выражении пожелания, приказания, предположения, цели.

Ст.-сл. (из Мариинск. код.): что хощеши да ти сътворѭ. онъ же рече гн҃и да прозьрѭ; рьци каменню семоу да бѫдѫтъ хлѣби; имѣяи оуши слышати да слышитъ; да не съблазнимъ ихъ; хощѫ да даси ми...; принѣсѧ къ немоу дѣти да рѫцѣ възложитъ на нѧ.

Соврем. болгарск.: да си жив! („будь жив!“), да расте и крепне тѣлом и духом, да обича („пусть любит“) народа и земята си („свою страну“), да брани мѫжествено от врагове и („пусть мужественно защищает их от ее врагов“). Нѣма ли човѣк, да ми помогне? („Нет ли кого-нибудь, кто бы помог мне?“). Дошъл да я земе („пришел, чтобы взять ее“). Той върви бърже дано (да-но) настигне Петкана („Он идет быстро, чтобы догнать Петкана“; собств. „желая догнать Петкана“).

Сербск.: О̀дмах да̀ идѐш ку̏ћи („Немедленно иди домой“). Мѝсмио сам да̏ ће до̀ћи („Я думал, что он придет“). Бо̀јим се да̏ ће изгу̏бити све̏, или—да̏ не ѝзгуби, или — да̏ нѐ би изгу̏био („Боюсь, чтобы он не потерял все“, или „Как бы он не потерял все“). До̀шао сам да ку̏пим ко̀ња. („Я пришел, чтобы купить лошадь“).

Словинск.: dai mi bose (bože)... tuuoiu (tvoju) milozt da bim nezramen (nesramen)... stoial — в Фрейзингенских отрывках X—XI вв. Prosi ga, da ti pomore („Проси его, чтобы он помог тебе“).

7) И в лексике были некоторые общие черты в этих языках. Напр.: slana („иней“), vedjь (ст.-сл. вѣждь, болг. вѣжда; сербохорват. vèđa — „бровь“), kovьčegъ („сундук“) и некоторые др.

§ 40. Южнославянские языки представляют некоторые черты давнего происхождения, общие с восточнославянскими языками.

1) l — в западнославянских языках dl, tl; vedlъ, vedla, pletlъ, pletla, rydło, radło — зап.-славянские, velъ, vela, plelъ, plela, ryło, rało — южнославянские и восточнославянские. (Подробнее см. ниже, в отделе о языковых процессах доисторической эпохи.)

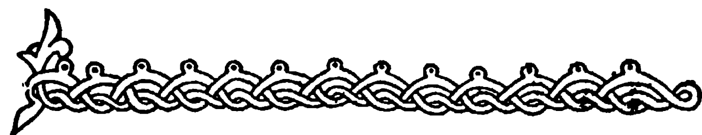
2) cvě-, dzvě- (с позднейшим изменением dz → z), в западнославянских языках kvě-, gvě-; květъ, gvězda — зап.-славянские; cvětъ, dzvězda (zvězda) — южнославянские и восточнославянские.

3) Мягкий согласный š (или позднейшее его отвердение) в определенных случаях (в чередовании с ch),— в западнославянских языках š: vьša, lěšě (lěcha), mušě (mucha), ženiši — южнославянские и восточнославянские (в ранний период их жизни); vьša, mušě, ženiši — западнославянские.

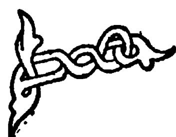
За исключением черт, свойственных только болгарской группе, и черт книжного языка, а также черт, общих с прочими южнославянскими и восточнославянскими языками, черты звукового состава старославянского языка были те же, что и в других славянских языках раннего периода их жизни. Например *о*, *а*, *у (ы)*, носовые гласные, редуцированные гласные и т. д. Одинаковость представляли тогда и формы, и синтаксис, и словарь. Эта одинаковость — наследие более давнего языкового фонда у славянских народов. А фонд этот образовался в течение длинного ряда столетий в давнее доисторическое время.

В историческое время этот давний языковый фонд претерпевал разные изменения по славянским областям. Чтобы полно представить историю славянских языков, необходимо иметь отчетливое представление о том общем фонде, который подвергался тем или иным изменениям. В том и ценность изучения старославянского языка, что он представляет письменную фиксацию языковых данных, весьма важных для понимания истории отдельных славянских языковых групп.

Фонетика

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВЯН ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

§ 41. Исторические упоминания о славянах идут от VI в. новой эры (у Прокопия Кесарийского, у псевдо-Маврикия, у Иордана и др.). То было время движения славян на юг и на запад. В VI—IX вв. славяне занимали обширные области на юге и на западе Европы: весь Балканский полуостров, острова Эгейского и Адриатического морей, Приальпийские области, края к северу и к югу от нижнего и среднего Дуная (предки южных славян), бассейны Одера, Эльбы, Вислы, края к югу от Судетской горной цепи по направлению к Дунаю (предки западных славян), бассейны Днестра, Днепра, частью Дона, Оки, верхней Волги (предки восточных славян). В более раннее время славяне жили к северу от Карпат, в бассейнах Вислы и среднего течения Днепра. Данные исторические, археологические, лингвистические указывают на эту область давних славянских поселений. Подробнее по этому вопросу см. „Славянское языкознание", т. I.

В историческое время славяне представляли собою население с значительными элементами родовой организации. Основной общественно-экономической единицей была большая семья задружного типа, основанная на власти старейшины-отца („патриархальная семья"). Но то уже не была родовая организация в ее

типическом виде, а организация на стадии ее разложения. Много столетий доисторического периода было пережито предками славян, как и предками других народов, в родовой организации, на разных ее ступенях. Много словарных данных с их специфической семантикой указывает на этот давний общественно-экономический строй. Несколько примеров.

1) Терминология семейная — с ее детализацией: pleme̜, koléno, rodъ, sъrodьni, svoi po krъvi, bratьstvo; voldyka, gospodь (соответствие в древнеиндийском dámpatiḥ, в древнегреческом δεσπότης — „домовладыка");

otьсь, mati, dědъ, baba, synъ, dъkti, vъnukъ, snъcha, je̜try („жена мужнина брата"), nevěsta („вновь взятая"), обездоленная vьdova (как и у других народов: др.-инд. vidhava, гот. widowa, лат. vidua; отсутствие термина для вдовца объясняется тем, что в положении мужчины после смерти жены не происходило значительных изменений.

2) Терминология кровной мести, свойственной населению родового строя: mьstь, vorgъ, voržьda („убийство"), cěna („выкуп за пролитую кровь"; корень koi̯-, kai̯- тот же, что и в глаголе kajati — „мстить"; то же значение имело соответствующее слово, образованное от того же корня в древнеиранском kaēnā, в древнегреческом ποινή, в литовском — kaina), čьstь вместо čьt-tь („что можно было высчитать при замирении") и др.

3) Термины скотоводства и земледелия:

a) gove̜do („рогатый скот"), korva, bykъ, volъ, tele̜, ovьca, jagne̜ — agne̜, kon'ь, žerbe̜; melko, syrъ, sъmetana (sъ-met-a-na), maslo (вм. более раннего maz-tlo, т. е. средство для смазывания, напр., тела, чтобы насекомые не сильно беспокоили), vьlna, runo (тот же корень, что и в глаголе rъv-ati); vozъ, voziti, kolo;

b) proso, rъžь, ovьsъ, je̜čьmy, pьšenica; lьnъ, konopь или konopja; snopъ, kolsъ, tokъ, gumьno (gu — „скот", перед гласным gov —; mьn — ср. в глаголе mьnǫ, mьneši, me̜ti, т. е. „место, где скот мнет колосья"); solma, zьrno, melti („молоть"), mǫka (корень тот же, что в прилагательном me̜k-ъ-kъ); была pektь (ст.-слав. пещь, русск. печь, зап.-слав. рес); там пекли kolačь, pirogъ и тот вид хлеба, который позднее (но в доисторическое время) назвали готским словом hlaibs: слав. chlěbъ.

4) Из ремесел развито было ткачество, как и у других народов в родовой период: tъkati, ǫtъkъ (ǫ — „в", „что втыкается"), stanъ или stavъ, bьrdo, čьlnъ или čьlnъkъ, kǫdělь, verteno, nitь,

sukno (корень suk-; sučiti), poltьno („что сложено"), pьstrъ, pьstriti (корень тот же, что и в глаголе pьs-ati, pis-ati) и др.

Подробнее см. в „Славянском языкознании", I.

§ 42. Славянское население было весьма многочисленно. Ранние исторические указания свидетельствуют об этом: славяне — „многочисленнейший народ" (μέγιστον ἔθνος), „бесчисленные народы" (ἄμετρα ἔθνη), „могущественные по своей численности" (natio populosa, numerositate pollentes). В VI—VIII вв. эти народы занимают весьма обширные области на востоке, юге и западе Европы. Область же к северу от Карпат, где в течение долгого времени находились славяне, была не так обширна, чтобы отдельные роды жили вдали одни от других. Родственные группы были не в далеком расстоянии между собою. Кроме того, физические условия, отсутствие природных преград, равнинная местность, богато развитая речная система благоприятствовали связям отдельных родственных групп. Вместе с тем необходимо учесть одинаковость общественно-экономического уклада жизни этого населения. Указанные общественные, экономические, природные условия благоприятствовали длительному сохранению исконного языкового единства славян.

Однако различия в языке славянских групп в разные периоды их доисторической жизни имелись. Различие обусловлено было общественно-бытовой дифференциацией, переживавшейся отдельными родами в зависимости от местных условий жизни. Позднее, при территориальном сближении одних родов и племен с другими, при устанавливавшихся близких общественно-экономических взаимоотношениях между ними, при вхождении членов одного рода в состав другого, некоторые черты общественно-языковой дифференциации сглаживались. О ранних доисторических местных языковых явлениях мы не знаем: они утратили свою актуальность в доисторической же жизни славян. Славянские языки в ранний период своей исторической жизни представляют указания на такие областные языковые процессы, которые были пережиты в более позднее время доисторической жизни славян. Замечания об этих процессах были сделаны уже выше (§§ 38—39).

Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический, в VI—IX вв.: новые слова входили в прежние языковые нормы. Напр.:

новые слова с or(ar), ol(al), er(el) между согласными. Ср. передачу имени Карла Великого (771—814): ar в этом слове передавалось по славянским языкам так же, как изменялись некогда давние tort, tolt, tert, telt: в южнославянских языках, а также в чешском и словацком — krāl'ь, в польском krol'ь, у восточных славян korol'ь; ср. давние mlātišь у южных славян, а также у чехов и словаков, mlót'išь у поляков, molótišь у восточных славян — вместо moltiši. Ср. также: личное имя Mrata у сербо-хорватов вместо Martinus; название края между нижней Савой и Дунаем Srěm вместо Sirmium; у словинцев плоскогорие Kras — итальян. Carso, романо-балкан. Carusadius; у славян Болгарии Srědьсь — вм. Sardica. Другой пример: сочетания — гласный + носовой согласный — перед согласным в новых словах передавались попрежнему носовым гласным. Ср. в языке славян болгарских второй половины IX в. слово сѫбота, с гласным носовым ѫ, — слово, которое передавало собою народно-греческое σάμβατον. Ср. название села в южной Македонии Пътеле (Леринский район), с гласным ъ из более раннего носового гласного ѫ (так изменился в болгарском языке этот гласный: рѫка — ръка). Это село названо по греческому имени Παντελεήμων. Сербо-хорватские передачи романских топографических названий в Далмации, — названий с san, sant: это an сербо-хорваты передавали посредством носового гласного; позднее, по утрате носового образования, получился гласный *u*: su Petar = san Pietro и т. п. Передача латинского Sonticus у словинцев: Soča вм. более раннего Sǫča (с носовым ǫ; č вм. tj).

У восточных славян: вар'агъ, кълб'агъ (название народа), бур'агы (-ги), јабетьник — вм. северногерманских väringer, kylfingr, buringr, āmbiti („служба").

Судъ — название пристани в Константинополе (Золотой Рог) — староскандинавское sund („морской пролив"). В языке славян болгарских применялся и иной фонетический способ для устранения конца слога на r, l, m, n посредством развития вторичного гласного ъ (ь) после r, l, m, n: капєрънаоумъ, анъдрѣа и др. (см. выше).

§ 43. Историческое изучение славянских языков дает возможность представить древнейшее состояние их, то состояние в отношении звуков, форм, синтаксиса, лексики, которое свойственно было славянам в ранний период их исторической жизни. Это — тот языковый фонд, который сформировался в доисторическое время. Звуковой состав этого фонда был такой.

1) Гласные полного образования.

Задний ряд: a, o, u, ǫ.

Средний ряд: y (ы).

Передний ряд: e, ė (ѣ), i, ę.

2) Гласные неполного образования, ъ, ь; ỳ, ì.

1) Задненебные: k, g, ch.

2) Палатальные: j, č, ž, š, c, d͡z, s', n', r', l', t'š или t's', d'ž или d'z', š͡č, ž͡dž.

3) Небно-зубные: t, d, n, s, z.

4) Губные: m, p, b, v.

5) Плавные непалатальные: r, ł, l.

Все гласные были носителями слогового свойства (слоговыми). Но гласные i, ъ, ь в определенных условиях были и неслоговыми (i̯, ъ̯, ь̯).

Неслоговым был в более давнее доисторическое время и u̯, на месте которого развился звук v. По славянским доисторическим группам в определенных условиях был не зубно-губной v, а билабиальный w. Так, были такие группы славянского населения, в речи которых был w перед ъ, ь: wъ, wъnukъ, wьdowa, nowъ. В других группах были сочетания с vъ: vъ, vъnukъ.

Согласные плавные и носовые (m, n) — согласные сонорные. По условиям своего образования они близки к гласным звукам: в своем образовании они представляют отверстие, через которое проходит воздух свободно, без значительного трения. При образовании m, n таким отверстием служит открытый вход в полость носа (небная занавеска опущена); при образовании плавного l (ł, l, l') — отверстие при опущенных боках языка; при r — отверстие над спинкой языка, кончик которого то опускается, то приподнимается, вибрируя у передней части твердого неба, близкой к десне резцов. По открытому отверстию эти звуки, плавные и носовые, объединяются с гласными. В определенных положениях плавные были слоговыми: r̥, l̥ — gъrdło → gъr̥ło, vьl̥kъ. Но, кроме открытого отверстия, образование плавных и носовых имеет затворную артикуляцию, образуемую той или иной частью языка по отношению к небно-зубной области (n, ł, l, l', r, r') или артикуляцию, образуемую губами (m). Поэтому плавные и носовые m, n разделяют также черты образования прочих согласных. Струя воздуха, проходя через препятствие, представ-

ляемое образованием плавных и носовых m, n, взрывает затвор или трется о стенки теснины. В акустическом отношении получается шум — черта согласных. Но при образовании сонорных r, l, m, n преимущественное значение принадлежит звучащей струе воздуха, а не шуму, как при образовании других, шумных, согласных.

Слоги были долгими и краткими и произносились не с одинаковой интонацией.

Ударение было разноместное и неодинаковое в своем образовании в зависимости от направления в движении тона, в зависимости от его повышения или понижения. Напр.: vornъ и vorna имели слог с -or- с разным ударением, или pol'e, vol'a представляли слог po-, vo- с разным ударением.

Анализ языковых фактов вскрывает нам и те процессы, которые были пережиты предками славян в доисторическое время, процессы, в результате которых образовался тот языковый фонд, который представляли славянские языки в ранний период их исторической жизни.

Многое в славянском языковом фонде находит себе соответствие в других языках индоевропейской системы. При изучении славянских языковых процессов мы исходим из анализа славянских фактов и только потом, для ориентации в том или ином явлении, оглядываемся на другие индоевропейские языки, обозревая в них те или иные соответствия славянским данным.

Отметим главные языковые процессы, пережитые славянами (их предками) в разные периоды весьма длительной доисторической эпохи.

а.

§ 44. Все славянские языки имели гласные долгие и краткие. В определенных условиях произошло сокращение долготы слога, долготы гласного. Так было, например, в конечном открытом слоге: в этом положении долгий гласный более раннего времени стал кратким. Но были условия, при которых долгота слога не сокращалась. Такие условия подробнее определяются в курсах славянских языков (см. „Славянское языкознание", соответствующие пункты). Отметим пока одно положение, благоприятствовавшее сохранению долготы: это — непосредственно предударный слог (если ударение не было восходящего типа; об этом ниже). В этом положении долгота гласного сохранялась в разных сла-

вянских языках и сохранена до сих пор в тех славянских языках, в системе которых удержалось различие между долгими и краткими слогами: в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком языках. Имеются ясные следы долготы в этом положении и в польском языке,— следы в виде изменения гласного: ā ⟶ å (лабиализованный *a*) с дальнейшим изменением, носовой гласный ǫ, а не ą или ę (последние носовые гласные, ą, ę, были в кратком слоге). Следя за словами с гласным *a*, мы наблюдаем долготу его в том положении, в котором она не подлежала сокращению, например, в непосредственно предударном слоге: trāva. Ср. в сербо-хорватском, чешском и словацком trāva, chvāla, в польском tråva вместо trāva и др.

Полагаем: гласный *a* был гласным долгим. Когда происходило *при определенных условиях сокращение долгот, напр., в конечном* открытом слоге, сократился и *a* в этих положениях: trāvā ⟶ trāvă.

§ 45. В ряде слов корень или суффикс представляет гласный *a* в чередовании с корнем или с суффиксом с гласным *o*. Так, в глаголах многократного вида, со значением повторного действия, представлен гласный *a*, а в других случаях корень имеет гласный *o*: nositi — našati, prinašati, voziti — važati, bosti (вм. bodti) — badati, goniti — gan'ati.

Другие подобного значения глагольные образования представляют в корне *ě*, *i*, *y (ы)* при *e*, *ь*, *ъ* в корне, не указывающем на повторность действия: grebǫ — pogrěbati, bьrati — nabirati, tъkati — tykati, zъvati — zyvati. Корень глаголов с повторным действием представляет долготу гласного. Следовательно, в образованиях našati, važati... в корне находился долгий гласный, получившийся в результате удлинения nos-, voz-... Но гласного *ō* не имела давняя славянская звуковая система: вместо *ō* был гласный *ȧ*.

Следовательно, долгий гласный *ō* заменялся у славян гласным *ā*.

§ 46. Справки с соответствиями славянскому *a* в других индоевропейских языках указывают, что славянскому *a* соответствовали долгие *ā* и *ō*. Например:

1) bratrъ, bratъ — лат. frāter, греч. φράτωρ, φρᾱ́τηρ; mati — лат. māter, греч. дорическое μᾱ́τηρ; bajǫ, bajati („говорить"), basnь — лат. fāma („молва", „слава"), греч. φᾱμί („говорю"); stati — лат. stāre; orati („пахать") — лат. arāre.

2) damь, dati, danь, darъ — лат. dōnum, греч. δίδωμι; znajǫ, znati — лат. cognōscō, греч. γιγνώσκω; dъva — лат. duō, греч. δύω.

Итак:

1) слав. ā ← ā, ō

§ 47. Обратим внимание на звуковой вид инфинитивов с суффиксальным -ě- (-ěti): viděti, tьrpěti, zeleněti... Но в таких случаях, когда перед суффиксом инфинитивной основы был j, č, ž, š, гласным является не *ě*, а *a*: stojati, kričati, dyšati, ležati. Соответствующие образования в других индоевропейских языках представляют гласный ē: ср. латинские инфинитивы на -ēre: vidēre; славянский инфинитив dyšati ср. с литовским образованием dūsēti (dūsėti). То же фонетическое явление отражается и в других случаях: *ě* после непалатальных, *a* после палатальных. Напр., на суффиксе -ělь: gybělь, kǫpělь; но: pečalь, mьlčalь („молчание"), piščalь.

Итак:

2) Слав. ā вместо ē после j, č, ž, š.

о.

§ 48. Слог с гласным *о* в славянских языках был кратким, если только не произошло при определенных условиях удлинения его. Так, например, слог с *о* в отдельных славянских языковых группах при особом ударении, при восходящем, удлинился: koža → kōža, vol'a → vōl'a. Происходило удлинение гласного *о* в отдельных славянских языках и в связи с утратой *ъ*, *ь* в следующем слоге, а также при наличии других условий, благоприятствовавших продлению гласного в предшествующем слоге: при звонкости конечного согласного (bōb, но bŏk), при длительности конечного звонкого согласного (vōz), при восходящей интонации (dvōr, kōn'...).

Итак, славянский гласный *о* был кратким гласным: dŏmъ, ŏkŏ, tŏ, ŏsь.

§ 49. Славянскому ŏ соответствуют в других индоевропейских языках краткие гласные ŏ и ă.

Славянские: 1) dŏmъ — лат. dŏmus, греч. δόμος; ŏkŏ — лат. oculus, греч. ὄσσε (двойственное число); ŏvьca — лат. ovis, греч. ὄϝις; tŏ — лат. istud (вм. istod), греч. τό;

2) ŏsь — лат. ăxis, греч. ἄξων; ŏtьcь — лат. atta, греч. ἄττα, гот. atta; ŏstrъ — лат. acus, acidus, греч. ἄκρος.

3) Сочетание *ov* с гласным *o* представлено было у славян преимущественно перед гласным заднего и среднего ряда: novъ, słovo. Но перед гласным переднего ряда находилось сочетание с гласным *e*: nev-: nev-ěsta (nev- тот же корень, что и nov-a), devętь, sěverъ. Полагаем: ev перед гласным заднего и среднего ряда изменилось в ov.

Другие индоевропейские языки представляют соответствие в виде eu̯ и результата его изменения.

novъ — греч. νέϝος; słovo — греч. κλέϝος („весть, молва, слава"); płovǫ — греч. πλέϝω.

Если же в следующем слоге находился гласный переднего ряда, то у славян ev: słovo, но: devętь. Бывает ov и перед гласным переднего ряда — в тех словах, в которых та же основа представлена и с ov (перед гласным заднего ряда). В силу процесса обобщения основы в одинаковом звуковом виде в разных формах появились и слова с ov перед гласным переднего ряда — słovo — słovese (родит. ед.), słovesa (имен. множ.); słoveši как słovǫ. Обобщались основы и в другом направлении — с гласным *e*: revǫ с rev-, как reveši, revetь.

4) Имеются слова, в которых один и тот же корень (или база) имеет неодинаковый гласный: в одних корень с *a* или с *ĕ*, в других корень с *o*. Это — те случаи, когда и в других индоевропейских языках отражается чередование гласных, — такое чередование, которое восходит к следующему чередованию: долгие ā, ō, ē в одних словах, результат ослабления (редукции) ə — в других. Вот эта-то ступень редукции с гласным ə (точно не определимым в его образовании в древнейшей фонетической стадии индоевропейских языков) и дала краткие гласные в отдельных индоевропейских языках: i в древнеиндийском, ă в греческом, латинском, германских, литовском языках, ŏ в славянских.

stati — stojǫ; ср. греч.-дорич. ἵστᾱμι („ставлю") — στατός („поставленный"), др.-инд. sthitáḥ;

bajati, bajǫ („говорю") — bobony (удвоенный корень bo-; „суеверие, связанное с говореньем");

spěti — sporъ („изобильный", „спорый"), др.-инд. sphiráḥ („изобильный", „богатый").

Такая же редукция долгого гласного ā, ō, ē могла быть и в окончании (в суффиксе). Таково происхождение чередования

a (*ā*) в именительном падеже единственного числа (славян. ryba, žena) и *o* (*ō*) в звательной форме единственного числа тех же основ (слав. rybo! ženo!); ср. греч. ᾰ: νύμφᾰ! δέσποινᾰ! („госпожа! владычица!").

Представлять фонетическую стадию с каким-то кратким гласным, явившимся в результате ослабления долгих гласных ā, ō, ē, побуждает следующее: одинаковость в образовании того гласного, который появился в разных языках вместо ослабившихся ā, ō, ē: в др.-индийской группе i, у славян ŏ. Если у славян этот гласный мог непосредственно восходить к сократившимся *a* и *o*, то непонятен результат сокращения *ē*: гласный *ŏ* непосредственно не мог получиться в этом случае. Поэтому полагаем, что *ā*, *ō*, *ē*, ослабевая, заменялись каким-то гласным (ə), который затем в славянской группе получил образование краткого *o*.

Итак:

слав. ŏ ← ŏ, ă, ĕ перед u̯ (v), ə

§ 50. Гласный ŏ славянской фонетической системы раннего состояния был гласным открытым. Передача заимствованных слов доисторического периода и раннего времени в исторической жизни славян свидетельствует о таком образовании гласного *o*. Так, с гласным *o* передано было у славян имя того тюркского народа, который назывался в греческих документах ἄβαρ, в латинских avarus: слав. ŏbrinъ (появление авар в Европе относится к середине VI в. н. э.). Так передан вне ударения и греческий гласный *a*: korabl'ь — греч. καράβι[ο]ν; krovatь — греч. κραββάτι[ο]ν.

На открытость славянского ŏ указывают и иноязычные передачи славянских слов с этим гласным: slověne — Σκλαβηνοί.

§ 51. Гласный ŏ у славян в доисторическое время подвергся изменению после палатальных согласных. Эти согласные действовали палатализующе на следовавшее за ними образование гласного заднего ряда: o → ö, u → ü. Но гласные лабиализованные переднего ряда не были свойственны тогда славянской фонетической системе: гласные ö, ü утрачивали лабиализацию: ö → e, ü → i.

pol'o → pol'e; jego, jemu (сравн. togo, tomu), lice, děvice! (зват. форма; но: ženo!), vojevoda;

sjūti → šiti (sj → š; см. ниже о славянских u и š).

§ 52. В количественном отношении гласный u был гласным долгим, как на это указывают славянские языки в их истории. Так, в непосредственно предударном слоге гласный u сохранял долготу. Ср. сербо-хорватское kūpiti (чешское koupiti), būriti (чешское bouřiti — „бушевать“) и др.

§ 53. Гласный u находится в следующем фонетическом положении: перед согласным и в конце слова, т. е. вообще в конце слога. Перед гласным же находится сочетание ev, ėv, ov, av. Славянскому v предшествовало образование неслогового u̯: u̯ → v перед гласным. Перед гласным были некогда дифтонги eu̯, ēu̯, ou̯, ōu̯ → āu̯.

Несколько примеров:

kujǫ, kuznica, но: kovati, kovъ;

słuti, но słovǫ (1 л. ед.), słovo, słava;

r'uti — reveši, revǫ (1 л. ед.);

gumьno (gu-mьno) — govędo (gov-, gu-, „рогатый скот“; mьn-, mьnǫ, mьneši — „мну“, „мнешь“).

Итак, вместо дифтонгов с неслоговым u̯ у славян появился в конце слога монофтонг u. Следует полагать, что гласному u предшествовала фонетическая стадия с дифтонгом ou̯. В этом дифтонге ou̯ совпали разные дифтонги более ранней фонетической стадии: 1) ŏu̯; 2) ău̯: ă у славян изменился в ŏ; 3) ōu̯, āu̯: произошло сокращение первой, слоговой части дифтонга, — сокращение, отразившееся и на других дифтонгах: ōi̯, āi̯, ēi̯, ēu̯ (см. ниже). След прежней долготы первой части дифтонга отразился в интонации, как отмечено будет ниже.

Славянский дифтонг ou̯ мог быть и иного происхождения: вместо более раннего əu̯, получившегося в индоевропейских языках вследствие редукции ōu̯, āu̯, ēu̯ (у славян ə → o; см. § 49).

Гласный *u* получился в славянской фонетической системе не только вместо дифтонга ou̯ разного происхождения, но и вместо дифтонга eu̯ (из ĕu и ēu̯). Как результат палатализации в образовании первой части дифтонга eu̯ выделился j, ассимилировавшийся затем с предшествующим согласным: eu̯ → ju → 'u (' указывает на палатализацию предшествующего согласного). Ср. указанный выше пример r'uti — reveši, revemъ... Ниже, в связи с соответствиями других индоевропейских языков, отметим пример

bl'udǫ, bl'udeši... вместо более раннего bjud-ǫ, а это из beu̯d- (bheu̯dh-).

§ 54. На дифтонги eu̯, ou̯, au̯, ēu̯, ōu̯, āu̯, əu̯ указывают и другие индоевропейские языки.

Монофтонг *u* у славян имел неодинаковую интонацию в зависимости от того, происходил ли он из дифтонга с долгим ē, ō, ā или с кратким ĕ, ŏ, ə: *u* имел восходящего типа интонацию (´) в заменах дифтонгов ēu̯, ōu̯, āu̯ и нисходящего типа интонацию (⁀) в заменах дифтонгов ĕu̯, ŏu̯, ău̯, əu̯. Восходящего вида интонация слога с *u* была еще в том случае, если дифтонг ou̯ получился в результате редукции двухслогового сочетания ou̯ə: напр. sluš-ati вместо slou̯əs.

Слав. sũchъ — лит. saũsas, греч. αὖος (см. σαυσος); основное sau̯s-;

ucho — лат. auris;

предлог u и префикс u: u mene, u brata, unositi — лат. aufero;

rũdъ — „красный", ruda — лит. raũdas; гот. rauths — „красный"; ср. греч. ἐρεύθω — „краснею" с ευ (eu̯), как чередование с ou̯; основное rou̯dh-;

kujǫ — лит. káuju — „бью, кую", др.-верхн.-нем. houwan;

buditi — лит. pasibaudíti — „подыматься"; ср. слав. bl'udo вм. bheu̯dh, как чередование с bhou̯dh; synu (родит. ед.), — лит. sũnaũs, гот. sunaus; ср. слав. дат. ед. synovi (synov-i);

struja (stru-ja), ostrovъ (o-strov-ъ), — лит. sravà — „течение крови", древнеинд. srávati — „течет";

gumьno, govędo (см. выше); греч. βοῦς — „бык", др.-инд. gauh — „бык", „корова"; основное gᵘōu̯-.

l'udije, — латыш. l'àudis, др.-верхн.-нем. liut; основное сочетание leu̯dei̯es.

bl'udǫ, bl'usti, греч. πεύθομαι; основное bheu̯dh-, чередовавшееся с bhou̯dh- (слав. bud-).

r'uti, может быть, вместо rēu̯; ср. долготу гласного в др.-инд. rāuti — „он ревет".

turъ, лит. tauras — „бык", лат. taurus, греч. ταῦρος; основн. təur-.

Итак:

слав. u ← ou̯ (из ŏu̯, ōu̯, ău̯, āu̯, əu̯, ou̯ə)

ju ← eu̯ (из ĕu̯, ēu̯).

Такое изменение eu̯, ou̯ в конце слога — замена монофтонгом — находилось в связи с одной из существенных тенденций

славянской фонетической системы — со стремлением к открытости слога, к окончанию его слоговым гласным. Вследствие этой тенденции изменялись в конце слога также eį в i, oį в ě и i, on, om в носовой гласный ǫ, en, em в носовой гласный ę, изменялись or, ol, er, el перед согласным и некоторые группы согласных. Об этом подробнее см. ниже.

§ 55. Передача дифтонга oų посредством u происходила и в новых словах, в заимствованиях, появившихся во время сношений славян с германскими народами, в первые века н. э. При этих сношениях происходил торговый обмен. К этому обмену относились германские слова с корнем kaup-: гот. kaupōn — „торговать", др.-верхн.-нем. kouffen; в других древнегерманских группах слова с этим корнем относились не только к „торговле", но и к „мере", к „имуществу", к „скоту". Германское же слово kaupa появилось в связи с римским воздействием: образцом для германского kaupa был латинский caupo — „шинкарь", „содержатель постоялого двора", „кто из вина делает воду". В связи с германским kaupa появились у славян слова с kup-: kupiti, kupьсь.

Перешло к славянам и германское слово, служившее у германцев для указания принадлежности к германскому народу — „принадлежащий к народу (германскому)", „народ": theudh-: гот. thiuda — „народ", др.-верхн.-нем. diot[a] и др. У славян слово с этим корнем было передано так: tjudjь в значении „чужой": ст.-сл. штоуждь — стоуждь — тоуждь (ст, т вследствие диссимиляции с образованием согласного в следующем слоге), сербо-хорв. tuđ, вост.-слав. čuž (русск. чужой), зап.-слав. cudz- (польск. cudzy, ст.-чешск. cuzí, ново-чешск. cizí).

§ 55а. Гласным *u* передавали разные славянские группы закрытый гласный *o* в заимствованных словах: buk (раст. Fagus silvatica), buky — „буквы". Это — германское заимствование: др.-верхн.-нем. buohha — „бук", buoh — „книга", гот. bōka — „буква" (как следствие применения бука для рунических начертаний).

Так передан в старославянском языке и греческий гласный ω: кіноунъ — греч. κανών; роуминъ — греч. ῥωμαῖος — „римлянин", „ромей"; соломоунъ — греч. Σολομών; домъ ароуновъ (Син. пс.) — греч. [τοῦ] Ἀαρών; роса еръмоуньска (Син. тр.) — роса ермоунъ (Син. пс.) греч. — τοῦ Ἀερμών.

У.

§ 56. Гласный у (ы) был долгим гласным, как на это указывает история отдельных славянских языков. Так, например, в непосредственно предударном слоге он является долгим в сербохорватском, чешском и словацком языках. Сербо-хорват. gȋbati (вм. gȳbati), чешск. hýbati („двигать"), сербо-хорв. pȋtati (вместо pȳtati), словац. pýtat' („просить"), сербо-хорв. bȋk, чешск. býk и др.

§ 57. Положение гласного у — перед согласным и в конце слова: dymъ, byti, ty, svekry. Перед гласным представлено было сочетание ъv: ryti — rъvati, byti — bъvenъ (zabъvenъ), kryti — krъvenъ (sъkrъvenъ), svekry (именит. ед.) — svekrъve (род. ед.), svekrъvь (вин. ед.).

Сочетание ъv представляло собою замену более раннего сочетания, состоявшего из двух кратких ŭŭ, из которых второй был неслоговым (перед гласным), как и в замене сочетания ou̯ (ov): ŭu̯.

Как видно, славянскому гласному у (ы) соответствовали перед гласным два кратких гласных (ŭŭ) — указание, что в более раннее время тот гласный, вместо которого появился у, был тоже гласным типа u и был долгим: ū.

§ 58. Соответствия других индоевропейских языков также указывают на ū. Например:

Слав. byti — лит. búti (būti);

dymъ — лит. dúmai (множ.), др.-инд. dhūmaḥ, греч. θῦμός — „ярость", „отвага", „дух", лат. fūmus — „дым";

synъ — лит. sūnùs, др.-инд. sūnúḥ;

myšь — лат. mūs, др.-верхн.-нем. mūs, греч. μῦς;

svekry — др.-инд. śvaśrúḥ;

ty — лат. tū.

Гласный ū вследствие удлинения ŭ был еще в окончании формы именит.-винит. двойственного числа имен на -ъ (из -ŭ: synъ): syny; ср. др.-инд. sūnū́.

Итак:

слав. { у перед согласным и в конце слова вм. ū,
ъv перед гласным вм. ŭu̯.

§ 59. Гласный ū с высоким положением языка, с энергичным округлением губ, в ранней доисторической звуковой системе у славян был еще иного происхождения: вместо ō перед n в конце слова. Такое изменение происходило в связи с особой фонетикой

конца слова: в этом положении происходило более энергичное лабиальное образование: -on → -un. Такой процесс переживался в образовании и краткого и долгого *o*. Гласный же высокого подъема u подвергался изменению, которое переживалось в отношении такого гласного: ū → y (ы), ŭ → ъ. Напр.: kamōn → kamūn → kamy (о фонетической судьбе конечного носового n см. ниже, в пункте о носовых гласных). Ср. соответствие славянскому слову в греческом языке с долгим ō перед n: ἄκμων („наковальня", „камень, на котором точат"). В литовском происходил тоже процесс изменения конечного on в un и затем в uo (ů): akmuõ (akmů).

Итак:

слав. *у* (*ы*) вместо ūn из ōn в конце слова.

В славянской фонетической системе не было долгого гласного ū напряженного образования, с высоким подъемом языка. Гласный ū, появившийся у славян вместо дифтонга oṷ (suchъ), был более пониженной артикуляции в отношении языка и не с таким энергичным округленным сужением губ, как при ū (û). На это указывает то, что иноязычное *o* в славянской фонетике передавалось как *u*: buky — гот. bōka (см. в отделе об u). И в позднее время, в первые века н. э., в фонетике славян не было закрытого, напряженного û. Такой долгий гласный германских языков славяне передавали посредством *у* (*ы*).

Слав. chyzъ, chyza, chyža, chyzina, chyžina — вместо герм. chūza, chusa (гот. hus, др.-верхн.-нем. hūs);

tynъ — герм. tūn (др.-сев. tūn, др.-верхн.-нем. zūn → zaun);

myto — „подать", „налог"; герм. mūta (ср.-верхн.-нем. mūte — maut).

§ 60. Параллельно с изменением долгого слогового ū проходило изменение и краткого слогового ŭ. Гласный ŭ стал нелабиализованным кратким гласным (обозначим его посредством ı), который позднее, параллельно с изменением краткого гласного тоже высокого подъема ĭ, подвергся редукции: ı → ъ, ĭ → ь. Сущность изменения состояла в том, что лабиальная артикуляция при гласных заднего ряда высокого подъема отделилась от образования их. Она стала производиться раньше, при артикуляции предшествующего согласного. След лабиального элемента ясно отразился на образовании задненебных согласных k, g, ch: такие лабиализованные k, g, ch не подвергались палатализующему воздействию предшествующих гласных i, ь, ę: otęgъčati,

lьgyňi. Если же слово начиналось с ū, ŭ, то лабиальный элемент выделился как отдельная артикуляция: ūdra⟶vydra, ŭpiti⟶vъpiti, vъšь. Такое изменение, дислабиализация гласных заднего ряда ū, ŭ, находилось в связи с весьма давним изменением славянской фонетической системы, выразившимся в ослаблении лабиального элемента гласных; и гласные ō, ŏ получили открытое образование, в особенности гласный долгий: ō⟶a, ŏ⟶ŏ открытого образования (ŏ^a). Гласный ū, утрачивая лабиальное образование, изменял место образования: в заднем ряде не производилась артикуляция долгого гласного при высоком подъеме языка; происходила передвижка артикуляции в средний ряд: появилось образование гласного *у* (*ы*). Нелабиализованный к р а т к и й гласный (вместо ŭ), позднее ставший редуцированным *ъ*, не был такого высокого подъема, каким был долгий гласный, заменивший собой ū. Ср. в позднейшей славянской фонетике различие в подъеме языка и в степени напряженности при образовании долгого ū и краткого ŭ, например, в чешском языке: долгий ū представляет артикуляцию более закрытую, с более высоким подъемом языка, чем краткий ŭ. Еще яснее представлено различие в судьбе долгого ū по сравнению с кратким ŭ в кашубском языке: долгий ū сохранил свое высокое образование, а краткий ŭ заменился пониженным, открытым образованием — á: lūd (вместо l'ūdъ), но ládem (твор. ед.). Будучи гласным пониженного образования сравнительно с соответствующим долгим гласным, гласный ı (позднее *ъ*) производился в задней зоне полости рта, с некоторой передвижкой вперед, к средней зоне. В фонетической системе отдельных славянских групп особая краткость, неполнота образования гласного *ъ*, отодвинула его дальше назад. На то, что образование *ъ* было близко к среднему ряду, указывает судьба его в истории западнославянских языков. Таким он был, например, в польском языке: сочетания kъ, gъ с усилением гласного *ъ*, *ь* изменялись в таком же направлении, как ky, gy: образование согласного передвигалось в палатальную зону: kъ⟶k'e, gъ⟶g'e, как ky⟶k'i, gy⟶g'i: bok'em вместо bokъmь (bokъ), stog'em вместо stogъmь (stogъ); kinǫć вместо kynǫti, g'inǫć вместо gynǫti. Но m'echem с твердым ch, вместо mechъmь, потому что не было передвижки chy в ch'i: chylić, muchy.

На то, что отодвижка артикуляции в среднюю зону полости рта вызвана была высоким положением спинки языка, указывает та-

кое явление фонетики доисторической эпохи: перед j и i предшествовавшие гласные *ъ*, *ь* ассимилировались с j и i; эта ассимиляция состояла в повышенном подъеме языка, как в образовании следующих j, i; а при таком положении языка артикуляция гласного *ъ* передвигалась в среднюю зону: ъj ⟶ ў̆i (ў̆ — редуцированный *ы*); ьj ⟶ ĭj (ĭ — редуцированный *i*).

Отметим еще одно позднейшее явление в фонетике русских говоров, имеющих гласный *ъ* вместо безударных *о*, *а*. Этот редуцированный гласный при продлении, которое бывает в случаях экспрессивного произношения слова, произносится как ы̆: *дóрыго*! (вместо *дóрьго* при спокойном произношении); *вóдит зá-ныс!* (*водит зá-нъс* = за нос); *дрáча у-дыму!* (*драча ý-дъму* — „драка у дома") и т. п. Такое произношение (*ы*) указывает на близость артикуляции *ъ* к *ы*, а также и на то, что редуцированность гласного связана с зоной артикуляции, близкой к заднему, а не к среднему ряду.

§ 61. В давней доисторической фонетической системе славян не было лабиализованных гласных переднего ряда: ö ⟶ e (см. выше, в отделе о гласном *о*), ü ⟶ i. Лабиализованные гласные переднего ряда появились у славян вместо гласных о, u после палатальных согласных,— появились вследствие палатализующего воздействия предшествующего палатального согласного: šiti, вм. sjūti (ср. лит. siúti, др.-инд. syūtáḥ — „сшитый"). На то, что звуковому сочетанию предшествовала такая фонетическая ступень, на которой в этом слове был гласный лабиальный u, указывает следующее: перед гласным находится -ьv (после непалатальных согласных ъv); перед согласным i (u) — после непалатальных согласных y (ы): šiti — šьvьсь, podъšьva, ryti — rъvati. После палатального согласного u ⟶ ü ⟶ i перед согласным (šiti); перед гласным же долгому ū соответствовало некогда сочетание ŭu̯; а после палатального согласного оно изменилось в ŭu̯ ⟶ ĭu̯ ⟶ ьv (šьva).

Итак: ’ū ⟶ ’ǖ ⟶ ’ī;
’ŭ ⟶ ’ü̆ ⟶ ĭ ⟶ ’ь.

е.

§ 62. Гласный *е* в количественном отношении был в славянских языках гласным кратким. Его удлинение происходило в отдельных славянских языковых группах при определенных усло-

виях, при которых удлинялся и гласный *o*. Например, в зависимости от вида ударения (под восходящим ударением): koža ⟶ kōža, vol'a ⟶ vōl'a. (напр., в чешском языке, в части русских говоров); в зависимости от ослабления и утраты *ъ*, *ь* в следующем слоге: mostъ ⟶ mōst[ъ] (в украинском языке). На краткость гласного *e* указывает и следующее явление доисторической эпохи славянских языковых групп: в глаголах, не имеющих значения повторяющегося действия, находится в корне гласный *e*; в глаголах итеративного значения тот же корень представлен с долгим гласным, с *ē*: grebǫ — pogrēbati, pletǫ ⟶ sъplētati. Ср. чередования гласных в корне *o* — *a* (вм. ō) при тех же условиях.

Гласный *e* был в таких двух положениях.

1) После непалатального согласного: berǫ, neseši, sestra, voze! (зват. форма), именит. множ. synove, dьne, kamene. Во многих случаях представлен тот же корень или тот же суффикс с гласным *o* (явление так наз. чередования гласных): berǫ — borъ (zaborъ), nesǫ — prinosъ, tekǫ — tokъ, voze! (зват. форма), но дат. множ. vozo-mъ.

2) Гласный *e* находится после палатального согласного. Вследствие ассимилирующего воздействия палатальности согласного произошла передвижка вперед в образовании лабиализованных гласных *o*, *u*: 'o ⟶ 'e, 'u ⟶ 'i (см. выше). Например, pol'e, mor'e, moje, tvoje, naše, vaše, pol'emъ (дат. мн.), kon'emъ (дат. мн.). Ср. те же формы, в которых перед суффиксом (или окончанием) был согласный непалатальный (твердый): selo, rebro, ono, to, дат. мн. selomъ, sъnomъ, dvoromъ.

В тех словах, в которых гласный *e* не был вместо *o* после палатального согласного, ему соответствует в других индоевропейских языках гласный краткий *e*. Например:

слав. berǫ — греч. φέρω, лат. fero;

desętь — лит. dēšimtis, греч. δέκα, лат. decem;

medъ — лит. medùs, греч. μέθυ;

звательная форма на *-e*: voze! vьlče! — лит. vilkè! греч. λύκε! лат. lupe!

именит. мн. kamene — лит. ãkmens вм. ākmenes, греч. ἄκμονες, лат. sermones.

Итак:

слав. ĕ ⟵ 1) ĕ

слав. ĕ ⟵ 2) ŏ после палатального согласного.

§ 63. В славянской фонетической системе гласный ĕ испытал такие изменения.

1) Недифтонгическое сочетание ej или ei̯ (j или i̯ принадлежал следующему слогу: vĕjĕši). В этом сочетании под воздействием артикуляции j или i̯, — под воздействием, которое отражалось и на других образованиях (ср. ниже изменения всех согласных перед j), — гласный ĕ получил более высокое образование: он совпал с образованием гласного ĭ. А позднее гласный ĭ (i краткий) всякого происхождения подвергся редукции; ĭ ⟶ ь. Таким образом, ĕi̯ или ĕj ⟶ ĭi̯ или ĭj, а это затем заменилось посредством ьi̯ или ьj. Например:

слав. vьjǫ, vьješi вм. vĕj-ĕ-(ši); bьjǫ, bьješi вм. bĕjĕ[ši]; ср. чередование гласных в корнях: neseši, bereši, но prinosъ, zaborъ; так, повидимому, было и в этом корне: vej- в формах наст. вр., voj- в именах: po-voj-ĭnikъ ⟶ povoinikъ; ср. и в лит. языке наст. вр. с vej-; vejù; trьje, именит. мн. gostьje, pǫtьje — греч. τρεῖς, (греч.-крит. τρεες), лат. tres; греч, πόλεις.

2) Основное сочетание eu̯ перед гласным переднего ряда у славян заменилось посредством ev: nevĕsta, devętь — греч. ἐννέϝα; drevьn'ь.

Но перед гласным заднего и среднего ряда eu̯ ⟶ ov у славян: novъ (ср. nevĕsta), греч νέϝος; слав. plovǫ — греч. πλέϝω. По аналогии, вследствие обобщения звукового вида основы, сочетание с ov применялось и в таких формах, в которых после v находился гласный переднего ряда. Например, ploveši, как и plovǫ (1 л. ед.), plovǫtь (3 л. мн.) и др.

ė (ѣ).

§ 64. Гласный *ė* был гласным долгим. Его сокращение происходило в отдельных славянских языковых группах в условиях, в которых появлялась краткость вместо более ранней долготы и в отношении других гласных. Например, в открытом конечном слоге и в некоторых других положениях. В слогах, не подвергшихся сокращению, например, в слоге, непосредственно находящемся перед ударением, долгота *ė*, как и гласных *а*, *и*, *у*, сохранялась. Ср. долготу слога (долготу гласного *ė* и его заменителя) в сербо-хорватском, словацком, чешском языках:

gnėzdo: сербо-хорв. gnēzdo (gnezdo, gnijezdo, gnīzdo), словацк. hni̯ezdo (i̯e вм. ė в долгом слоге), чешск. hnīzdo (ī вм. ė в долгом слоге);

bėda: сербо-хорв. bȅda (bēda, bijeda, bīda); словацк. bi̯eda, чешск. bīda;

dėtę: сербо-хорв. dȅte (dēte, dijete, dīte), словацк. dieťa, чешск. dītě.

§ 65. Положение, в котором находился *ė*, было следующее: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога. В таком же положении находились и гласные *и*, *у* (*ы*), а также і, ę, ǫ — bėda, dėtę, cėna, pėti, vidėti, zelenėti, chlėbъ, vėja, vėtrъ, na vodė, na vozė, vъ rǫcė, na nodzė, vъ mėśė (именит. mėchъ), vъ ocė (именит. око), dzėło („очень").

По вопросу о более раннем фонетическом состоянии в отношении *ė* отметим следующие чередования.

1) Ср. gnetǫ — ugnėtati, pletǫ — sъplėtati, grebǫ — pogrėbati и т. п. В основе глаголов итеративного значения находится долгий гласный: nositi — prinašati, tъkati — tykati. Следовательно, и *ė* явился вследствие удлинения гласного *е*.

Итак, удлинявшийся *е* переходил в *ė*.

На происхождение *ė* из долгого ē указывают и следующие факты. В формах так называемого сигматического аориста (суффиксы -s, -so) представлено удлинение гласного в односложной инфинитивной основе на согласный; 1 л. ед.: bāsъ — инфин. основа bod- (bosti вм. bodti), а также vėsъ — инфин. основа ved- (vesti вм. vedti), nėsъ — инфин. основа nes- (nesti) и др.

Показательно также *ė* в слове nėstь („нет"), в сочетании, получившемся вместо ne-estь: стяжение двух е-е дало ē ⟶ ė. Долгий ē появился некогда в доисторическую эпоху вследствие стяжения двух ĕ в таком сочетании: niže edin- ⟶ nižēdĭn-. Гласный *е* после палатального согласного изменился в *а* (см. об этом ниже в этом §): nižēdĭn ⟶ nižadьn. Таково происхождение старопольского niżaden, niżadna, -dne — „ни один, ни одна, ни одно", южновеликорусского ***нижадный***, ***-ая***; „нижаднай души нету дома" — „совершенно никого нет дома" (например, в типичных говорах бывш. Ливенского уезда Орловской губ., теперь Курской области); позднее в польском, как и в чешском, отрицание ni перестало употребляться в этом сочетании: żaden, żadna.

Гласный *ē* после j, č, ž, š имел иную судьбу. После этих согласных *ē* в раннее доисторическое время у славян представлял открытое образование и передвинулся в задний ряд: ē ⟶ a. Ср. инфинитивы на -ė -ti: vidėti, zelenėti, tьrpėti — с ė после непалатального согласного и stojati, kričati, mьlčati, slyšati, dyšati —

с *а* после палатальных j, č, ž, š. Ср. суффикс -ělь и alь: gybělь, svirělь, но pečalь. Ср. ě и а в сравнит. степени: dobrěi — mъnožai, mękъčai (mękъk).

Ср. также в имперфекте ě и a: 1 л. ед. nesěachъ — pečaachъ, možaachъ.

2) Ср. звуковой вид одного и того же корня: pě- (pěti) и poi̯- перед гласным (pojǫ, poješi); dě- (dětę) и- doj- — перед гласным (dojǫ); doiti — „кормить грудью"; vě- (věnьсь) и voj- (povojinikъ ⟶ povoi̯nikъ); cě- (cěna) и kaj- (kajati — „мстить") и др.

Как видно, ě находится перед согласным, а oj (oi̯) или aj (ai̯) перед гласным. Как в дифтонге ai̯, так и в дифтонге oi̯ произошла монофтонгизация. Вместо дифтонга oi̯ получился монофтонг — гласный переднего ряда ě. Как ниже будет отмечено (в отделе о гласном i), вместо oi̯ при определенных условиях, при особой интонации, получился в конце слова не *ě*, а гласный i: beri! rьci! (2 л. ед. повелит. накл.), но berěte! rьcěte! (2 л. множ. повелит. накл.).

Передвижка вперед в образовании дифтонга oi̯ была вызвана ассимилирующим воздействием следующего образования для i̯. Ср. указанное выше изменение *е* перед i̯ в *i* (ei̯ перед гласным ⟶ i ⟶ ы; vьi̯ǫ, vьi̯eši...); ср. изменение дифтонга ei̯ (перед согласным и в конце слова) в i, как отмечено будет ниже.

Передвижка образования для прежнего oi̯ действовала в славянской фонетической системе тогда, когда изменение задненебных согласных k, g, ch перед гласными переднего ряда в č, ž, š (rekǫ — rečeši, mogǫ — možeši, lichъ — lišiti... — см. ниже) давно уже перестало быть актуальным. Но актуальность самой фонетической тенденции произносить перед гласными переднего ряда не задненебные согласные, а палатальные, сохранялась. Когда вместо oi̯ стала производиться артикуляция переднего ряда öi̯, то произошла и подвижка для k, g, ch, находившихся перед этим дифтонгом. Но результат передвижки получился не такой, какой был развит некогда раньше перед давними гласными переднего ряда,— не č (вм. *к*), а с (палатальный согл.), не *ž* (вм. g), а d͡z (палатальный согл.), не š (вм. ch), а s': cěna, rǫcě, rьcěte! rьci, dzělo („очень"), nodze, pomodzěte! (ед. ч. pomod͡zi!), měšě (местн. ед., именит. měchъ), lěšě (дат.-местн. ед., именит. ед. lěcha).

§ 66. Сравнительное обозрение славянских слов с *ě* с соответствующими образованиями в других индоевропейских языках, как и анализ славянских данных, показывает, что славянскому *ě*

соответствуют в одних случаях ē, в других дифтонги ŏi̯, ă̯i, ōi̯, āi̯. В фонетике славян произошло сокращение долготы первой части дифтонгов ōi̯, āi̯, а краткие ŏ, ă совпали у них в ŏ. Таким образом, ōi̯, āi̯ ⟶ ŏi̯ (ср. сокращение ōu̯, āu̯ в ŏu̯ которое было отмечено выше). Следы дифтонгов с долгим гласным в первой части отразились на виде интонации слога, заменившего этот дифтонг: в этих случаях интонация в славянской группе была восходящая. Такой она и была в том случае, если в слоге был давний долгий монофтонг. Если же в состав дифтонга входил краткий гласный, то заменитель такого дифтонга у славян имел нисходящую интонацию.

Возможно было и иное происхождение дифтонга oi в ранней славянской фонетической системе: из əi̯, получившегося в давней системе индоевропейских языков вследствие редукции āi̯, ōi̯, ēi̯ (см. выше в отделе об *о*: слав. ŏ вместо ə).

Слав. 1) dě̀ti, dě̀jati — „делать", „класть", dě̀lo: чешск. dieti ⟶ ⟶ dīti, dīlo, серб. djȅti, dȅti, djȅlo, dȅlo, словин. dẹ̑ti, dẹ̑lo. Долгота в чешском, краткость в сербо-хорватском, восходящее ударение в словинском указывают на более раннее восходящее ударение. На то, что в корне этого слова был гласный *ē*, а не дифтонг oi̯, указывает чередование dě- с dĕ-: с кратким ĕ этот корень в удвоенном виде входил в образование dĕd-ja: ст.-сл. одєждা, на-дєждা. Соответствия других индоевропейских языков: лит. dė́ti (dė̃ti) — „класть", греч. τίθημι — „кладу, ставлю", будущ. θήσω, др.-инд. dádhāti — „он кладет, сажает", основа dhē-.

sě̀jǫ, sě̀mę: чешск. sīmě, серб. sjȅme, словинск. sẹ̑me.

Чешская долгота, сербо-хорватская краткость, словинское восходящее ударение свидетельствуют о более раннем восходящем ударении; — лит. sė́ju, sė́ti, sémens — „посев", лат. sēmen-, основа sē-;

zvě̀rь — лит. žvėrìs, греч. θήρ.

sě̀dě̀ti — лит. sėdė́ti.

Сигмат. аорист vě̀sъ, ně̀sъ (1 л. ед.); — ср. лат. vēxi.

2) cě̀lъ: чешск. cělý, словин. cȇł. Чешская краткость, словинская нисходящая долгота указывают на нисходящую интонацию cě- более раннего времени; греч. κοῖλυ — „хорошо", др.-прусск. kailūstiskan — „здоровье", гот. hails — „здоров"; основн. kŏi̯l-.

cěna: лит. kainé — „цена", греч. ποινή — „пеня за убитого, возмездие", др.-иран. kaēna — „возмездие", „месть"; основн. kʷŏi̯na — „месть".

sněgъ: серб. snijeg, snȇg, словинск. snȩ̑g. Сербо-хорватская и словинская нисходящая долгота под ударением указывают на нисходящее ударение в более раннее время; ср. лит. sniẽgas, snaĩgala — „комок снега", гот. snaiws; ср. в греческом и латинском ступень ослабления (редукции): греч. νίφα, лат. nix, родит. nivis; основн. snŏi̯gh-.

vědě („я знаю"); гот. wait, греч. ϝοῖδα;

-ě в окончании форм местн. ед., -ěchъ в местном множеств.: vozě, vьlcě, měšě, na vozěchъ; греч. -οι в единств. — -οισι во множ.: οἴκοι — „дома" („в доме"), Ἰσθμοῖ, λύκοισι.

ě-mъ, -ě-te в форме 1 л. и 2 л. множ. ч. повелит. накл.: berěmъ! berěte! rьcěmъ! rьcěte! — греч. φέροιμεν, φέροιτε.

3) lěvъ, lěvyi: чешск. lěvý, серб. lȉjevī, lȇvī; словин. lȇv. Краткость в чешском, нисходящая долгота в сербо-хорватском и словинском указывают на нисходящее ударение более раннего времени; ср. греч. λαιϝός, лат. laevus; основн. lăi̯u̯-.

dъvě; — лат. duae.

pěstiti — „охранять"; др.-инд. payúḥ — „охраняющий" (pāi̯-). Итак:

Слав. ě ← ē; ← oi̯ (из ŏi̯, ōi̯, ăi̯, āi̯; əi̯).

§ 67. Какое звуковое образование представлял гласный *ě* в конце доисторического периода славянских языковых групп? История отдельных славянских языков указывает ясно, что образование гласного *ě* было тогда неодинаково. В тех языковых группах, которые легли, с одной стороны, в основу языка славян болгарских и, с другой стороны, в основу языка славян северо-западных (полабян, поморян, поляков), образование этого гласного представляло собою открытый ä. Такого типа гласный долго был во всех славяно-болгарских группах. По говорам гласный ä представлен до сих пор (см. в старославянском отделе). Его изменение было такое: в *e*, в одних фонетических условиях, в *'a* (*a* после мягкого согласного) — в других; в *'a* изменился *ě* перед слогом, в котором был гласный заднего или среднего ряда, т. е. перед давним твердым согласным: б'ал, хл'аб, но бели̂, верен. В западных болгарских группах гласный е заменил собою более ранний 'ä во всех положениях.

В северо-западных славянских группах гласный 'ä изменился в 'a перед твердым небнозубным согласным (n, t, d, s, z) и пе-

ред r, ł; в других положениях — *e*; ср. в польск. b'ały, d'ad (dźad), chr'an (chšan), но b'elić, chleb, v'ek.

Отметим, что в тех же условиях происходила в поморской и польской группах и веляризация гласного *e*: *e* → *'o*: s'oło, s'ostra, n'osǫ, но n'ešeš.

В тех языковых группах, которые легли в основу прочих языков,— восточнославянских, словацкого, чешского, сербо-хорватского, словинского,— образование *ě* было иное: это был гласный переднего ряда, напряженный, с повышенным подъемом языка: ê. На такой гласный указывает история *ě* во всех этих языках. Его замена посредством e, ie, i — явление позднейшее. Гласный ie, представляемый некоторыми из этих языковых групп в их истории и современном состоянии, следует рассматривать в связи с изменением гласного *o*, удлинившегося при тех или иных условиях в славянских языковых группах. Удлиняясь, гласный *o* становился закрытым — ô, и его изменение проходило в том же направлении, как изменение ê из ě и из удлинившегося в определенных условиях *e*. На такое изменение ê и ô указывают языки чешский, словацкий, лужицкие, словинский, украинский, русский. Несколько примеров. В чешском языке, как и в словацком, судьба *ě* была неодинакова в долгом и кратком слогах: в долгом слоге, т. е. в положении, которое вызывает собою закрытость и напряженность гласного, выделился более высокий артикуляционный элемент в начальной части образования для ê, как выделялся он и при других долгих гласных ряда *e*: ê → ie (r'ēci → r'ēci → r'ieci). Позднее у чехов всякое ie изменилось в ī, у словаков ie → i̯e: словацк. bi̯ely, di̯et'a, hni̯ezdo, si̯eň, чешск. bīlý, dītě, hnīzdo, sīň. Ср. изменение там в том же направлении удлинившегося при определенных условиях гласного *o*: он стал напряженным, закрытым и выделил в первой своей части более высокую артикуляцию: ô → uo. У словаков u̯o, у чехов в историческое время он заменился гласным ū (как ie → ī). Словацк.: vu̯ol'a, ku̯oň, nu̯ož, nu̯oh (родит. мн.), чешск. vôl'a → vuol'e → vūle; kūže („кожа"), kūň, dvūr, nūž.

Параллелизм в судьбе ê и ô представляют также ясно словинские говоры.

Сообщим еще несколько примеров из украинского и русского языков.

Примеры из украинского языка. См. текст памятника 1164 г. Добрилова ев. В нем пишется ѣ не только на месте давнего *ě*,

но и нередко на месте *е*, который подвергся удлинению. Удлинение гласных *е* и *о* происходило в украинском языке перед слогом с утраченным ъ, ь или перед утраченным редуцированным ĭ: камѣнь, ремѣнь, оучитѣль, сѣдмь, мѣсть, боудѣть, зѣлью... Следовательно, удлинившийся гласный *е* произносился так, как гласный вместо давнего ė (ѣ). А в украинском языке в тех же условиях происходило удлинение гласного *о*: mostъ →. → mōst. Удлиняясь, *о* становился закрытым. На это ясно указывают украинский, чешский и другие славянские языки. Но закрытый гласный ô передавался в староукраинской письменности посредством буквы *о*, так как не было в азбуке более подходящего знака. Может быть, не представляют случайной описки немногие примеры с *оо* в Галицком ев. 1266 г. (воовьца — вм. овьца), и в Поликарповом ев. 1307 г. (воотца вм. отьца), а указывают на особый гласный о: ô. Если бы вместо удлинившегося *е*, как и вместо давнего ė (ѣ), было ie, то несомненно и вместо удлинившегося *о* было бы uo (уо): в образованиях ê, ô одновременно, в силу одинаковой фонетической тенденции, выделяется в начале артикуляции более высокий, закрытый элемент i, u (*у*) Образование же *уо* писцы передали бы, хотя бы и в отдельных случаях, посредством оуо, оу, или как-нибудь иначе отразился бы элемент u (у). Но следов такого явления нет со 2-й половины XIV — до XV в. С этого лишь времени появляются в украинских письменных памятниках примеры с у, оу, указывающие на uo (*уо*) или на u (*у*) вместо ô: друзѣмъ, оунукумъ („внукам“, грам. 1359 г.), доброволно (грам. 1366 г.); твуй, свуй, нюсль(ъ), злодѣювь (Пересопницкое ев. 1561 г.) и др. Таким образом, следует полагать, что в староукраинском языке ѣ имел значение закрытого ê. Таким он был в XII — XIII вв. Позднее произошло выделение высокого, напряженного элемента в первой части артикуляции ê → ie с дальнейшим изменением. Так изменялся и *ė* вместо удлинившегося *е*: печь → пêч → пiеч. В том же направлении проходило изменение и удлинившегося *о*: ô → uo (уо)...

Такое же образование *ė* (ѣ) представлял в прошлом и русский язык. Следы такого образования имеются во всех русских группах, и южных и северных. В некоторых сев.-русских говорах находится ie, [i]е или нечто вроде этого (с элементом i в начале) вместо ė (ѣ), но находится при условии, способствующем в русском языке продлению и закрытию гласного, — под ударением: л͡іес. Но без ударения — *-е*: в лесу́. Это і͡е вместо ударенного ê,

которое находится до сих пор во многих сев.-русских говорах. Так изменился и закрытый гласный ô под ударением. А закрытость гласного ô была по говорам вместо прежнего *o* под восходящим ударением: kôža, vôl'a, dvôr, kôn', но — pol'e, most, p'ero... Ср. то же явление в чешском, словацком, словинском языках.

Наконец, отметим еще одно явление из области сербо-хорватских говоров. В некоторых говорах чакавского наречия представлена такая замена ė (ѣ): перед твердым небнозубным (t, d, s, z, n) и перед r, l — гласный *e*, в других положениях — i: lėto, tęsto, sēno, blēd, bēl; brīg, hlīb, sīme, vīdit — инфинит., но videl.... Так в говоре Нови. Ср. судьбу *ė* в сев.-западных славянских языках: *ė* ⟶ *'a* перед твердым небно-зубным, ė ⟶ 'e в других положениях, т. е. при условиях веляризации (перед твердыми небно-зубными согласными) там 'ä ⟶ 'a, 'e ⟶ 'o. У чакавцев же при тех же условиях веляризации, способствовавших появлению открытости артикуляции, образовался гласный *e*; при других же условиях происходил подъем артикуляции: стали произносить i. Следовательно, предшествующая фонетическая стадия представляла гласный более закрытый, чем *e*, но более открытый, чем i, т. е. закрытый, напряженный ê, который имели в своей системе и другие сербо-хорватские группы.

Памятники письменности у славян на юге (у сербов и хорватов), на западе (у чехов), на востоке (у русских, у украинцев) свидетельствуют, что ie, i вместо ė (ѣ) — явление не раннее, а явление XIII—XV вв.

Итак, гласный *ė* в последний доисторический период представлял образование гласного ä в одних группах, образование гласного ê — в других. Вопрос о том, какое образование было в более раннее доисторическое время, оставляем открытым, так как еще многое остается неясным в тех фонетических явлениях, которые связаны были с ē и oį у славян ранней доисторической эпохи. Мы склоняемся к такому представлению: в более давнее время гласный, который изменился в *ė*, был гласный широкий ē (типа ä). Такого образования был некогда гласный вместо еще более давнего ē и вместо oį. Относительно образования гласного ē в давнее время примем во внимание его изменение в *a* после j, č, ž, š. Дифтонг oį вследствие ассимиляции с į и вследствие стремления к открытости слога заменился долгим ȫ. Но гласных лабиализованных переднего ряда в ранней фонетической системе

славян не было. Поэтому гласный ō утратил лабиализованное образование и совпал с широким ě (ā).

О гласном і вместо oi̯ см. в следующем пункте.

і.

§ 68. Гласный і был гласным долгим. Таким он является в истории отдельных славянских языков, если не происходило, при определенных условиях, сокращения его. Ср. долготу ī в давнем непосредственно предударном слоге: сербо-хорв. zīma, līce, pīsati, pīštati („шипеть", „пищать") и др.; чешск. līce, словацк. pīsat', чешск. pīšt'ala („свирель", „гудок") vīdati („видать").

§ 69. Позиция і: в конце слога (т. е. перед согласным и в конце слова) — zima, biti, viti, žiti, iti, vidъ, viděti, šiti, lipa, prilipati, svitati....

В ряде случаев гласный ī находился в корне и в суффиксе, представлявших собою удлинение соответствующего корня или суффикса с гласным кратким ĭ, позднее изменившимся в доисторическую эпоху в ь.

а) svьt-: svьnǫti (вм. svьtnǫti), но svītati;
 lьp-: lьnǫti (вм. lьpnǫti), но līpati, prilīpati;
 žьd-: žьdati, но žīdati, ožidati и др.

б) Именит.-винит. двойственного числа имен на -ĭ (ĭ ⟶ ь) оканчивался на ī. Это окончание представляло собою удлинение гласного -ĭ: kostī („2 кости"), gostī („2 гостя"). Ср. др.-инд. соответствующие формы: pátī, ávī.

Параллельное явление было в именах на -ŭ (ŭ ⟶ ъ: synъ): syny. Ср. др.-инд. sūnū́.

И другие индоевропейские соответствия славянским словам с і указывают в ряде случаев на ī. Например:

слав. piti, pirъ (pi-rъ) — др.-инд. pītíḥ („напиток"), греч. πίϑι (пов. накл.), πίνω („пью");

živъ — лит. gývas, лат. vīvus, др.-инд. jīváḥ (dživáḥ);

tri — лит. trýlika („13"), лат. trīginta („30"), др.-инд. trī;

окончание в именит. ед. -ī в именных суффиксах -ījī (ьji), -yn'i, в именит. ед. женск. рода причастий и сравнительной степени на -i: sǫdii, miłostyn'i, pustyn'i;

berǫtji (ст.-сл. берѫщи); др.-инд. bhárantī, лит. deganti (именит. ед. женск. рода причастия наст. вр.) bьravъši, vezъši; др.-инд. vidúši, лит. vežusi (именит. ед. женск. рода причастия прош. вр.):

dobrěiši — др.-инд. svādīyasī (именит. ед. женск. рода сравнит. степени).

§ 70. Перед гласным сочетание ej (ei̯) изменилось в ьj (см. выше): vьjǫ, vьješi; bьjǫ, — bьješi. Перед согласным находится монофтонг i: viti, biti, vidъ — с гласным i вместо более ранних ī и ei̯.

Гласный ī мог быть и вместо ēi̯ перед согласным или в конце слова. Судьба ĕi̯ и ēi̯ была одинакова в отношении слогового гласного, как одинакова была в этом отношении судьба дифтонгов ŏu̯, ōu̯, ŏi̯, ōi̯ (: i̯). Отличие в судьбе дифтонга с кратким гласным (ŏu̯, ŏi̯, ĕi̯) по сравнению с судьбой дифтонгов с долгим гласным (ōu̯, ōi̯, ēi̯) отражалась в интонации: дифтонги ŏu̯, ŏi̯, ĕi̯ изменились в u, e, i с нисходящей интонацией; дифтонги с долгими ōu̯, oi̯ (āi̯), ēi̯ изменились в гласные u, e, i с восходящей интонацией.

vėja, — с ĕj вместо ēj перед гласным;

sėja („сеянье"), sėjǫ, sėješi — sīto; ср. долготу гласного ударенного ī в чешском языке: sīto. Под ударением давняя долгота сохранилась у чехов в тех случаях, когда она (долгота) имела восходящую интонацию.

Сочетание ei̯ у славян было неодинакового происхождения:

а) ei после непалатального согласного: vei̯- (vei̯-ǫ ⟶ vьjǫ);

б) вместо oi̯ после палатального согласного:

vol'i, ulici (дат.-местн. ед.), na kon'i (kon'ь), kol'i! — kol'ite! (повелит. накл.); ср. ė (из oi̯) в этих формах после непалатального согласного: rybė, žėnė, na vozė (vozъ), berėte! (единств. beri!); творит. ед. местоимений мужск. и средн. рода: imь, našimь, čimь, но — tėmь, onėmь, cėmь (c вместо k) и другие формы местоимений (во множ. числе) с i после палатального согласного, — с ė после непалатального согласного (našichъ — techъ...).

Соответствия других индоевропейских языков также указывают в ряде случаев на ei̯ (ĕi̯, ēi̯).

Слав. vidъ — лит. véidas („лицо");

krivъ — лит. kreĩvas;

ni — ni (отрицание) — лит. neĩ — neĩ;

iti — лит. eĩti, греч. εἶμι.

§ 71. Гласный ī чередовался с ė не только в зависимости от того, что oi̯ после палатального согласного изменилось в ei̯, а ei̯ в ī (vol'i, но rybė), но и от другого условия — в конце слова в зависимости от интонации слога: при нисходящей интонации oi̯

(разного происхождения) изменилось в i, при восходящей интонации oį перешло в ě:

1) именит. множ. числа на -i: vozi, vьlci, rodzi (rogъ).

2) в энклитике дательного единств. личных местоимений mi, ti, si;

3) в повелительном наклонении 2 и 3 л. единственного числа: beri! rьci! pomodzi! — но во множ. числе ě: berěte! pomodzěte!

4) 2 л. единств. числа наст. вр. нетематических глаголов с окончанием -si: jesi, věsi, jasi (jěsi), dasi.

На то, что конечный гласный i в этих формах заменил собою более ранний дифтонг oį, указывают некоторые черты славянского языкового материала, а также соответствия с другими индоевропейскими языками. Из славянских данных показательно чередование i — в конце слова, ě — не в конце слова в формах повелительного наклонения: rьci! rьcěte! Кроме того, ниже будет показано, что у славян в доисторическое время появились *c* вм. к, *dz* вм. g, *ś* вм. ch перед заменителями дифтонга oį — перед ě и перед i: cěna, rьci! rьcěte!

Из соответствий с другими индоевропейскими языками ср. oį с краткими элементами дифтонга в греческом языке в именительном множ. (λύκοι, ἄνθρωποι, οἶκοι), в дат. ед. местоименных энклитик (ἐμοὶ, σοί), в желательном наклонении (φέροι, λείποι). Ср. и в литовском языке дифтонг aĩ в именит. множ.: vilkaĩ, dievaĩ.

Ср. окончание -sai в среднем залоге: греч. τίθεσαι, слав. dasi (окончание -si).

Ту же судьбу имел и давний гласный ē при такой же интонации.

mati, dŭkti (dъt'i древнерусск. дъчи, соврем. дочь). Ср. замену последнего слова в сербо-хорватском языке: кћӣ — с нисходящим ударением, соответствовавшим такого же типа ударению доисторической эпохи. Ср. лит. motẽ, (mótė), duktẽ (ė из ē). Долготу гласного представляли и греческий и др.-индийский языки: греч. μήτηρ (дорич.-греч. μάτηρ), θυγάτηρ; др.-инд. mātá, duhitá.

Некоторые из лингвистов полагают, что в этих славянских формах на -i (mati) окончание -i могло быть иного происхождения — не фонетического, а под влиянием окончания -i в именит. пад. ед. числа таких имен женск. рода: pustyn'i, nesǫtji (прич. наст.), nesъši (прич. прош.).

При иной интонации конечного слога, при восходящей, конечный дифтонг oi̯ в славянских доисторических группах изменился в ě.

Местн. ед. числа: vьlcě, rodzě (rogъ), měšě (měchъ) — ср. греч. -oi̯, первоначально не с краткими элементами дифтонга: οἴκοι („в доме", „дома"); ср. иной вид ударения на начальном oi̯- по сравнению с ударением на -oi̯ в именит. множ. — οἶκοι (именит. множ.).

Дат.-местн. ед. имен жен. р. на -ā: rybě, rącě, nodzě, mušě (mucha). Ср. дат. ед. в лит. языке: rañkai, в греч. языке χώρᾳ. Ср. формы местного падежа ед. ч. на -ai, -ae в таких латинских именах, как Romai, Romae („в Риме").

Именит.-винит. двойственного числа: rybě, rącě, nodzě.

В ě изменился и конечный ē при восходящей интонации. Такого происхождение ě в форме именит. пад. двойств. числа личного местоимения 1 л.: vě („мы оба"). Ср. в литовском языке ve: vèdu („мы оба"); vè — „мы оба", du — „два".

Но при решении вопроса об определении более давней интонации по отношению к конечным oi̯ и ē в разных индоевропейских языках имеется ряд затруднений, вызываемых расхождением индоевропейских соответствий. Повидимому, в отдельных индоевропейских языках происходили передвижения и изменения в интонации не в одинаковом направлении. А эта неодинаковость имела следствием расхождение в показаниях разных индоевропейских языков.

§ 72. Сравните šiti и šьvьcь, šьvъ, šьva. Наличие группы ьv с v указывает на более раннее сочетание ĭu̯, а это последнее вместо ü̆u̯ из ŭu̯ после палатального согласного (š). Сочетание ŭu̯ находилось перед гласным в соответствии гласному ū перед согласным (см. выше). После палатального согласного образование для u передвинулось вперед: 'u → 'ü. По утрате лабиализованных гласных переднего ряда ǖ → ī, ü̆ → ĭ (ĭ → ь): šīti, šьvьcь. На ǖ в этом слове указывает и соответствие в других индоевропейских языках: лит. siúti, гот. siujan. У славян i перед гласным было неслоговым; возникшее сочетание si̯ заменялось посредством š.

§ 73. В славянской речи не было слов, которые начинались бы с *ь*: перед ним, как и перед *e*, было представлено образование неслогового i̯. Ср. vъzьmą, vъzьmešі (vъz-ьmešі), но нет ьmą, ьmešі; было i̯ьmą, i̯ьmešі. Сочетание i̯ь изменилось в начале

слова перед слогом с гласным полного образования неодинаково: в одних группах — в i и в редуцированный ǐ, в других — в i. Звуки i и ǐ *были в* тех группах, которые легли в основу западнославянских языков, а также украинского и белорусского; i — в тех группах, которые легли в основу русского и южнославянских языков.

imǫ, ǐmǫ вм. i̯ьmǫ;

imę, ǐmę („имя") вм. i̯ьmę;

idǫ, ǐdǫ („иду") вм. i̯ьdǫ;

igra, ǐgra вм. i̯ьgra;

iz (ǐz) вм. i̯ьz.

Гласный i̯ перед *ь* в этих случаях появился в доисторическое время в славянских группах.

Редуцированный ǐ по славянским группам позднее заменялся неслоговым или утрачивался. Ср. чешск. jmu, mu; украин. иму́, му́; ст.-чешск. jmė („имя"); чешск. hra, польск. gra, украинск. игра, гра; чешск., польск. z, ze, украинск. из, з, зо.

Такова была судьба сочетания i̯ь или jь и другого происхождения,— такого, когда славянскому jь было соответствие в других индоевропейских языках jŭ: u после палатального согласного изменился у славян в ü; по утрате лабиализации появился ĭ, который затем, как всякий краткий ĭ, редуцировался в *ь*.

Слав. igo, ǐgo (позднее, в чешском jho, ho); лат. jugum, греч. ζυγόν, др.-инд. yugám.

Но не все слова с ǐ восходят к словам с таким же гласным доисторической эпохи. Имеются данные, по крайней мере для украинского и белорусского языков, указывающие на то, что в ряде случаев сочетания с ǐ в начале слова появились вместо i полного образования,— появились после гласного предшествующего слова. Так в Добриловом ев. 1164 г.: нѣ иму, нѣ идю, нѣ имате (nê-ǐmate или nê-imate),— с новым ѣ, как и нѣ съгрѣши, нѣмного, нѣ всегда,— с нѣ вместо *не* перед слогом с утраченным ъ (ь). То же явление отразилось в надписи на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.: камѣнью, да нѣ изнесѣть. Гласный ѣ появился в отрицании нѣ вместо е потому, что в следующем слоге произошла редукция гласного i: i ⟶ ǐ; в связи с ослаблением гласного i удлинился гласный в предшествующем слоге, как это было во всех подобных случаях: см. пункт о *ê*: ne imatь ⟶ nê —

ïmatь. Ср. ѣ вместо е в таких случаях как на нѣи — na n'êï вм. na n'ei (Добрилово ев., 1164 г.). Параллельно с изменением гласного i происходило изменение начального гласного u — его редукция и затем утрата слогового образования: нѣ ужасаите сѧ (nê-ŭža- или nê-u̯ža-), нѣ утьсѧ, нѣ умрѣть и др. в том же памятнике. Так и в других украинских памятниках XII—XIII вв. На редуцированность или на неслоговость u указывает также передача его посредством въ- или в-: так, например, в Типографском ев. № 6, XII — XIII вв.: нѣ вмуть, нѣ ужасанте сѧ и т. д., а также навъчиша, въгасить, въмыю и др. На происшедшее изменение гласного u в начале слова, на его редукцию или неслоговость указывает и такое явление: гласный ъ в конце предшествующего слова удлинился и изменился в о: безо оуспѣха (bezoŭspêcha или bezo u̯spêcha) в житии Саввы освященного, XIII век.

Не в начале слова i̯ь заменилось гласным i по всем славянским группам доисторического времени. Например, именит. ед. boi̯ь (boi̯-ь) ⟶ boi, roi̯ь (roi̯-ь) ⟶ roi, moi̯ (moi-ь) ⟶ moi...

Позднее, в истории славянских языков, гласный безударный i, находясь после гласного, подвергался редукции: i ⟶ ĭ. В связи с этим ослаблением происходило по славянским языковым группам удлинение предшествующего гласного: dobrȳ-i ⟶ dobry-ĭ, gnoi ⟶ gnôi. Еще позднее редуцированный ĭ, если он не ассимилировался с предшествующим гласным *y*, *i* (dobrȳ, sin'ī), стал неслоговым: dobry-i̯, sin'ii̯ (в восточнославянских языках), gnôi̯ и т. п.

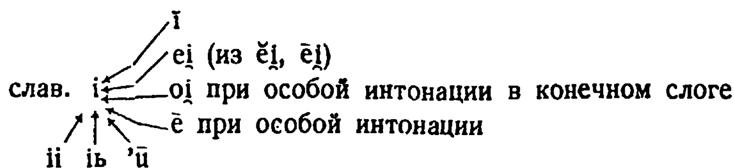
§ 74. Были такие сочетания, в которых перед i был i̯. Сочетание i̯i заменялось одной артикуляцией — артикуляцией гласного i: твор. ед. местоимения с основой i̯e (i̯e-go, i̯e-mu): i̯ei̯-mĭ ⟶ i̯imь ⟶ imь; ряд форм множ. ч. этого местоимения имел основу также распространенную посредством i̯ (так и в других местоимениях) — i̯ei̯: i̯ei̯ ⟶ i̯i ⟶ i; род. ichъ, дат. imъ, твор. imi, местн. ichъ. В двойств. числе дат.-тв. ima.

По славянским группам эти сочетания могли быть i̯i-, с начальным i̯- вторичного происхождения:

а) под влиянием форм i̯ego, i̯emu, i̯emь могло произноситься и в творит. ед. i̯imь, с i̯- в начале формы;

б) в середине фразы после гласного i: dati-i̯-imъ; см. в отделе с начале слова.

Итак:

ǫ, ę.

§ 75. История всех славянских языков представляет указания на существование носовых гласных в их системе. Один из носовых гласных был гласным заднего ряда, другой — переднего ряда. Образование носовых гласных таково: в момент произношения гласного небная занавеска опущена; струя воздуха поступает не только в полость рта, но и в полость носа.

Образование носового гласного заднего ряда не вполне одинаково было в славянских языковых группах в последний доисторический период. В одних из них это был носовой сильно лабиализованный гласный ǫ[u] (близкий к носовому ų). Такой носовой гласный был в тех языковых группах, которые легли в основу языков сербо-хорватского, чешского, словацкого, серболужицких, восточнославянских. Позднее в этих языках по утрате носового образования (когда небная занавеска перестала опускаться в момент произнесения гласного) получился гласный u: ruka, put', nesu (1 л. ед.). В других группах был носовой гласный ǫ. Так было в группах, легших в основу языка словинцев. Дальнейшее изменение его заключалось в утрате носового произношения: ǫ → o. Но по словинским диалектам небная занавеска продолжала опускаться или попрежнему в момент образования гласного (говоры Юньской долины в Каринтии: mǫka, sǫset, dǫp, gręda — „гряда“, uzą̨v), или же небная занавеска стала опускаться не в момент образования гласного, а после: развился вторичный носовой гласный n и m. Так было перед затворными согласными и аффрикатами: monka, ronka, mesenc, srenča („счастье“) (говоры Зильской долины в Каринтии).

У предков славян болгарских носовой гласный заднего ряда был близок к носовому ъ: ъ̨. Об этом подробнее говорится ниже, в отделе старославянской фонетики. Его позднейшая судьба была такова: он заменился гласным ъ или по диалектам на юго-востоке и на юго-западе посредством ъn, ъm перед затворным согласным (m перед губным согласным): рънка, зъмб — „зуб“.

У славян северо-западных — у предков поляков, поморян и полабян — был носовой гласный лабиализованный ą̊. Его дальнейшее изменение находилось в зависимости от долготы и краткости слога: в долгом слоге ǫ с дальнейшим изменением, в кратком ą (носовой а) с дальнейшим изменением. У поляков в кратком слоге — ą в одних диалектах, ę в других (и в литературном языке). Настоящие носовые гласные образуются в польском языке только перед длительными s, ś, š, ch: vǫs, sǫšad (-t), męso, vęšyć — „обонять", vęch — „нюх", „обоняние", vǫchać — „нюхать". Так и перед z, ź, ž. Но перед звонкими фрикативными бывает и слабое образование вторичного носового согласного: vęźić — vęⁿźić („заключать в тюрьму"), vęža — vęⁿža — „змеи" — род. ед. Перед затворными развился вторичный носовой согласный n или m (m перед губным согласным). Вместо давнего носового гласного произносится носовой гласный или неносовой гласный: ręnka или renka, pęnta — penta („путы", „оковы"), žǫnd — žond — „правление", „ряд", dǫmb — domb — „дуб".

Но северо-западные славянские языки указывают, что давнему носовому ą̊ предшествовала фонетическая стадия с носовым гласным заднего ряда сильно лабиализованным. След значительной лабиальной артикуляции в образовании носового гласного заднего ряда в северо-западных языках остался такой. Выше мы отметили судьбу гласных ŭ и ū: они стали нелабиальными, а лабиальная артикуляция слилась с образованием предшествующего согласного или выделилась в особое образование при начале слова с ŭ, ū: vydra. Вот такого-то происхождения v представляют северо-западные славянские языки: носовой гласный заднего ряда был некогда гласным со значительным лабиальным элементом; затем произошло ослабление лабиальной артикуляции в образовании его и вместе с тем выделение лабиального элемента, который совпал с артикуляцией предшествующего согласного или выделился в начале слова как образование v. Поэтому все слова с давним ǫ — в начале слова представляют v: vǫ — в старопольском долгом слоге, vę — в старопольском кратком слоге: vǫsy, vǫchač (вм. ǫchati — „нюхать, обонять"), vǫdół — „овраг", vǫtek — „уток", vǫtły — „слабый, утлый", vęch — „обоняние", vęda — „удочка", vęg'el — „уголь" и др.

Согласный v в этих случаях нельзя объяснять так, как v перед гласным в начале слова в некоторых польских диалектах, а также в других славянских группах (лужицких, чешских, белорусских,

украинских): voko, vucho. В этих случаях v, а также h, j представляют явление более позднее, вызванное особым способом произношения гласного в начале слова: струя воздуха поступала в гортань ранее момента артикуляции гласного; происходила гортанная фрикация, которая затем переходила в образования h, v, j.

§ 76. Что касается носового гласного переднего ряда, то это был открытого (широкого) образования гласный ą̈. Его судьба в отдельных славянских языках была тако а.

В польском языке в долгом слоге его образование совпало с образованием для носового гласного заднего ряда: ǫ. Но перед ǫ вместо давнего ą̈ находится мягкость согласного: ẃǫzać вместо vą̈zati —„вязать"; в кратком слоге получилось то же, что вместо ǫ̆: ą или ę. Но мягкость предшествующего согласного указывает на бывший тут некогда гласный переднего ряда: m'ąso или m'ęso (по диалектам), p'ąc' или p'ęc' (по диалектам). В отношении небной занавески происходило то же, что и в образовании носового гласного заднего ряда: она опускалась в момент произношения гласного в тех случаях, если далее следовал фрикативный согласный (m'ęso); перед затворными согласными она опускалась позднее: p'ęńć или p'eńć.

В восточнославянских языках ą̈ ⟶ 'а (а после мягкого согласного): м'асо, п'ать ⟶ п'ат'.

В чешском и словацком была также пережита утрата носового образования: ą̈ ⟶ ä. Дальнейшая судьба этого гласного находилась в связи с долготой и краткостью слога, а также в связи с образованием следующего согласного. В чешском языке в долгом слоге — ī (из ie) перед мягким согласным (если в следующем слоге был гласный переднего ряда, перед которым согласные раньше были мягки) и в конце слова, ā перед твердым согласным (если в следующем слоге не было гласного переднего ряда): řīditi („управлять") вм. rą̈diti; řād („порядок") вм. rą̈dъ; vāzati вм. vą̈zati. В кратком слоге *e* перед мягким согласным (перед слогом с гласным переднего ряда) и в конце слова, *a* — перед твердым согласным (перед слогом с гласным непереднего ряда): pět (произносится pi̯et) вм. pą̈tь, tele вм. telą̈ („теленок"), но telatko (уменьш. к tele).

В южнославянских языках произошла утрата носового образования гласного и его замена посредством *e*: meso, pet' или pet вм. pą̈tь, tele. Но все эти языки представляют указание на то, что раньше это был гласный ą̈. Так, в чакавском диалекте сер-

бо-хорватского языка после j, č, ž, š этот гласный получил более широкое образование и совпал с *a*: jazik, žatva, počati. По говорам словинского языка заменой гласного ą̈ является ā или a, независимо от предшествующего согласного: pātak, začať, jazik, gladat, masó, zat („зять“) и др. (на западе).

§ 77. Изменение носовых гласных в отношении участия небной занавески обнаруживает, что в тех языках, в которых носовой гласный заднего ряда представлял в своем образовании высокий подъем спинки языка, небная занавеска перестала опускаться раньше, чем в языках, в которых при образовании носового гласного заднего ряда положение спинки языка не было высоким. В языках восточнославянских, чешском, словацком, лужицких, сербо-хорватском носовые гласные (ǫᵘ → ų, а также ą̈) раньше заменились неносовыми, чем в языках болгарском и словинском. А в польском и кашубском языках до сих пор имеются носовые гласные или сочетания гласного с носовым согласным. Если же вместо ǫ и ą̈ (ę) появлялись при определенных фонетических условиях гласные высокого подъема языка u̦, i̦, то небная занавеска перестала опускаться. Так по говорам польским: vųsy — vusy („усы“), p'į̇ść — p'iść („кулак“).

Сочетания гласного с носовым согласным имеются и по болгарским и по словинским говорам. Но таких сочетаний нет ни в одной славянской группе, имеющей u (у) вместо ǫ (ǫᵘ).

В дальнейшем мы передаем эти два типа носовых гласных условно двумя знаками: ǫ, ę.

§ 78. Носовые гласные были долгими гласными. Долгими эти гласные или их заменители сохранялись в отдельных славянских языках в тех условиях, в которых не происходило сокращения слога. Одну из таких позиций представлял слог, непосредственно находившийся перед ударением. Ср. в польском языке гласный ǫ (а не ę) в таком положении: trǫba, sǫśad, v́ǫzać. Ср. в сербо-хорватском языке долготу такого слога: trūba, mūtiti, sūsėd (диалект.), vēzati. В чешск. trūba → trouba, sūsed → soused, vāzati.

§ 79. Положение носового гласного в слове: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога: trǫba, zǫbъ, sǫdъ, męso, pętь, vęzati; nesǫ (1 л. ед. ч. наст. вр.), gorǫ, ženǫ (вин. ед.), sėmę, telę. Это — та же позиция, в которой у славян находились и гласные u, ė, i. Как будет показано ниже, фонетическая

тенденция была одинакова при появлении всех этих гласных вместо прежних дифтонгов или дифтонгических сочетаний. Перед гласным были у славян не носовые гласные, а сочетания гласного с носовым согласным (n, m), как и сочетания ov, ev, oi̯, ъi, ěi̯, а не u, ě, i (см. выше).

Ср.:

opona (o-pon-a), zapona, perpona (южнослав. prěpona, вост.-сл. перепонъка), но — pǫto (pǫ-to), — с тем же корнем;

zvonъ (zvon-ъ), — но zvǫkъ (zvǫ-kъ) с тем же корнем; onutja (болгар. онушта, русск. онуча, чешск. onuce); ср. с тем же корнем obuti (ob-u-ti), лит. apaũti (без префикса: -aũti); on в славянском образовании onutja был префиксом; тот же префикс являлся в виде ǫ перед согласным: ǫtъkъ (ǫ-tъk-ъ) — „что втыкается" при тканье (русск. уток).

zvьněti (zvьn-ěti), но zvękъ (zvę-);

pьnǫ, pьneši (pьn-), но pęti (pę-);

pęsъ: ст.-сл. пасъ, — аорист сигматический, 1 л. ед. к глаголу pęti — „натягивать", — аорист, основа которого представляла долгий гласный в корне: ср. basъ (основа bod-, bosti), věsъ (основа ved-, vesti); ę в pęsъ вместо ēn;

sěmę, но sěmena (sěmen-a).

§ 80. Можно полагать, что носовой гласный появился вместо сочетания гласного с носовым согласным n, а не с согласным m: согласный m в конце слога изменился в доисторическую эпоху в n. Ясное указание на такое изменение представляет n в предлоге sъn вместо sъm (см. § 114). Изменение m в n было связано с концом слога: оно происходило не только в конце слова, но и в середине его (перед согласным). Так можно полагать по указанию говоров чакавского сербо-хорватского наречия: там произошел процесс изменения m в n перед согласным и в конце слога. И еще важное указание этих говоров такое: гласный перед n образуется при опущенной небной занавеске, т. е. он назализован, как в польском языке. Итак: чакавск. uzą́nka (в штокавском сербо-хорв. наречии — zȃmka — „петля", „кознь"), vą́n вместо vám[ъ], lomín вместо lomím[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „ломлю", tečę́n вместо tečém[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „теку". Вероятно, так происходило дело и в доисторическую эпоху: гласный + m в конце слога изменился в сочетание гласного с носовым n. Стремление к открытости слога повело к образованию носовых гласных.

§ 81. Соответствия других индоевропейских языков указывают на то же, что показал и анализ славянских языковых фактов: носовые гласные у славян появились в конце слога вместо сочетаний „гласный + носовой согласный". Для более точного определения происхождения носовых гласных следует выделить особо конец слова: там в отношении носовых гласных, как и некоторых других явлений, фонетика была иная сравнительно с фонетическими процессами прочих частей слова.

Не в конце слова носовому гласному ǫ соответствуют в других индоевропейских языках ŏn, ŏm, ōn, ōm, ăn, ăm, ān, ām. Повидимому, в этих дифтонгических сочетаниях произошло в отношении долготы гласного то же, что в дифтонгах ōṷ, āṷ, ōi̯ и др.,— сокращение ее: ān, ām ⟶ ăn, ăm ⟶ ŏn, ŏm. Но след долготы гласного остался в заменителе и этих дифтонгических сочетаний: ǫ с восходящей интонацией вместо давних ōn (ōm), ān (ām); ǫ с нисходящей интонацией вместо давних ŏn (ŏm), ăn (ăm). Долгота гласного бывала и в таких случаях, если односложное сочетание получилось вместо двухслогового вследствие редукции последнего. Напр. ān вм. anə.

В более поздний доисторический период происходила в ряде случаев смена интонации, метатония: появлялись нового типа интонации — нисходящая и восходящая. Подробнее см. в отделе об интонации. Несколько примеров индоевропейских соответствий славянскому ǫ.

Слав. pǫto, pǫta (множ.): ст.-сл. пѫто, чешск. pūta ⟶ pouta; сербск. pȕto, польск. pęta (множ.). Чешская долгота, сербо-хорватская краткость указывают на восходящее ударение более раннего времени. Др.-прусск. panto — „цепь", „оковы", лит. pántis; основн. pōn-t-.

pǫtь, серб. pȗt. Сербское долгое нисходящее ударение указывает на давнее славянское нисходящее ударение;—лат. pons, родит. pontis — „мост", др.-инд. pánthāḥ — „дорога";— основн. pŏnti-.

zǫbъ: ст.-сл. ꙁѫбъ, чешск. zŭb, серб. zȗb, словин. zȏb, польск. ząb. Чешская краткость, сербо-хорватское и словинское долгое нисходящее ударение указывают на нисходящее ударение более раннего времени. Лит. žam̃bas — „грань", „ребро", др.-инд. jámbaḥ (d́žambaḥ) — „зуб", греч. γόμφος — „болт", „гвоздь"; — основн. g'ombho-.

gǫba — „губа"; греч. γαμφαί, γαμφηλαί — „челюсть"; — основн. gambh-.

ǫzъkъ; ст.-сл. ѫзъкъ, лит. añkštas (вм. añštas), лат. angustus—„узкий", angō—1 л.—„стеснять"; греч. ἄγχω—„давить";—основн. angh̄-.

ǫgъlъ — „угол"; лат. angulus; — основн. angŭl-; ǫty — „утка": др.-русск. утовь (вин. ед.), серб. ȕtva, лит. ántis, лат. anas (anatis), др.-сканд. ǫndr, др.-верхн.-нем. anut. Славянское и литовское имена образованы от ānt вместо более ранней двухслоговой базы anət-: ср. присутствие гласного в латинском и в др.-верхн.-немецком; славянский ǫ был с интонацией восходящей: сербохорватская краткость, литовское án (а не añ) указывают на такую интонацию; долгота же гласного здесь была в связи с редукцией двухслоговой базы в однослоговую.

§ 82. Носовому гласному ę соответствуют в других индоевропейских языках ĕn, ĕm, ēn, ēm. Долгота гласного ē была также в случае редукции двухслогового сочетания: enə ⟶ ēn. И в этих сочетаниях произошло сокращение долготы гласного: ēn, ēm ⟶ ĕn, ĕm. Прежняя долгота у славян отразилась в особой интонации гласного ę — в интонации восходящей. Гласный же ę вм. давних сочетаний краткого ĕ с n, m имел у славян нисходящую интонацию. В образовании гласного ę в сочетании en, em в закрытом слоге понижалось положение спинки языка: en, em ⟶ ⟶ än, äm, а это заменилось гласным ą̈. Такое изменение в положении спинки языка в образовании гласного *е* перед носовым согласным происходило и в позднее время, напр., по северным польским говорам: ten ⟶ tan, ćemno ⟶ ćamno...

Примеры соответствий.

Слав. zętь: серб. zȅt, русск. з'ат'; сербская краткость (̏) вместо восходящего ударения более раннего времени. Лит. žéntas — с én обычно соответствует славянскому восходящему ударению. Славянское (восходящее) и литовское (ʹ) ударения свидетельствуют об основном ēn, а это ēn в данном случае получилось вместо enə; но славянское ę с восходящей интонацией возможно было и вместо давнего долгого слогового n̥̄ (см. ниже). Многочисленные индоевропейские образования с этим корнем в значении „рождать" представляют его в разном звуковом виде (см. отдел чередования): g'enə-, g'en-, g'on-, g'ōn-, gn̥̄-, g'n-: др.-инд. janitā́ — „родитель" (džani-tā), греч. γενέτωρ, γενέτηρ (γενε-), лат. genitor (geni-), греч. γένος — „род" (γέν-), лат. genus (gen-), др.-инд. jánaḥ — „род" (jan-); греч. γνωτός — „брат" (γνω-), латыш. znots — „зять" (zno-); др.-инд. jātáḥ — „рожденный" (jā- вм. g'n̥̄-), лат. nātus вм. gnātus, гот. kunds — „происходящий" и др.

męso: ст.-сл. мѧсо, серб. mȇso, словин. mesȏ, чешск. mäso, польск. m'ęso. Сербо-хорватское долгое нисходящее ударение, словинское нисходящее ударение, перенесенное на следующий слог, как и в других случаях с таким ударением (zlatȏ, polȇ...), чешская краткость — все указывает на нисходящее ударение слога с ę (męso) в более раннее время. Др.-прусск. mensā (вм. memsa) — „мясо". Основн. mems-. В др.-инд. иная ступень чередования, с долгим гласным: māṃsá-.

jętro — „печень"; — греч. ἔντερα — „внутренности".

pętь — „5"; ст.-сл. пѧть, серб. pȇt, чешск. pět, польск. p'ęć. Сербо-хорватское ⁀ и чешская краткость свидетельствуют о нисходящем ударении более раннего времени. Соответствующие указания представляют и другие языки: лит. peñki, женск. р. peñkios, греч. πέντε, лат. quīnque (вм. pinque). Основн. pen-.

§ 83. Славянские данные и соответствия других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носового гласного ę. В ряде случаев славянскому ę соответствует в других языках то, что появилось в них вместо слоговых m̥, n̥ или ᵃm̥, ᵃn̥ (ᵃ точно не определимый; очень слабый редуцированный гласный, предшествовавший слоговому m̥ или n̥); в литовском in, im, un, um с разной интонацией под ударением (iñ, im̃, uñ, um̃, ìn, ùn), in, un вне ударения, в др.-индийском a, ā, в греческом α, να, μα, в латинском em, en, nā, mā, в готском un, um. В славянском материале слова с таким ę чередуются с ьn, ьm перед гласным. Некогда в индоевропейских языках этим звукам и сочетаниям предшествовала фонетическая стадия со слоговыми n̥, m̥. Может быть, перед слоговым было образование очень слабого гласного, точнее не определимого: ᵃn̥, ᵃm̥. Носовые слоговые могли быть краткими и долгими (такими были и слоговые r̥, l̥; см. ниже). След долготы слогового сонорного (n̥, m̥, r̥, l̥) отразился в славянской, как и в литовской, группе в особой интонации: у славян она была такой, которая в конце доисторического периода являлась восходящей, у литовцев в виде ` (ìn, ùn); если же сонорные слоговые были краткими, то у славян интонация была в конце доисторического периода нисходящей, у литовцев ˜ (iñ, im̃). След долготы сонорного n̥, m̥ отразился в др.-индийском в виде ā (перед зубным согласным), в виде nā, mā в греческом и латинском.

В литовской группе ᵃn̥, ᵃm̥ изменились в сочетания in, im, un, um. У славян была пройдена такая же фонетическая стадия.

Краткие ĭ, ŭ всякого происхождения изменились затем в редуцированные ъ, ь. Но, как ниже отметим, достоверных примеров с ъm, ъn с дальнейшим их изменением перед согласным у славян указать нельзя. Имеются сочетания с ъm, ъn перед гласным: dъmǫ, dъmeši („дую", „дуешь"), gъnati... Сочетания же ьn, ьm у славян изменились перед согласным в ę в связи с тенденцией избегать окончания слога на неслоговой i̯, u̯ или на сонорный n, m (а также на r, l; см. ниже). Гласный ę имел разную интонацию в зависимости от происхождения n, m из ᵃn̥, ᵃm̥ или из ᵃn̥̄, ᵃm̥̄.

Примеры.

Слав. čęstъ; серб. čȇst, русск. част(ый), польск. częsty. Сербохорватское ⁀ указывает на čę- (с нисходящим ударением) более раннего времени. В литовском соответствует im̃: kim̃stas — „набит", „заткнут". Основн. kᵃm̥-st. (Другой вид этого корня, на полной ступени чередования, с гласным o: kom-ъ.)

desętь: ст.-сл. десѧть, польск. dzesęć, серб. dȅsēt, русск. дес'ать', лит. dẽšimt, диалект. dešimtis, dẽšimts, др.-инд. dáça, daçát, греч. δέκα, лат. decem, гот. taíhun. — Основн. dek'ᵃm-t̥.

dadętь (3-е л. мн. наст. вр.); др.-инд. dádati; др.-инд. a перед ti, слав. ę восходят к ᵃn̥.

tysętja („тысяча"); ст.-сл. тысѫща, русск. тыс'ача, польск. tys'ǫc. Корень тот же, что и в sъto („100") — лит. šim̃tas, др.-инд. çatám, др.-иран. satəm, греч. ἑκατόν (ἑ-κατόν), лат. centum, гот. hund. Славян. sъto не представляет собою фонетического соответствия литовскому šim̃tas: это слово перешло к славянам от иранцев (satəm). Отметим, что от иранцев это слово перешло также в финно-угорские языки: фин. sata, морд. śada, марийск. sŭdö, удмурт. śu, вогульск. sāt, венг. száz. Как видно, были какие-то обстоятельства, благоприятствовавшие распространению этого иранского слова среди других народов, соседивших в то или иное время с иранцами.

В финно-угорских языках заимствованным из разных индоевропейских языков является и слово „тысяча" (венг. ezer, фин. tuhante — и др.). Но славянское tysętja представляет фонетическое продолжение более раннего сочетания с ᵃn̥: tū-sᵃm̥tja. Славянское слово соответствовало готскому thūsundi, франк. thūschunde. Слав. ty- (вм. tū-), гот. thū соответствовало др.-индийскому taváḥ („сильный", „сила"); tu-sᵃmtja — „большая сотня".

У славян это слово имело также гласный ǫ вм. on: tysǫtja:

чередование полной ступени, с on, со ступенью редукции, с n̥. Ст.-сл. тысѧща и тысѫща; сербо-хорв. tȉsuća; словин. tîsoča; чешск. tisīc, словац. tisúc.

pamętь; лит. minti — „мысль, мнение", гот. gamunds (ga-munds), др.-инд. matíḥ, лат. mens.

męti, но mьnǫ, mьneši („мять", „мну", „мнешь"); лит. mìnti, minù; восходит к ᵊn̥.

jętry — „жена мужнина брата", русск. ятровь, укр. ятрівка, старо-польск. jątry, др.-инд. yā́tā (вин. yā́taram), греч. ἐνάτηρ. Основн. i̯enə-t (ēr), родит. i̯n̥-trós...; в славянском имени отражается ступень редукции ᵊn̥, находившаяся некогда в основе косвенных падежей (в именит. пад. было enə).

§ 84. Примеров с ǫ, которые указывали бы на более ранние сочетания ъm, ъn (ŭm, ŭn) из ᵊm̥, ᵊn̥ перед согласным, мало. Наиболее показательным является слово dǫti („дуть") при формах наст. вр. dъmǫ, dъmeši, при форме причастия прош. вр. страдат. залога dъmenъ (na-dъm-enъ) и литовские параллели с um: dùmti, dumiù. Слав. слог dǫ- имел восходящее ударение: ср. серб. dȕti, а не dûti (⌢ указывало бы на нисходящее ударение); чешск. dūti ⟶ douti (с долготой dū, сохранившейся в слоге, бывшем некогда с восходящим ударением). Такая интонация вполне соответствует литовской на ùm: dùmti.

Того же, вероятно, происхождения ǫ в корне kǫt — „охранять, охрана": ст.-сл. кѫща — „жилище", сербо-хорв. kȕća, русск. укýтать. В литовско-прусском kunt-: прусск. kūnti — „ухаживает", pokūnti — „охраняет".

§ 85. Конец слова имел свою фонетику: процессы конца слова бывали нередко иными по сравнению с процессами начала и середины слова.

В конце слова носовые гласные в последний доисторический период были в следующих положениях:

1) ǫ вместо давнего ān (ām). Как видно, a перед n, m в конце слова стал лабиализованным: å; ån ⟶ ǫ.

Лабиализация гласного *a* перед носовым согласным происходила и в позднее время по славянским диалектам. Напр., по польским говорам: dām ⟶ dåm ⟶ dom ⟶ dum; sām ⟶ såm ⟶ som ⟶ sum.

Винит. ед. имен. на -a: gorǫ, rybǫ. Ср. окончание -ān, -ām в греческом и латинском языках: греч. χώραν, лат. terram.

Окончание 1 л. ед. наст. вр. berǫ, vedǫ. Это окончание соответствует окончанию -ām латинского конъюнктива: feram.

2) ǫ вместо on перед ti (⟶ tь) в форме 3 л. множ. числа наст. вр. и перед t в форме 3 л. множ. ч. простого аориста: berǫtь, vedǫtь; ср. др.-инд. bháranti; padǫ, mogǫ (3 л. аор.) вм. padont, mogont; ср. греч. ἔφερον, ἔλιπον с утратой конечного t.

ę в конце слова в следующих положениях.

1) Вместо конечных ēn, ēm. Винит. ед. личных местоимений mę, tę, sę. Ср. др.-инд. mām (из mēm), tv.m; др.-прусск. mien, tien, sien, sin (ie, i вместо закрытого ē).

Окончание ę в суффиксе имен среднего рода на -mēn в именит. ед.: sěmę. В других формах суффикс был с кратким *e*: sěmene (родит. ед.). Такое же соответствие представляли и имена мужск. рода с тем же суффиксом: в именит. ед. гласный долгий ō (в среднем роде долгий ē), в прочих формах -ĕ: mōn||mĕn: kamōn ⟶ kamy, kamene (род. ед.).

2) ę вместо ьn, восходившего к °n̥:

а) основы имен средн. рода на -ęt (в названиях молодых существ.): telęt-; в именит. ед. telę, с утратой конечного t, но родит. ед. telęte.

б) Форма 3 л. множ. числа наст. вр. основ нетематических: dadętь, vědętь, jadętь. Ср. в др.-инд. dádati — с *a* в окончании вм. °n̥.

Сочетания ōn, ŏn, ūn, ĭn, ons, uns, ins имели иную судьбу в конце слова.

В отличие от середины слова в конце слова пережита была усиленная лабиализация гласного *o* перед носовым согласным: ōn ⟶ ūn, ŏn ⟶ ŭn. Такой же процесс пережит и латинским языком: вин. lupum вм. lupom, имен. jugum, ср. греч. ζυγόν.

Последний фонетический результат изменения ūn, ŭn в доисторическое время был такой: *y* (ы) вм. ūn, ъ вм. ŭn. Возможно полагать, что была пройдена стадия с носовыми ų̄, ų̆, которые в доисторическую же эпоху утратили носовое образование: ų̄ ⟶ ū и далее заменялись гласным y (ы), ų̆ ⟶ ŭ ⟶ ъ. Ср. указание литовского языка на возможность фонетической стадии с носовым ų: винит. ед. sūnų вм. sūnŭn.

Возможна была и стадия с носовыми i: į̄, į̆. Ср. в литовском языке форму винит ед. nãktį вм. naktin. У славян в доисторическое время į̄ ⟶ ī, į̆ ⟶ ĭ ⟶ ь: винит. ед. kostь, вин. множ. kosti.

Итак, если и были у славян носовые ų, į, то они уже в доисторический период заменились неносовыми u, i с дальнейшим

изменением (ŭ → у, ŭ → ъ, ĭ → ь). Их отличие от носовых ǫ, ę в отношении работы небной занавески состояло в том, что при гласных высокого подъема спинки языка небная занавеска имеет тенденцию не опускаться. Такое явление происходило и позднее, напр., в польских диалектах. В тех из них, в которых произошло изменение ǫ в ǫ̇ (ǫ^u) и ų, а ę в ę̇ (ę^i) и į, ослабевало опускание небной занавески, и при ų, į она совсем перестала опускаться: ų → u, ę^i или į → e^i или i: vǫ^{u}s → vųs → vus, p'ę^{i}šč → → p'įšč → p'išč („кулак"). Ср. и отмеченную выше судьбу гласного носового заднего ряда в тех славянских языках, в которых он получил образование гласного ų: утрачено носовое произношение раньше, чем в тех языках, в которых соответствующий гласный имел не такое высокое образование. Итак, греческому ἄκμων у славян соответствует kamy, которому предшествовали такие фонетические стадии: kamōn → kamūn → kamų̄ → kamū → → kamy; ŏn → ŭn → ų̆ → ŭ → ъ. Винит. ед. vьlkъ; ср. греч. λύκον, лат. lupum, лит. vilką.

С кратким ŏ (ŏn) была некогда у предков славян форма родит. множ., в соответствии с греческой на -ων. Полагаем, что -ŏ(n), отразившееся в славянской группе, находилось с ō(n), отразившимся в греческой, в отношении чередования (количественного): ŏn||ōn. (По иному объяснению, ŏn в славянской группе явилось вместо ōn, вследствие сокращения, вызванного особой интонацией.) Итак, род. мн. vьlkъ, rybъ...

Наличие гласного *о* в именит. ед. имен среднего рода (mėsto, dělo) обязано воздействию окончания такой формы в местоимении средн. р.: to вм. tod; ср. лат. istud (вм. is-tod), др.-инд. tad. Воздействие форм местоимений отразилось и на других формах имен существительных.

Форма 1 л. ед. аориста простого: padъ, mogъ. Ср. соответствующее образование в греч. ἔφερον, в др.-инд. ábharam.

ŭn → ų̆ → ŭ → ъ

Винит. ед. основ на -ŭ: synъ вм. sunŭn. Ср. в лит. sū́nų, в др.-инд. sūnúm.

ĭn → į̆ → ĭ → ь

Винит. ед. основ на -ĭ: gostь, kostь вм. gostĭn. Ср. в лит. nãktį, в греч. ὄφιν („змею"), в лат. turrim („башню"), в др.-инд. matím.

В выяснении судьбы -ons, -uns, -ins следует принять во внимание такой фонетический процесс, пережитый в славянской системе: удлинение краткого гласного перед группой -ns: -ons ⟶ ūns ⟶ ų̄s ⟶ ū ⟶ y (ы); ins ⟶ īns ⟶ į̄s ⟶ i.

Винит. мн. основ на -o: vьlky; -y вм. -ons; -ns окончание винит. множ. Ср. греч. диалект. (критское) λύκονς, гот. wulfans, др.-прусск. deiwans.

Форма именит. ед. причастия мужск. р. основ на e/o—nese-||neso-(nesešĭ...): nesy, vedy, mogy; родит. nesǫtja вм. nesontja (ст.-сл. несѫща), дат. nesǫtju... Основа этого причастия имела суффикс -nt-; окончанием именительного пад. ед. ч. мужск. р. был согласный -s: nesont-s. Ср. литов. vežąs, лат. ferens. В славянской фонетике группы согласных ds, ts ⟶ s. Напр. dadsi (2 л. ед.) ⟶ dasi. Следовательно, nesonts ⟶ nesons, а это сочетание пережило дальнейшие изменения, указанные выше.

Винит. множ. ч. основ на -ŭ (synъ): syny — sūnŭns. Ср. готскую форму sununs.

Винит. множ. основ на -ĭ (gostь, kostь): gosti, kosti. Ср. соответствующие формы в др.-прусск. akins (-i-ns), в гот. austins, греч.-крит. πόλινς.

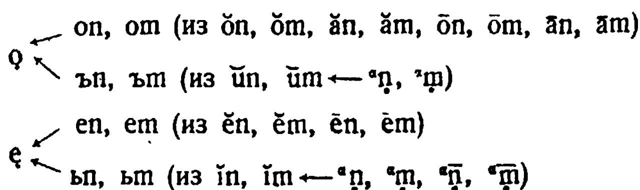
Неясна судьба -ons после палатального согласного. Так, в форме винит. множ. основ на -jo мужск. р. (kon'ь), в винит.-именит. множ. основ на -ja (koža), в родит. ед. тех же основ (на -ja); в одних группах был гласный ě, в других — ę. На ę оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу южнославянских языков: kon'ę, kožę, struję. На ě оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков: kon'ě, kož'ě.

Гласный ę указывает на изменение гласного *o* в *e* после палатального согласного, происшедшее ранее возникновения носовых гласных: 'ons ⟶ 'ens ⟶ 'ēns (удлинение гласного перед -ns) ⟶ ę. Но появление ě (ѣ) в этом положении неясно. Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов полагали стадию с носовым ě (с носовым ѣ). Но в славянских языках нет следов такого ě. Различен звуковой вид окончания причастия наст. вр. с основой на je/jo: именит. ед. муж. и средн. р. на ę: znaję, другие формы с jǫ: znajǫtja, znajǫtju (ст.-славян. знаꙗ, знаѭща, знаѭщю). Может быть, гласный ǫ появился в связи с таким же гласным в окончании причастия основ на e/o: berǫtja, berǫtju... Так и в форме 3 л. множ. ч. наст. вр. — znajǫtь, pišǫtь с ǫ, как

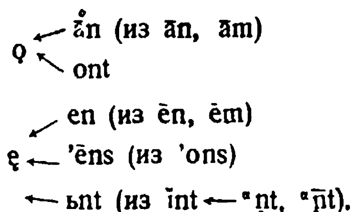
berǫtь, vedǫtь. В дополнение см. ниже, в отделе о конце слова.

Итак:

а) не в конце слова:

б) в конце слова:

§ 86. Процесс изменения сочетания „гласный + n, m" перед согласным в середине слова в носовые ǫ и ę действовал в фонетической системе славян в течение долгого периода времени. Он действовал и в первые века н. э. при встрече славян с германцами. На это указывает передача германских заимствованных слов в славянских языках. Из ранних заимствований отметим передачу слова kuning: слав. kъnędzь. Ср. и передачу германского phenning: слав. pěnędzь. Ср. еще ст.-сл. хѫдогъ — „опытный, мудрый" — гот. handags (с окончанием -ags это слово не засвидетельствовано; но на возможность такого окончания указывает др.-верхн.-нем. hantag; в готском тексте засвидетельствовано handugs, славянское -огъ указывает на -ăg-).

О других заимствованиях с носовыми гласными в славянских языках см. выше, § 42.

Редуцированные гласные ъ, ь.

§ 87. Как показывает история отдельных славянских языков, это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных *о*, *е*. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при

образовании этих редуцированных гласных было то, что голосовые связки вибрировали короче, чем при гласных полного образования. Об ослабленности, редуцированности образования гласных *ъ*, *ь* свидетельствует их судьба в славянских языках: в тех положениях, в которых не было благоприятных обстоятельств для продления гласных *ъ*, *ь* (для их усиления), они совсем утрачивались. Так было в конце слова и в середине слова перед слогом с гласным полного образования.

1) zъła, vьdova, otьca;

2) vьdovъ (родит. множ.), synъ, beretь, berǫtь. В особенности они были слабы в конце слова. Вероятно, уже в доисторический период они были такими особенно ослабленными в этом положении (в конце слова).

Но *ъ*, *ь* были и в таком положении, в котором происходило их усиление, некоторое продление. Так было перед слогом, в котором находился *ъ*, *ь*, подвергавшийся дальнейшему ослаблению: sъnъ, lьnъ, dьnь (*ъ*, *ь* в первом слоге). Еще одно условие, в котором *ъ*, *ь* подвергались некоторому продлению: в начальном слоге под ударением: dь̂skǫ (винит. ед.). И показательно, что только после продления они становились в отдельных славянских языках нормально-краткими. Напр., в украинском языке они стали гласными *о*, *е* (son, den'), в чешском языке — *-е* (sen, den), в то время как прежние нормально-краткие гласные *о*, *е*, получив продление, становились долгими ō (ȏ закрытый), ē (ȇ): vozъ ⟶ vȏz(ъ), pečь ⟶ pȇč(ь) (последний пример относится к украинскому языку). Следовательно, до продления гласные *ъ*, *ь* были короче коротких гласных,— были гласными редуцированными, неполными в количественном отношении.

§ 88. Сравните звуковой вид одного и того же корня: в сложном слове medvědь (medv-ědь), в прилагательном medvěno (medvěno pitije), ст.-сл. медвьнъ — „медовый", и в существительном medъ. Как видно, в первых двух словах представлено сочетание с -v (medv-),— представлено перед гласным; в последнем слове эта основа находится с -ъ — в конце слова. Выше мы видели, что гласный u появился у славян вместо более раннего дифтонга ou̯ перед согласным и в конце слова. Но если далее следовал гласный, то ou̯ ⟶ ov: rǫku — родит.-местн. пад. двойств. числа, но rǫkovętь (rǫkov-ętь), т. е. „взятое в двух руках". Согласный v у славян, как и в других индоевропейских языках, представляет замену более ранней фонетической стадии u̯ крат-

ким неслоговым u (u̯) перед гласным. Перед согласным было образование слогового краткого ŭ. Ср. литов. medùs, греч. μέϑυ, др.-инд. mádhu, слав. medъ. Как видно, у славян слоговой краткий гласный ŭ претерпел редукцию: ŭ ⟶ ъ. Поэтому в глаголах итеративного значения, представляющих в корне гласный долгий (вследствие удлинения соответствующего краткого гласного), находится *у* (ы) вместо более раннего ū в соответствии гласному ŭ ⟶ ъ в глаголах неитеративного значения. Ср. tъkati — tykati, dъchati — dychati и др. Ср.: nositi ⟶ našati, plesti ⟶ sъplě-tati...

§ 89. Соответствие славянскому ъ в других индоевропейских языках — ŭ, как это обнаружилось и при анализе славянских имен medъ — medvědь.

Слав. synъ — лит. sūnŭs (sūnùs); dъva — греч. (гомеров.) δύω, др.-инд. duvā́; mъchъ — лит. mŭsal (множ. ч., „плесень на молоке"), лат. mŭscŭs; sъnъ — греч. ὕπνος; bъděti — лит. budḗti; dъchnǫti — лит. dùšti („тяжело дышать"); nъ (-„но") — лит. nù, др.-верхн.-нем. nu.

У славян гласный *о* в конце слова перед n подвергся усилению лабиализации: ōn ⟶ ūn ⟶ ...y (ы); ŏn ⟶ ŭn ⟶ ŭ ⟶ ъ.

Напр., винит. ед. vьlkъ, vozъ и др. Ср. греч. λύκον. Изменение краткого гласного ŭ проходило параллельно изменению долгого ū, именно в отношении утраты лабиального элемента: последний стал производиться раньше образования гласного,— производиться одновременно с предшествующим согласным или в виде самостоятельной губной артикуляции в начале слова: vъpiti, vъšь. См. § 60. Поэтому следует полагать, что редукции подвергся собственно не гласный ŭ, а заменявший его краткий гласный нелабиализованный высокого подъема задне-среднего ряда ɪ. Процесс редукции проходил параллельно с процессом редукции краткого гласного высокого подъема переднего ряда ĭ.

В давней славянской фонетической системе не было сочетания ej или ei̯ перед гласным: вместо этого находилось сочетание ьj или ьi̯. Такое изменение сочетания ej произошло вследствие ассимиляционного процесса с j или с i̯: образование предшествующего гласного *е* стало происходить при таком же подъеме стенки языка, как при i: ej ⟶ ĭj, а вместо ĭ у славян *ь*. Такого происхождения, напр., vьjǫ, vьješi (vьj вм. vej); ср. чередование с гласным *о*: voi̯-(povoi̯-ьnik- ⟶ povoinikъ); ср. в литовском языке vejù (výti — „вить").

Обратите еще внимание на чередование *ь* и ī в основах глаголов: ī в глаголах итеративного значения, *ь* в глаголах неитеративного значения,— чередование, указывающее на более раннее чередование ī (как удлинение соответствующего краткого гласного) и ĭ: prilipati — lьpěti, ср. лит. lìpti; židati (ožidati) — žьdati; pisati и pьsati; ср. прилагательное с тем же корнем pьs- и с суффиксом -ro: pьstrъ (t появился в славянской фонетике между s — r).

§ 90. Соответствия с образованиями в других индоевропейских языках также указывают на ĭ. Примеры:

Слав. vьdova — др.-инд. vidhavā, лат. vidua, гот. widuwo;

mьgla — греч. ὀμίχλη;

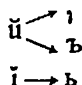
mьn'ii („меньший") — лат. minor, греч. μινύθω („уменьшаю"), гот. mins (лат. minus); dьnь — лат. dīnum (nundīnum — „промежуток между 2 базарными днями").

К славянским сочетаниям ьj (ьį) ср. примеры: слав. vьjǫ; лит. vejù;

trьje — др.-инд. tráyaḥ (*a* вм. *e*), греч. τρεῖς.

Таким же образом, посредством гласных *ъ*, *ь*, передавались заимствованные слова, появившиеся у славян в первые века н. э. Напр., kъnęдzь вм. герм. kuning, pěnęдzь — герм. phenning.

Итак, у славян в доисторическое время краткие гласные высокого подъёма ı (из ŭ), ĭ подверглись ослаблению, редукции и некоторому изменению в укладе органов речи: положение языка при их образовании не было таким высоким, как при ı (из ŭ), ĭ.

§ 91. В ряде случаев гласный *ь* или *ъ* представлял собою у славян конечный результат ослабления давних кратких гласных *e*, *o*, *a*. Соответствующее явление представляют и другие индоевропейские языки. Вместо такого давнего редуцированного гласного (точно не определимого, обозначаемого некоторыми лингвистами маленькой буквой ᵉ) в литовском языке появились гласные i, u, у славян в доисторическое время *ь* и *ъ* (*ъ* редко).

berǫ — borъ — bьrati;
ženǫ („гоню") — goniti — gъnati.

§ 92. Возникали в отдельных индоевропейских языках и более поздние чередования кратких гласных *e*, *o* с редуцированным

гласным и с дальнейшим его изменением. У славян к таким чередованиям относятся частицы, некоторые наречия, числительные, имена, применяемые при обращении к кому-либо, т. е. слова, произносимые быстрым темпом и не столь полновесно, как существительные или глаголы. Такие слова в разное время переживают ослабление в звуковых образованиях. К доисторическому периоду относятся, напр., такие сочетания с результатами редукции:

iže — „который" (местоимение i, частица že), но и ižь. В старославянском языке отражается это местоимение в том или другом виде: иже, ижь.

večerъ — vьčerà (наречие);

četyre — čьtyre. Ср. параллельное явление в греческом языке: эолийское πέσυρες и πίσυρες (τέσσαρες — „4"); kogda — kъgda, togda — tъgda. Ср. в старославянском языке: когда, тогда и къгда, тъгда.

Слав. gospodь. В первой части отражается основа gostĭ- (gostь), а во второй та основа, которая в др.-индийском была представлена в виде patĭ- (pátiḥ — „господин, властитель, супруг"), в латинском potĭ- (potis — „мощный, сильный"), в греческом пот- (πότνια — „госпожа", δεσπότης — „владыка"), в готском faþs (brūþfaþs — „жених", собственно: „властитель невесты"), лит. pat- (pats — „господин, супруг, сам"). Таким образом, слав. gospodь было название главы семьи, владыки, во власть которого поступал чужой человек, gostь. В других индоевропейских языках домовладыка имел тоже сложное имя и тоже с редукцией первой части; но в первой части был корень dom — в полном или редуцированном виде: др.-инд. dámpatiḥ — „властитель", др.-иран. dəngpaitiš, греч. δεσπότης (δεσ-πότης).

И в позднее время переживалась у славян редукция имен, образованных от gospod-. Напр. сербо-хорв. и словинск. gospon вместо gospodin, сербо-хорв. gòspār, gȍspr, gósa вм. gospodar(ь).

čelovekь — čьlovekъ — človekъ. В зависимости от частоты применения находилась и редукция имени čelovekъ. Первая часть этого слова заключает основу čelo — с корнем čel-, который находится и в имени čel-ędь — „семья". Соответствующий корень имеется и в литовском языке, где еще яснее отражается его значение: лит. kiltis и kiltis — „род"; того же корня глагол kilti — „подниматься, возникать". Основное значение этого корня указывало на отношение к возникновению, подъему, нарастанию;

ср. лит. kélmas — „ствол дерева". Идея нарастания — основная идея в названии рода у разных народов: слав. plemę (pled-mę, pled-, чередование с plod-), rodъ, na-rodъ (roditi), l'udĭje; греч. ῥῦλον — „род, народ" — глагол φύομαι — „расту"; нем. Leute, гот. liudan — „расти" и др.

Вторая часть -vě̆kъ имела значение — „принадлежащий к семье". Это значение ясно отражается в литовском соответствии: vaĩkas — „мальчик, сын", vaikaĩ — „дети", лит.-жемаитское vaĩkis — „слуга"; др.-прусск. waykils — „сын", waix — „слуга".

čełovėk — „мужчина как член рода": в то время, когда формировалось это слово, во время родовой организации, „человек" мог быть только в составе своего рода, племени, вне его он не был „человек"; он был враг, он был беспомощен. При звуковом виде čełovėkъ издавна, уже в доисторическое время, было имя и с результатом редукции первой части: čьłověkъ и čłověkъ. Старославянский язык указывает на чловѣкъ. Другие славянские языки также указывают на такое сочетание: сербохорв. диал. člȍvjek (človek), словин. člóvék, чешск. člověk, польск. człov'ek. Происходила и дальнейшая редукция: болгар. чловéк и челéк, човéк (чувек); серб.-хорв. čovek (čovjek), čojek, čoek, čȫk, čȇk; польск. człek. В восточнославянских языках представлено это имя без результата давней редукции: čełovėkъ, русск. человек, укр. чоловік — „человек, мужчина, муж". Но и тут происходила позднее редукция: русск. челэ̣к.

В некоторых основах было представлено чередование гласных *ъ* и *ь*. Условия чередования неясны. Такое чередование было представлено в глаголах и именах.

dъrati — dьrati, ср. лит. dùrti — „колоть" и dìrti — „рвать";

dъbrь — dьbrь — „ущелье, овраг, ложбина", ср. в Остромиров. код. дъбрь (Лука, III, 5), в Изборнике Святослава 1073 г.: юсть дъбрь ѕѣло глоубока; на dъbrь указывают такие топонимические образования: Добърце — на сев.-западе Македонии (в Пологе), pastwisko („пастбище") Debrz, Debrznica — в Польше; dьbrь лежит в основе имен. дебрь в Ассеманиевом код., в русском дебрь, в названии деревни Дебря при речке Рыдаге Рославльск. у. Смоленск., в болгарских названиях сел Дебор (на западе Македонии), Дебрец (на юго-западе Македонии), Дебър (в Болгарии, в Старо-Загорском округе).

dъno — dьno, bezdьna; ср. бєздьнию в Изборнике Святослава 1073 г., бєздєнию в Супрасльской рук., в Синайской пс., в Синайском

требнике; например: отъ бєзденъ земла — „из бездн земли“ (Син. пс.); русск. диалект. дёнышко; украинск. денце, белорусск. дзенцо (вм. dьпьсе); с гласным ъ эта основа была в таких именах: русск. донце, донышко; польск. denko, верхне-луж. zdonk (z-donk) — „ствол дерева“.

rъdrъ — rьdrъ — „рыжий, темнорыжий“, глагол rъděti; на rьdrъ указывают рьдръ в Изборнике Святослава 1073 г., русск. диалект. рёдрой.

skъrbь — ščьrb-a, ščьrbina.

trъstь — trьstь; ср. др.-русск. тръсть (Арханг. ев. 1092 г.), соврем. русск. „трость“, чешск. tresť, польск. treść, но и trьstь; ср. ст.-слав. тръсть, трьсть, тресть (в Синайском требнике), трёстига в современных болгарских говорах на востоке Македонии (в Неврокопе); русск. диалект. трёсточка, трёсник.

tъпъkъ — tьпъkъ; ср. русск. тонко (tъпъko) и польск. ćenko (tьпъko), болгарск.-македонск. тенка, тенки.

Ст.-слав. ръпътати, ръпътаниѥ, рьпътаниѥ (репътаниѥ в Син. тр.).

Предлоги и префиксы vъz, jьz (iz, ĭz), orz, bez, ob, ot в ранний период доисторической эпохи не имели в конце гласного ŭ или ĭ, которые позднее изменились бы в ъ, ь. Поэтому *ob-* в сочетании со следующим словом, начинавшимся с v, ассимилировалось с этим v в *ob-*: ob-vět → obět, ob-vęz-ati → obęzati, ob-volko → obolko и т. п. Нет указаний на конечные гласные и в предлогах ot, orz и др.: otrokъ, otęti (j-ę-ti — „брать“), iziti (iz-itĭ), iz-džiti, ст.-слав. иждити (jĭz-gi- → jьz-dži-; gi- → dži- → ži-, žiti), orz-tьliti → orstьliti, ст.-слав. растьлити; оходити вм. otchoditi, обимати, бештадьнъ („бездетный“) вм. bes-čędьпъ → beščędьпъ; всякое šč в речи предков славян Болгарии изменилось в šť (шт). В разное время и в эпоху доисторическую, и в истории славянских групп появлялись эти предлоги и префиксы с гласным ъ или его заменой в сильном положении: vъzъ, izъ, (ĭzъ), bezъ, obъ, otъ. Появление этих предлогов с ъ или с гласным, заменившим ъ в сильном положении, произошло под влиянием предлогов vъ, sъ, kъ, имевших издавна гласный ъ. В старославянском языке были эти предлоги в прежнем звуковом виде, без ъ, и в новом — отъ, изъ, безъ, с ъ: отъ грѣхъ в Киевских лл., отъ отца, изь юности (изь юн... вм. изъ юн...), но только без в Мариин. ев., напр.: посълахъ вы без влагалишта (влагалиште — „кошелек, мешочек“); бес пиры (пира — „котомка“, „сума“, греч. πήρα). і бе сапогъ (Лука, XXII). Предлог ob издавна был с вторичным глас-

ным *ъ* и *ь*: obъ, obь. На obь указывает образование имени obьtjь, obь + суффикс tjь; ст.-слав. обьщь, зап.-слав. obec, др.-русск. обьчь, обьчина. Ср. такой суффикс в имени, образованном от ni-: nitjь ст.-слав. нищь. В таком же виде этот суффикс был в глагольных образованиях obь-stojati, obьchoditi. Ср. в Зограф. ев. обьстоїмъ, в Хиландар. лл. обьходитъ и др.

y̆, ĭ.

§ 93. В доисторическое время у славян появились в определенных условиях редуцированный *ы* и редуцированный i. Обозначаем их буквами y̆, ĭ. Такие редуцированные появились вместо *ъ*, *ь* перед j или i̯, а также перед i, вследствие ассимиляции со следующим образованием высокого подъема спинки языка. (j, i̯, i):

ъj → y̆j, ъi → y̆i
ьj → ĭj, ьi → ĭi

krъjǫ → kry̆jǫ (1 л. ед. ч.; инфин. kryti);
mъjǫ → my̆jǫ (инфин. myti).

Ср. такое же чередование в латышском языке: в наст. вр. ŭ, в инфинитиве ū: krŭjuos, mŭjuos, инфин. krūtēs, mūtēs.

dobrъi → dobry̆i (сложная форма: dobrъ + местоим. i);

vъ istinǫ → vy̆ istinǫ;

vъ inǫ → vy̆ inǫ;

bьjǫ → bĭjǫ (1 л. ед. наст.; инфин. biti), sin'ьi → sin'ĭi (сложная форма: sin'ь + местоим. i);

mьn'ьi → mьn'ĭi;

veselьje (или veselьi̯e) → veselĭje (или veselĭi̯e), bratrьi̯a (bratьi̯a) → bratrĭi̯a (bratĭi̯a).

Необходимо иметь в виду такой же процесс в отношении краткого ĕ перед j: ĕj → ĭj → ьj:vej- → vьj-(vьješi). Сущность ассимиляционного процесса указывает на передвижку в среднюю зону полости рта, пережитую гласным *ъ* перед j, i: в заднем ряде гласные с высоким подъемом не производились в давней славянской фонетической системе: см. § 60.

На то, что в таких сочетаниях были редуцированные y̆ (ы̆), ĭ, ясно также указывает судьба этих гласных в отдельных славянских языках. См. ниже, в отделе об y̆, ĭ в старославянском языке.

Сочетания редуцированных с плавными между согласными.

§ 94. В славянской фонетической системе было два ряда сочетаний редуцированных *ъ*, *ь* с плавными в положении между согласными:

1) редуцированный предшествовал плавному: tъrt, tьrt, tъlt, tьlt; t — какой-нибудь согласный;

2) редуцированный следовал за плавным: trъt, trьt, tlъt, tlьt.

1) tъrt, tьrt, tъlt tьlt: gъrdło или gъrło, tъrgъ, gъrnъ, zьrno, vьrba, sьrdьce, gъłkъ — „гул, гам, гулкие звуки“, vьlkъ, žьłtъ.

а) Южнославянские языки (болгарский, сербо-хорватский, словинский) и два западнославянских, издавна близких к южным, словацкий и чешский, — представляют указание, что они издавна имеют в этих сочетаниях плавные слоговые r̥, l̥. Слог концентрировался на этих сонорных — tъr̥t, tъl̥t: gъr̥nъ, tъr̥gъ, vьl̥kъ. И в настоящее время в чешском, словацком, сербо-хорватском, словинском языках представлены сочетания с r̥, l̥ (с заменою l̥ в сербо-хорватском посредством слогового гласного u, указывающего на лабиовелярный ł̥ более раннего времени, с заменою в ou̯ в словинском, в łu → lu в определенных условиях в чешском). Несколько примеров: сербо-хорв. vr̥ba (ŕ̥ — долгое, с восходящим ударением), zr̥no (ȑ̥ — с кратким нисходящим ударением), pr̥vī (ȓ̥ — с долгим нисходящим ударением), vł̥k → vuk (û — с долгим нисходящим ударением), dł̥g → dùg (ù — с кратким нисходящим ударением) — „длинен“, dł̥g → dûg (û с долгим нисходящим ударением) — „долг, geld-schuld“; чешск. vr̥ba, zr̥no, pr̥vý, vl̥k, pl̥ný — „полный“, dł̥hý → dłūhý → dlouhý — „длинный“, dl̥h → dluh — „долг“.

В болгарском языке вышли из системы слоговые плавные в историческое время. Они заменились посредством сочетания *р*, *л* с гласным *ъ*, появившимся для избежания слоговости плавных — *върба, зърно, зърнце* или *зрънце, първи, вълк*.

В языках северо-западных славян — в лужицких, польском, поморском (кашубском), полабском, в языках восточных — в русском, украинском, белорусском — нет слоговых r, l. Вместо них представлены сочетания с гласным слоговым перед неслоговым r, l. Что касается гласного, то в восточнославянских языках это обычный заменитель гласных *ъ*, *ь* — *о*, *е*: *торг, вер'ба — верба, волк* (vołk, vou̯k).

Эти восточнославянские сочетания указывают на такую предшествующую фонетическую стадию: tъ̥rgъ, vь̥r̂ba, vъ̥łkъ — со слоговыми ъ, ь. Гласные ъ, ь в этих сочетаниях были в языке восточных славян не только носителями слога, но они были во всех положениях сильными, независимо от следующего слога: tъrgъ, tъrga, vьr̂ba, vьr̂bъ (родит. множ.). Следовательно, фонетическое значение гласных ъ, ь в сочетаниях tъrt, tьrt, tъłt было не то, что значение их в прочих сочетаниях: sъnъ, sъna: sъnъ → son, но sъna → sna. Такое значение ъ, ь в tъrt... было связано с положением их перед rt, łt — в положении, в котором некогда и в языке предков восточных славян r, l были слоговыми. Но рано в их фонетической системе произошло изменение: носителем слога стал ъ или ь, находившийся перед плавным, и в таком положении он не подвергался дальнейшей редукции, хотя бы в следующем слоге находился гласный полного образования: tъ̥rga — с ъ̥ сильным слоговым; vь̥r̂ba — с ь̥ сильным слоговым. Если бы ъ, ь подвергались ослаблению, то r, ł перед согласным становились бы слогообразующими. Но, как видно, фонетическая система восточных славян не допускала такой функции для r, ł. Позднее такие ъ, ь имели обычную судьбу: ъ → о, ь → е.

Другое значительное изменение давнего, доисторического времени у предков восточных славян состояло в том, что плавный l перед согласным был во всех положениях лабиовелярным: ł. Такой ł воздействовал на образование предшествующего гласного ь, а также е, веляризуя их: ьł → ъł; eł → oł: vьlkъ → vъłkъ, dьlgъ → dъłgъ, pьlnъ → pъłnъ; melko → mołko. Такой же процесс пережит был и предками северо-западных групп — поморян, полабян.

У предков северо-западных славян (у лужичан, поляков, поморян, полабян) долее, чем у предков восточных славян, держалась фонетическая стадия со слоговыми r̥, l̥. В то время как у предков восточных славян ъ, ь заменились обычного образования гласными ъ, ь — сильными, у предков северо-западных славян ъ, ь подверглись значительной редукции и с гласными ъ, ь сильными они не совпали по своей судьбе: вместо ъ, ь в tъrt, tьrt, tъlt, tьlt был слабой артикуляции гласный, подвергавшийся значительному воздействию следующего плавного, а также соседних артикуляций. Когда в фонетической системе этих славян слог стал концентрироваться около гласного в сочетании tᵊrt..., то этот гласный, получив при этом более сильную арти-

куляцию, был не обычным заменителем сильных *ъ*, *ь* (польск. sen вместо sъnъ, dz'en' вместо dьnь), а представлял разное образование, определившееся в предшествующее время в зависимости от соседних артикуляций. Ср. в польском языке: targ, tarn, (tьrnъ), ćirn' ⟶ ćern' (tьrnь), tvardy (tvьrd-), v'er'ba ⟶ v'eźba (vьrba), vilk (vьlkъ), vełna-våu̯na (vьlna), żółty (żьlt-), długi (dьlg-). Сев.-кашубск.: vou̯k, pou̯ny.

Итак, полагаем: в ранний период доисторической жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания tъ̯r̥t, tь̯r̥t, tъ̯l̥t, tь̯l̥t,— со слоговыми r̥, l̥ и неслоговыми ъ̯, ь̯.

§ 95. б) Плавный *r* в сочетании ьr̥ был палатализован в зависимости от артикуляции предшествующего гласного переднего ряда *ь*. Эта палатализация была невысокая, как и других палатализованных согласных,— палатализованных перед гласными переднего ряда: ticho, pletetь, lěpiti, nesete. На то, что r в сочетании ьr̥ был палатализован, указывают следы палатализации его в славянских языках, — в тех из них, в которых представлены мягкие согласные перед гласными переднего ряда,— в русском, в польском, в лужицких. Русск. в'ер'ба (и с позднейшим отвердением: в'ерба), п'ер'воj (и — п'ервоj), на в'ер'хў (и — на в'ерхў); польск. ⟶ v'er'ba ⟶ v'eźba, v'er'ch ⟶ v'eśch; верхн.-лужицк. wjer'ba, čěr'pać, wjěr'ch.

В других славянских языках пережито было отвердение r' во всех сочетаниях. Во многих случаях, а по диалектам и во всех положениях, отвердели они и в русском языке. В старопольском языке и в верхнелужицком сохранялся r' перед губными и задненебными согласными и то при благоприятных условиях: если не предшествовали свистящий или шипящий согласный; после этих согласных r' отвердевал: польск. śerp, верхн.-луж. serp, żerdź.

Историческая фонетика славянских языков указывает на такое ограничение в процессе палатализации r в сочетании ьr̥ и в давнее, доисторическое время: r не подвергался палатализации перед твердым небно-зубным согласным: tьrnъ, zьrno, dьrnъ и т. п. с твердым r.

В § 94 было отмечено изменение l перед согласным, происшедшее в языке предков восточных славян, поморян и полабян: он стал лабиовелярным (ł), а в зависимости от такой артикуляции гласный *ь* ⟶ *ъ*, *е* ⟶ *о*: vъlkъ ⟶ vьłkъ, melti ⟶ mołti.

§ 96. в) Слог tъr̥-, tьr̥-, tъl̥-, tьl̥- перед согласным был долгим слогом. Долгота этих сочетаний сохранялась в отдельных

славянских языках при условии сохранения долготы слога в других случаях. Так, напр., у сербо-хорватов, у чехов, у словаков долгота r̥, l̥ (и его замены) сохранялась перед прежним ударенным слогом: серб. vȓba, dȑžati; старо-чешск. pridr̥̄žati, kr̥̄miti; словацк. vr̥̄ba, kr̥̄mit'.

Но следует заметить, что долгота слога с r̥, l̥ имеет тенденцию в разных языках (и не славянских) к сокращению. Так, в чешском языке сократились все слоги с r̥̄, l̥̄.

§ 97. г) Долгота слога с tъr̥-, tьr̥-, tъl̥-, tьl̥- перед согласным была с разной интонацией, нисходящей и восходящей. Следы этого различия отражаются в фонетике отдельных славянских языков. Так, интонация нисходящая отразилась в сербохорватском языке в виде ⌒ (нисходящее ударение на долгом слоге): drȗg, grȃd, zlȃto. Интонация давняя восходящая отразилась в этом языке в виде краткого нисходящего ударения: ̏ : vrȁna, blȁto. Неодинаковость интонации tъrt... была давнего происхождения. И в других индоевропейских языках представлено соответствующее различие. Ближе всего соответствия славянским интонационным различиям представляет литовский язык. Там славянским ъr, ьr, ъl, ьl с нисходящим ударением соответствуют ur̃, ir̃, ul̃, il̃ — с ударением вида ~. Славянским ъr, ьr, ъl, ьl с восходящим ударением соответствуют литовские ùr, ìr, ùl, ìl с ударением вида \`. (Соответствующее различие было отмечено выше и в судьбе ьn, ьm в славянских языках сравнительно с литовскими iñ, im̃, ìn, ìm; см. § 83.) Соответствующее различие представлял и др.-индийский язык: славянским ъr, ьr, ьl с нисходящим ударением, литовским ur̃, ir̃, il̃ в др.-индийском соответствовал r̥; в соответствии славянским ъr, ьr, ьl (с восходящим ударением), литовским ùr, ìr, ìl в др.-индийском были īr, ūr.

Полагаем: в основе др.-индийских īr, ūr, литовских ìr, ùr, ìl, славянских ьr, ъr, ьl с восходящей интонацией лежали слоги с гласным после плавного (ᵃr̥ə, ᵃl̥ə; ᵃ — какой-то слабый редуцированный гласный; ə — какой-то гласный, получившийся вместо долгих ā, ō, ē, подвергшихся редукции). Гласный, следовавший за плавным, подвергался затем редукции, а слоговые плавные становились долгими: ᵃr̥̄, ᵃl̥̄. Если за плавным не было гласного, в др.-индийском не появлялся долгий гласный в этом слоге; был только слоговой r̥; в литовском и славянском в таких слогах была особая интонация: ~ (лит.), ⌒ (нисходящая, слав.).

В других индоевропейских языках соответствия славянским ъг, ьг, ъl, ьl такие: в греческом *ρα* или *αρ*, *λα* или *αλ*; в замене °r̥ə, °l̥ə было *αρα*, *αλα* и *ρᾱ*, *λᾱ*; в латинском or, ul; в готском aúr из ur, ul. Примеры:

слав. sk῀ъrbь (⁀ — нисходящее ударение) — серб. skȑb, русск. скорб'; лит.-жемаитское skur̃bti — „быть в жалком состоянии";

слав. sь̑rdьce — словин. srcȇ (в словинском языке нисходящее ударение перешло на следующий слог: zlatȏ), чешск. srdce, русск. сéрдце; лит. širdis, греч. (гомеров.) *κραδίη* и *καρδίη*, лат. cor (родит. cordis), хет. kardi-s;

слав. dь̑rtъ — „разорван" (dьrati) — сербск. dȓt; лит.-жемаитское dir̃tas — „с ободранной кожей", др.-инд. dr̥ta, др.-иран. dərəta — „расколотый", греч. *δρατός* и *δαρτός* — „с ободранной кожей";

слав. gъlkъ — „гулкий звук" — русск. голк, польск. zg'ełk; лит. gulkščoja — „ходит слух";

слав. vь̑lkъ — сербск. vłk ⟶ vȗk, чешск. vl̥k, болг. вълк, русск. волк, польск. vilk, сев.-кашубск. vou̯k; лит. vilkas, др.-инд. vr̥kaḥ, гот. wulfs;

слав. čь̑rvь и čь̑rmь — сербск. cȓv (в сербо-хорватском языке čr ⟶ cr), словинск. čȓm, старо-чешск. črv, русск. черв'; лит. kirmis, винит. kir̃mį, др.-инд. kr̥mi-;

слав. pь̑rstъ — „палец" — сербск., словинск. pȓst; лит. pir̃štas — „палец";

слав. gъ̍rdło, gъ̍rło (⸍ — восходящее ударение) — серб. gȑlo, русск. гóрло, польск. gardło; лит. gurklỹs, винит. gũrklį, др.-инд. gīrṇáḥ — „проглоченный";

слав. pь̍rsi — „грудь" — сербск. pȑsi, словинск. pŕsi, старо-чешск. pr̥si, русск. перси; лит.-жемаитское píršys;

слав. zьrno — сербск. zȑno, словинск. zŕno, чешск. zrno, русск. зернó, украинск. зернó и зéрно, польск. zárno; лит. žirnis, лат. grānum, гот. kaúrn; — древнейшая фонетическая стадия — g'°r̥n-;

слав. pь̍lnъ — сербск. pȗn, чешск. plný, русск. пóлноj, польск. pełny; лит. pilnas, др.-инд. pūrṇáḥ, гот. fubls;

слав. dь̍lgъ — „длинный" — сербск. dȗg, старо-чешск. dl̥hý, ново-чешск. dlouhý, польск. długi, русск. дóлгоj; лит. ilgas, др.-инд. dīrgháḥ, хет. dalugaš.

§ 98. 2) Второй ряд сочетаний — это такие сочетания, в которых редуцированный *ъ* и *ь* находился после плавного — trъt,

r̥ьt, l̥ъt, l̥ьt: krъvь (винит. ед.), krъve (род. ед.), krъvavъ, krъtъ, krъcha, krъšьka, trьchъ, trьvoga, pl̥ъtь, bl̥ъcha, slьza...

§ 99. Из соответствий других индоевропейских языков наиболее близкие сочетания представляет литовский язык: rū̆, rĭ, lū̆, lī.

слав. krъvavъ — лит. krùvinas;
слав. krъt — лит. krutùs — „подвижный";
слав. krъcha, krъšiti — лит. krùšti — „толочь";
слав. trьchъ — лит. trisù;
слав. pl̥ъtь — лит. plutà — "корка, толстая кожа";
слав. pl̥ъtъ — „плот, паром" — латыш. pluts, др.-инд. plutá — „купающийся", греч. πλυτός — „вымытый".

§ 100. Все славянские языки в их истории представляют указание на то, что судьба этих сочетаний была не одинакова во всех случаях.

а) Сочетания, в которых после rъ, rь, lъ, lь следовал слог с гласным *ъ, ь* слабым: krъvь, krъtъ; krъšьka, trьchъ, pl̥ъtь, slьzъ (родит. множ.). В этом положении носителем слога был *ъ, ь*, а не плавный r, l: krъ̥vь, trь̥chъ, slь̥zъ. В отдельных славянских языках судьба *ъ, ь* в таких сочетаниях была одинакова с судьбою *ъ, ь* в сильном положении. Напр., в русск. языке krъvь ⟶ ⟶ кров', pl̥ъtь ⟶ плот', trьchъ ⟶ тр'ох; польск.: krev' ⟶ krev, płeć.

б) В тех случаях, когда за rъ, rь, lъ, lь следовал слог с гласным полного образования, гласный *ъ, ь* после плавного был тоже слоговым и имел судьбу обычного *ъ, ь* слабого: он утрачивался в период утраты *ъ, ь* в слабом положении: sъna ⟶ sna, lьna ⟶ lna (l'na)...; krъvavъ ⟶ krvav, slьza ⟶ slza... В тех славянских группах исторического периода, в фонетической системе которых были слоговые r̥, l̥, такими стали плавные и в сочетаниях kr̥vav, kr̥ve, kr̥vi, sl̥za. Так обстояло дело в истории южнославянских языков и чешского со словацким. Если же в фонетической системе слоговые r̥, l̥ отсутствовали, то r, l в этих сочетаниях (krvav, krvi, plti) стали безголосными, глухими (r̥, l̥). Так в польском, в лужицких языках. Польск. kr̥vi, bl̥cha ⟶ pchła, tr̥voga, jabl̥ko ⟶ japl̥ko ⟶ japko. Или же при r, l в таких сочетаниях, при сохранении голосового образования, развивался вторичный гласный: *у* (ы) при твердом плавном, і при мягком. Так было в украинском и белорусском языках — ry, ły, ri, li: крывав, крыха, блыха, слиза.

яблько с -лы- отразилось уже в житии Саввы освященного, XIII в. Наличие вторичных гласных при плавных как раз свидетельствует о том, что фонетическая система этих языков не допускала слогообразующей функции для плавных. Плавные между согласными являются безголосными. Если в языке обнаруживается тенденция произносить в таком положении плавные с участием голоса, то r, l должны стать слогообразующими, как в южных или чешском и словацком языках, или же применялся другой способ для произношения r, l звонкими: развитие гласных при них. Фонетическая система восточнославянских языков издавна избегает слогообразующей функции плавных: это ясно отразилось на судьбе tъrt, tьrt, tъłt. Та же тенденция действовала в истории этих языков и позднее. Некоторые полагают, что украинский и белорусский языки пережили в истории стадию со слоговыми r̥, l̥: kr̥vi, sł̥za, а затем слоговые плавные заменились посредством сочетаний ry, ri, ły, li. Это — голая схема, построенная на параллелях с судьбою tъrt в южнославянских языках, а не на основе изучения системы восточнославянских языков.

В истории отдельных славянских языков происходил процесс обобщения в звуковом виде основ, заключавших в себе замену прежних trъt, trьt, tlъt, tlьt. В южнославянских языках обобщились во всех случаях основы с r̥, l̥. Ср. с серб. kr̥v, как и kr̥vi и др. В чешском и словацком языках направление обобщения было не одинаково для отдельных слов: kr̥t („крот“), как kr̥ta, но: blecha — „блоха“, как blechy, blech; pleti, как plet' — „кожа на человеческом теле, цвет кожи, плоть“. В русском языке обобщились основы с заменою ъ, ь в сильном положении: ро, ло, ре, ле (л'о) — кроха; как крох, крови, как кров' и т. п. Но в тех случаях, когда не было родственных форм с заменою ъ, ь в сильном положении, r, l стали безголосными и утратились. — Пльсковъ ⟶ Плсков ⟶ Псков. То же явление в замене слова крьстити: кстит' (по сев.-русским говорам), Ксты, Кстьё, Кстово — названия деревень в разных северновеликорусских местностях, например, в бывш. Рыбинском, Юрьевском, Шуйском, Московском уездах.

or, er, ol, el перед согласными.

§ 101. Сочетания or, er, ol, el были между согласными (vorna...), а также в начале слова перед согласным (ordło...).

1) Сочетание or, er, ol, el между согласными — tort, tert, tolt, telt. Перед гласным в сочетаниях or, er, ol, el не происходило изменений, так как плавный относился к следующему слогу. Напр. prostorъ (pro-storъ), prostora (родит. ед.), pozorъ (po-zorъ). Если за плавным находился j, то рано произошла ассимиляция плавного с j в один палатальный l', r': voliti — volja → vol'a (два слога: vo-l'a), kolješi → kol'eši (ko-l'e-ši).

Если же за плавным следовал согласный (кроме j), то or (er, ol, el) представляло собой дифтонгическое сочетание (сочетание одного слога) и подвергалось изменениям: storna (stor-na), zorkъ (zor-kъ), merti (mer-ti), kolti (kol-ti), melko (mel-ko)...

а) Слог с or, er, ol, el перед согласным был слогом долгим. Долгота его заменителя в отдельных славянских группах сохранялась в тех условиях, в которых не происходило вообще сокращения слога. Напр. перед прежним ударным слогом. Ср. долготу слога в сербо-хорватском языке: brāda, brāna, vrātiti, mlātiti, srēda, trēbiti — „чистить, теребить, лупить", в чешском языке: brāna, mlātiti, třībiti — „чистить, просеивать"; следы долготы (ó, т. е. u, вместо ō) в польском языке: wróćić (русск. воротит' вместо vortíti), brózda.

§ 102. б) or, er, ol, el между согласными были с разными интонациями. Следы интонационного различия отразились на фонетике отдельных славянских языков. Так, в восточнославянских языках ударение находится на первом или на втором гласном сочетаний оро, ере, оло, заменивших собою ранние доисторические or, er, ol, el: вóрон, зóлото, гóлос, бéрег; ворóна, солóма, болóто, берéза (бер'óза). Были и безударные or, er, ol, el: bòrdà — русск. бородá, golvà — русск. головá, melkò — русск. молокó... В сербо-хорватском языке ra, rè, la, lè, заменившие собою ранние доисторические or, er, ol, el, представляют под ударением в одних случаях нисходящую долготу (⌒) или нисходящую краткость (˵). Восточнославянские óро, épe, óло соответствуют сербским rȃ, rȇ, lȃ, lȇ: серб. vrȃn, grȃd, zlȃto, glȃs, brȇg. Восточнославянские орó, ерé, олó соответствуют сербским сочетаниям с ˵: vrȁna, slȁma, blȁto, brȅza. В сербском ˵ отражается не только давнее краткое нисходящее ударение (pȍl'e), но и давнее долгое восходящее ударение: lȉpa вм. давнего līpa; pȕn вм. давнего pьlnъ. Следы интонационного различия ударенных or, er, ol, el отражаются и в чешском языке.

Разным славянским интонационным слогам с or, er, ol, el соответствуют разные ударения в литовском языке: лит. ar̃, er̃, al̃, el̃ в соответствии славянским or, er, ol, el с нисходящим ударением; лит. ár, ér, ál, él в соответствии славянским or, er, ol, el с восходящим ударением. Примеры:

а) слав. gȏrdъ — серб. grȃd, русск. го́род; лит. gar̃das;
слав. vȏrnъ — серб. vrȃn, русск. во́рон; лит. var̃nas;
слав. dȇrvo — серб. drȇvo, русск. де́рево; лит. винит. ед. der̃vą (именит. dervà);
слав. vȏlkъ — серб. vlȃk, русск. во́лок; лит. val̃ksmas;

б) слав. vórna — серб. vrȁna, русск. воро́на; лит. várna;
слав. kőrva — серб. krȁva, русск. коро́ва; лит. kárvė;
слав. bérza — серб. brȅza, русск. бер'о́за; лит. béržas;
слав. sőlma — серб. slȁma, русск. соло́ма; латыш. sal̃ms; в литовском было бы šálms;

слав. kőlti — серб. klȁti, русск. коло́т'; лит. kálti;
слав. bőlto — серб. blȁto, русск. боло́то; лит. báltas.

В основе этих последних сочетаний, с восходящей интонацией, лежали сочетания с **долгим слоговым элементом** (tōrt) или двухслоговая база, с гласным после r, l,— с гласным, позднее утратившимся в отдельных индоевропейских группах (torət, tolət, terət, telət). Ср., напр., греч. *κάλαμος* — „камыш", *καλάμη* — „колос", др.-верхн.-нем. halam — „стебель", но слав. solma: серб. slȁma, русск. соло́ма (s вместо давнего незаднего k': слав. desętь — греч. *δέκα*). Греческая и др.-верхн.-немецкая параллели представляют замену двухслоговой базы без редукции второго гласного элемента. В славянской и балтийской группах отразился результат редукции второго гласного элемента,—но прежняя двухслоговость базы оставила след на особой интонации слога: в славянской группе он получил восходящую интонацию, как и в других подобных случаях. Ср. др.-верхн.-немецк. birihha — слав. bérza, лит. béržas.

§ 103. в) Фонетическое значение сочетаний tort у славян в доисторическое время было не одинаково по группам того времени,— не одинаково в связи с разными способами, применявшимися в фонетической системе при осуществлении весьма значительной тенденции — **избежать закрытости слога**. Эта тенденция отразилась на изменении прежних дифтонгов

oṷ, eṷ, oį, eį в монофтонги и на изменении on, en, ьn в носовые гласные. В отношении дифтонгических сочетаний t-or-t, t-er-t, t-ol-t, t-el-t эта тенденция отражалась таким образом.

В речи предков южных славян, а также близких к ним издавна предков словаков и чехов долгота слога сосредоточивалась на гласном. Поэтому там были ar (вм. ōr), ěr, al, ěl. Для избежания закрытости слога с r, l (tar-t) происходило перераспределение слоговых элементов (образование монофтонга из or, er, ol, el было невозможно). Перераспределение состояло в том, что плавный отходил к следующему слогу: ta-rt, tě-rt... Но в таком случае возникала побочная слоговость r̥, l̥ в начале слога. И от нее фонетическая система избавлялась посредством перемещения артикуляций: гласные a, ě стали произноситься после плавного: ra, rě, la, lě (перестановка): vranъ, vrana, brěgъ, brěza, glava, mlěko. Перестановка в сочетаниях гласного с плавным происходила в разных языках. Ср. в греческих диалектах ἀδέρφια — ἀδρέφια — „брат", σκορπίζω — σκροπίζω — „рассеиваю", δερπάνι — δρέπανον — турецк. tərpan — „коса", σκόρφα — σκρόφα — „свинья" и др.

В речи предков восточных славян, а также северо-западных (предков лужичан, поляков, поморян, полабян) долгота слога сосредоточена была на второй части слога, на плавном r, l. Стремление к открытости слога и тут повело к перераспределению слоговых элементов, а это вызвало побочную слоговость долгих r, l: to-r̥̄t, te-r̥̄t, to-l̥̄t, te-l̥̄t. Чтобы избавиться от побочной слоговости плавных в начале слога, была применена в фонетической системе этих славян не перестановка, а развиты были вторичные гласные неполного образования после плавных. Этому развитию способствовала долгота слогового плавного. Этот вторичного происхождения редуцированный гласный подобен был тому, какой находился перед плавным: *o*, *e*. В дальнейшей судьбе гласного при r, l было различие в системах восточных и северо-западных славян. У восточных славян второй гласный в количественном отношении стал таким же, каким он был и перед плавным, т. е. гласным *o*, *e*: появились oro, ere, olo — vorona, beregъ, gołova. Перед согласным плавный был лабиовелярным у восточных славян, как у северо-западных, — у поморян и полабян. В зависимости от такого образования гласный *e* заменен был гласным *o*, а гласный *ь* гласным *ъ* (vьlkъ ⟶ vъłkъ): melko ⟶ mołko, melti ⟶ mołti. Поэтому у восточных славян mołoko, mołoti.

На то, что второй гласный в восточнославянском полногласии был в течение долгого периода времени не обычным гласным *о*, *е*, а более кратким, неполного образования гласным, свидетельствует украинская фонетика в ее истории. Давние гласные *о*, *е* подвергались в украинском языке удлинению в связи с ослаблением *ъ*, *ь* в следующем слоге: dvorъ → dvōr[ъ] → dvôr; rečь → rēč[ь] → rêč. Но нет такого результата в удлинении *о*, *е* в полногласии: город, порог, берег. Ясно, в период ослабления гласных *ъ*, *ь* не было еще гласных *о*, *е* обычного образования (кратких) во второй части полногласия, а были гласные неполного образования: or°, erᵉ, ol°. В отдельных именах в украинском языке находится і вместо *о*, *е* и в полногласии: порог и поріг, беріг и некоторые другие. Но появление в этих случаях і вместо *о*, *е* обусловлено не фонетическим изменением гласных *о*, *е* после плавных, а позднейшим в о з д е й с т в и е м р я д а таких имен, в которых давние *о*, *е* чередуются с і; *о*, *е* в открытом слоге, і в закрытом: носа — ніс, рога — ріг. По этому образцу появилось и новое чередование: порога — поріг и т. п. (Ср. подобное же явление в русском языке: под влиянием чередования л'он — льна вм. lьnъ, lьna, ден'— дн'а, вм. dьnь — dьne и т. д. появилось чередование л'од — л'да, вм. ledъ — leda и т. п.) В памятниках украинской письменности XV—XVI вв. такое явление в отношении полногласия не отражается. Нет следов его и в украинских словах, перешедших в XVI—XVII вв. в польский язык: derewn'a, Zaporože (но Sicz) и др.

Мы не можем принять и такое объяснение слов с opi, олі, epi: они появились под новоакутовым ударением (родит. множ. голів, борі́н, сторі́н, черí́д); под ударением новоциркумфлексным *оро, оло, ере* оставались без изменения (ворóн, колóд). (О видах ударения см. §§ 156—159.) Невозможно считать удовлетворительным такое объяснение потому, что ему противоречат многочисленные отступления от предполагаемой нормы: сторóжа, горóжа, колóсся, волóсся и другие с новоакутовым ударением; доріг, корів и другие с новоциркумфлексным ударением.

У предков северо-западных славян вторичный гласный усиливался, а гласный, предшествовавший плавному r, l, ослабевал и совсем утратился. Получилось ro, re, lo, le: vrona, br'egъ, złoto, błoto, mleko (у поморян и полабян młoko), польск. mleć вм. melti (у поморян młoc).

О том, что перед плавным был некогда редуцированный гласный, может свидетельствовать следующее явление, отразившееся в старопольских памятниках письменности XIV в. Предлоги и префиксы vъ, sъ в сочетаниях со словами, имевшими в начальном слоге некогда tort, tert, tolt, telt, перешедшие в tᵊrot, tᵊret, tᵊłot, tᵊlet (ᵊ слабый редуцированный гласный), представляют гласный *e*, как заменитель редуцированного в сильном положении, т. е. в слоге, за которым следовал слог с гласным редуцированным, подвергшимся затем утрате. Ср. также примеры: ve błoće, ve vrota, se złotem (из Флорианской пс. XIV в.). Следовательно, когда-то за vъ, sъ шел слог с редуцированным гласным, подвергшимся утрате. Поэтому в предшествующем слоге ъ ⟶ e: vъ vᵊrota ⟶ ve vrota.

Сочетание tort имело еще иную судьбу на северо-западе. Вторичного гласного за плавным не представлено. Но перед плавным r гласный a: tart. Такие сочетания были в старопольском языке при trot. Более многочисленны сочетания с tart были у поморских славян. У их потомков, у кашубов и балтийских словинцев, такие сочетания представлены и в настоящее время: varta, Starogard, karvinc (польск. krav'en'ec — „коровий навоз"). Далее на западе, у полабских славян, в преимущественном употреблении были сочетания с tart (tort, tårt): gorch, korvo, starna... Известен только один пример с гласным после r: bröda. Гласный *o* в полабском tort не представлял собою непосредственного заменителя давнего гласного *o*: если бы он был непосредственным продолжателем этого гласного, то он изменился бы в ü: ср. полаб. slüvü (słovo), smüla (smoła) и др.; tort или tårt явилось у полабян вместо tart, вследствие удлинения гласного *a* (ā ⟶ å ⟶ o). Условия появления ar на северо-западе неясны. Проф. Я. Розвадовский видел в этом ar результат давнего сокращения слога or (в tort), — результат, образовавшийся в фонетических системах польской, поморской, полабской. Этот результат оказался одинаков с тем, что получилось в этих группах вместо давнего tъrt: tart (targ вм. давнего tъrgъ)[1].

В немногих славянских группах в отдельных словах иначе отражалась тенденция избежать закрытости слога: посредством

---

[1] J. Rozwadowski, Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego (в изд. „Encyklopedya Polska", t. II, Kraków, стр. 388.). То же в издании Краковской Академии наук „Gramatyka polska", Kraków, 1923, стр. 163.

развития вторичного гласного ъ после r, l. Такому изменению подверглись некоторые сочетания в языке предков славян болгарских, в частности в той группе этих славян, которые водворились на северо-востоке Балканского полуострова. Результат такого изменения представлен следующими примерами, находящимися в памятниках славянской письменности, отражающей черты языка славян на востоке Балкан: балътины (в дошедшем списке с пропуском ъ и с постановкой ': бал'тины), малъдение (мал'дение), палътъ, (пал'тъ), салъность (сал'ность) — в Шестодневе Иоанна экзарха (X в.), а также ѕалътаринъ (ѕалтаринъ—греч. χρυσοχόος— „мастер золотых дел") — в переводе слов Афанасия Александрийского (в переводе, относящемся к X в.). Но нет полной уверенности, что такая передача восходит к давнему, доисторическому периоду: не явилась ли такая передача в результате воздействия фонетики не славянской,— фонетики тамошних, балканских романов (предков румын)? В иноязычной среде славянские сочетания с ра, ла, рѣ, лѣ нередко передавались посредством ar, al, er, el. Так, напр., переданы были некоторые славянские слова в албанской среде: gardh (garth) вместо слав. grad[ъ], daltë вместо слав. dlato; ср. и передачу таких слов: слав. krupa — алб. kërpiñ — „солю"; слав. trup[ъ] — алб. turp; греч. κλεισοῦρα („ущелье") — алб. Ķëltsürë и др. Совсем нет необходимости видеть в этой передаче указание на славянские сочетания с ar, al, er. (Подробнее об этом говорится в моей книге „Славянское население в Албании".)

Но не исключена возможность, что балътины... восходит к доисторическому balъtiny,— с развитием вторичного ъ после плавного (в некоторых сочетаниях в языке предков болгарских славян). То же явление отразилось у них и на судьбе al в начальном слоге: алъкати.

Неясно, как надо объяснить написание ѕолъта — единственный пример в Синайской пс., при обычном ѕлато.

§ 104. čelt-, želt-. После шипящих согласных произошло в этих сочетаниях изменение *e* в *ö*. В тех языковых группах, в которых происходило удлинение гласных *o*, *e* в tort, tert (см. § 103), удлинялся и *ö*. В связи с изменением лабиализованных гласных переднего ряда в нелабиализованные (§ 51) изменился и č$\bar{\text{ö}}$l в č$\bar{\text{ä}}$l и затем в čal. Так было в говорах, легших в основу южнославянских, а также словацкой и чешской групп. Ст.-сл. жлаждѫ 1 л. ед. жласти—„платить, оплатить": не имѫтъ чимъ жласти (Супр.

рук.). Сербо-хорв. čl̑an, člának, чешск. član, článek вместо čelnъ, čelnъkъ. Чешск. žlab вм. želbъ — „желоб".

В основу польской группы легли те говоры, в которых не происходило удлинения *o*, *e* (см. § 103). Не удлинился там и ŏ в žŏl; но раньше дислабиализации развился после плавного вторичный лабиализованный гласный, который позднее заменился гласным полного образования: złobъ (žlób). Развитие вторичного гласного после плавного находилось в этой группе в связи с общим фонетическим направлением в изменении сочетаний tort, tert, tolt, telt.

В южных и западных группах имеются и сочетания člět-, žlět-(в польской группе žlet-). Полагаем: изменения čelt-, želt- — в čŏlt-, žŏlt- происходило перед твердым согласным: čŏłnъ, cŏłna, žŏłbъ; но čelnė, želbė. С течением времени происходило обобщение для всех форм основы с одинаковым гласным после č, ž (ст.-сл. жлѣдетъ, жлѣсти (Супр. рук.). Старо-чешск. člének, словацк. člienok; чешск. žlibek, словацк. žliebok, žleb; сербо-хорв. žlȇb, польск. žleby — „трещины, углубления в горах".

§ 105. 2) ort-, olt-, в начале слова. Вследствие осуществления фонетической тенденции к открытости слога изменились у славян в доисторический период и ort-, olt- в начале слова. (Для ert-, elt- нет достоверных примеров). Изменения были не одинаковы по славянским группам.

В сочетаниях с ort-, olt- под восходящим ударением повсюду у славян получился одинаковый результат: происходило удлинение гласного и затем перемещение слоговых элементов: ort- ⟶ rat-, olt- ⟶ łat-. Ср. слова с корнем or- (из основного ăr-): or- перед гласным не испытывало изменений, потому что r не заканчивал слога, а относился к следующему слогу: orati (o-ra-ti — „пахать"); ср. в других индоевропейских языках образования с тем же корнем: греч. ἀρόω — „пашу", ἀρότης — „пахарь", ἄροτρον — „плуг"; лат. arō — „пашу", arātrum — „плуг"; лит. árti — „пахать", artójas — „пахарь", árklas (вм. ártlas) — „соха". Но перед согласным в славянской фонетике or- подверглось изменению: в данном случае or- было под восходящим ударением и заменилось посредством ar-, а это — посредством ra-: ortai — „пахарь" ⟶ ratai; ordło ⟶ radło ⟶ rało — „орудие пахоты" (лит. árklas). Так, ra- во всех славянских группах. На то, что в этом корне or- перед согласным ударение было восходящее,

указывает судьба этого слога в славянских языках, с одной стороны, и литовская параллель — с другой: серб. ràlo, у чехов — долгота: rādlo (чешская долгота указывает в данном случае замену на восходящее ударение: vrāna, līpa; серб. vrȁna, lȉpa); лит. árklas с ′.

Другие примеры с восходящим ударением:

ormo → ramo, ст.-слав. рамо, серб. ràmo, râme — „плечо", чешск. rāmě — „плечо, рука", украин. рам'а; ср. в сербском `, в чешском долготу; ср. в литовском слог на стадии редукции, но с ударением: ìrmédė — „ломота в костях"; др.-иран. arəma — „рука", лат. armus — „лопатка", др.-верхн.-нем. aram — „рука".

olkati → lakati — „голодать, ощущать голод", olkomъ → lakomъ. Во всех славянских группах la. Отметим серб. làkom, чешск. lākati. Ср. еще литовскую параллель с ударением: álkti.

Сочетания ort-, olt- с нисходящим ударением или без ударения изменялись не одинаково по славянским группам доисторического времени.

а) В одних группах произошло и в этих сочетаниях удлинение и перемещение слоговых элементов: ort- → rat-, olt- → lat-. Так было у предков южных славян — у болгар, сербов (хорватов), словинцев. Отчасти отразились те же результаты и у близких к ним предков словаков. Примеры:

ȏldii- → ladii: серб. lȃđa (с ⌒, а не с ⌣); ср. безударное al- в литовском: aldijà (винит. al̃diją);

ȏlkŭtĭ → lakъtь: серб. lȃkat, болг. лакът, словин. lakȃt (у словинцев произошел перенос нисходящего ударения на следующий слог: zlatȏ); ср. лит. alkū́nė;

ȏrvĭno- → ravьnъ: серб. rȃvnī, болг. равен, словин. ravnȏpol'e; ср. др.-прусск. arwis — „подлинный, наверный";

префикс orz- → raz- — в языках южных славян;

orsti, orstъ → rasti, rastъ, серб. ràsti, rȃst, болг. раст, словин. rásti (с переносом ударения к началу слова).

§ 106. В немногих словах в языке предков южных славян получился и иной результат: удлинения не происходило, ort- под нисходящим ударением или вне ударения заменилось посредством rot-. Такая двойственность была в передаче сочетания

orb-: rabъ и robъ, rabota. Условия этой двойственности неясны. У предков болгарских славян были и другие слова в двоякой передаче — с rat и rot, łat и łot. В Супрасльской рукописи, отражающей черты говоров восточной Болгарии, находится при словах с ра- (рабъ, раздати) не только робъ, но и приставка роз-, рос-(розбониикомъ, розмысливъ, ростворивъ и др.), розвъ.

В болгарских группах были два фонетических варианта в замене olkŭtĭ-: łakъtь и łokъtь. На вариант с ło указывают некоторые македонские говоры: ло́кот (в Солунском крае, в Малой Реке — на западе Македонии).

б) В группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков, в сочетаниях ort-, olt- под нисходящим ударением или вне ударения не было удлинения; произошла только перестановка. Примеры: łodii, łodь, łokъtь, łoni („в прошлом году“), rovьпъ, roz-, rosti.

Корень or-, отмеченный выше, с восходящей интонацией: or̃dło. Но в образовании с суффиксом -lьi̯a пережито было изменение тона, как и в других словах с суффиксом i̯a (-ja), -ьi̯e: см. ниже в отделе об ударении. Вследствие метатонии появилась вместо восходящей интонации нисходящая (новонисходящая): rolьi̯a — „пахотное поле, пашня“, белорусск. раллй, украинск. рілля, старо-чешск. rŏlie ⟶ rŏlī (в чешском языке в слоге с прежним нисходящим ударением слог краток), польск. rolå, др.-русск. ролиа, ролья — хощеть погубити смерды и ролью смердомъ (Ипатьевский сп. летоп., под 6619 г.); было это слово в русском языке и в XVII в., некоторые лица имели прозвище от этого имени: да в той же пустоши по жеребью за Онтоном Игнатьевым сыном Рольиным (Рязанские писц. книги XVII в.).

§ 107. В языке предков славян болгарских тенденция избежать закрытости слога в сочетании or-, ol- в начале слова отразилась еще в ином направлении: посредством развития вторичного гласного после плавного: ałъkati, ałъdii. На такой результат изменения olt- указывают данные старославянских памятников: алъкати, възалъкати, алъчжща, алъдии. Но и: ладии; в Синайской пс. лачжште, възлакаша; възлачжтъ ѣко песъ, в Зогр. код. възлакати сѧ. Такой способ избежания закрытости слога применялся в языке болгарских славян и позднее, как было указано выше (§ 36): иоръданъ, капернаоумъ, оръганъ, олътарь и др.

ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП СРЕДИ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИИ СОГЛАСНЫХ.

§ 108. 1) В языке славян согласным s, z в ряде слов соответствовали шипящие или свистящие в одних индоевропейских языках, задненебные или их замены — в других. Шипящие или свистящие представлены в языках древнеиндийском, древнеиранском, литовском, албанском. Задненебные или их замены были в языковых группах хеттской, тохарской, греческой, италийской, кельтской, германской. Задненебные согласные представлял и язык того населения, весьма богатая культура которого в долине реки Инда (в Мохенджо-Даро и в Хараппе) открыта была недавними раскопками,— культура, относящаяся к первой половине 3-го тысячелетия до н. э.[1]. Надписи на некоторых предметах этой культуры удалось несколько месяцев тому назад прочитать профессору Пражского университета Б. Грозному. (Он же прочитал иероглифические хеттские надписи.) На основании таких соответствий в разных индоевропейских языковых группах полагаем, что эти соответствия представляли собою замену более ранней фонетической стадии индоевропейских языков,— стадии с такими k, g, gh, которые отличались от k, g, gh в других словах,— отличались тем, что затвор производился б л и ж е к твердому нёбу по сравнению с затвором для k, g в других случаях. Таким образом, в языковых группах восточноиндоевропейских — в др.-индийской с ее книжным языком — с санскритом (в группе более позднего появления в области Инда, по сравнению с населением, остатки культуры которого открыты в Мохенджо-Даро,— с населением протоиндийским), в др.-иранской, балтийской (литовской, др.-прусской и др.), славянской, албанской,— в судьбе образования для таких нелабиализованных, незадних k, g произошла передвижка вперед, их замена посредством согласных шипящих, свистящих или фрикативного th (dh). В некоторых других давних процессах восточноиндоевропейские группы также представляли общие направления.

В языковых группах протоиндийской, хеттской, тохарской, греческой, италийской, кельтской, германской передвижки вперед

[1] B. H r o z n ý, O nejstarším stěhování národů a o problému civilizace protoindické. Praha, 1939, стр. 27.— Мой перевод этой статьи проф. Грозного напечатан (с сокращениями) в журн. „Вестник древней истории", № 2 за 1940 год, стр. 15—34.

не происходило; незадненебные k, g, ch становились близкими к нелабиализованным задненебным согласным.

Итак, соответствия древнейшим k', g', g'h в отдельных индоевропейских языках таковы:

	др.-инд.	др.-иран.	лит.	слав.	алб.	тох.	греч.	лат.	гот.
k'	ç(ŝ)	s	š	s	s, th	k	κ	c(k)	h(g)
g'	j(dž)	z	ž	z	z, dh, d	k	γ	g	k
g'h	h	z	ž	z	z, dh, d	k	χ	h	g

Примеры:

k':

а) слав. sъto, tysętja вм. ty-sętja, ст.-слав. тысѧща, лит. šim̃tas, др.-инд. çatám, др.-иран. satəm;

б) тохар. känt, греч. ἑκατόν (ἑ-κατόν), лат. centum, гот. hund;

а) слав. desętь, лит. dẽsimt (диал. dešimtis), др.-инд. dáça; др.-иран. dasa;

б) греч. δέκα, лат. decem, гот. taihun;

а) pьsati, pišǫ (1 л. ед.), лит. piẽšti, piešiù — „углем проводить линию, чертить, писать", др.-инд. piṃçáti — „он украшает, придает вид";

б) тохар. piṅkam — „он пишет", лат. pingō (pictum) — „рисую, иглою вышиваю".

g':

а) слав. znati, лит. žinóti; др.-инд. jānâti (džanati) — „он знает";

б) греч. γιγνώσκω — „я познаю, знаю", лат. gnōscō, nōskō, гот. kann;

а) слав. zьrno, лит. žìrnis;

б) лат. grānum;

а) слав. zǫbъ, лит. žam̃bas — „угол у перекладины", латышск. zuobs — „зуб", др.-инд. jámbhaḥ — „зуб".

б) греч. γόμφος — „гвоздь", др.-верхн.-нем. kamb — „гребень".

g'h:

а) слав. vezǫ, vozъ, лит. vežù, др.-инд. váhati — „он едет";

б) греч. ὄχος вм. ϝόχος — „повозка", лат. veho, гот. gawiga (ga- wiga) — „я двигаю";

а) слав. zima, лит. žẽmà, др.-инд. himâḥ;

б) греч. χιών — „снег", χειμών — „зима", лат. hiems.

§ 109. 2) Соответствия разных индоевропейских языков указывают, что в их фонетической системе некогда были такие k, g, gh, при образовании которых затвор производился в глубоко-задней части мягкого нёба; а такая задненебная артикуляция согласных сопровождается активным участием губ,— их округлением: k^{u}, g^{u}, $g^{u}h$ (значок ^{u} указывает не на отдельную губную артикуляцию, а на лабиализованные k, g, gh). Подвижка вперед заменителей таких согласных в отдельных индоевропейских языках не переживалась, если только не возникали особые фонетические условия, при которых происходила передвижка образования согласного в палатальный ряд (напр., у славян перед j и перед гласным переднего ряда: ki ⟶ či, ke ⟶ če...). След лабиализованного образования k, g, gh представлен в некоторых индоевропейских языках и в том, что при задненебном образовании согласного развился лабиальный элемент. Такой был в языках хеттском, латинском, германских: хет. kuiš, лат. quis — „кто", гот. hwas — „кто". Бывало и так, что губная артикуляция получала перевес: затвор велярно-лабиальный заменялся лабиальной артикуляцией. Так в оско-умбрской группе (pis — „который"), в греческой (πότερος — „который из двух"), отчасти в кельтском (др.-валлийск. petguar в соответствии латинскому quattuor — „четыре"). В восточных же индоевропейских языках нет следов лабиального элемента в образовании k, g: если он некогда и был в фонетической системе этих языков, то он рано утрачен ими. Отсутствие или давняя утрата лабиального элемента k, g, gh, с одной стороны, и небно-зубные спиранты вместо k', g', g'h — с другой, в восточноиндоевропейских языках находились в связи с фонетической системой их. Примеры:

Ст.-слав. отълѣкъ — „остаток", лит. lëkù; но греч. λείπω — „оставляю", лат. linquo — „оставляю";

гот. leihwa — „ссуживаю";

слав. govędo — „рогатый скот", латыш. gùws — „корова", др.-инд. gāuḥ — „скот"; но греч. βοῦς — „бык".

§ 110. 3) В славянской, балтийской, др.-индийской, др.-иранской языковых группах имеются слова с k, g, которым в западных индоевропейских языках соответствуют согласные, восходящие к задненебным согласным без лабиального элемента: в греч. κ, в латин. с (k), в герм. h.

Напр.: слав. kry (krъvь — винит. ед.), лит. kraŭjas — „кровь", др.-инд. kravíḥ — „сырое мясо", греч. κρέας вм. κρέϝας — „мясо", лат. cruor — „кровь";

слав. łučь (č вм. k перед гласным переднего ряда), лит. laũkas — „имеющий белое пятно", греч. λευκός — „белый", лат. lūcere — „светить", гот. liuhath — „свет";

слав. stogъ, ostegъ (o-stegъ) — „одежда", лит. stógas — „крыша", др.-инд. sthagayati — „он покрывает", греч. στέγω — „покрываю".

§ 111. 4) В др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском языках отразились следы более ранней фонетической стадии с придыхательными kh, gh, $g^{u}h$ (лабиовелярный придыхательный g): в др.-индийском — придыхательные kh, gh и h, в греческом придыхательные kh, gh заменились задненебным спирантом χ, а лабиовелярный придыхательный $g^{u}h$ заменился спирантом φ или ϑ; в латинском h вместо gh и губной f(v) вместо $g^{u}h$.

В языке славян, как и в языке литовцев, нет следов придыхательных gh, $g^{u}h$: в этих языковых группах имеется задненебный согласный g, а вместо незаднего g'h находится то же, что и вместо незаднего g': в литовском ž, в славянском z.

Примеры:

gh: слав. stig- (stignǫti), лит. staigýti — „торопиться", др.-инд. atiṣṭígham — „переходить", греч. στείχω — „ступаю, иду"; слав. mьgła, лит. miglà, др.-инд. mēghaḥ, греч. ὀμίχλη — „туман, облако".

$g^{u}h$: слав. snégъ, лит. snẽgas, греч. νίφα, лат. nivem (им. едм. nix);
слав. goréti, лит. gãras — „пар", др.-инд. gharmáḥ — „жар", греч. θερμός — „теплый, горячий", лат. formus — „горячий, теплый".

g'h: слав. zima, лит. žẽmà, др.-инд. himaḥ — „холод, зима", греч. χειμών, лат. hiems; другие примеры см. выше.

В литовском языке нет следа и от придыхательного задненебного kh. Но у славян есть след такого согласного: в ряде слов, в которых др.-индийский имел kh, греческий χ, у славян был ch, а не k. Напр.:

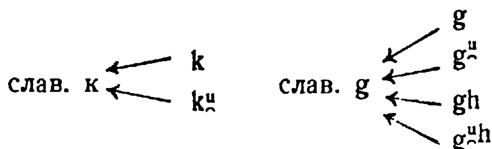
слав. socha, др.-инд. çãkha — „сук, ветвь", персид. šãch; лит. šakà — „сук, ветвь".

В отношении значения „соха — ветвь, сук“ ср. русские прилагательные „россохатой, россошистой, россохивостой“ в значении — „ветвистый, суковатый“: на древѣхъ росохатыхъ повѣсивша (Георг. Амартол); да попрошодъ налево стешкою да къ ивѣ къ рассошистой (из Белевских писцовых книг, 1584—1585 гг.); отъ тово дуба... на холмъ на россохивостай дубъ (оттуда же).

слав. chochotati, др.-инд. kakhati — 3 ед., греч. καχάζω;

слав. rěcha (русск. прорѣха), rěšiti (otrěšiti), др.-инд. rēkhā — „черта, линия“, rikhati — „режет“, но лит. rēkti — „резать хлеб“.

Итак:

§ 112. В ряде индоевропейских языков имеются ясные следы придыхательных согласных, находившихся некогда в фонетической системе этих языков. Так, в др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском, германских имеются указания на придыхательные звонкие согласные, когда-то находившиеся в этих языках — bh, dh, gh (gh и g^uh).

В др.-индийском были слова с b; но больше слов было с bh; в греческом им соответствовали слова с β и с φ; в латинском с b и f. Слова с др.-инд. bh, с греч. φ, с лат. f указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным bh.

У славян, как и у литовцев,— b. Например:

b: др.-инд. bálam — „сила“, греч. βέλτερος — „лучший“, лат. dēbilis (dē-bilis — „бессильный“), — слав. bolʼiĭ — „бóльший, лучший“;

bh: др.-инд. bhárami, греч. φέρω, лат. ferō, — слав. berǫ;
др.-инд. bhánati — „он говорит“, греч. φημί, лат. fārī, — слав. bajǫ, bajati;
др.-инд. bhávāmi, греч. φῦναι — „давать бытие, рождать, производить“, лат. futurus — „будущий“, — слав. byti, лит. búti.

Ср. также в др.-индийском слова с d и dh, в греческом с δ и θ, в латинском с d и f, указывающие на более ранние d

в одних случаях и на придыхательный dh — в других. У славян, как и у литовцев, только d. Напр.:

d: др.-инд. duvā́, dvā́, греч. δύω, лат. duo, лит. dù, слав. dъva; др.-инд. dámaḥ, греч. δόμος, лат. domus, слав. domъ;

dh: др.-инд. mádhu, греч. μέθυ, лит. medùs, слав. medъ; др.-инд. dháyati „сосет, пьет", dhēnúḥ — „молочный", греч. θήσατο — „он сосал", θηλή — „грудь матери", лат. fēlāre — „кормить молоком", слав. dojǫ, dětę; др.-инд. rudhiráḥ — „красный", греч. ἐρυθρός — „красный", лит. rudéti, слав. rъděti, ruda.

Замены придыхательных g'h, gh, g^uh в др.-индийском, в греческом и латинском отмечены были выше: в др.-инд. гортанный h вм. g'h и вм. g^uh (перед заменой давних ē, ĕ, i); gh вм. gh и g^uh; в греческом χ вм. gh (g'h, gh); φ, θ вм. g^uh; в латинском h вм. gh (g'h, gh); f, v вм. g^uh.

У славян же g'h ⟶ z, у литовцев ⟶ ž, как и вместо непридыхательного g'; вместо же задних придыхательных gh, g^uh у славян, как и у литовцев, g. Сравните соответствия славянским zima, mьgla, sněgъ, gorěti — соответствия, указанные выше.

В др.-индийском и др.-иранском языках были представлены указания на глухие придыхательные th, ph, kh. В греческом имелись следы двух из этих глухих придыхательных; φ вм. ph, χ вм. kh. В фонетике славян есть след только давнего kh, — след в виде ch: rěcha, chochotati и др. соответствия, см. выше. В отношении других глухих согласных нет следов придыхательного образования их: во всех случаях у славян t, p, как и вместо непридыхательных t, p. Примеры:

t: др.-инд. tád, греч. τό, лат. istud, слав. to; др.-инд. mātár, слав. mati, лат. māter;

th: др.-инд. mánthati — „он двигает, перемешивает", слав. mętǫ;

p: др.-инд. plavatē — „он плавает", греч. πλέω, лат. pluit, слав. plovǫ; др.-инд. priyáḥ — „дорогой, милый", слав. prijaznь, prijatel'ь;

ph: др.-инд. phénaḥ, слав. pěna; др.-инд. phálakam — „доска", греч. σφέλας — „скамейка", слав. polica.

Итак, у славян, как и в некоторых других индоевропейских группах, система согласных не имела издавна придыхательных согласных. И следов не осталось от таких согласных, кроме одного: ch вм. kh.

Образование славянской фонетической системы сравнительно с системами других индоевропейских языков обнаружило следующие черты давней славянской системы в отношении согласных:

1) s, z вместо нелабиальных, незадних k', g', g'h;

2) отсутствие следов фонем с лабиальным элементом k^{u}, g^{u}: были только k, g.

3) отсутствие следов придыхательных согласных:

b вместо b и bh,
p вместо p и ph,
d вместо d и dh,
t вместо t и th,
g вместо g и gh.

Только придыхательный kh оставил след в славянской фонетической системе: kh → ch, как и в греческом языке.

Небно-зубные.

§ 113. Согласные ṫ, ḋ соответствовали такого же типа согласным других индоевропейских языков.

t: слав. to, др.-инд. tád, греч. τό, лат. istud;
слав. mati, вин. materь, лит. motė — „женщина", греч. (дорич.) μᾱτηρ, лат. māter;

d: слав. domъ, др.-инд. dámaḥ, греч. δόμος, лат. domus;
слав. sédėti, лит. sėdėti, др.-инд. sádaḥ — „место, жительство".

Кроме того, как указано выше, в славянской системе t, d были в соответствии придыхательным th, dh, оставившим следы в системе др.-индийского (th, dh), греческого (θ вм. dh) языков.

Слав. mętǫ, др.-инд. mánthati — „он перемешивает",
слав. medъ, др.-инд. mádhu, греч. μέθυ и др.; см. выше, § 112.

§ 114. Согласный n̄ был продолжением такого же типа носового согласного более ранней фонетической стадии. В других индоевропейских языках ему соответствует n.

Слав. nebo, др.-инд. nábhaḥ, греч. νέφος — „облако", лат. nebula — „туман, облако", др.-верхн.-нем. nebul — „туман".

слав. cěna, др.-иран. kaēna — „штраф", лит. kainė „цена", греч. ποινή — „возмездие, штраф".

Кроме того, у славян n появился в доисторическое время вместо m в конце слога. Ср. ясное указание на согласный n в предлоге (префиксе) son или sъn: перед согласным son ⟶ sǫ: sǫsědъ, sǫsěkъ и др. Что касается вида этого предлога (префикса) с гласным ъ (ступень редукции — sъn), то n удержан перед гласным или перед j: sъniti, sъn-jimь ⟶ sъn'-imь („с ним"). В других положениях n утрачен: sъn ⟶ sъ. Соответствие этому предлогу в других индоевропейских языках представляет согласный m: др.-инд. sám, греч. ἅμα — „вместе с ...". С согласным n вместо m был и предлог kъn: kъn-jemu ⟶ kъn'-emu. Ср. в др.-инд. вид соответствующего предлога: kám. Возможно полагать, что m изменился в n и в середине слова перед согласным (см. § 80).

Процесс изменения конечного m в n переживался отдельными славянскими группами и позднее, в исторический период. Так было в сербо-хорватской чакавской диалектной группе (sȃn вм. sȃm, znȃn вм. znȃm) и по говорам словацкой группы (tan вм. tam, robīn вм. robīm, chlapon вм. chlapom — дат. мн. — на юге среднесловацких говоров).

§ 115. Славянские s, z продолжали собою того же типа согласные более древней фонетической стадии. В других индоевропейских языках находятся такие же согласные, если не пережито тех или иных изменений их. Несколько примеров:

s: слав. synъ, лит. sūnùs, др.-инд. sūnúḥ, гот. sunus, гр. υἱός, тох. soyā;
слав. sějǫ, лит. sė́ju, лат. sēmen — „семя";
z: слав. mьzda, гот. mizdō, гр. μισθός — „плата";
слав. mozgъ, др.-иран. mazga — „костный мозг".

Слов с z, которому в других индоевропейских языках соответствует такой же согласный или его замена, немного. При этом z находится только в сочетаниях zd, zg.

У славян согласные s, z были и иного происхождения.

а) В ряде случаев они появились вместо более давних незадних k', g', g'h, в соответствии с ç (ś), j (dž) др.-индийских, š, ž

литовских, ж, γ греческих: desętь, znati, zьrno, zima, vezǫ. Соответствия отмечены выше.

b) s в группе st обусловлено было диссимиляцией сочетания tt (вм. tt и dt → tt): mesti вм. metti, vesti вм. vetti ← vedti, pasti вм. padti.

s — ch.

§ 116. Согласный s пережил изменения у славян в доисторическое время: в определенном фонетическом условии s → ch. Таким условием было следующее: положение s после давних гласных высокого подъема (i, u) и после r, k. При указании на положение s после i, u имеются в виду не только давние гласные i, u краткие и долгие, но и дифтонги с этими гласными: ei̯, oi̯, eu̯, ou̯. Эти гласные и дифтонги изменились затем у славян так: ī → ī, ĭ → ь, ū → y (ы), ŭ → ъ, ei̯ → ī, oi̯ → ě, eu̯ → ju → 'u, ou̯ → u. Таким образом, ch у славян появился фонетически после i, ь, y (ы), ъ, ě (из oi̯), u, а также после r, k.

Возможно полагать, что появлению ch вместо s предшествовала фонетическая стадия с š заднепалатальным.

В образовании s кончик языка опущен за нижние резцы; приподнятая часть у альвеол представляет теснину; одновременно приподнята и задняя часть языка. В положении после i, u, r, k редуцировалась работа передней части языка, а задняя часть несколько выше приподнималась. Но такого изменения s не было, если s находился в сочетании с затворным согласным: st, sk, sp; в этих случаях объединение артикуляции s со следующим затворным образованием удерживало переднеязычную артикуляцию s: istina, iskati, blěskъ и др. Сравните фонетический процесс в греческом языке: s в начале слова и в середине слова между гласными изменился в гортанный h — с дальнейшим изменением (утрата между гласными). Но перед p, t, k сохранилось образование s: греч. ἕνη — „новая" (др.-инд. sánaḥ, лат. senex); но: σπένδω — „совершаю возлияние", ἀστήρ — „звезда".

Сравните славянские формы так называемого сигматического аориста, т. е. аориста с суффиксами -so, -s: něsъ — 1 л. ед., něsę — 3 л. мн. (ср. ст.-сл. принѣсъ, принѣсѧ и т. п.) Но те же формы представляли ch в таких инфинитивных основах, которые оканчивались гласными i, y (y вместо более раннего ū), r, k — bichъ, bišę (š вм. ch перед гласным переднего ряда); krychъ, kryšę; žerchъ — ст.-сл. жрѣхъ, žeršę — ст.-сл. жрѣшѧ, rěchъ (вм.

rēk — chъ), rēšę. Но -ste — в форме 2 л. мн., 3 л. двойств., -sta — в форме 2 л. дв.: biste, bista, kryste, krysta, rěste, rěsta, ст.-сл. жрѣсте, жрѣста.

Другие индоевропейские языки также указывают на s в соответствии славянскому ch.

Несколько примеров:

слав. tichъ, лит. teisùs — „справедливый", лит. taisaũ, taisýti — „готовить, улучшать";

слав. mucha, лит. musė̃, лат. musca;

слав. ucho, лит. ausìs, гот. auso, лат. auris (вм. ausis);

слав. pych — pychati, греч. φῦσα — „раздувальный мех", φυσάω — „дую";

слав. myšь (š вм. ch перед гласным переднего ряда), др.-верхн.-нем. mûs, лат. mūs, греч. μῦς;

слав. blъcha, лит. blusà;

слав. mъchъ, лит. musaĩ, лат. muscus;

слав. porchъ, ст.-слав. прахъ (ср. тот же корень с гласным ь и с суффиксом -t: pьrstь), герм. (скандин.) fors — „водопад"; слав. окончание формы местного множ. числа -chъ вместо -su, на которое ясно указывают языки др.-индийский, др.-иранский, др.-литовский: слав. kostьchъ, gostьchъ, trьchъ, vьlcěchъ, synъchъ и др.; лит. akisù, sūnûsù; др.-инд. açvasu, sūnúṣu, vṛkeṣu, др.-иран. vəhrkaēšu.

В тех же условиях, как у славян, было пережито изменение s и в группах индо-иранской и балтийской,— в группах, в системе которых представлены были и некоторые другие черты, общие с славянской системой. Направление фонетического процесса в изменении s было одинаково: согласный s заменялся шипящим š в др.-иранской и балтийской группах и согласным ṣ (вроде шипящего) в др.-индийской. Например:

др.-инд. várṣiṣṭaḥ — „самый высокий", лит. viršùs, слав. vьrchъ;
лит. garšvà, слав. gorchъ, ст.-слав. грахъ;
др.-иран. uši, лит. ausìs, слав. ucho;
др.-инд. mūḥ (ḥ вм. ṣ в конце слова), лат. mūs, слав. myšь;
Ср. выше примеры с окончанием местного множ. числа.

В литовском языке изменение s → š после i, u представлено непоследовательно: при каких-то условиях s после i, u в балтийской группе сохранялся без изменения.

лит. vẽtušas, лат. vetus, слав. vetъchъ;
лит. juše, слав. jucha — „уха̀“;
лит. trišėti — „дрожать“;
лит. maĩšas — „большой мешок“, этимологически соответствует славянскому mĕchъ.
Но: лит. saũsas, слав. suchъ, лит. trisũ, слав. trьchъ и др.

В отличие от процесса индо-иранского и балтийского у славян изменение s в указанном положении было более интенсивным.

§ 117. На фонетическую сторону изменения s в ch может указывать такое позднейшее явление в славянских языках: изменение šc в chc. При этом имеются данные, свидетельствующие о переходной фонетической стадии, о šc. Так по болгарским говорам Македонии и Болгарии. Проследите судьбу названия таких сел в западной Македонии: Русци в XIV в. — Рухци позднее; Велмесци — Велмешци в XVI в., Велмехци позднее; Власци — Влашци в XVI в., (В)ла̀хце позднее. То же изменение отражается на женском имени Бесцена: в записях XVII—XVIII вв. — Бехцена; прилагательное: пречуден камен бехцени (XVIII в.). На это явление указывает и передача слова „победоносца“ (винит.-родит.): победонохца и чудотворца Георгиа (XIX в.). Такой результат изменения представляет и сочетание šč: нохче (нофче) вместо ношче (ножче, уменьшит. к „нож“). Так изменились sc, šč и по говорам словинским и чешским: слов. ichčem („ищу“); чешск. chčestī вм. ščestī („счастье“), jechče вм. ješče („еще“); chcāti вм. scati.

Отметим еще одну позднейшую параллель к изменению s в ch: один мальчуган (без дефектов в речи), волнуясь во время школьного экзамена, так прочитал заглавие рассказа „Садовник и его сын“: „Хадовник и его сын“.

Процесс изменения s в ch или в гортанное образование переживался многими языками. Из неиндоевропейских языков такое изменение в совсем недавнее время происходило в якутском языке, как на это обратил внимание O. Böhtlink: „*s* wird seit nicht gar langer Zeit von vielen Jakuten, namentlich von den Bewohnern der Stadt Jakutsk, zwischen zwei Vocalen wie *h* gesprochen“ [1].

§ 118. В ряде случаев ch находится не только после i, u, но и после других гласных. Во всех этих случаях образования с ch

[1] O. Böhtlink, „Jakutische Grammatik“. SPB 1851, 158—159.

возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых s изменился фонетически (после i, u, r, k). Так, форма местного множ. числа имела окончание -chъ фонетически вместо -su в основах на -ŭ, -ĭ, -o (-oi̯ ⟶ ė): synъchъ, kostьchъ, vьlcěchъ. По образцу форм с такими основами стали образовывать форму местного множ. на -chъ и в основах на -a: rybachъ, ženachъ. Но в др.-индийском не происходило такого обобщения в окончании: sūnúṣu, áviṣu, но: áçvasu.

Хотя у славян процесс обобщения в окончании -chъ был интенсивен, но все же по славянским группам в некоторых случаях в именах собственных, относившихся к населению и к местам жительства его, долее держались формы местного множ. на -sъ в основах с суффиксом -an: Dol'an-e, Vьrbьča-ne, Lǫžane... (долее, чем в именах апеллятивных, нарицательных). Еще в историческое время для чехов засвидетельствованы такие формы местного множ.: Dolās, Vrbčās, Luzās и некоторые др. Позднее для всех имен стало служить окончание -ch.

По аналогии появился ch и в формах сигматического аориста с инфинитивной основой на -a: bьrachъ, znachъ. Процесс обобщения ch в окончаниях форм аориста происходил и позднее, в исторический период славянских языков. Так, ст.-славянские памятники представляют после а окончание с с: пропасъ — 1 л. ед., пропаса, иса (инфин. ıати) — 3 л. множ. Но в говорах XI в., отражающихся в ст.-славянских памятниках, обычными были формы с ch: ıахъ — 1 л. ед., ıаша — 3 л. множ.

ch вместо s находится и в начале слова. Напр., choditi. В жизни чаще приходилось применять образования с префиксами pri-, u-, т. е. такие образования, в которых s изменился в ch: ou-sod ⟶ uchod-(uchoditi). От этих образований отвлечено и беспрефиксное choditi.

§ 119. pьchati, pьsati. В этих и некоторых других словах неодинаковость согласных, ch в одних словах, s — в других, после одинакового гласного, i или u, обусловлена была тем, что некогда после i, u находились неодинаковые согласные. Так, в слове pьchati (производные: pьšeno, pьšenica) после pi находился согласный s, который изменился в ch. Ср. лит. paisýti — „выколачивать зерна ячменя", др.-инд. piṣṭáḥ — „растолченный, разбитый усталостью", лат. pinsō — „толку", pistus. А в слове pьsati, pьstrъ в период фонетического изменения s ⟶ ch не было обычного образования s, а был иной согласный, — такой, какой нахо-

дился тогда в словах desętь, tysętja (ст.-слав. тысаща), sьrdьce, slava, т. е. такой s, которому соответствует в литовском š, в др.-индийском ç (ś), в греческом κ — заменители более давнего k'. Ср. лит. piešiù, pie̅šti — „углем проводить линию, писать", др.-инд. pimçáti — „он украшает, размещает", лат. pingō (pictum) „рисую"; греч. ποικίλος — „пестрый", слав. pьstrъ. Значит, в то время, когда в славянской фонетической системе происходило изменение давнего s по направлению к ch, в языке славян не было еще обычного образования s в соответствиях др.-индийскому ç, греческому κ, а был иной согласный, отличный от твердого s, а потому не подвергшийся изменению по направлению к ch. Совпадение заменителя давнего k' с s в славянской фонетической системе произошло позднее изменения по направлению к ch.

§ 120. В ряде случаев представлен звук s после i, ě потому, что некогда этот согласный не находился непосредственно после i. Например:

tisъ, лат. taxus; в этом слове согласному s предшествовал заменитель более давнего k': tik'so-;

běsъ; согласный s находился после d: ds ⟶ s; так же изменилось сочетание ds и в литовском языке; ср. лит. baidyti — „пугать" и лит. baisùs вм. baidsùs, — „страшный", „отвратительный", лат. foedus — „скверный, отвратительный".

§ 121. Иное происхождение ch в начале и не в начале слова отмечено было выше: вместо придыхательного kh: chochotati, chorbъrъ, ст.-слав. храбръ, др.-инд. kharaḥ, — „твердый, острый", socha и др.

§ 122. Появление образования для согласного ch в начале слова могло также находиться в связи с экспрессивностью значения слова и с соответствующим его произношением: ch могло быть экспрессивным вариантом согласного k в начале слова. Таково происхождение, напр., начального ch в глаголе chochotati: ср. в др.-индийском и греческом к: kakhati, καχάζω.

Ономатопоэтического (звукоподражательного) происхождения ch в длинном ряде слов с chor, cher- ⟶ šer-, chъrk-: русск. хорохориться, šerochъ (русск. шорох), chъrkati — „хрипеть, кашлять". Того же происхождения ономатопоэя для смеха, для гуканья: chy! chu! — русск. хи-хи!, глагол хихикать, чешск. chuchati — „дышать, дуть", польск. chuchać, украинск. ху́хати, русск. ху́хать

и др. образования. Такого происхождения ch в русских (диалектальных) глаголах сильной экспрессивной значимости: ужахнуться, шарахнуться („броситься").

Ономатопоэтического происхождения и глагол chvastati — „болтать", „нести вздор". Того же происхождения частица šu в имени šu-chvostъ: русск. шухвост, название пункта поселения, имевшего отношение к лицу с таким именем — Шухвостово. Что касается значения имени хвост, то здесь был корень тот же, то и в глаголе хвастати: хвостъ — „болтун"; частица шу- усиливала выражение такого значения.

В отношении эмоционального значения согласных s, ch, š можно получить ясные указания в именах с суффиксами, в состав которых входили s, ch, š. Суффиксы с этими согласными придавали слову эмоциональное значение — уменьшительное, ласкательное или увеличительное. Такое значение этих суффиксов было актуально в течение долгого времени у славян и в исторический период: pol-chъ (русск. полох, южн.-сл. płach), чешск. brach (bratr), kmoch или kmocha (kmotr — „кум"), Pech (Petr), польск. Stach (Stanisłav), русск. шорох, бабёха, Иваха — Ивахно, Алексаха — Лексаха — Сашура — Шура и многие другие. Подробнее см. в отделе о словообразовании.

§ 123. ch появился у славян также вместо сочетания двух согласных kch: ср. формы сигматического аориста от инфинитивных основ на -k: rek-, tek-, velk-, lęk- (lęk-ti, ст.-сл. лѧщи, лѧщи лѫкъ — „натянуть лук" — ἐντενεῖ το' τόξον): 1 л. ед. rěchъ вм. rěkcho — из rēk-so-n; těchъ, 3 л. мн. těšę; ст.-слав. пѫтъ (вм. пѫть) ꙁаповѣдеї твоїхъ тѣхъ (Син. пс.) — „я отправился по пути твоих приказаний"; потѣша воды (Син. пс.) — „потекли воды"; орѫжие іꙁвлѣшѧ („извлекли"),налѧшѧ лѫкъ своі (Син. пс.) — „натянули свой лук".

Посредством ch передан у славян германский h: chyzъ (chysъ), chyza, chyža, chyžina, — герм. husa-;

слав. chlěbъ — гот. hlaibs (hlaifs);

слав. chlěvъ — гот. hlaiw и др.

Итак:

s после i, u, r, k ↙

слав. ch

↖ kh (придыхательный k) экспрессивный вариант к согласному k.

Вопрос о согласном h.

§ 124. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов предполагали, что в славянском звуковом составе доисторической эпохи был согласный гортанный h. Согласный h, по их представлению, применялся в таких словах.

1) В указательном he-: hevo, heto; в частице hede, в числительном hedinъ, hedьnъ.

К такому представлению побуждало Ф. Ф. Фортунатова отсутствие j перед е в начале этих слов и наличие согласного h в некоторых славянских языках: в украинском (hен), в белорусском (hетый), в чешском (hen, henky), в нижнелужицком (hyn, hynga).

Согласный h был и перед а в союзах ha (a), hako (ako).

С согласного h начиналось и наречие hešče, чередовавшееся с hošče; был звуковой вариант и с j: ješče.

2) Согласный h появился в эпоху доисторическую вместо придыхательного приступа, с которым произносились все начальные гласные. Согласный h развился вместо такого приступа перед о, u, ǫ: hostrovъ, hulica, hǫsy. „Возможно, что уже в общеславянском праязыке h в указанном положении было не особенно устойчиво. Вот почему, напр., h перед *о* во многих славянских языках совсем не нашло себе соответствия. Таковы сербские, болгарские, великорусские, польские и другие говоры“ (А. А. Шахматов).

3) Согласный h возник для избежания зияния в форме родительного пад. единств. ч. мужск. и средн. рода: too ⟶ toho и далее tovo в русских и кашубских говорах.

Все данные, на которые ссылались Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в их утверждении согласного h в звуковом составе доисторической эпохи, не показательны. Они имеют иное значение.

1) В первом пункте, о h перед *е* некоторых слов, принято во внимание только отсутствие j перед *е*, но не принято во внимание особое значение этих слов в речи, особенность их произношения. Это частицы (е), наречия (ešče). Подробнее о произношении будет сказано ниже, в отделе о начале слова. Там дано будет объяснение особой артикуляции начального гласного некоторых слов, произносившихся с особой экспрессией,— указательной частицы *е* некоторых наречий. Начальному гласному таких слов предшествовало закрытие гортани,— предшествовал „крепкий приступ“. Звук j при такой артикуляции не

появлялся перед *е*. Согласный h перед *е* в этих словах развился позднее в фонетической системе отдельных славянских групп.

Нет достаточного основания полагать, что слова jedinъ, jezero имели в начале согласный h (hedinъ): они имели в начале согласный j или i̯, как на это ясно указывает их судьба в восточнославянских языках. В то время как в украинском и белорусском языках появился вместо придыхательного приступа согласный h перед указательным *е* в hevo, heto, как и перед гласным u (у) (hulica), а в русском языке с утратой „крепкого приступа" перед указательным eto, evo представлено сочетание с *е* (э) (это, этот, эвон), а не с je и не с *о*, слова jedinъ, jezero имели иную судьбу. Все восточнославянские группы в ранний период их жизни утратили j или i̯ в начале слова перед u (у) и перед е: jucha ⟶ ucha, junъ ⟶ unъ, jezero ⟶ ezero, jesenь ⟶ esenь, jedinъ ⟶ ⟶ edinъ. В фонетической системе этих славян действовала тенденция не начинать слова с гласного *е* в нормальной, ровной речи (без особой экспрессии). В связи с этой тенденцией произошла замена гласного переднего ряда со средним подъемом языка иным гласным того же подъема. Таким гласным в славянской фонетической системе был только гласный *о*: ozero, osenь, odinъ. Если же гласный произносился с повышенным подъемом спинки языка, *ê*, то замены его другим гласным не происходило. А такой гласный, *ê*, появлялся рано в языковой системе славян в связи с редукцией гласного в соседнем слоге: jêlь, jêžь. Ни в украинском, ни в белорусском нет hezero, а есть ozero. В русском нет эзеро, которое соответствовало сочетаниям с э в словах это, эвон. Следовательно, у всех восточных славян в давнее время эти слова произносились не так, как слова с eto, evo, а иначе: jedinъ, jezero, как и jesenь,— с j или i̯. Роль подъема спинки языка в фонетической системе славян в разные периоды имела большое значение. Сравните, например, судьбу гласных *о*, *u* после палатальных согласных: эти гласные подверглись воздействию палатальной артикуляции предшествующего согласного и передвинулись в передний ряд, но в фонетической системе того времени не было лабиализованных гласных переднего ряда. Поэтому произошла их замена нелабиализованными, но с таким же подъемом: ö ⟶ e, ü ⟶ i.

2) И сам А. А. Шахматов видел недостаточную обоснованность положения о придыхательном приступе перед каждым гласным в начале слова, в частности о согласном h перед лабиали-

зованными гласными. Нет данных для такого утверждения. Изучение фонетической системы славянских языков указывает, что начало слова с гласного,— слова, не окрашенного эмоционально-экспрессивным тоном, произносившегося ровным темпом,— производилось не одинаково по славянским группам. В группах, которые легли в основу украинского, белорусского, полабского, лужицких языков и некоторых чешских групп, такие слова начинались с предварительного открытия гортани; струя воздуха проходила через гортань ранее вибрации голосовых связок (ранее производства гласного звука). Глухая гортанная фрикация, предшествовавшая артикуляции гласного звука, могла с течением времени замениться согласным h или v (h обычно сопровождается губной артикуляцией), j. (Подробнее см. в „Славянском языкознании".)

В польской группе начальный v перед ǫ, ę из более давнего ǫ (vǫsy, vęg'el) не зависел от придыхательного приступа, а появился так же, как v перед y (ы) и ъ во всех славянских группах вследствие утраты или ослабления лабиальной артикуляции в гласном; эта артикуляция производится перед гласным: старопольск. vą̊sy ⟶ vǫsy, vąglь ⟶ vęg'el.

3) Тезис о h в форме местоимений toho, koho, будто бы вместо tǫo, koo, вызван представлением о прямолинейности „фонетических законов", вне учета значения слова и способа его произношения. Сочетание ho с дальнейшим его изменением в vo или с утратой сужения (для h или v) явилось в русском языке и в севернокашубских говорах вместо -go, которое было во всех славянских языках. Изменение g в γ ⟶ h вызвано было ослабленным образованием, которое свойственно в речи формам местоимений, а ослабление артикуляции вызывает замену затвора щелью, замену взрыва фрикацией. Сравните ясное указание на такое изменение звукового вида местоимений, представляемое местоимениями тебе, себе по русским говорам,— со слабосмычным редуцированным ^{б}: те^{б}е́, се^{б}е́; представлены эти местоимения и с утратой ^{б}: тее́, сее́.

Ослабленная артикуляция местоимений отражается и на судьбе местоимений mę, tę, sę в истории славянских языков. Так, в польских диалектах на северо-западе (в Коцевье и Борах) и на юге Галиции местоимение m'ę представляет твердый согласный: mą на северо-западе, mę (me) — на юге. Там же и в дательном падеже находится это местоимение с твердым m: my. Произошло отвер-

.ение согласного *с* в русском с'а, вошедшем в состав глагольной)ормы: умойса (диалект). Твердый согласный вместо мягкого — то одно из проявлений редукции. Не менее выразительны следы)слабленной артикуляции этих местоимений и в истории болгар:кого языка. В среднеболгарскую эпоху (XII—XIII вв.) эти лестоимения стали произноситься как мѫ, тѫ, сѫ. Здесь в двух)тношениях отразилась ослабленность образования этих место)мений: в отвердении согласного и в изменении гласного ѧ в ѫ. Іозднее ѫ заменился гласным ъ (→ а): мъ (ма), тъ (та), съ (са).

Местоимения могут становиться несамостоятельными лексиіескими единицами, объединяясь с глаголом в одно целое в акцентном отношении и служа одним из грамматических показатеіей — глагольным показателем лица или объектным показателем в глаголе. Такова была судьба форм вин. и дат. личных местоимений 1 и 2 л. и местоимения „его", „ему" в южнославянских и западнославянских языках. Будучи несамостоятельным словом в предложении, произносимые неполновесно, эти местоимения в разных языках подверглись редукции в артикуляционном отношении. Таково происхождение в вин. пад. го (болг.), га (серб.) вместо юго, му (болг., серб.) вместо юмоу. Как слова несамостоятельные, эти местоимения неотделимы от глагола. И отрицание не отделяет таких местоимений от глагола,— не отделяет потому, что они служат грамматическим показателем его. В особенности ясна грамматическая функция этих местоимений в болгарском языке, главным образом в говорах Македонии: го, му и другие конъюнктные местоимения находятся при глаголе как определительные элементы дополнения,— находятся при наличии дополнения именного, выражающего собою определенное конкретное название. В этих случаях дополнение — имя находится в членной форме или в сочетании с указательным местоимением. Например: той ја виде книгата („он увидел книгу"; ја — местоимение вин. ед. женск. р., ст.-сл. ѭ); јас му-го да́доф на часкот и т. п. Дополнением может быть местоимение личное или указательное для 3 л. В этом случае местоимение представлено в полной своей форме: — јас тебе не те познавам; и не́му му ја зе́де („взял") гла́вата (ја = ѭ, т. е. „голову"). Совершенно такие синтаксические сочетания представляют и другие восточнобалканские языки — новогреческий, албанский, аромунский. Такая судьба местоимений ясно указывает на их слабый удельный вес как самостоятельных членов

предложений, а это ведет к звуковому их изменению,— к редукции. С ослабленным произношением бывают и некоторые частицы, наречия, слова счета, титульные слова, названия лиц. См. подробнее § 152. Прямолинейностью фонетизма вызвано и такое неверное объяснение звукового вида имени „господарь“: осподарь в украинских и русских говорах: это слово без начального согласного указывает на h (hосподарь); а это значит, что это слово не русское, а пришлое, потому что в севернорусских говорах нет h; пришло оно от чехов (ведь в чешском языке g ⟶ h),— пришло через Польшу (объяснение А. А. Шахматова). Нет: hospodāř находится и в кашубских говорах и под чешским воздействием оно не находилось: γ — h вместо g появилось здесь в зависимости от способа произношения этого титульного слова,— его ослабленной артикуляцией. Ср. судьбу близкого титула — названия государь ⟶ осударь ⟶ сударь ⟶ су ⟶ с.

r, l.

§ 125. Плавный r в славянской фонетической системе продолжал собою такой же плавный более давнего времени.

r: слав. bratrъ, bratъ, *лит.* brote, brēlis — „братко“, др.-инд. bhrāta-, лат. frāter, греч. φράτωρ, φράτηρ — „член фратрии“;
слав. berǫ, др.-инд. bhárami, греч. φέρω, лат. ferō.

В славянской фонетике появился палатальный r' вместо сочетания rj: morjo ⟶ mor'e, burja ⟶ bur'a.

§ 126. Плавный l разного образования в славянской фонетической системе продолжал собою плавный l более ранней фонетической стадии.

Слав. mьgła, лит. miglà, myglà, греч. ὀμίχλη — „мгла, туман“;
слав. łǫka — „долина, луг, излучина“, лит. lankà;
слав. łъgati, łъžь, др.-верхн.-нем. lugî;
слав. lьnъ, лит. linaĩ (множ. ч.), греч. λίνον, лат. līnum;
слав. lipa, лит. lĩepa, гр. ἀλίφαλος.

В давней славянской фонетической системе плавные были неодинаковы в своем образовании: перед гласным заднего ряда и перед гласным среднего ряда *y* (ы) был твердый ł (языковое тело отодвинуто было к задней части полости рта): łoviti, łavъka, łъgati, łyko... Перед гласным переднего ряда был „средний“ l, образовывавшийся со средоточением языкового тела в средней части полости рта: lipa, ledъ, lьnъ.

У славян возник и третий вид образования l: палатальный l'. Он появился вместо сочетания lj: слав. l'udъ, l'udije, латыш. l'àudis — „люди", др.-верхн.-нем. liuti; слав. l'ubъ, l'ubiti, гот. liufs, др.-верхн.-нем. liob, др.-инд. lúbhyati — „он ощущает желание, позыв"; volja — vol'a, ср. гот. wilja; poljo → pol'e...

Палатальный l' в славянской фонетической системе возник еще вместо j после губного согласного. Ср. форму 1 л. ед. наст. вр. в основах на i: łovl'ǫ, kupl'ǫ вместо łovjǫ, kupjǫ; ср. прочие формы łoviši, łovite...; перед гласным у славян был i̯ (j), а не i.

Слав. bl'udǫ, bl'usti; bl'ud- вм. bjud-, а это вм. beu̯d-; ср. греч. πεύθομαι — „испытываю, разузнаю, наблюдаю", гот. biuda; слав. pl'ujǫ, pl'uti, лит. spjáuti, spjáuju.

Губные m, p, b, v.

§ 127. Согласный m был продолжением такого же согласного более давней фонетической системы. В других индоевропейских языках ему соответствовал m.

Слав. mati, domъ и др. Соответствия других языков были отмечены выше.

В славянской фонетике доисторической эпохи m в конце слова изменился в n (см. выше § 114).

Согласные p, b были продолжением давних p, b, а также соответствовали придыхательным ph, bh и их заменителям некоторых других индоевропейских групп. См. выше, § 112.

О согласном v замечания сделаны в следующем, отдельном пункте.

u̯ — w — v.

§ 128. История славянских языковых групп указывает на то, что в их фонетической системе издавна находились губно-зубной v и билабиальный w или неслоговой u̯. Образование билабиального w или неслогового u̯ было некогда в сочетании с ъ, ь слабыми, подвергавшимися в течение времени все большей редукции. В историческое время по утрате таких ъ, ь неначальный слог стал оканчиваться билабиальным w или неслоговым u̯. А в начале слова вместо u̯ъ, u̯ь, со слабым ъ или ь, по утрате их, развился тоже гласный, неслоговой u̯ или слоговой u.

Неслоговой u̯ в конце слога (в середине и в конце слова) представляют многие славянские языковые группы. Так в белорус-

ской, украинской группах, по говорам южнорусской, в некоторых говорах севернорусской, в восточночешских говорах, в лужицкой группе: prau̯da, łau̯ka (вост.-чешск. lau̯ka), nou̯.

В начале слова u (вм. u̯ъ, u̯ь) находится по говорам южнорусской группы, в сербо-хорватских группах: udova, unuk. Слоговой u или неслоговой u̯ (или редуцированный ᵘ) представлен в группах белорусской и украинской.

Полагаем: в доисторическое время губно-зубной v находился в одних славянских группах во всех фонетических положениях (voda, vъnukъ, vьdova, novъ); в других такой согласный был только перед гласным полного образования и перед ъ, ь сильными, не подвергавшимися редукции (voda, vьśь); но в сочетаниях с ъ, ь, слабыми были в этих группах образования с билабиальным w или с неслоговым u̯ (u̯ъnukъ, u̯ьdova).

Губно-зубной v или билабиальный w представлял у славян замену более раннего u̯. Ср. такие факты чередования:

ou̯ перед гласным → ov,
ou̯ перед согласным и в конце слова (т. е. в конце слога) → u:
ostrovъ (o-strov-ъ) — struja (stru-ja); kovati — kuznica и др.; ср. ъ вместо й перед согласным и в конце слова, v вм. й перед гласным, т. е. в положении, в котором й не составлял слога: medъ вм. medŭs, но: medvědь (medv-ědь).

§ 129. Другие индоевропейские группы представляют указание также на u̯.

Слав. novъ, греч. νέϝος — с утраченным ϝ вм. более раннего u̯;
слав. plovǫ, греч. πλέϝω;
слав. vėděti, греч. ϝοῖδα — „я знаю“ и др.

В других индоевропейских языках также пережит процесс замены неслогового u̯ более ранней фонетической стадии губно-зубным v.

§ 130. У славян в доисторическое время развилось в начале слова перед ъ и у (ы) образование для неслогового u̯ (w) или для губно-зубного vъ: vъpiti (ср. с префиксом vъz-: vъz-ъpiti) vъ вм. vъn (ср. в других индоевропейских языках соответствия этому предлогу in, en); vyknǫti (корень yk-; тот же корень в чередовании с гласным u-: uk-: na-uka, učiti); vydra (ср. др.-инд. udráḥ — „водяное животное“, лит. údra); vysokъ (ср. греч. ὕψι — „высокий“, др.-верхн.-нем. ūf).

Появление u̯ (v) в этом положении обусловлено было изменением более ранних ŭ и ū: при изменении ŭ в ъ, а ū в у(ы) выделялся лабиальный элемент в начале образования: ŭ → vъ, ū → vy. По славянским группам доисторического времени развивался u̯ (v) и перед ǫ в начале слова, — тоже в связи с ослаблением лабиализации в образовании этого гласного. Так было в группах, легших в основу северо-западных славянских языков, — польского, поморского: ǫtъkъ → vǫtъkъ (польск. vǫtek), ǫžь → vǫžь (польск. vǫž), ǫsy → vǫsy (польск. vǫsy), ǫtroba → vǫtroba (польск. vǫtroba) и др. [1].

Условия появления v в глаголе vęzati неясны, если видеть в этом слове корень тот же, что и в слове ǫzъkъ: чередование ę с ǫ. Но возможно полагать, что корень слова vęzati был иного происхождения, — того же, что и в имени vǫzъ: вѫзъ, съвѫзъ — „завязка, ремень" в Клоцовом сборнике, вѫзѣ (дат. ед.) — „привязь, узы" — греч. δεσμός: здесь v был не вторичного происхождения, а продолжал собою давний u̯.

§ 131. В начале слова перед сонорным r, а может быть, и перед l утрачено было у славян в доисторическое время губное образование: u̯r → r, u̯l → l.

Слав. rota — „присяга", др.-инд. vratām — „заповедь, постановление", греч. (диал.) ϝρᾶτρα — „договор";

слав. rodъ, др.-инд. vrādhant — „всходя, возвышаясь".

слав. lěska — „ореховый прут", ирланд. flesc — „прут", др.-инд. vlēškah — „петля". Впрочем, это — единственный пример для сочетания u̯l-, и полагать только на этом основании утрату u̯ перед l в начале слова нельзя с уверенностью.

i̯ — j.

§ 132. В фонетической системе славян в доисторическое время, как и в их истории, не было категорического разграничения между неслоговым i̯ и согласным j. В одних и тех же словах могло быть образование i̯ или образование с более высоким подъемом спинки языка к твердому небу, — образование, при котором получалась теснина или щель, и воздух, проходя через

[1] Более позднее явление представляет по славянским группам v перед u, o в начале слова: vulica, vovьса. Это появление связано было с особым произношением начального гласного в слове. См. соответствующие отделы в „Славянском языкознании".

эту теснину, производил трение (обычная черта артикуляции согласных): это было образование j.

i̯ или j мог быть перед гласным в начале слова и в середине его: jama (i̯ama), jarъ (i̯arъ), troje (troi̯e), struja (strui̯a)...

В других индоевропейских языках славянскому i̯ или j соответствовал i̯ или j с их заменами.

Слав. junъ, лит. jáunas, др.-инд. yúvā, лат. juvenis, гот. juggs;
слав. jego, jemu..., лит. jõ;
слав. trьje, troje (русск.), лит. trejì, др.-инд. trayāḥ.

В греческом языке i̯ более ранней фонетической стадии заменился придыханием ʽ, ʼ. Напр.: слав. именит. средн. ед. je (ježe), др.-инд. yád, греч. ὁ. Только в некоторых случаях, в начале слова, развился согласный ζ, может быть, указывающий на j (а не на i̯) более ранней фонетической системы. Слав. jьgo ⟶ igo (ĭgo), др.-инд. yugám, хет. yugan, лат. jugum, греч. ζυγόν; слав. pojasъ (po-jasъ), др.-иран. yāstō, лит. jűstas, греч. ζωστός — „опоясанный".

В языке славян неслоговой i̯ или j находился перед гласным в соответствии слоговому i, который был перед согласным и в конце слова. Так, формы наст. времени основ на -i представляли основу с таким гласным перед согласным (nosiši, chvališi...), но в форме 1 л. ед., перед гласным окончания (ǫ) основа была с i̯ (j), который палатализовал предшествующий согласный и ассимилировался с ним: chvalj-ǫ ⟶ chval'ǫ, nosj-ǫ ⟶ nošǫ и др. То же явление было представлено в причастии прош. вр. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на -i: перед гласным суффикса, перед -eno, гласный основы был i̯ (j): chvali̯-eno ⟶ ⟶ chval'eno, nosi̯-eno ⟶ nošeno...

§ 133. В славянской фонетической системе развился i̯ (j) в начале слова перед гласными переднего ряда, а также перед *a* (перед *a* в славянских языках исторического периода вторичный i̯ или j представлен непоследовательно).

Слав. i̯estь (jestь), лит. ẽsti, лат. est, греч. ἔστι, др.-инд. ásti;
слав. jętro — „печень", греч. ἔντερα — „внутренности";
слав. i̯ęti; ср. с префиксом vъz-: vъzęti;
слав. i̯ьmǫ ⟶ imǫ или ĭmǫ; ср. с префиксом vъz-: vъzьmǫ;
слав. i̯aviti, aviti; наречие i̯avė, avė; др.-инд. āvíḥ — „открыто";
слав. i̯agnьcь, agnьcь, i̯agnę; лат. agnus.

О i̯ в начале слова см. еще замечания ниже, в пункте о начале слова.

§ 134. Задненебные k, g, ch у славян в разные доисторические периоды подверглись изменению. В результате одного изменения получились палатальные согласные: č вм. k, ž вм. g, š вм. ch. В результате изменения, пережитого позднее, получились палатальные с вм. k, dž вм. g, s' вм. ch.

1) Изменение k в č, g в ž, ch в š. Это изменение происходило при таких фонетических условиях: а) в сочетании задненебного согласного с j: kj → č, gj → ž, chj → š. Такое изменение было вызвано ассимиляцией согласных k, g, ch с j: передвижкой в зону палатальную, в место образования для j. В отношении результатов этой палатализации у славян рано произошло изменение в аффрикате dž, получившейся вследствие палатализации g. Как при палатализации глухого k появилась аффриката č, так вследствие палатализации звонкого g появилась аффриката dž. Звонкая аффриката dž в разное время в речи славян утрачивала затвор. Так было у славян в давнее доисторическое время. Так было и позднее. Ниже будет отмечен такой фонетический процесс, пережитый предками восточных славян: у них tj → č, dj → dž; но dž утратил затвор: dž → ž: svěča, meža. Параллельное явление представляет судьба звонкой аффрикаты dz в отдельных славянских группах: в большинстве славянских языковых групп эта аффриката утратила затвор: dz → z: nodzě → nozě. Но в глухой аффрикате с затвор сохранен. Как видно, звонкие согласные, в частности звонкие аффрикаты, представляли более слабую артикуляцию, чем глухие.

Примеры č, ž, š вместо kj, gj, chj: sěkја (sěk- + суфф. -ja) → → sěča, tŭkja (tŭk-ja) → tъča, pritъča (корень tъk-, ср. tъkati, tъk-nǫti), suchja (souch-ja) → suša, nosja → noša

Такой же фонетический результат получился у славян вместо k, g, ch перед гласными переднего ряда. Как и другие согласные, задненебные k, g, ch в давней славянской фонетической системе подверглись палатализации перед гласными переднего ряда. В особенности значительная подвижка к палатальной зоне происходила в образованиях вместо k, g, ch: k → č, g → dž → ž, ch → š: počiti (pokoiti), kričiši, pečeši, otročę (otrokъ), ležiši, možeši, łъžь (łъgati), dъlžьnъ (dъlgъ), sušiti, myšь...

Особо отметим судьбу сочетаний kē, gē, chē, — с ē долгим: образование согласных передвинулось в ряд палатальных č, dž →

→ ž, š, а гласный ē, обусловив палатализацию предшествующего задненебного согласного, получил после этих палатальных согласных широкое образование,— образование гласного *a*: произошла диссимиляция между палатальной артикуляцией согласного и артикуляцией гласного долгого ē: čadъ, kričati, žarъ, ležati, slyšati....

§ 135. 2) Изменение k в c', g в dz', ch в s'. Когда-то в более поздний доисторический период в славянской фонетической системе обнаружилась прежняя тенденция передвижки задненебных k, g, ch в палатальную зону. Но результат этой передвижки получился не такой, который возник раньше. Теперь появились палатальные согласные c (c') вм. k, dz (dz') вм. g, s' вм. ch.

Такое изменение происходило в разное время при одном из следующих двух условий.

а) Положение k, g, ch перед гласным переднего ряда, заменившим собою более ранний дифтонг oi̯ — позднее эта замена дифтонга oi̯ получила образование гласного ě или в конце слова при особых интонационных условиях ě и i; см. выше об ě. Изменение же дифтонга oi̯ в образование переднего ряда было вызвано ассимиляционным воздействием второго элемента этого дифтонга,— i̯: oi̯ → öi̯ → ... ě (или при особых интонационных условиях в i в конце слова).

cěna (некогда, в период расцвета родового строя, это слово относилось к одному из явлений кровной мести и обозначало то, чем можно было откупиться за пролитую кровь); ср. тот же корень, в котором сочетание ōi̯ (ōj) не представляло дифтонга, а, находясь перед гласным, относилось к 2 слогам: kaję (вм. kōję), kajati — „мстить"; ср. соответствия в других индоевропейских языках того же значения: др.-иран. kāy — „платить, искупить", kaēnā — „штраф, месть", греч. ποινή — „искупление, штраф", лит. kaina — „цена".

cěstiti и čistiti в одном и том же значении. В старославянском языке переводчики применяли эти глаголы с семантической дифференциацией в соответствии различию в глаголах, употреблявшихся в переносном значении в греческом тексте: глагол оцѣсти с винительным падежом дополнения служил для перевода греческого глагола ἐξαλείφειν — „вытирать, вычеркивать, уничтожать"; глаголом же очисти в сочетании с предлогом отъ переводили греческий ἐκκαθαίρειν τί τινος — „вычищать что-нибудь от чего-либо, искоренять", καθαρίζειν — „очищать": 1) вьсѣ безаконньѣ моѣ оцѣсти

(Син. пс.) — πάσας τὰς ἀνομίας μου ἐξάλειψον; 2) отъ грѣха моего очисти мя (Син. пс.) — ἀπὸ τῆς ἁμαρτίας μου καθάρισον με. В первом слове (ocěstiti) ě из дифтонга oi̯, в другом слове (očistiti) тот же корень представлял дифтонг ei̯ или долгий ī (чередование *е — о*: ber-, bor-, bьr-, bīr-: berǫ... izbirati). Ср. соответствия в других индоевропейских языках: лит. skýstas — „тонкотекущий", др.-прусск. skīstint — „чистить". Тот же корень и в слове cěditi: восходит к koi̯d; в других языках с начальным s — skoi̯d-: латыш. skaidzs — „ясный, светлый, чистый", др.-инд. kētúḥ — „сияние, светлость". В слове cěstiti, čistъ корень koi̯d-, kei̯d-, kīd- был распространен суффиксальным элементом -t, -to; dt ⟶ st (ved-ti ⟶ vesti).

dzělo — „весьма"; лит. gailas — „резкий, быстрый", гот. gailjan — „увеселять, оживлять".

Дат.-местн. ед. основ на *-a*: rǫcě, nodzě, mušě. Ср. окончание этих форм в других индоевропейских языках — -ai: лит. rañkai, греч. χώρᾳ, лат. terrae, гот. gibai.

Именит. множ. основ на *-o*: vьlci, potoci, stodzi (stogъ), kožuši (kožuchъ). Окончание этой формы было некогда -oi̯.

Ср. ясное указание на такое окончание в других индоевропейских языках: греч. λύκοι, лит. vilkaĩ.

Повелит. (желат.) накл. tьci! — в ед. числе, tьcěte! — во множ. числе; pomodzi! — pomodzěte! Ср. соответствующее образование в греческом языке: φέροις, φέροι.

§ 136. По славянским группам доисторической эпохи k, g изменились в c, dz и в сочетании с v: kvoi̯- ⟶ kvě-, gvoi̯- ⟶ ⟶ dzvě-: cvětъ, dzvězda. Так было в группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков. Памятники старославянского языка представляют пример и с sv вм. chv: вльсви (именит. мн., в ед. вльхвъ вместо vьlchvъ). В группах, легших в основу западнославянских языков, такого изменения kv, gv не было: květъ, gvězda. Ср., напр., в чешском языке květ, hvězda, в польском языке kv'at, gv'azda.

Неодинаковость судьбы gv, kv перед ě по славянским языковым группам доисторической эпохи обусловлена была неодинаковой степенью близости в примыкании одного согласного к другому по этим языковым группам. В речи предков восточных и южных славян согласные k-v, g-v были в тесном объединении. Поэтому палатализация согласного v вызвала палатализацию и в согласном k (g). В речи этих славян были тесно объединены и артикуляции tl, dl. А такое близкое объединение t (d)

с l повело к замене их одним плавным l (ł): radło ⟶ rało, pletła ⟶ ⟶ pleła. В речи предков западных славян не было такого близкого примыкания k(g) к v. Поэтому палатализация согласного v перед ė не отразилась на изменении согласного v. Такое свободное примыкание представляла речь этих славян и в сочетании tl (dl). Поэтому оно не подверглось изменению в l (ł): radło, pletła.

Тесного объединения в артикуляции сочетаний kv, gv с гласным в речи предков южных и восточных славян не было в ранний период доисторической эпохи, — не было тогда, когда актуален был процесс изменения k в č, g в dž (⟶ ž), ch в š перед гласным переднего ряда. О ст.-славянской звательной форме вльците см. ниже, в конце этого пункта. Поэтому сочетания kvĭt-, kvīt- оставались без изменения в отношении согласного k. В период более поздний, — в период, когда появился новый гласный переднего ряда вследствие изменения дифтонга oi̯ (ė), в это время фонетическая система предков южных и восточных славян представляла тесное объединение сочетаний kv, gv с гласным. Поэтому kv, gv перед гласным переднего ряда, появившимся вместо oi̯, изменились в этой системе в cv, dzv: cvėtъ, dzvězda. Такой же результат в изменении kv, gv получился и перед другими гласными переднего ряда: kvĭt- ⟶ cvьt- (ǫ) (1 л. ед. наст. вр.), cvitati: ст.-сл. процвьтѫ, процвисти, украинск. цвиту́, цві́сти, серб.-хорв. cvàtēm, cvàsti; но чешск. kvísti; польск. kviść. Мы не можем объяснять cv в словах cvьtėti, cvitati тем, что на звуковом виде глагольных форм отразилось воздействие именных форм с cvėt, — отразилось в обобщении сочетания cv (вместо kv-: kvĭt-): изменение kvė-, gvė- в cvė-, dzvė- вызвано было не особенностью в образовании гласного ė по сравнению с i или ь, а палатализующим воздействием гласного ė, как гласного переднего ряда; такое же воздействие в этом сочетании производили и другие гласные переднего ряда, ĭ, ī. Такого же происхождения cv в глаголе cvėliti, cviliti — „плакать", „заставлять плакать", „стонать": — Сестра твоя оумираючи велѣла мь та поити за са; тако рекла: ать нила (женщина) дѣтии не цвѣлить (Ипатьевский спис. летоп., под 6770 г.); люто бо бѣаше, яко и дѣтищю цвилити (Слова Григория Богосл., XI в.); русск. цвѣли́ть — „мучить", „заставлять плакать", болг. цвѝля — „жаловаться", „ржать", сербо-хорв. cviljeti — „сетовать", словин. cvíliti — „пищать", „визжать"; но в чешском kvíliti — „визжать", „вопить"; польск. kvilić — „плакать", „виз-

жать". Имеются в русских и украинских говорах слова, корень которых представлен в виде квил-, квѣл-: русск. квилить, квѣлить, украинск. квилити — „стонать", квил — „стон". Наличие к в этих словах обязано значению этих слов, — слов звукоподражательных. В таких словах в разных языках часто являются задненебные согласные.

Еще в большей степени выражен ономатопоэтический элемент в глаголе kvičati — „пищать", „щебетать", „визжать": и слоногоую же оустрашають ярость малаю квичащаю свиниа (родит. ед.) поросята (из Слова Георгия Писида, по русск. рукоп. XVI в.). Но и *цв-*: не имамъ оставити его и цвькнути (житие Федора Сикейского, по русск. рукоп. XVI в.). С kv этот глагол передается и в южных слав. языках: болг. квичá — „визжать", сербо-хорв. kvíčati, словин. kvíčati, но и cvíčati.

Этот глагол применялся с ономатопоэтическим элементом kv чаще, чем с результатом изменения kv в cv — перед гласным переднего ряда. Ономатопоэтический элемент преобладал в этом глаголе. Тем же звуковым средством он выражался и в других языках, например, в литовском kvýkti — „визжать", в немецком quieken. То же значение представляло это сочетание и в глаголе kvakati — „квакать", „гоготать".

Ономатопоэтический фактор отразился и на словах с gv, передающих сильные звуки. В южных и восточных славянских языках такие слова представляют корень не только с dzv (→ zv) перед гласным переднего ряда, но и с gv — в таком положении. Так и в глаголе со значением „свистеть": zviždati, gvizdati. Употреблялся у славян издавна и другой глагол со значением „свистеть": svistati, существ. svistъ. Параллельный вариант к zvizdati, gvizdati представлен в русских говорах в отношении „свистать": свистать — хвистать...

В старославянском языке были слова скврьна, скврьность, скврьнити. Сочетание рь в корне этих слов представляло замену более раннего сочетания -ьr-: skvьrn. Изменение kv (skv) в cv (scv) в этом сочетании не происходило потому, что носителем слога тут был плавный r̥; в этом сочетании, перед твердым зубным согласным (n) он был твердым (sk-vьr̥na), а гласный ь представлял неслогообразующую, скользящую артикуляцию гласного переднего ряда, — артикуляцию, которая не палатализовала предшествующего сочетания kv так, как палатализовали слогообразующие гласные переднего ряда.

В старославянской Супрасльской рукописи находится звательная форма влъшве. Но это — вторичное образование, по образцу форм, в которых было чередование ch и š: доухъ — доуше и т. п.

§ 137. Фонетическая тенденция передвигать образование в палатальную зону вместо задненебных k, g действовала и в первые века н. э. Передача заимствованных слов с k, g перед гласными переднего ряда свидетельствует об этом.

Имеется несколько заимствованных слов с *c* (*ц*) вместо *к* перед гласным переднего ряда. В этом *ц* видят отражение славянского фонетического процесса изменения *k'* в *c* (*ц*) или славянскую субституцию — подстановку согласного *c* на место иноязычного *k'*. Слова с таким *c* (*ц*) объясняют заимствованием от германцев, а к германцам пришли они из романской среды, пришли тогда, когда в языке ее не было еще изменения *k* в *c* перед гласным переднего ряда: лат. caesar, гот. kaisar или kaisāreis, лат. acetum, гот. akeit; лат. centum (в значении centenionalis) $= \frac{1}{100}$ libra $= \frac{1}{3}$ as или народно-лат. quintus (в значении quinarius) $= 5$ римским asses $= \frac{1}{2}$ denarius, гот. kintus. У славян соответствующие слова — заимствования переданы были с *c* (*ц*): ст.-сл. цѣсар'ь, цѣсар'ьство, цѣсар'ьствие, цѣсар'ьствовати. Имя cěsar'ь пережило редукцию в языке южных и восточных славян: цѣсар'ь ⟶ цьсар'ь ⟶ цар'. Другие слова: оцьтъ („уксус"), цата („мелкая монета").

Представленное выше объяснение заимствованных славянских слов с *ц* сомнительно. Сомнение вызывается тем, что в IX—XI вв. у славян иначе передавался мягкий *k'* (*g'*) в заимствованных словах,— передавался посредством *č* (*ž*). Такая передача мягкого *k'* была не случайной субституцией для мягкого *k'*, а вызвана была близостью артикуляции *k'* к артикуляции славянского *ć*. Эта близость отражалась по славянским диалектам и в более позднее время. Так было, например, по говорам словинского языка: róče вм. roke (вин. множ.— „руки"), číslo вм. kíselo и др. Артикуляция славянского согласного *c* (*ц*) была дальше от артикуляции *k'*, чем *č*. Нигде в славянской фонетике не происходило изменения *k'* в *c* в позднее время. О замене согласного *k'* (*g'*) посредством *č* (*ž*) свидетельствует много собственных имен, восходящих к VIII—IX—XI вв.

Эти имена были отмечены выше, в вводном отделе, § 9: Ничипоръ — греч. Νικηφόρος, Чуприjанъ—Κυπριάνος, Чурило — Κύριλλος,

Чуръ — Κόριος, Κόρ, Чуриjакъ—Κοριακός, Чурикъ—Κορυξ (вм. Κήρυξ), Ижера — финск. Inger, Селижар[овка] — ср. эстонск. Sār'gjärv.

В старославянском языке отразилось и новое явление славянской фонетической системы 2-й половины IX в: возможность артикуляции мягкого *k'*: к'едръ, пар̂ск'евьг'н а. С таким согласным к' в старославянском языке было представлено и слово для названия римского императора к'есар'ь, греч. *καῖσαρ* (лат. caesar).

Различие в передаче слов с *k'* посредством *с* (*ц*) и *č* нет основания объяснять разными периодами заимствования: к более раннему времени относятся слова с *с* (*ц*), к более позднему с *č*. Эти периоды заимствований не были настолько отдалены один от другого, чтобы можно было полагать значительное различие в фонетической системе этих периодов.

Полагаем, заимствованные слова с *с* (*ц*) не представляют собою ни фонетического изменения у славян *k'* в *с*, ни славянской субституции. В таком звуковом образовании, с *с* (*ц*), славяне слышали эти слова в романской балканской среде. По романским группам на Балканском полуострове в VI в. был уже представлен результат изменения *k'* в *с*, как указывают на это названия мест, переданные в греческом сочинении Прокопия (VI в.): *Μουτζιάνι κάστελλον* около Ниша, *Λούτζολο* (Luciolo) около Remesiana в Верхней Мизии (где ныне Белая Паланка).

Через романскую среду прошло и народногреческое слово *κυρικόν* (вм. *κυριακόν* — „принадлежащее господу, храм"), слав. сьrky, ст.-сл. цръкы. В славянских областях на северо-западе, в Крайне, в Штирии, Каринтии, в Паннонии, Моравии и в других краях, на передаче этого слова могло отразиться немецкое посредство. На это посредство указывает гласный i перед r. В таком звуковом сочетании это слово было в старочешском языке (cierkev), в старопольском (cyrk'ew). Моравизмом является -ир- в слове цирькъвь, как это отразилось в Киевских листках (цирькъве) и в Синайской псалтыри (цѵрькъвь); cirkuvah находится и в Фрейзингенских отрывках X—XI вв., — в памятнике с чертами словинского языка. С гласным i это слово представлено и в современных кайкавских говорах Хорватии, а также в восточнословинских (cirkva). С гласным i это слово обязано было верхненемецкому воздействию: др.-верхн.-нем. kiricha, chiricha.

§ 138. Другое условие для изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š* заключалось в ассимиляционном воздействии пред-

шествующего гласного переднего ряда. Под таким воздействием происходила передвижка образования для k, g, ch в зону палатальную: *k → ć*, *g → dź*, *ch → ś*. В той или иной степени такая передвижка в палатальную зону под воздействием предшествующих гласных переднего ряда и мягких согласных происходила и позднее в некоторых славянских группах. Ср. в русских диалектах — -jka → jk'a, -n'ka → n'k'a: gaj-k'a, rajk'y, Ван'к'а, Вас'к'а, Волот'к'а. Ср. в болгарских говорах (преимущественно западных): majk'a (вм. маjка — „мать"), л'ул'к'а, сен'к'а — „тень" и др. Ср. и поздний процесс у поморских словинцев: *k*, *g*, *ch* смягчились после гласных переднего ряда e, ė, i, ĭ: sneg', grěch', bĭk', rek' вм. rek из rakъ (ra → re). То же явление представляет фонетика тюркских и некоторых других языков. Напр., турецкие düšek' — „матрац, постель", gümrük' — „таможня, пошлина", k'östek' — „цепь, тормоз". Примеры славянские доисторической эпохи: liko → lice, děvika → děvića, ovĭka → ovьća, otĭka (родит. ед.) → otьća, otьću, но звательная форма еще раньше имела звуковой вид такой: otьče; polьdźa, stьdźa, vьśa, vьśe, vьśь, zajęćь, klićati, dvidźati, sędźati — osędźati — „осязать" и др.

Фонетическая тенденция *k → c'*, *g → dz'* после гласных переднего ряда была актуальна и в поздний доисторический период, в первые века н. э., в период встреч и взаимоотношений с германскими народами: германские слова с -ing передавались славянами с конечными звуками: -ędźь: kъnędźь — герм. küning; pěnędźь — герм. phenning.

Старославянские памятники представляют ряд примеров итеративных глаголов на -ати, в которых находятся ц и ѕ (dź) не только после и (i), ѧ, но и после рь (доисторич. ьr̥): мрьцати, трьѕати и др. Неясно, в результате ли фонетического процесса появились эти глаголы с dź после ьr̥ или они вызваны влиянием ряда итеративных глаголов на -ицати, -ѧѕати: въсклицати, нарицати, осѧѕати... На возможность фонетического результата может указывать *c* (ц) после ьr в таком имени: zьrcadło → zьrcało, но и zьrkało.

В ряде слов не представлено изменения *k* в *ć*, *g* в *dź*, *ch* в *ś*.

а) Не происходило палатализующего воздействия гласного переднего ряда на следовавший за ними *k*, *g*, *ch*, если за этим согласным находился другой согласный: mьgła, mьgnǫti, stьgna — „дорога, улица, переулок", sęgnǫti, kliknǫti, męknǫti, vьchrъ. С этим сравните отсутствие изменения *s → ch*, если *s* был в сочетании с согласным: blěskъ, istina, kryste (аор.).

б) Можно полагать, что не происходило палатализующего воздействия гласного переднего ряда на следовавшие за ним k, g, ch, если за этим согласным были гласные *ъ, у (ы)*: kъ, ky, gъ, gy, chъ, chy: mękъkъ, tęgъkъ (ср. глагол olęgъčiti), lьgyn'i („легкость"), kъnęgyni. В этом положении, перед *ъ, у (ы)*, согласные k, g, ch произносились с активным участием губ, а лабиализованное образование этих согласных удерживало их от передвижки в палатальную зону. На то, что лабиальный элемент был представлен в сочетаниях kъ, ky, gъ, gy, chъ, chy, может указывать следующее явление: перед славянским u (из oụ) в начале слова не появлялось губное сужение (ụ или v), а перед *ъ, у (ы)*, получившимися из ŭ, ū, был представлен v: vъpiti, vykhǫti (см. выше). При переходе лабиального гласного в нелабиальный (ŭ → ъ, ū → y) выделился лабиальный элемент, который в начале слова имел отдельную артикуляцию, а в сочетаниях kъ, ky, gъ, gy, chъ, chy этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию задненебного.

В формах имен происходило обобщение основ с задненебным согласным или с палатальным согласным. Так:

Им. liko → lice
Род. lika → lica
Дат. liku → licu

С *c* (*ц*) и родит. множ. числа: licь вместо likъ.

Им. polьga → polьdźa
Вин. polьgǫ → polьdźǫ
Род. polьgy.

Вследствие обобщения основы по всем формам проведена или основа с dź: poldьźa, polьdzě (polьdźę) — родит. ед., или все формы стали образовываться с основой на g: polьga, polьgy... (Ср. по диалектам русского языка: пол'з'а — в одних, на севере, пол'га — в других). Так и в местоимении vьśego, vьśemu, vьśa... Так и vьs'ь вм. vьchъ. Но были славянские группы, в которых обобщалась основа с ch: vьchъ, vьcha, vьchǫ... Так было по говорам, легшим в основу севернорусской группы. Еще в XII в. в Новгородском крае были формы вьха, вьхоу: вьхоу тоу землю хоутиньскоую во вкладной Варлаама Хутынского (1192—1207 г.). Позднее, под влиянием соседних говоров, имевших формы этого местоимения с *с'*, вышли там из употребления формы с *х*.

Сочетания согласных с j.

§ 139. В фонетике славян доисторической эпохи одним из ранних процессов была ассимиляция согласного со следовавшим j или i̯. Этот процесс весьма значительно отразился в славянской фонетической системе. Полагаем, этот процесс проходил таким образом. Во всех сочетаниях пережито ассимилирующее воздействие j на предшествующий согласный. При ассимиляции задненебных место артикуляции языка подвигалось вперед, к области палатальной, т. е. к образованию j, а при изменении небно-зубных согласных место артикуляции языка отодвигалось назад, тоже к месту образования j. Затем происходила ассимиляция j с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки: получались палатальные аффрикаты или палатальные долгие согласные:

kj → k’j → č; gj → g’j → dž → ž̄; chj → ch’j → š; nj → n’j → n̄’;
rj → r’j → r̄’; lj → l’j → l̄’; sj → s’j → š̄; zj → z’j → ž̄;
tj → t’j → t̄’; dj → d’j → d̄’.

В дальнейшем происходило сокращение долготы согласных. Долгие согласные n̄’, r̄’, l̄’, š̄, ž̄ (сонорные и фрикативные) утрачивали долготу без изменения в укладе языка: kon’a (род. ед.), vol’a, mor’e, noša, vožǫ. Затворные же палатальные согласные долгие t̄’, d̄’ утрачивали долготу иначе: взрыв сопровождался легким фрикативным элементом ^{š}, ^{ž} или ^{ś}, ^{ź}: 1) t̄’ → t’^{š}; d̄’ → d’^{ž}; 2) t̄’ → t’^{ś}; d̄’ → d’^{ź}. Первого вида изменение было свойственно тем группам, которые легли в основу восточной и южной славянских групп, а второго вида изменение происходило у предков западных славянских групп.

svėtja → svėt̄’a → svėt’^{š}a
svėtja → svėt̄’a → svėt’^{ś}a.

mėdja → med̄’a → med’^{ž}a
mėdja → med̄’a → med’^{ź}a.

§ 140. Процесс ассимиляции губных согласных с j заключался в осложнении губной артикуляции артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты этой ассимиляции были неодинаковы в начале слова и не в начале его. Именно, в начале слова перед гласным язычная артикуляция

отстала от губной артикуляции; подъем языка был высокий; получился мягкий согласный l'. Итак, mj + гласный → ml' + гласный; pj + гласный → pl' + гласный; bj + гласный → bl' + гласный; vj + гласный → vl' + гласный: pjou̯- → pl'u- (pl'ujǫ); ср. лит. spiáuju; beu̯d- → bjud- → bl'ud- (bl'udǫ), ср. греч. πεύθομαι. Так было по всей славянской области. Но не в начальном слоге конечный результат изменения — губн. согл. + j перед гласным был неодинаков по славянским группам. В восточных и южных славянских языках zeml'a вм. zemja. Западнославянские языки издавна не имеют l' в этом положении: zem'a. Неясно, был ли когда-нибудь в этих языках l' не в начале слова. Памятники письменности на западнославянских языках идут от XIII—XIV вв. Может быть, l' не в начале слова был и в языке этих славян. Но к XII—XIII вв. он был утрачен, как утрачен он был в болгарском языке во 2-й половине X — в XI вв. (см. в отделе о процессах этого языка). Но возможно, что в языке предков западных славян и не появлялся j не в начале слова: zemja → → zem'a.

§ 141. Судьба сочетаний skj, zgj. В группах skj, zgj заднепебный согласный в сочетании с j изменился в č, dž в связи с процессом изменения kj, gj. Согласные s, z ассимилировались с шипящими š, ž, находившимися в составе аффрикат č, dž. Итак, skj → šč, zgj → ždž. Такой же результат получился и вместо sk, sg перед гласным переднего ряда: dъždžь; ср. лит. duzgěti — „глухо звучать"; iščeši, ср. iskati.

stj, zdj. Когда вместо tj, dj стали произноситься t'j, d'j и далее t̄', d̄', то в сочетаниях st̄'j (st̄'), zd'j (zd̄') согласные s, z ассимилировались со следовавшими за ними дорсально-палатальными образованиями. Результат ассимиляции был такой же, какой получался в процессе ассимиляции s, z перед j, n', l': вм. s, z появились палатальные š, ž: nosjǫ → nošǫ; vъzl'ubiti → vъžl'ubiti; myśl'ǫ → myšl'ǫ; myśl'enъ → myšl'enъ; sъblazniti, но: sъblažn'ati.

Дальнейшее изменение: št̄' → št'ˢ → št'š; žd̄' → žd'ᶻ → žd'ž. Фрикативный элемент, развившийся за взрывом, был одинаков по всем славянским группам: он был из ряда шипящих. Это однообразие обусловлено было воздействием предшествующих шипящих š, ž: jěždžǫ, ср. jězditi; tъšča (tъšt'ša) вм. tъstja, ср. tъstь; pušča вм. pustja.

§ 142. Выше в §§ 134, 141 было указано происхождение палатальных č, ž, š:

1) č вм. kj и вм. k перед гласным переднего ряда (e, i, ę ь),

ž вм. gj, zj и вм. g перед гласным переднего ряда;

š вм. chj, sj и вм. ch перед гласным переднего ряда. Примеры см. выше.

2) ž, š появились также вместо z, s перед палатальными l', n': vъžl'ubiti вм. vъzl'ubiti; sъbłažn'ati, myšl'eno.

§ 142a. sk-|| k-.

В давней системе индоевропейских языков было сочетание sq (sqh, sk'), в начале слова чередовавшееся с q (qh, k'). Такое чередование было и в языке славян. Например:

kep-, koip-||skep-, skēp-, skeip-, skīp-: čep-, cěp-||ščep-, ščap-, ščip-,: cěpiti — „колоть", cěpъ — „палка", ščepa, ščapa, ščipati. Ср. греч. σκέπαρνος — „топор", σκίπων — „палка", лит. skẽpsnė — „кусок материала".

koir-||sker- — „отделять, резать": cěr-||ščer-: cěriti — „скалить зубы", ščeriti — в том же значении. Ср. греч. κείρω — „стригу, режу", лит. skìrti — „отделять, резать".

kerz-→čerz-, kъrz-||skъrz-, skroz-: русск. через, болг. кръз вм. kr̥z из kъrzъ, серб. kroz, словацк. kroz, украин. кріз; чешск. skrz („через"), русск. скрозь, украин. скрізь, польск. skros'. Ср. лит. skẽrsas — „поперечный", skradžas — „сквозной".

В славянской группе было больше слов с к-, чем в близкой к ней литовской.

čistъ, cěditi, лит. skýstas — „тонкотекущий", skáistas—„светлый, блестящий".

kridło — kriło — лит. skrīlti — „летать изгибами, двигаться кругообразно".

Группы согласных.

§ 142б. В славянской фонетической системе доисторического времени не было долгих согласных. Если встречались одинаковые образования согласных, то долгота утрачивалась посредством диссимиляции (при затворном долгом) или посредством сокращения (при фрикативном долгом согласном).

а) tt (вместо tt и dt) диссимилировалось в st: metti→mesti; наст. вр. metǫ, meteši...

čītti- (čīt-tī) → čьstь — „честь", корень čьt-, sъčitati — „считать"; это слово, как и cena, применялось в период расцвета родового строя в практике кровной мести: čьstь — то, что́ высчитывалось за пролитую кровь; соответствующее явление представляли и другие народы: ср. у греков τιμή — „цена, плата, месть", позднее „честь"; глагол τιμάω — „оцениваю, определяю размер штрафа, мщу" и позднее „чту, почитаю".

vedti → vesti; наст. вр. vedǫ, vedėsi...

Такой же процесс диссимиляции tt был пережит и в литовском языке: vèsti, наст. vedù.

б) ss ассимилировалось в s:

2 л. ед. i̯essi (основа -es-, окончание -si) → i̯esi (jesi).

Такое же явление пережито было и другими индоевропейскими группами: др.-инд. asi, др.-иран. ahi, греч. аттическ. εἶ; но в греч. гомеровском дорическом ἐσσί.

Другие славянские примеры представлены формами сигматического аориста с инфинитивной основой на s, z: nes-, vez-, — 1 л. ед. nēsson → nėsъ, vēzson → vėsъ, 3 л. множ. nēssīnt (īnt вм. -n̥t) → nėsę, vėsę.

§ 143. Некоторые группы согласных неодинакового образования также подверглись изменению. Отметим следующие сочетания.

1) Сочетания из двух согласных, из которых вторым был t:

pt > t
bt > t

tepti → teti — „ударять"; наст. вр. tepǫ...

grebti → greti; grebǫ, grebeši...; pogrėbati;

delbto или dolbto → delto, dolto; южнослав. dlėto, dlato, русск. *долото*; корень delb-, dolb-, чередовавшийся с dьlb-: dьlbiti; — русск. долбит';

kt перед гласным заднего ряда и перед y (ы) → t:

lekto → letъ — „лет, полет"; от этого имени образован инфинитив letėti; на -kt указывают параллели других индоевропейских языков: *лит.* lė̃kti — *„летать"*, *греч.* *λακτίζω* — *„выпускаю"*;

plekto- → pletъ, plokto- → plotъ; лат. plecto, др.-верхн.-нем. flihtu, греч. πλέκω — „плету", πλεκτή — „сеть, веревка";

pętъ — „пятый"; от этого порядкового числительного образовано и количественное pętь; лит. peñktas, лат. quintus из quinctus.

Может быть kt было в potъ — „пот (потеть)", если корень тут был рок-, чередовавшийся с рек-: pekǫ, pečeši...

Такое же изменение сочетания kt происходило в истории итальянского языка: латинскому actus („сделанный") соответствует итальянское atto (āto), латинскому strictus („туго стянутый") — итальянское stretto. В славянской фонетической системе давнего времени не было долгих согласных. Поэтому сочетание kt заменилось посредством t обычного образования.

Перед гласным переднего ряда судьба kt (из kt и из gt) была иная. В этом положении, перед гласным переднего ряда, согласный t был палатализован. Перед палатализованным („мягким") согласным артикуляция для k передвигалась в палатальную зону, как это было перед j и перед гласными переднего ряда. Вследствие передвижки вперед получилось образование палатального t': kt' → t't'. Таким образом, получилось образование t't', ассимилировавшееся в долгий палатальный t̄'. Долгота палатального затвора утрачивалась так, что при отворе развивался длительный фрикативный элемент, неодинаковый по славянским группам: š — в одних, ś — в других — t̄' → t͡'š / t͡'ś. Т. е. происходило то же, что с t̄' вместо давнего tj.

noktĭ → not̄'ь → not͡'šь, ст.-слав. нощь, русск. ночь,
→ not͡'śь зап.-слав. пос(ь); лит. naktis, лат. пох (родит. ед. noctis);

dŭktēr- (dŭktěr-) → dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt͡'ši (dъt͡'šer-), ст.-слав. дъщи (дъщер-), русск. дъчи (дъчер-) → дочи...;

dъt̄'i (dъt̄'er-) → dъt͡'śi (dъt͡'śer-), зап.-слав. dъci (dъcer-) → → dci (dcer-); лит. duktē̃ (родит. ед. dukteȓs), гот. daúhtar, греч. θυγάτηρ;

pekti → pet̄'i, ст.-слав. пещи, русск. печи — печь,зап .-слав. pec[i]; mogti → mokti → mot̄'i, ст.-слав. мощи, русск. мочи → мочь — помочь, зап.-слав. moc[i].

2) Сочетание двух согласных, из которых вторым был -n:

tn, dn, pn, bn → n

osvьtnǫti ⟶ osvьnǫti — „засветить, рассветать“, корень svьt-, чередовавшийся с svět-;

vędnǫti ⟶ vęnǫti — „вянуть“; ср. uvędati;

prędnǫti ⟶ pręnǫti — „воспрянуть“; корень pręd-; prędati — „трясти“. Ср. в Супр. рук.: съвлѣкъше („раздев“) бездарьствьнаего пакы снъте („бейте“) да въспрянжвъ повинетъ са (53).

sŭpno- — sъпъ; корень sъp- (вм. sŭp-): sъpati; греч. ὕπνος (ʽ вместо σ);

kapnǫti ⟶ kanǫti; kapati, kapja — kapl'a;

topnǫti ⟶ tonǫti; topnja ⟶ ton'a; topiti, utopati;

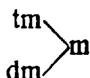
gybnǫti ⟶ gynǫti; gъbnǫti ⟶ gъnǫti; корень gub-, gyb-, gъb-: gubiti, gybati, gybělь.

dŭbno ⟶ dъno; ср. лит. dubùs — „глубокий, пустой“.

В истории славянских языков актуальны были глагольные образования с суффиксом nǫ (с той или иной заменой гласного ǫ). В особенности же часто применялся этот суффикс в истории западнославянских языков. В разное время по славянским языкам происходили новые образования с nǫ (с его заменой). В числе этих новообразований были и такие, в которых заменитель суффикса nǫ присоединялся к глагольному корню на губной или на небно-зубной согласный t, d: русск. гиб-нуть, кап-нуть, лип-нуть, зяб-нуть, чешск. kap-nouti (имеется и старое kanouti), словацк. trpnut' („потерпеть“), польск. żęb-nąć, stop-nąć и др. Нового образования и западнославянские глаголы с nǫ после t, d: чешск. zvadnouti („увянуть“), sednouti, моравско-словацк. čtnūt', словацк. kvitnūt' и др.; польск. kvitnąć, v'ędnąć. Гласный i в корне таких глаголов, как kvitnąć, ясно указывает, что это образование вторично, от звукового вида глагола итеративного значения, где был издавна гласный ī, как удлинение гласного ĭ (или ь) корня глагола с неитеративным значением: kvitati, sъvitati, lipati — при глаголах совершенного вида: kvьnǫti, svьnǫti, lьnǫti. Но некоторые глаголы с суффиксом nǫ оставались в прежнем звуковом виде: польск. kinąc, chłonąc при новом chłódnąć (ср. гласный ó в новообразовании), старочешск. hlenūti (nahlengete sem do hrobu — „посмотрите сюда в могилу“, рукопись начала XV в.); panūti (panet a zhyne — „упадет и погибнет“, рукопись начала XV в. См. примеры в книге J. Gebauer'a, Historická mluvnice jazyka českého. I. Praha, 1894, стр. 410). На то, что и в речи предков западных славян был пережит процесс изменения pn(bn) в n, указывает и чешский глагол oslnouti вм. oslьpnǫti и

польский глагол olśnqć — „ослепнуть". В таком звуковом виде этот глагол датируется польскою письменностью от XVI в. вместо более раннего osl'nqć, а это представляло собою фонетическую замену давнего oslьnqti,— образование, в котором корень был на ступени редукции: o-slьp-nq-ti; pn ⟶ n. Ср. полную ступень этого корня: slěp-. Ср. такое же чередование světъ — svьtnqti ⟶ svьnqti и др. И наконец, ни один западнославянский язык не представляет pn в имени sъpnъ ⟶ sъnъ („сон"), потому что рано это имя утратило этимологическую связь с видом корня sъp- в глагольных образованиях sъp-a-ti.

3) Сочетания двух согласных, из которых вторым был m:

vertmę ⟶ vermę: южн.-слав. vrěmę, др.-русск. верем'а, корень vert-, чередовавшийся с vort-, vьrt-; verteno: русск. веретено; vortiti: южно-слав. vratiti, русск. воротить;

1 л. ед. dadmĭ ⟶ damь, 2 л. мн. dadite, 3 л. мн. dadętь;

roudmēno ⟶ rumenъ; корень rud- — „красный"; ruda;

pledmēn ⟶ plemę; корень pled-, чередовавшийся с plod- (plodъ, ploditi).

§ 144. Особое замечание о sedmь-semь, польск.-кашуб. setmь. Славянские языки представляют это числительное в таком виде: русск. семь — семой, русск. литер. седьмой, украин. сім, польск. śedm — śedmy, но в севернопольских говорах s'ètem — s'òdmi; в северно-кашубских говорах — sètäm, sètmə,— порядков. sòdmi; чешск. sedm (по говорам sedem, sedum),— порядков. sedmý; болг. седъм, по говорам седем, в центральной и западной Македонии седом, седум,— порядков. се́дми; сербо-хорв. sedam — sȇdmī. В старославянском седмь,— порядков. седмъ.

Чем вызваны наличие группы dm и неодинаковость звукового вида основы в количественном числительном по сравнению с порядковым в сев.-польских и кашубских говорах (-tm в количественном, -dm в порядковом)?

Наличие t в количественном числительном при d в порядковом — это давнее явление. Ту же дифференциацию представляет и греческий язык: ἑπτά — ἕβδομος. С согласным t это числительное и в латинском (septem), и в литовском (septyni), и в др.-индийском (sapta).

Возможно полагать, что в давнее время у славян было то же отношение, как и в греческом: septmĭ,— порядк. sebdĭmo. Сочетание septmĭ изменилось фонетически в semь; сочетание sebdĭmo изменилось в sedьmъ. К сочетанию semь восходят русское семь, украинское сім. У славян на ряде количественных числительных отразилось влияние порядковых: pętь, с t, как в pętъ (а не с заменою kt' перед гласным переднего ряда); osmь, с m, как osmъ (иначе не было бы m в количественном); šestь, devętь, desętь с t, как šestъ, devętъ, desętъ (иначе не было бы t в количественном: ср. греч. δέκα, др.-инд. daça и др.). Такое же воздействие отражалось в разное время по славянским группам и на числительном „7". В говорах, легших в основу поморских и близких к ним севернопольских групп, еще до ассимиляции tm появилось setьmь, с -ьm-, как sedьmь (порядков.). (Сев.-кашуб. sétām, sétmə, сев.-польск. sétem с основой косвенных падежей: setьmi ⟶ setmi; em или mə появилось вместо m в конце слова после согласного: setm.)

И в другом направлении действовало порядковое числительное: основа с d переносилась и в образование количественного числительного. Так в польском, чешском, в южнославянских языках. Старославянский язык указывает, что уже во второй половине IX в. были сочетания седмь — седмъ. При этом ь отсутствовал не только в количественном, но и в порядковом числительном. Утрата ь в этих сочетаниях произошла рано, как и в некоторых других словах,— в наречиях, в словах-обращениях.

Восточнославянское семыј ⟶ семоj (русск.) — вторичного происхождения, в связи с количественным числительным семь. В XI — XII вв. уже существовали у восточных славян семь — семъıи (примеры в Остромиров. ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Григория Назианзина XI в. и др.).

§ 145. tl: 1) tl, 2) tl ⟶ l;
dl: 1) dl, 2) dl ⟶ l.

В одних славянских группах доисторического времени tl, dl ⟶ l. Так было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков. В тех же группах kvě- ⟶ cvě-, gvě- ⟶ dzvě-: cvětъ, dzvězda.

В других славянских группах,— в тех, которые легли в основу западнославянских языков, tl, dl оставались без изменения.

В тех же группах не изменились и kvě-, gvě-. Повидимому, в образовании tl, dl, kv, gv примыкание артикуляции первого согласного ко второму не было в этих группах таким близким, входящим в образование другого согласного, каким оно (примыкание в tl, dl, kv, gv) было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков:

gъrdło — gъrło; vedła — veła; padła — pała; metła — meła (наст. вр. metǫ, meteši...).

В литовском языке также произошло изменение в сочетании tl, но изменение в ином направлении по сравнению со славянским: tl → kl: лит. gurklỹs, слав. gъrdło. В таком же направлении происходило изменение dl, tl в отдельных славянских группах,— изменение позднейшее. Так, в Псковском крае в XIV — XVI вв. повєгли, соустрѣкли — вместо вторичных образований — поведли, сустрѣтли, по образцу других форм с этими согласными: повед-ен, вед-у, стрѣт-ил... Так изменилось dl и в кашубских говорах: žądło — „жало" [1], mgłâc вм. mdłâć — „млеть".

§ 146. 5) ts, ds, ps, bs → s

1 л. ед. сигматического аориста čītson → čisъ; наст. čьtǫ, čьteši.

1 л. ед. сигматического аориста vēdson → vėsъ; наст. vedǫ.

2 л. ед. наст. dadsi → dasi, kondso → kǫsъ — „кусок"; корень kond-, с формантом so; лит. kándu — „кусаю".

1 л. ед. сигматического аориста grēbson → grėsъ; наст. grebǫ; osa, лит. vapsà, др.-верхн.-нем. wafsa.

ks (gs) → kch → ch
[kst → st]

1 л. ед. сигматического аориста rēkson → rěchъ; но 2 л. мн. rěste;

1 л. těchъ (tēk-ch-); velk-ch → ст.-сл. влѣх-[ъ];

1 л. ед. сигматического аориста žachъ, но 2 л. мн. žaste, наст. вр. žegǫ.

---

[1] Псковское „жагло" сюда не относится: здесь корень жег- и суффикс -лъ, как и в болгарском слове того же происхождения и значения „жегло", „жегъл". Подробнее см. „Славянское языкознание", I, стр. 302.

§ 147. 6) bv → b.

obvortiti → obortiti: южн.-слав. obratiti, русск. оборот; obvelkati, obvolčiti → obelkati, obolčiti: южн.-слав. oblěkati, obłačiti, русск. оболочит' (сев.-русск.), оболочка; obvolko → obolko: южн.-слав. obłako, русск. оболоко (диал.); obvoldtĭ (tĭ — суффикс) → obolstь: южн.-слав. obłastь; ob-vitati → obitati — „жить где-нибудь", obitélь — „жилище". Ср. значение глагола vitati в старославянских текстах: I бываетъ древо; ѣко прити птицамъ небеськыимъ і витати на вѣтьхъ его (Матф., XIII, 32; Зогр. код.); но ср. параллель Луки, XIII, 19: I бысть древо велье. I птица небескыѩ вьселишѧсѧ въ вѣтви его (Зогр. код.).

7) kvě ↗ cvě ↘ kvě   gvě ↗ dzvě ↘ gvě

květъ, gvězda — западнославянские группы; cvětъ, dzvězda (zvězda) — южнославянские и восточнославянские группы. Ст.-слав. цвѣтъ, ѕвѣзда, русск. цвѣт, звѣзда; чешск. květ, hvězda, польск. kv'at, gv'azda.

8) dg → g.

voidgolso- → věgolsъ: южн.-слав. věgłasъ — „сведущий", nevěgłasъ — „невежественный человек".

9) Сочетания из трех согласных:

skn → sn: plesknǫti → plesnǫti; toiskno → tęsnъ;

kst → st: rēkste → rěste.

skl, skr, skv, stv, str.

В фонетической системе славян были сочетания skl, skr, skv, stv, str: ст.-сл. истасклъ — „отощавший", iskra — ĭskra, skrebǫ, skvozě, суффикс -stvo (-ьstvo): otьčьstvo, mъnožьstvo.

str. Это сочетание было разного происхождения. В одних словах оно было давнего происхождения: и в других индоевропейских языках было соответствующее сочетание. Слав. strigǫ; ср. др.-верхн.-нем. strīhhan. В других случаях str появилось в языке славян вместо более раннего sr: как переходная артикуляция от s к r появился затвор t.

struja, ostrovъ (o-strov-ъ); ср. вост.-лит. sraujà — „поток", prāsravas — „незамерзшие места среди льда, — места, где есть течение"; др.-инд. srávati — „течёт"; греч. ῥέϝω — „теку" (' вм. σ);

sestra; др.-инд. svasré (дат. ед.);

ostrъ; др.-инд. áçriḥ, греч. ἄκρος (слав. s, др.-инд. ç, греч. κ: desętь — dáça — δέκα);

рьstrъ; корень рьs-; ср. греч. ποικίλος — „пестрый“.

Но stl отсутствовало в ранней фонетической системе славян. Сочетание sl не подвергалось изменению: slědъ, slava, pasti — paslъ.

str вместо sr появилось и в других языковых группах. Так, в литовском sraujà, а в ближайшем к нему латышском strauja, strauji — „бурностремительно“, straume — „струя“.

В некоторых индоевропейских языках переходная артикуляция представлена и в передаче сочетания sl: sl ⟶ stl ⟶ skl. Ср. передачу славянских слов в греческом, латинском, албанском языках: Sclavi — в лат.; Σκλαβηνοί — в греч. (передача славянского slověne); албан. Sklivani — слав. Sliváne; алб. Škivovik. Škivovik — передача славянского названия холма Slivovik.

Как переходная артикуляция от z к r появился d. Старослав. нз-д-ражы, нз-д-ражь, въз-д-радовати сѧ, раз-д-рѣшити; ровъ нздры н нскопа; без-д-ранъ;

возвода въздроу („взревел“) акы левъ (Супр. рук.);

бездрьпьтьное слоужение (Син. тр.).

То же явление отразилось и в передаче новых слов: нздраиль, греч. Ἰσραήλ.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 148. Согласные в этом положении испытывали в той или иной степени передвижку к палатальной области. Задненебные k, g, ch пережили значительную передвижку, такую же, как перед j. В результате k ⟶ č, g ⟶ dž ⟶ ž, ch ⟶ š. Небно-зубные, плавные и губные согласные также изменяли артикуляцию: они становились мягкими. На изменение небно-зубных согласных перед гласным переднего ряда указывает судьба сочетания kt в этом положении: kt ⟶ tt, которые затем t̑'t' в зависимости от воздействия образования следующего гласного переднего ряда. Дальнейшая судьба t̑'t' (t̄') была такая же, что и t̄' вм. tj: noktĭ ⟶ not̄'ь ⟶ not̑'šь или not̑'ѕь; ср. лат. nox, noctis; mogtĭ ⟶ moktĭ ⟶ ⟶ mot̄'ь ⟶ mot̑'šь или mot̑'ѕь.

Степень мягкости согласных недвойных (недолгих) не была такой высокой, какая свойственна была палатальным согласным. Так, l' вместо lj, n' вместо nj были палатальными, а l, n перед гласными переднего ряда были согласными палатализованными

не в высокой степени. На такое различие указывает следующее явление давней славянской фонетики: s, z перед li, le, lě, lь, ni, ne, né, nь оставались без изменения: slědъ, mysliti, myslь, blazniti, bojaznь; но перед l', n' согласные s, z изменились в палатальные š, ž: myšleno, sъblažn'ati, оумышлꙗти (Зогр. лл.).

Начало слова.

§ 149. Начало слова по своей фонетике может представлять отличия сравнительно с соответствующими артикуляциями в середине слова. Особая фонетика начала слова связана была с а б с о л ю т н ы м н а ч а л о м с л о в а, а также с о с о б ы м п р о и з н о ш е н и е м некоторых слов, начинавшихся с гласного звука. Некоторые слова произносились в н а ч а л е с л о в а с э м ф а з о й. Положение гортани при таком произношении слова, начинавшегося с гласного звука, было не обычное, при котором вибрация голосовых связок начиналась одновременно с поступлением струи воздуха. При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ. Так произносилось указательное словечко *е* отдельно и в сочетании с -se, -to, -vo, -no: ese — „вот", eto, evo — „вот", eno — „вон там". Это словечко бывало и в сочетании с местоименной формой: eta, eto — откуда русское е т а, без i̯ (j) перед *е* (э т а, э т о, э т о т). И в других славянских языках представлены следы такого образования *е*: без i̯ или с гортанным h (чешск. hen — „там", henten — „вон тот", польск. hen — „смотри, вон там", нижне-луж. hyn — „вот тут, вот там"). Ср. указание на *е*, без i̯, в некоторых ст.-славянских памятниках, писанных кириллицей. В Супрасльской рукописи находится обычно есе, словечко для утверждения ен — „да", местоимение етеръ, местоимение, в котором суффикс -ter- присоединен был к указательному словечку *е*, а не к местоименной основе je (jego, jemu...); (етеръ — „какой-нибудь", „один"); в Остромировом ев.: єда, а не юда, ен, етеръ (3 раза).

О с о б а я р е д у ц и р о в а н н о с т ь, скороговорочное произношение н е к о т о р ы х н а р е ч и й также не представляли условий для развития i̯ перед *е* в начале слова, хотя бы такое наречие находилось и в середине фразы. Такова судьба наречий edъva —

edva, odъva — odva, ešče — ošče. По славянским языковым группам эти наречия представлены без i̯ (j): edva, ešče (с той или иной заменой сочетания šč), с развившимся гортанным h (hyšče в лужицком языке). Но эти наречия имели образования и с i̯ (j): jedva, ješče.

§ 150. У славян в доисторическое время для начала слова с гласного звука имело значение и то, что в середине предложения такому слову предшествовало слово, оканчивавшееся гласным звуком (у славян слово не оканчивалось согласным). Итак: за гласным одного слова следовал гласный другого слова. При таком фонетическом условии, именно после гласного переднего ряда конца одного слова появлялся неслоговой i̯ перед начальным гласным следующего слова. Напр.: korva-i-agnę ⟶ korva-i-i̯agnę; dobroi̯-ēstĭ ⟶ dobrė-i̯estь. С i̯ слово могло обобщиться и употребляться только в таком виде, с i̯-: i̯agnę; i̯estь...

i̯ (j) появлялся перед e, ē, ę, ь, повидимому перед i, перед *a*.

es-: i̯estь; лит. ẽsti, греч. ἔστι, лат. est.

ēd-: jē-d- ⟶ iad-(jād); ст.-слав. ꙗмь (вм. jadmь), ꙗдь — „еда" (пища). Это слово применялось и к названию буквы ⱑ в глаголице, ѣ в кириллице: ꙗдь. Если же этот корень был в сочетании с префиксом, оканчивавшимся на согласный, то ē заменился посредством ė: sъnėdь, sъnėdati, obėdъ. От таких образований отвлечено ėd и для слов без префикса: ėdь, ėda, ėmь.

Русские рукописи XI — XII вв. также указывают на ꙗ (ꙗде, ꙗмь, ꙗси...) их старославянских оригиналов. Часты и написания с ѣ. И эти написания идут из старославянских оригиналов. Несомненно отражением речи русского писца было написание ю в этих словах: юдь — („ѣда") (Минея, 1095), юмь, юси, юждь, юдать и др. в Арханг. ев., в Уставе (в Типике) и в других рукописях. В русском языке рано произошел диссимиляционный процесс в сочетании j + ѣ (ė): произошло понижение артикуляции в образовании гласного ѣ после j: jê ⟶ je (ср. давний процесс доисторической эпохи в судьбе гласного ē после j и других палатальных согласных: jē ⟶ ja — stojati, kričati...). Слово специального значения jasli (вм. jad-sli) удержалось вне этого ряда обобщения имен с ėd. Но то обстоятельство, что глагол „есть — φαγεῖν — edere" представлен с ė во всех славянских языках, кроме болгарского (ст.-сл. ꙗмь, соврем. болг. jам и новообразование jадж), побуждает предполагать, что образования с ėd обязаны

не одному только процессу отвлечения этого сочетания от образований с префиксом (oběd-, sъněd-): вероятно, было какое-то обстоятельство, при котором существовали в речи сочетания с ėd без вторичного i̯ (j).

entro-: i̯ętro (jętro) — „печень"; греч. ἔντερα — „внутренности".

vъzęti (vъz-ęti), но i̯ęti (jęti).

vъzьmǫ (vъz-ьmǫ), но i̯ьmǫ → imǫ или ĭmǫ (ĭ — редуцированный i).

Что касается слов с гласным i в начале слова, то обычно этот гласный в таком положении появлялся при следующих условиях: 1) вместо ei̯-: iti; ср. лит. eĩti, isk[ati] вм. ei̯sk-; ср. лит. ieškóti, др.-верхн.-нем. eiscôn — „исследовать, спрашивать"; 2) вместо i̯ь с i̯ (j) давнего происхождения (jьgo → igo; лат. jugum) или i̯ (j) вторичным, появившимся перед начальным *ь*: idǫ, ideši вм. i̯ьd-, с i̯ вторичного происхождения (*ь* — ступень редукции к полной ступени с ei̯; ср. др.-инд. 1 л. ед. ḗmi, но 2 л. мн. imáḥ); imǫ вм. i̯ьmǫ, со вторичным i̯; ср. vъzьmǫ; imę, imene вм. i̯ьmēn, i̯ьmene, со вторичным i̯-; iz вм. i̯ьz; ср. лит. ìš (вм. iž) и др.

Если процесс развития i̯ перед начальным гласным переднего ряда был длительным, то такое сужение (i̯) появлялось и перед i всякого происхождения: i → i̯i-: poti-i̯iskati. Но i̯i затем заменилось образованием без особого сужения: i-. Так изменялось и давнее i̯i. Ср., напр., судьбу местоименной основы je (ie) из jo: jego, jemu; но твор. ед. муж. и средн. рода im вместо joi̯mī (→ jei̯mī → jimь), родит множ. ichъ, восходящее к .oi̯sŭ, и др.

Перед *a* также развился i̯-:

i̯agnę (jagnę), i̯agnьсь; ср. лат. agnus;

i̯agoda (jagoda); ср. лит ŭ̊ga,

i̯aviti (javiti), наречие javě; ср. др.-инд. āvíḥ — „открытый, явный";

i̯azъ (jazъ); ср. лит. àš, др.-инд. ahám, греч. ἐγώ, лат. ego.

Но язык старославянских памятников и современные болгарские говоры представляют и сочетания без i̯ (j) перед *a* в начале слова: азъ — аз, по говорам на западе јаз (јазе, јазика); ст.-слав. явити, авити; ст.-слав. агньць, агньць, совр. болгар. јагне, агне; ст.-слав. ягода, агода, совр. болгар. јагода. В отношении местоимения азъ заметим, что в Мариинском кодексе в одном случае

передано ѣзъ (ѣ — в соответствии ꙗ кириллицы), но передано в зависимости от предшествующего гласного і: въпрошѫ и ѣзъ вы (Марк, 11, 29) — „спрошу и я вас“; при той же фонетической обусловленности находятся в этом памятнике ѣ и в таких случаях: и ѣште (вм. и аште) любите — „и если любите“ (Лука, 6, 32), и ѣште идѫ — „и если иду“ (Иоанн, 14, 3); и ѣбие (вм. и абие) — „и тотчас“ (Лука, 5, 13).

Примем во внимание следующее явление: те слова с ja, которые восходили к давнему сочетанию с j (i̯) (ꙗръ, ꙗрость, ꙗма, местоим. ꙗже — „которая“), в старославянских памятниках передаются с ꙗ (в глаголическом письме с ▲ — ѣ). Следовательно, отсутствие i̯ перед *a* в других сочетаниях (агньць, авити...) представляло собою явление не исторического времени в судьбе болгарского языка, это не был результат утраты i̯, происшедшей в X — XI вв. Если бы это явление происходило в X — XI вв., то в определенных фонетических условиях происходила бы и утрата i̯ в ꙗръ, ꙗма. Полагаем, что уже в доисторическое время по славянским группам, главным образом по группам, легшим в основу болгарских, некоторые слова с начальным *a* произносились при тех или иных фонетических условиях без вторичного i̯: avė, agnę. Без вторичного i̯ произносился союз *a* по всем славянским группам. Реже этот союз произносился с i̯ (i̯a).

В позднейшее время по славянским группам происходит в определенных фонетических условиях утрата i̯ перед *a*. Так, в хорватском говоре острова Selve (Silba, Адриатика) местоимение 1 л. ед. представлено без j (i̯): az вм. i̯az. В таком виде находится это местоимение в некоторых хорватских говорах Адриатического побережья; но обычно в сербо-хорватских говорах i̯a (ja).

В языке тех славянских групп, которые легли в основу групп славян поморских, вторичный j (i̯) появлялся и перед начальным ǫ: ǫza, jǫza; ǫtrъ, jǫtrъ; ǫdu, jǫdu („откуда“); ǫdoł, jǫdołъ; ǫtroba, jǫtroba и др. Такие сочетания не были представлены во всех случаях с j (i̯): произносили эти слова и без j: ǫza, — явление, параллельное сочетаниям с *ja* — и с *a*: jagnьсь — agnьсь.

Неясна судьба дифтонга oi̯ в начале слова, — неясна вследствие недостоверности этимологии немногих относящихся сюда примеров. Относимые сюда слова представляют *ja* и *e*.

Ст.-слав. ꙗдра — „грудь“; с ѣ после предлога и префикса vъn: вън'ѣдра. От таких сочетаний давно отвлечены сочетания nědro,

nědra; русск. нѣдро, нѣдра, серб. nědra — „грудь", словин. nêdrô — „грудь" (jádro — „подгрудок, опухоль"), чешск. ňadra — „грудь".

Одни из лингвистов сопоставляют это слово с греческим οἰδάω, οἰδέω — „пухну" и с некоторыми другими, ведущими к положению, что давний вид этой основы был oi̯d-ro-. Другие связывают слово jadro с греческим ἦτρον — „живот, выпуклость", с др.-верхн.-немецким ādara — „жила", inādiri — „внутренности, потроха", т. е. видят основу с ēd-ro-.

Ст.-слав. ꙗдъ, серб. jȁd и jȇd, словин. jȃд, чешск. jed, польск. jad, луж. jèd. Сербские варианты представляют разные значения: jȁd (ȁ вм. á; диалект. чакавское имеет á): jȃd — „печаль, горе", jȇd — „яд, гнев". По мнению одних лингвистов, в этой основе отражается давнее oi̯d, соответствующее греческому οἶδος — „опухоль". По предположению других, славянский jadъ восходит к ēdo, с корнем ēd — „есть" → φαγεῖν. Может быть, на словах jèd отразилась связь со словами jèda, jèsti.

Ст.-слав. ꙗзва — „рана", ꙗзвина — „рана, нора". С ja (i̯a) это слово и в других славянских языках. Этимология его более ясна. Как и литовское aiža — „щель", латышское aĩza — „дыра во льду", славянское i̯azva восходит к oi̯g'u̯a.

jasnъ вместо jasˈkno-. Восходит к oi̯skno-: ср. соответствия в литовском áiškus и со ступенью редукции iškùs — „ясный, видный".

Итак, можно полагать, что i̯a или ja появилось в славянской фонетической системе и вместо давнего oi̯ в начале слова. Процесс этой замены представляем таким образом. Вследствие ассимиляционного воздействия образования i̯ на предшествующий гласный o произошла передвижка для образования o вперед: oi̯ → ȍi̯. Фонетическая тенденция к замене дифтонгов монофтонгами отразилась так, что вместо ȍi̯ получилось образование монофтонга ȭ. А так как славянской фонетической системе не были свойственны лабиализованные гласные переднего ряда, то ȭ заменился гласным ē или ǟ. Перед ē или ǟ, как перед другими гласными переднего ряда и перед a, развилось сужение i̯: i̯ē, i̯ǟ, а это заменилось посредством i̯a (ja).

Неясно происхождение ju и u в таких словах: utro, jutro, ст.-слав. оутро, ютро, чешск. jutro → jitro; слав. uže, juže. Лит. aušrà — „утренняя заря", др.-инд. usrá — „утренняя заря" соответствует иному славянскому имени для „утра": ustro. На такое имя указывает старославянское наречие заоустра = заоутра („ут-

ром")— в Синайской пс., современное македонско-болгарское наречие того же значения застра или дзастра.

§ 151. Происхождение вторичного u̯(v) в начале слова иное сравнительно с происхождением i̯ в отмеченных выше положениях. Вторичный u̯(v) появился перед ъ и у(ы) в начале слова, — появился он вследствие выделения лабиального элемента при изменении гласных лабиальных ŭ в нелабиальный ъ и гласного лабиального ū в нелабиальный ȳ (ы): vъpiti, vъn(vъ), vyknǫti, vydra, vysokъ, см. § 130. В этом параграфе, а также в § 138, отмечены следы выделения лабиального элемента и в изменении сочетаний kŭ, gŭ, chŭ в kъ, gъ, chъ и сочетаний kū, gū, chū в ky, gy, chy: этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию задненебных перед ъ, у (ы) и препятствовал передвижке их вперед при нахождении после гласного переднего ряда: tęgъkъ, kъnęgyn'i, tichъ... По группам происходило появление u̯(v) перед начальным ǫ вследствие того, что там носовой гласный заднего ряда становился менее лабиальным, чем *о*: ą (å̜): ǫ→u̯å̜. Так было в группах, которые легли в основу северо-западных славянских языков (польского, поморского, полабского). Напр., польск. vǫž, vǫzki, vǫsy, vęg'él—„уголь" (ę заменяет в польском языке давние гласные ǫ, ę в сократившемся слоге), vęzeł — „узел", Vęgry — Венгрия (Угрия)...

Неясны условия появления u̯ (v) в слове von'a — „запах", корень on-; ср. перед согласными ǫchati; лат. animus, греч. ἄνεμος— „дуновение", др.-инд. ániti — „он дышит".

О глаголе vęzati см. в § 130. Полагаем, что тут был давнего происхождения корень vęz-, чередовавшийся с vǫz- (а не ęz- в чередовании с ǫz-: ǫz-ъкъ).

Неясно условие появления согласного g в начале слова таких слов: gǫsēnica („гусеница") вместо ǫsēnica; gǫžь: русск. гуж, польск. gǫžvy — (множ.) „ремень у цепа", словин. gǫ́ž, серб. gŭ̄ž, gŭ̄žva вместо ǫžь; ср. ст.-сл. ѫже желѣзьно — „цепь", ѫжика — „родственник", т. е. „связанный родством".

Конец слова.

§ 152. Значительные процессы происходят в конце слова, — процессы, отличные от фонетики середины слова в отношении одних и тех же звуков и звуковых сочетаний. Конец слова может быть ослабленным в его произношении. Это ослабление

бывает более или менее значительно. Степень ослабления конца слова или всего слова находится в связи со значением слова или формы в речи, в связи с частотой его применения, с особым скороговорочным его произношением. Так, некоторые глагольные формы переживают бо́льшую редукцию конечного слога, чем формы имен. Значительной редукции подвергаются частицы. Наиболее сильная редукция отражается на наречиях по причине частоты применения и особого произношения их. При этом на наречиях редукция может отражаться не только на конечном слоге, но на всем слове. Такая же судьба бывает у имен счета (числительных) и имен, употребляемых при обращении к кому-нибудь.

Фонетические результаты в конце слова могут выражаться непоследовательно в разных словах: те или иные группы слов, связанных с родственными словами и формами, представляют в конце слова те же звуки, какие находятся в родственных формах не в конце слова. Так, форма 3 л. ед. и множ. числа наст. вр. у славян представляла в конце сочетание -tь: nesetь, nesǫtь. Но по славянским группам и в раннее доисторическое время и позднее происходило отвердение окончания -tь: -tь → -tъ. Но в именах на -tь такого отвердения не было, вследствие того, что в ряде других форм согласный t был перед гласным переднего ряда полного образования, а также не в конце слова: nitь, niti, nitii (родит. мн.), nitьmi и др. Ср. подобный процесс позднего времени в чешском языке: по чешским говорам имеется мягкий t' в конце слова (nit', zet'...) по образцу других форм, имевших окончание -i: niti, nitī — родит. мн. (перед i в чешском языке согласные t, d, n мягки).

Результаты ослабления (редукции) в конце слова выражаются в следующем: а) в изменении и утрате конечных согласных; б) в отвердении согласных; в) в редукции гласных, — в редукции не только в отношении количественной стороны, но и в отношении других сторон артикуляции: в появлении большой закрытости образования *о*, *а* в определенных положениях: о → u (перед n, s), a → å (перед n).

В словах, подвергающихся редукции в целом своем составе, отражаются те же явления: изменение и утрата согласных и редукция гласных, закрытость их образования, утрата. В отношении изменения согласных при редукции слова отметим следующее. Редукция слова может выражаться в замене затвора щелью

(тесниной). Это ясно обнаруживается в судьбе местоимений *себе, тебе* в русских говорах: по говорам они произносятся со слабым, неполного образования фрикативным (не смычным) ᵇ — сеᵇе, теᵇе. В дальнейшем происходила утрата такой артикуляции: теᵇе ⟶ теé, в зависимости от большей или меньшей степени в силе произношения этого местоимения. В таком же направлении происходило изменение затворного g в γ и h в форме местоимения kogo в русском и кашубском языках. Так изменялся g и в титульном слове, в словообращении gospodar'ь: γoŝpodar'ь — hospodar'ь — ospodar', см. выше § 124.

§ 153. Процессы конца слова в славянской системе доисторического времени.

1) Утрата конечных согласных. Такими согласными в конце слова были t, d, s, r, n.

Для утраты конечных согласных имела значение также фонетическая тенденция к открытости слога.

[t, d]: в 3 *л.* ед. ч. аориста: pade, nese; др.-инд. ábharat;

в 3 л. ед. ч. повелит. (желательного) накл.: beri, др.-инд. bháret;

в 3 *л.* множ. ч. аориста padǫ, в сигматическом аористе- sę: vèsę — „они привели"; ǫ вм. -ont, -sę вм. -sьnt из -sᵃn̥t;

местоимение именит.-вин. ед. ч. средн. р.: to; др.-инд. tád(t), лат. istud;

родит. ед. ч. основ на *-o*: vьlka, voza; др.-инд. vr̥kād (отложительный падеж).

[s]: в именит. ед. муж. р.: vьlkъ; др.-инд. vŕ̥kas ⟶ vr̥kaḥ, лит vil̃kas, греч. λύκος, лат. lupus;

synъ; лит. sūnùs;

gostь; лат. hostis — „чужой человек, враг"; гот. gasts;

именит. ед. женск. р.: dvьrь, danь, bornь (южнослав. branь); лит. dùris, лит. dũnis, лит. barnìs;

именит.-вин. ед. средн. р.: nebo, slovo; др.-инд. nàbhas ⟶ nábhaḥ, çrávas; греч. νέφος, κλέϝος;

во 2 л. ед. повелит. (желат.) наклонения: beri! др.-инд. bháres ⟶ bháreḥ, греч. φέροις;

во 2 *л.* ед. аориста: pade, nese; др.-инд. ábharaḥ, греч. ἔφερες.

[r]: именит. ед. жен. р.: mati, dŭkti (dъt'i) — „дочь", греч. μάτηρ (μήτηρ), θυγάτηρ, лат. mater.

[n]. Конечный n также подвергся редукции. Но осуществление ее не вполне ясно. Возможно, что произошла не утрата

артикуляции для n, а ассимиляция ее с предшествующей артикуляцией гласного. Очевиден результат такой ассимиляции после долгих ē, ā (å):

sēmēn → sěmę, вин. ед. личных местоимений mēn → mę.

tēn → tę, sēn → sę; ср. др.-инд. mām, tvām — с долгим ā;

вин. ед. основ на -а: gorǫ, vodǫ: ср. окончания в др.-инд. -ām, в греч.-ᾱν, лит.-ą;

повидимому к -ān (вм. -ām) восходит окончание ǫ в форме 1 л. ед. наст. вр.: berǫ, nesǫ; этой форме соответствовала форма латинского конъюнктива на -ām: ferām.

В сочетаниях же -in, -un фонетические стадии неясны. Возможно полагать, что и тут произошла ассимиляция n с предшествующим гласным в одно образование — в носовой į, ų. Ср. в литовском nā̆ktį (вин. ед.), móterį (вин. ед.), sū́nų (вин. ед.). Если и в славянской фонетической системе возникали носовые į, ų, то они позднее, но в доисторическое время, заменились неносовыми i, u. Эта замена, при сохранении носовых ę, ǫ, была вызвана тем, что в славянской фонетике имелась и имеется тенденция не опускать мягкого нёба, открывающего вход в носовую полость, не опускать при **высоком** подъеме спинки языка. См. подробнее выше, в § 77. Итак:

вин. ед.: gostĭn → gostь, noktin → notʼь (ст.-слав. ноштъ, зап.-слав. noсь, русск. ночь), sūnŭm → synъ, ср. окончание n, m в других индоевропейских языках: др.-инд. matím, греч. πόλιν, лат. turrim, лит. nā̆ktį; др.-инд. sūnúm, лит. sū́nų, лат. manum;

вин. множ. gostīns → gostīns → gostį [?] → gosti; sūnūns → sūnūns → sūnų [?] → sūnū → syny; об удлинении гласного перед ns см. ниже; ср. окончание -ns в готском (anstins, sununs), в греческом (диалект., критские πόλινς, υἱύνς).

Отдельное замечание о предлогах-префиксах: 1) on, на ступени редукции — vъn (с v вторичного происхождения, перед ъn), 2) son, на ступени редукции — sъn, 3) kъn. На носовой согласный в этих предлогах указывают и данные славянской фонетики и соответствия других индоевропейских языков: слав. vъn, греч. ἐν, лат. in, лит. in, į; слав. sъn, др.-инд. sam — „вместе“, греч. ἅμα (ʻ вм. σ), др.-прусск. san; слав. kъn, др.-инд. kám.

В сочетаниях перед гласным и перед j согласный n сохранялся, примыкая к гласному или к j + гласный: onutja: — ст.-слав. оноуща, русск. онуча, чешск. onuce; ср. глаголы uti (u-ti), obuti; лит. aũti.

Перед согласным on → ǫ, как всякий on не в конце слова: ǫtrь (ǫ-trь; -trь — суффикс, чередовавшийся с -tero; -toro); ср. др.-инд. ántaraḥ — „внутреннее" (от antár), лат. interior (от inter); ǫtъkъ — „уток", собственно, „что втыкается"; ǫdolъ — „долина" („вдол"), ǫvozъ — „ввоз, въезд" и др. Перед гласным — vъn: vъniti, (vъn-iti), vъnimati (vъn-imati — „брать"), vъnušiti (vъn-ušiti; ušiti — образование от имени ucho; zaušiti — „ударить по уху"); ст.-сл. оуши імать і не въноушать (Син. пс.); vъnědro, vъnědra; затем отвлечено nědro, nědra, так как префикс воспринят был в таком виде, в каком он находился перед словом, начинавшимся с согласного звука vъ.

Так же тесно, как префиксы, объединялись vъn, kъn с местоимением iego, jemu, jь...: vъn + jь → vъn'ь (сочетание предлога vъn с формой местоимения вин. ед. мужск. р. jь; ст.-слав. вън'ь, чешск. veň, польск. weń); vъn + jemь → vъn'emь (vъn + форма местного пад. ед. ч. местоимения jemь).

son перед согласным → sǫ: sǫsědъ, sǫpьr'ь — „соперник", sǫsekъ — „сусек", sǫgrobъ — „сугроб", sǫprǫgъ — „один из 2 волов в одном ярме" и др.

sъn перед гласным и перед j: sъniti — „сойти"; sъnimati, sъnьmъ — „собрание", (sъn-ьmъ: -ьm — корень, по значению тот же, что ber-, bor-, bьr-; ср. те же семантические элементы в слове sъ-borъ); sъn + jimь → sъn'imь — „с ним".

kъn: kъn + jemu → kъn'emu.

По образцу сочетаний vъn'ь, vъn'emь, sъn'imь, sъn'imi, kъn'emu стали начинать формы этого местоимения согласным n' и после других предлогов: в сочетаниях vъn'emь, kъn'emu... выделяли предлог в том виде, в каком он находился в других случаях, перед согласным, — в виде vъ: za n'imь, o n'emь, южн.-слав. prědъ n'imь и др. Ср. тот же процесс выделения предлога vъ, а не vъn, в сочетаниях vъnědra, vъnědrěchъ. Выделению префикса в виде vъ, sъ, kъ содействовала и фонетическая тенденция к открытости слова: n относился к следующему гласному: vъniti, vъn'emь представляли такие слоговые единицы: vъ-n'i-ti, vъ-n'e-mь. Процесс пошел и далее. По славянским языкам позднее стали употребляться формы местоимения с n' и без сочетания с предлогом. Особенно широкое применение эта тенденция получила в южнославянских языках. Там формы n'ego, n'emu, n'ej... получили значение самостоятельных ударенных местоимений в отличие от безударных, конъюнктных go, mu, i или jej и др.,

употребляющихся не самостоятельно, а в сочетании с другим словом: daj-mu — „дай ему“.

Не перед гласным и не перед j, а перед всяким другим согласным vъn, sъn, kъn утратили n: vъn ⟶ vъ, sъn ⟶ sъ, kъn ⟶ kъ. Процесс этой утраты неясен. Может быть, эта утрата происходила при положении vŭn, sŭn, kŭn после слова, т. е. в конечном слоге (sŭn ⟶ sų ⟶ sŭ ⟶ sъ...). А в таком положении они бывали некогда в языке славян, как и в других индоевропейских языках, наподобие латинского сочетания с постпозитивным cum: ne-cum. Долее держались сочетания с послеименными dêl'a (dьl'a), radi: mene radi. Может быть, содействовало утрате конечного n (через стадию ų) и то, что vŭn, sŭn, kŭn имели некогда самостоятельное значение отдельных слов, наречий.

2) В связи с редукцией конечного слога происходило **отвердение** согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в **разное время**, и в доисторическое и в их истории. Так, напр., было с согласным t' в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (-tь); в одних языках раньше, в других позднее происходило его отвердение. В раннее время, до IX в., произошло отвердение t' (в -tь) в тех группах, которые легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: tь ⟶ tъ... Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с окончанием -тъ: несетъ, несѫтъ, хвалѧтъ... Рано отвердел t' в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западнославянских. Позднее происходило отвердение t' в восточнославянских. Так северно-русские памятники письменности XI—XII вв. представляют это окончание в виде -ть.

В этой категории форм редукция отражалась и в дальнейшем изменении: в утрате t из tъ (из tь). Эта утрата происходила в славянских языках тоже в разное время. Так, в старославянском языке эти формы были с окончанием -тъ, при весьма редких случаях без t. По указанию памятников XI в., в среднеболгарскую эпоху чаще применяются формы без t. В современных болгарских говорах формы 3 л. ед. числа не имеют t. Только говоры на западе Македонии до сих пор представляют форму 3 л. ед. на t. В форме 3 л. множ. числа во многих болгарских говорах t не утрачивался. Но по говорам произошла утрата t и в этой форме.

На фонетическое изменение -tь в -tъ или -t' в -t (после утраты редуцированных гласных) может указывать также сле-

дующее явление: в некоторых русских говорах мягкость согласного -t' удержалась в связи с напряженностью артикуляции предшествующего гласного — гласного высокого подъема. Так было по говорам Заонежья в форме 3 л. множ.: несут', жнут', могут', выпишут', но — стучат, грем'ат. Отметим параллельное явление в южнорусских говорах: в 3 л. ед. и множ. во многих из этих говоров не происходило отвердения и утраты t' после гласного высокого подъема,— после i, u (у): спит', гари́т', в'али́т' („велит")— 3 л. ед.; н'асу́т', зна́jут', па́шут', ви́д'ут', хо́д'ут' — 3 л. мн. (-ут' в вид'ут', хо́д'ют' и др. по образцу с формами глаголов с основой на -е: н'асут' и др.), но без -t — сп'а́, глид'а́, („гледят") — 3 л. множ.; нисе́, зна́jа, па́ша, ви́д'а, хо́д'а — 3 л. ед. (вид'а, ход'а, с -а по аналогии с формами глаголов с основой на -е: несе́...). Так и в говорах украинских и белорусских. См. в отделе примечаний к „концу слова", а также замечание в отделе о глагольных формах.

По севернорусским говорам процесс отвердения согласного t' в конце слова был пережит и формою инфинитива. В 70-х годах прошлого века М. А. Колосов писал в своем диалектологическом отчете о севернорусских говорах между прочим следующее: „*т* в окончании неопределенного наклонения глаголов местами отвердевает. Так, в Грязовце вместо пѣть, быть я слышал почти пет, быт".

3) Усиление лабиализации для гласного *о* в конечных сочетаниях -on, -os: -on ⟶ -un, -os ⟶ -us с дальнейшим изменением -ŭn ⟶ -ų̆ [?] ⟶ -ŭ ⟶ -ъ; -ūn ⟶ -ų̄ [?] ⟶ -ū ⟶ -у (ы); -os ⟶ -ŭs ⟶ -ŭ ⟶ -ъ;

-on: вин. ед. основ на *-о* муж. р.: vьlkъ, vozъ; ср. окончание -n, -m в других индоевропейских языках: др.-инд. vr̥kam, греч. λύκον, лит. vil̃ką;

1 л. ед. числа аориста: padъ, mogъ, ср. др.-инд. ábharam, греч. ἔφερον.

-ōn: kamy вм. kamōn; ср. в греч. ἄκμων, лит. akmuõ.

-os: имен. ед. муж. р.: vьlkъ, vozъ; в других индоевропейских языках окончание этой формы -s; др.-инд. vŕ̥kaḥ (ḥ вместо конечного s), греч. λύκος, лат. lupus, лит. vil̃kas и др.;

окончание 1 л. множ. числа -mъ в соответствии латинскому -mus (вм. -mos): beremъ, nesemъ...

Форма имен.-вин. ед. средн. рода на *-о* в давних основах на *-о* и на -os (-es). В основах на *-о* окончанием был носовой

согласный, в основах на -os не было особого окончания для этого падежа. 1) Слав. igo с основой на *-o*, 2) slovo с основой на -os. Ср. соответствия других индоевропейских языков: 1) др.-инд. yugám, греч. ζυγόν, лат. jugum; 2) др.-инд. çrávas, греч. κλέϝος. Окончание *-o* в славянской форме появилось по связи с формой именит.-вин. ед. ч. местоимения: to, ono, где за гласным *o* следовал согласный d: tod ⟶ to...

-ons ⟶ -ūns (об удлинении гласного перед ns см. в § 85); ūns ⟶ ų̄ [?] ⟶ ū ⟶ y (ы);

вин. множ. основ на *-o* мужск. р. vozy, vьlky; ср. в греческом (в критском диалекте) -νς, в готском -ns: греч. λύκονς, гот. wulfans.

-onts: та же судьба, что и сочетания -ons, вследствие изменения ts в s: -onts ⟶ -ons ⟶ -ūns ⟶ -ų [?] -ū ⟶ -y (ы), именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.: nesonts ⟶ ... nesy, beronts ⟶ ... bery; суффикс причастия -nt-, окончание именит. пад. ед. -s; др.-инд. bháran (винит. bhárantam); греч. φέρων (вин. φέροντα), лат. ferens (вин. ferentem), гот. bairands.

-jons (-jonts). После j процессы, пережитые сочетанием -ons, неясны. Звуковой вид формы причастия наст. вр. именит. ед. мужск. и средн. рода в основах на je/jo указывает на изменение -jons (из -jonts) в -jens, а это в -jēns (вследствие удлинения гласного перед -ns); -jēns ⟶ -ję: znaję, dělaję. Но в других формах причастия -jǫ- (-jǫtj-): znajǫtja (ст.-слав. знающа); znajǫtju (ст.-слав. знающю) и в форме 3 л. мн. наст. вр. znajǫtь, pišǫtь. Неясно, чем вызвано такое различие в звуковом виде этих сочетаний с давним -jo-. Полагают, что такое различие зависело от положения в слове: jons ⟶ ję в конце, -jontia ⟶ jǫtja не в конце. Но вполне возможно полагать, что это различие в носовом гласном было обусловлено связью с формами других основ, хотя и при таком объяснении пока трудно уловить направление этой связи. Может быть, при -ję в именит. пад. ед. ч. (znaję) появились основы с ǫ (znajǫtia) после палатального по образцу форм с основой на *e/o*: nesǫtja, nesǫtju...

Винит. множ. основ на *-o* мужск. р. имел окончание -ns, как было отмечено выше: vozy, vьlky. После мягкого согласного окончание этой формы было не одинаково по славянским группам: konjons ⟶ ... kon'ę в группах, легших в основу южнославянских языков; konjons ⟶ kon'ě в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских групп. Такая же двойственность по

диалектам была представлена формами родит. ед. и винит.-именит. множ. в основах на -ja: zeml'ę, ulicę в группах, легших в основу южнославянских языков, zeml'ě (zem'ě), ulicě в восточнославянских и западнославянских группах. Ф. Ф. Фортунатов полагал, что в западнославянских и восточнославянских формах ě был некогда носовым. А. Мейе видел в ę и ě диалектические варианты результата фонетического изменения -jons (kon:ons), -jās (zeml'ę, -ě). Но эти попытки объяснения -ě в указанных случаях нет возможности считать удовлетворительными: они даны вне связи с другими фактами фонетических и морфологических процессов.

-ois. Форма творит. множ. основ на *-о* у славян имела окончание *у* (*ы*) после твердого согласного, i после мягкого: vozy, kon'ĭ. В др.-индийском окончанием было -ais ⟶ -aiḥ, в др.-иран. -āiš, в литовском -aĩs. Может быть, славянское окончание появилось фонетически вместо -ois, появилось вследствие усиления лабиализации перед s в конце слова и вследствие одновременной с этим редукции дифтонга -ois ⟶ -uis. Дифтонг ui вообще близок к гласному *у* (*ы*), а получив ослабление, он совсем совпал с этим гласным.

О близости славянского у (ы) с u͡i, uĭ (ĭ — редуцированный i) свидетельствует ряд явлений. Лица из неславянской среды, не имевшие в фонетической системе своего языка гласного *ы*, слышали в нем элементы ui. Так по наблюдению последних лет. Так было и раньше. Посредством ui передан гласный *ы* в Фрейзингенских отрывках (памятник славянского языка X — XI вв.); так и в передаче чешских слов, находящихся в латинских документах: см. § 35. Проф. А. И. Томсон определял славянский гласный *ы*, как дифтонг. Мы не можем признать дифтонгичность русского и польского *ы*, как и соответствующего гласного более ранней фонетической системы других славянских языков. Гласный, заменивший собою более давний ū, был не лабиальный гласный: о т с у т с т в и е лабиализации в этой замене, в *ы*, и вызвало развитие перед ним в начале слова v: vyknǫti.

Лабиализация -ān. В конечном слоге перед n на долгом ā также отразилась тенденция лабиализации: ān ⟶ ån ⟶ ǫ. Таково происхождение окончания -ǫ в форме винит. ед. основ на *-а*: gorǫ, ženǫ, vol'ǫ. Соответствия других индоевропейских языков отмечены были выше, § 85. Вместо -ān и окончание формы 1 л. ед. наст. вр.: berǫ, nesǫ, vedǫ; ср. латинский конъюнктив ferām.

-ās. А. Мейе полагал, что лабиализация пережита была в конечном -ās: -ās → -ōs → -ūs → -у (ы). Таково происхождение, по его мнению, окончания *-у* в форме родит. ед. основ на *-а*, в соответствии др.-индийскому -āḥ и греческому *-ᾱς*, и окончания *-у* (*ы*) в форме именит. множ. тех же основ (ženy...) в соответствии др.-индийскому -āḥ, литовскому -os. Но славянская форма именит. множ. женск. рода во всех основах — по происхождению форма винительного падежа и некогда имела одинаковое для всех основ окончание -ns. Окончание южнославянских форм в основах после мягкого согласного,— окончание -ę (struję) также указывает на наличие носового n в окончании. Поэтому положение А. Мейе об изменении -ās → -ūs → -у (ы) считаем неприемлемым.

4) Редукция конечных долгих гласных. Долгие гласные, оканчивавшие собою слово, сократились у славян,— сократились рано:

trāvā → trāvă, sȳnū → sȳnŭ, sȳnȳ → sȳnў, bȳtī → bȳtĭ, trāvǭ → → trāvǫ̆, sèmę̄ → sèmę̆, trāvé → trāvě (с кратким ĕ) и т. д.

Количество слога.

§ 154. В давней фонетической системе славян слог был долгим, если в его состав входил один из долгих гласных: a, u, y, ǫ, ę, i, ě или сочетание or, ol, er, el, ъr, ъl, ьr, ьl перед согласным: matī, sȳnū, vōrnā, bērzā, boltō, gьrdlo, vьrbā, vьlkъ.

Кратким был слог, если он заключал в себе один из кратких или редуцированных гласных: е, о, ъ, ь, ў, ĭ: sělŏ, pŏl'ĕ, sъnъ, dьnь.

Гласные краткие ŭ, ĭ удлинились в таком фонетическом положении: перед группой согласных -ns: вин. мн. sūnŭ-ns (-ns давнее окончание винительного множ. в индоевропейских языках) → sūnūns → sūnū[ns] → syny; вин. мн. gostĭ-ns → gostīns → → gostī[ns] → gostī. См. § 85.

Отдельные славянские языки, сербо-хорватский, словинский, польский, кашубский, чешский, словацкий, представляют указания, что с давнего доисторического времени они имеют в ряде случаев слоги краткие, вместо долгих более раннего времени. Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном

(о видах ударения см. ниже). Ср. передачу давнего слова dǫbīna: польск. dębina (в польском яз. ę находится в старопольском кратком слоге), сербск. и чешск. dubina, malina (с краткими ŭ, ă). То же явление представлено в ряде форм имен сущ. женск. р. с основой на -*a*: в формах твор. ед., дат., твор., местн. мн.: чешск. rŭkam, серб. rŭkama. Здесь издавна находится в первом слоге краткий гласный ŭ вм. ǫ̆.

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением. Напр. dālekó ⟶ dălekó; šīrokó, čīstotá, slēpotá. Ср. краткость *a*, *i*, *ě* в этих словах в сербо-хорватском и чешском языках.

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца: jāgoda ⟶ jăgoda; ср. чешск. jăhoda, сербо-хорв. jăgoda; чешск. măteře (но māti), чешск. sĕmene (но sīmě), чешск. vădnouti — „вянуть".

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением: mātī ⟶ mātĭ, rȳbā ⟶ rȳbă, vedǭ ⟶ vedǫ̆, чешск. vedŭ...

§ 155. Если в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком, старопольском языках слово оканчивалось долгим гласным, то эта долгота вторичного происхождения. Так, она получалась в результате стяжения двух гласных: dobrā и др. Она могла возникнуть по образцу других форм и близких по значению слов. Напр., окончание *ā* в форме имен. множ. существ. средн. рода в словацком языке: slovā, mestā, plecia — „плечи",— с долгим ā, как в slovāch, slovām...

В некоторых случаях долгий гласный в открытом слоге был давнего происхождения,— именно там, где открытость конечного слога с долгим гласным появилась позднее, вследствие утраты согласного. Напр., чешск. форма 3 л. мн. ч. наст. вр. nesū ⟶ ⟶ nesou, chvalī и др. Эти формы имели некогда такой вид: nesǫtь, chvalętь. Или чешское местоимение jā с долгим ā: еще в XIV—XV вв. оно произносилось с согласным в конце слова: jāz вм. jāzъ.

Позднее славянские языки переживали дальнейшие сокращения долготы слога,— переживали при тех или иных условиях. Некоторые славянские языковые группы совсем утратили этимологическое различие между долгими и краткими слогами. Такая утрата пережита в языках восточнославянских, болгарском, польском, лужицких.

Интонация. Акцент.

§ 156. Для понимания языковых явлений, связанных с давними интонационно-акцентными различиями, сделаем замечания о славянских интонационных отношениях в доисторическое время,— замечания, основанные на сравнительно-историческом изучении ударения и количества слога (долготы и краткости его) в славянских языках.

Долгие гласные и долгие слоги (слоги с долгими гласными или с сочетаниями or, ol, er, el, ъr, ъl, ьr, ьl между согласными) произносились некогда не с одинаковым движением тона: 1) в одних слогах они имели интонацию восходящего вида, т. е. тон повышался и в конце несколько понижался; 2) в других случаях тон, начавшись с высокой ноты, понижался и в конце слога несколько повышался. Интонацию первого вида будем обозначать посредством акута ' и называть акутовой, или восходящей, интонацию второго вида — посредством циркумфлекса ^ и называть циркумфлексной, или нисходящей.

Различные следы давних интонаций имеются под ударением во всех славянских языках. Об этих следах будет речь в обозрении отдельных славянских языковых групп. А пока ограничимся следующей справкой. Сербо-хорватский и словинский языки до сих пор представляют под ударением различие в интонации: в одних словах ударение бывает нисходящее, в других восходящее. Сочетания, имеющие нисходящее ударение на долгом гласном в сербо-хорватском и словинском языках, восходят к соответствующим давним сочетаниям с циркумфлексным ударением: сербо-хорв. grâd, brêg, glâs, drûg, vîd. То же и в словинском языке. Сербо-хорватским и словинским сочетаниям с ударенными ra, la, rè соответствуют в русском языке сочетания с оро, оло, ере („полногласие") с ударением на первой части полногласия: *óро, óло, épe: гóрод; гóлос, бéрег.* В чешском и словацком языках в соответствующих слогах произошло сокращение: чешск. hrăd, břĕh, hlăs, drŭh, vĭd.

Сочетания, имеющие в словинском языке ударение долгое восходящее, а в сербо-хорватском краткое нисходящее, отражают прежнее акутовое ударение. Словин. kráva, bláto, bréza, síla. Сербо-хорв. krȁva, blȁto, brȅza, sȉla. Словинским rá, lá, ré, сербо-хорватским rȁ, lȁ, rȅ соответствуют в русском языке сочетания с „полногласием", имеющим ударение на второй части: корôва,

болòто, бер'òза (береза). В чешских соответствиях представлена долгота гласного: krāva, blāto, bříza, sīla, а у словаков краткость: blăto, brĕza, sĭla.

Наконец, заметим еще следующее. Если нисходящее ударение находилось на начальном слоге неодносложного слова, то оно в словинском языке перенесено на следующий слог: brêg, род. bregâ, zlatô. Такой же перенос в этих случаях пережит и болгарским языком: златò, брѣгът, гласът. Но в словинском и болгарском kráva, síla, без переноса ударения, потому что в этих последних сочетаниях интонация ударенного слога была иная, восходящая (акутовая).

§ 157. В середине слова интонация восходящего типа (акутовая) в речи славян была в слоге, гласный которого восходил к более давнему долгому гласному или к дифтонгу с долгим гласным или к долгому слоговому сонанту: ōu̯, āu̯, ōi̯... m̥̄, ᵊn̥̄, ᵊr̥̄, ᵊl̥̄. Такая же интонация была и в замене двухслоговой базы, с утраченным гласным ə.

bý́ti: чешск. býti, словин. bíti, сербо-хорв. bȉti; ср. лит. búti, др.-инд. bhūtíḥ;

bе́rza: чешск. bříza, словин. bréza, сербо-хорв. brȅza, русск. бер'òза; ср. лит. béržas, др.-верхн.-нем. birihha; основная двухслоговая база berəg'h-. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящая (циркумфлексная) интонация у славян была в середине слова в тех случаях, если гласный слога восходил к более давнему дифтонгу с кратким гласным или к краткому слоговому сонанту: ŏu̯, ău̯, ĕu̯, ŏi̯, ŏr, ĕr, ŏl, ĕl, ᵊm̥, ᵊn̥, ᵊr̥, ᵊl̥.

sûchъ: чешск. sŭcho, сербо-хорв. sȗh; ср. лит. saũsas, греч. αὖος; основное — său̯s-;

vôrnъ: чешск. vrăn, сербо-хорв. vrȃn, словин. vrȃn, русск. вóрон; — vŏrn-ъ. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящую интонацию представляли и краткие слоги, с давним кратким гласным: pȍl'e, slȍvo, lȅdъ.

§ 158. В давний, доисторический период славянских групп, до их расселения по восточной, южной и западной Европе, произошли значительные изменения в интонации, произошла мена ее (метатония) в некоторых положениях. Именно, в ряде случаев ударенная циркумфлексная интонация перешла в интонацию иного типа, акутовую. В отличие от старой акутовой интонации назо-

вем ее, вслед за Я. Розвадовским, новоакутовой. Следы ее представлены говорами чакавского и кайкавского наречий сербо-хорватского языка в виде долгого восходящего ударения. В штокавских сербо-хорватских говорах Посавья в этих случаях имеется особого вида долгое восходящее ударение. В других штокавских говорах эта интонация изменилась в долгую нисходящую. (А старая акутовая интонация под ударением перешла во всех сербо-хорватских говорах в краткое нисходящее ударение, ̏; см. выше).

Эта новоакутовая интонация в словинской и восточнославянской группах совпала с прежней акутовой: в словинском языке вместо нее, как и вместо староакутовой интонации, под ударением представлено долгое восходящее ударение (´), а в русском языке в случаях, когда она находилась в словах с tort, tolt, tert, telt, ударение находится на втором гласном сочетаний oro, olo, ere. С прежней акутовой интонацией совпала новоакутовая интонация и в чешской группе: под ударением, имевшим такую интонацию, гласный является долгим, как и гласный, бывший под старым акутовым ударением. В словацком языке под новоакутовым ударением долгота сохранялась. (Под старым акутом она сократилась.) То же в старопольском языке: гласный под новоакутовым ударением сохранял долготу; гласный же под ударением с давней акутовой интонацией сократился (vrŏna, słŏma, błŏto).

Такая метатония была пережита, например, в форме stoȓža, stor̃ža, с новоакутовой интонацией на or (⌐). Поэтому в посавско-штокавских, чакавских и кайкавских сербо-хорватских говорах и в словинском языке представлено долгое восходящее ударение, stráža; в чешском и словацком — долгота: strāža (чешск. straže), в польском — след долготы в изменении гласного *o* по направлению к *u* и совсем в *u*: так изменялся долгий гласный *o* — stróża (struża); в русском — ударение на второй части полногласия: сторо́жа. Или еще сравните образования с суфф. -ьje: prǫ̑tьje → → prǫ̃tьje; сербо-хорв. чакав. prũtje, словин. prótje; соответствующее явление отражается в чешском dūbī → doubī вм. dǫbьje, в русском колосья вм. kolsьje; ср. именит. kol̑sъ, русск. ко́лос. В форме род. п. мн. ч. некоторых имен с основой на *a*: stoȓnъ → → stor̃nъ, rǫ̑kъ → rǫ̃kъ... На то, что здесь было некогда циркумфлексное ударение, указывает перенос акцента на следующий слог: storná, rǫká (см. ниже о месте акцента). В сербо-хорватских

посавских и чакавских говорах, в словинском языке замена этих форм имеет долгое восходящее ударение: strán, rúk (rók — в словин.).В чешской и словацкой группах — долгота: strān, rūk˙ (чешск. rūk ⟶ rouk). В русском — ударение на второй части полногласия: с т о р ò н.

Тип новоакутовый был в течение продолжительного времени в жизни славянских языков не только традиционным, но и актуальным типом. Он появлялся в таких сочетаниях, которые были унаследованы с циркумфлексной интонацией, а также в сочетаниях (в словах), появлявшихся в историческое время в отдельных славянских языках: напр. чакав. kral' (шток. krȃl'), чешск. krāl (пошло от имени Карла Великого).

В определенных условиях произошла метатония и по отношению к давней акутовой интонации: она заменилась интонацией циркумфлексной, которую назовем н о в о ц и р к у м ф л е к с н о й. Следы этой интонации в славянских языках представлены в таком виде. В некоторых сербо-хорватских говорах, а также в словинской группе эта интонация под ударением отразилась в виде д о л г о г о н и с х о д я щ е г о ударения; давнему же неизменившемуся акутовому ударению соответствует в сербо-хорватском языке к р а т к о е н и с х о д я щ е е ударение ` (krava), а в словинском — долгое восходящее (kráva). В чешской и словацкой группах под этим новоциркумфлексным ударением гласный сократился, как и под прежним циркумфлексным (под прежним акутовым неизменившимся ударением долгота сохранялась у чехов: krāva). Но в русском языке следы новоциркумфлексного ударения не представлены: оно совпало с прежним акутовым, ср. ударение на второй части полногласия: о р ò, о л ò. Так, в глагольных формах наст. вр., имевших ударение не на окончании, акутовая интонация изменилась в новоциркумфлексную. Ср. в чакавских и словинских говорах vȇneš, zimȗješ, чешск. vădneš, zimŭješ (с краткими ă, ŭ). Форма родит. мн. таких, напр., имен с акутовым ударением: kőrva, dě́lo (чешск. dīlo, словин. dě̀lo): в этой форме (род. мн.) произошло изменение акутовой интонации в новоциркумфлексную: словин. krȃv, dȇl; чешск. krăv, dĕl; ср. в чешск. краткость ă, ĕ; но в русском — к о р ò в. Ср. новоциркумфлексную интонацию (в чешском краткость, в сербо-хорватском и словинском нисходящее ударение) вместо акутовой в именах на -ьje: sъdőrvьje bérzьje: сербо-хорв. zdrȃvl'e, словинское zdrȃvje; brȇzje; чешск. zdrăvī, blĕzī; но без суффикса -ьje слова этих корней имели

акут: sъdȍrvъ, bȇrza: ср. чешск. zdrāv, bříza, русск. з д о р ó в, б е р'ó з а.

Метатония пережита в ряде имен прилагательных. Если в именной форме двухслоговое прилагательное имело акцент (ударение) на окончании, то в сложной форме ударение переходило на коренной слог; при этом интонация этого коренного слога становилась из циркумфлексной новоакутовой. Имен. форма: чакавск. bēlȍ, golȍ, русск. б ѣ л ȍ, г о л ȍ; но сложн. формы: чакавск. bȇlī, русск. б ѣ̀ л о й, г ȍ л о й (г у͡о л о й,— по некоторым говорам). Если двухслоговое именное прилагательное имело ударение на коренном слоге, то судьба интонации и акцента была не одинакова во всех случаях:

а) если корень имел акутовую интонацию, то акцент (ударение) оставался на прежнем слоге, но происходило изменение интонации: она стала новоциркумфлексной: имен. форма чакав. sȉto (вм. sȋto), словин. sı̑to, чешск. sýto, русск. с ы̀ т о; сложн. форма: чакавск. sītī, словин. sītī, чешск. sýtý, русск. с ы̀ т о й;

б) если корень имел интонацию циркумфлексную на долгом или на кратком слоге, то в одних случаях акцент переходил на окончание: имен. форма сербо-хорв. чакавск. bȍso, чешск. mlădo, bŏso, sŭcho, русск. м ȍ л о д о, б ȍ с о, с у̀ х о; сложн. форма сербо-хорв. чакавск. bosȋ, чешск. mlădý, русск. м о л о д ȍ й, б о с ȍ й; в других случаях акцент сохранялся на корне, но интонация становилась новоакутовой: имен. формы сербо-хорв. mȗdro, skȗpo, mlȃdo; сложн. формы сербо-хорв. чакав. mládī, штокав. mȗdrī, skȗpī (⌢ вместо нового акута); польск. mǫdry, skǫpy; чешск. mūdrý ⟶ moudrý, skūpy ⟶ skoupý.

§ 159. К р а т к и е г л а с н ы е. Слог с кратким гласным имел некогда, в доисторическую эпоху, одинаковую интонацию,— ц и р к у м ф л е к с н у ю (н и с х о д я щ у ю). Когда происходила при тех или иных обстоятельствах метатония долгих гласных, то ею были охвачены при определенных условиях и краткие гласные в кратком слоге. Так изменилась циркумфлексная ударенная интонация в именах на -ja (-a): развивалась новоакутовая интонация гласного в корне,— гласного долгого или краткого. Ср. вышеприведенный пример stȍrža ⟶ stȏrža. Примеры с кратким гласным (в кратком слоге): чакав. kȍža, vȍl'a, словин. kóža, vól'a, vón'a, чешск. kūže, vūle, vūne с долгим ū вм. долгого ō; долгота появилась под ударением восходящего типа. Русские диалект. к у͡о ж а, в у͡о л'а — с у͡о

или с закрытым ô; такое ô (у͡о) находится в русских говорах в тех случаях, когда о был раньше под **восходящим** ударением. Или сравните еще форму родит. мн. с изменившейся интонацией циркумфлексной в новоакутовую. Примеры с долгим гласным сообщены выше (stornъ, rǫkъ). Краткий гласный: gorъ, ženъ. Словин. и чакав. gór, žén.

Форма именит. ед. основ на *-о* муж. р. с ударением на окончании: dvorъ, volъ, kon'ь... Ср. чакав. dvór, vól, kón' (с восх. о), русск. диалект. дву͡ор, сту͡ол, ку͡он'.

В связи с таким ударением появились в русском языке *во* вм. *о* в словах **вóсемь, вóстрый.**

Причины, вызвавшие метатонию, неясны. В зависимости от каких-то причин происходило перераспределение сонорно-интонационных волн в отдельных частях предложения. Те или иные изменения в сочетании слов, изменения в построении формы слова, уменьшение сонорной волны слога в связи с редукцией гласного могли обусловить метатонию. Ср. интонацию в dǫ̂bъ, prǫ̂tъ, mo͡ldъ (русск. **мỏлод**) и в dǭbьje, prǭtьje, mōldьje (чешск. mlād). Ср. также разные интонации в именных формах прилагательных по сравнению со сложными: sýto, но sȳtȳi и др.

Итак, славяне в своей речи в доисторический период имели долгие слоги с такими интонациями:

1) с акутовой: kórva, síla;
2) с циркумфлексной: go͡rdъ, drūgъ;
3) с новоакутовой: sto͡rža;
4) с новоциркумфлексной: ko͡rvъ (род. мн.), dêlъ (род. мн.).

Новоциркумфлексная интонация была, повидимому, близка к старой циркумфлексной: в отдельных славянских группах судьба старой и новой циркумфлексной интонации была одинакова.

Более значительно было различие старой акутовой и новой акутовой интонации. Следы этого различия в ударяемом слоге ясно различаются в сербо-хорватском, словацком и польском языках: слог со старой акутовой интонацией сократился (krăva), а слог с новой акутовой интонацией остался долгим (словацк. strāža, польск. strōža ⟶ struža).

На **кратком** слоге была одна из двух интонаций:

1) старая циркумфлексная: pȍl'e;
2) новоакутовая: vȍl'a, dvȍrъ.

§ 160. В языке славян доисторической эпохи пережиты были изменения также в **месте** акцента (ударения).

1) В словах с разными слоговыми интонациями акцент (ударение) перешел со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонацией. Так было и в литовской группе.

а) Акцент перенесен на следующий слог в тех сочетаниях, в которых прежний ударенный слог был кратким или долгим, но с интонацией циркумфлексной, а следующий слог имел акутовую интонацию, как это определено было Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де-Соссюром (последний указал это по отношению к фактам литовского языка).

medjá (mēd'á) с дальнейшим изменением,— русск. межá; ср. др.-инд. mádhya, греч. μέση; vьdová — др.-инд. vidháva; zimá — лит. žēmà; греч. χεῖμα; golvá (русск. голова); прилагат. novà.

Но ср. форму винит. ед. с циркумфлексной интонацией корня и с такой же интонацией окончание ǫ̂: zîmǫ̂, gȏlvǫ̂, nȍvǫ̂, сербо-хорв. zîmu, glâvu, русск. зйму, гòлову.

Ср. также solma,— с акцентом на корне, так как он имел интонацию акутовую; русск. солòма, чешск. slāma, словин. sláma (с восход. ударением).

Сравните ударение на суффиксе: goréti, smьrdéti tьrpéti, но ударение на корне с акутовой интонацией: víděti, slýšati; сербо-хорв. vȉdeti, slȉšati,— с краткостью гласного, указывающей на акутовую интонацию, при которой в этом языке долгота сокращалась (krȁva); ср. литовскую параллель к суффиксальному гласному ė,— параллель в виде ë, соответствующем славянскому акутовому ударению: лит. smirdéti.

1 л. ед. наст. вр. pišǫ́, češǫ́, vęžǫ́; повелит. наклон. piší! pišíte! češí! vęží! Коренной слог в этих случаях имел циркумфлексную интонацию, а окончание акутовую.— Сербо-хорв. 3 л. ед. pîšē, čȅšē. Если же коренной слог имел акутовую интонацию, то акцент не переходил на следующий слог: vídjǫ (сербо-хорв. vȉđu, русск. вйжу), mážǫ (серб. mȁžem, русск. мàжу...).

б) Акцент перешел на предшествующий слог, имевший акутовую интонацию,— dýmъ, dýma: чешск. dým, сербо-хорв. dȉm; лит. dúmai, но ср. др.-инд. dhūmáḥ, греч. θῡμός; слав. být̍i; чешск. být̍i; сербо-хорв. bȉti; лит. búti; но ср. др.-инд. bhūtíḥ.

2) Происходили передвижки акцента в связи с метатонией. Так, напр., в сложных формах прилагатательных: если именная форма прилагательных имела акцент на окончании, то в сложной

форме акцент падал на коренной слог и интонация являлась новоакутовая: bě́lǫ́, golǫ́; но — bě́loje, bě́lŷi, góloje, gólŷi; ср. чакав. и словин. bě̃l, gȏl (с восходящ. удар.), диалект. русск. г у͡о л о й. См. выше.

3) Особое замечание следует сделать о мене места акцента в сочетаниях имен с префиксами или с предлогами,— имен, имевших акцент на начальном слоге. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел издавна акутовую интонацию, передвижки акцента на префикс или предлог не произошло: bе́rza, па bе́rzǫ (ср. русск. н а бер'ô з у), bо́lto, па bо́lto (русск. н а б о л ô т о) и др. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел циркумфлексную интонацию, произошло следующее.

а) В одних случаях переноса акцента на префикс не произошло,— только интонация изменилась в новоакутовую: povȏrtъ → → povo̍rtъ; ср. русск. п о в о р ô т, словин. povràt; но без префикса: vȏrtъ, русск. в ô р о т, серб., слов. vrȃt; potȏpъ (tȏ — с нисходящей интонацией) → potôpъ; ср. словин. potôp, potópa; ср. диалект. русск. поку͡ой (покôй), налôг, поклôн..., указывающие на некогда бывшее восходящее ударение в слоге с *о*, явившееся в эпоху доисторическую вм. более раннего нисходящего.

б) В других сочетаниях акцент перешел на префикс или на предлог: gȏrdъ, zàgordъ, ср. русск. з а̀ - г о р о д; otkȗpъ → ȍtkupъ, ср. русск. о́ т к у п, сербо-хорв. ȍtkup.

Неодинаковость судьбы акцента в сочетаниях префикса или предлога с именем, начальный слог которого имел циркумфлексную интонацию, зависела, вероятно, от того, что образование этих сочетаний происходило в разное время. Одни из них относятся к раннему времени. Это — сочетания без переноса акцента на префикс. Другие возникли позднее. Это — сочетания с переносом акцента на префикс. Сюда же относятся сочетания с предлогами: во всех случаях представлен перенос акцента на предлог, если первый слог имени имел циркумфлексную интонацию. Но со слога с акутовой интонацией акцент не переходил на предлог.

Чередование гласных.

§ 161. Чередование гласных — определенная мена их в словах одного корня. Эта мена отражается и в корне, и в суффиксе, и в окончании. Некогда она имела большое значение в системе индоевропейских языков,— значение грамматическое, служа одним

из элементов для определения грамматической категории слова. Напр.: слав. berǫ, bereši..., nesǫ, neseši..., rekǫ, rečeši... с гласным *e* в наст. времени, но borъ, nosъ (prinosъ), rokъ, otrokъ... в существительных; греч. φέρω — „несу“, но φόρος — „подать, дань“; чередование не в корне: греч. λύκος — именит. ед. — „волк“, λύκε — зват. ед.; слав. vьlkъ — vьlče!; греч. πατήρ — „отец“, с ē в именит. ед., πατέρα с ĕ в винит. ед., πατρός — с отсутствием гласного в слоге перед окончанием -ος — родит. ед., πατράσι — с иным видом суффикса в дат. множ. числа и др.

Все индоевропейские языки представляют указание на определенную систему рядов в чередовании гласных. Чередовались — ĕ‖ŏ‖ē‖ō‖ редукция этих гласных. Реже в чередование входил гласный a. Но применение этих чередовавшихся гласных по грамматическим формам часто не совпадает в отдельных индоевропейских языках, — не совпадает вследствие обобщений в звуковом виде основы и суффикса в применении их к разным формам. А эти обобщения проходили не в одинаковом направлении в каждой индоевропейской группе. Происшедшие обобщения в звуковом виде корня и суффикса в разных формах затрудняют определить условия, при которых возникло это явление (чередование гласных). Есть основание полагать, что наличие *e* или *o* первоначально находилось в связи не с грамматическим значением, а было обусловлено ф о н е т и ч е с к о й системой, — положением гласного в отношении к ударению (к акценту): под ударением — *e*, вне ударения — *o*. Ср. греческое чередование: πατέρες — „отцы“ (именит. множ.)‖εὐπάτορες — „знатные“; φρένες (именит. множ.; ед. φρήν) — „сердце, ум“ ‖ ἄφρονες — „безумные“; νέμω — „пасу“‖νομεύς — „пастух“; σπένδω — „совершаю возлияние“‖σπονδή — „возлияние“; в латинском terra — „земля“, „страна“‖extorris — „изгнанный“.

В течение времени происходило обобщение, выравнение в отношении звукового вида основы по родственным формам. В результате этого морфологического процесса произошли весьма сильные изменения в отношении чередовавшихся гласных в прежних рядах родственных форм: одни формы обобщили основу с гласным *o* вне ударения и под ударением, другие формы обобщились с гласным *e*. Напр., в греч. φόρος — „подать, дань“, с *o*, как и φορά — „несение, подати, уплата“, φορεύς — „носильщик“; φόνος — „убийство“ с *o*, как φονεύς — „убийца“ и т. п. Фонетическое значение чередования e‖o (*e* под ударением, *o* вне ударения) сменилось во многих случаях значением грамматическим: тот или

иной звуковой вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Фонетического происхождения была и ступень редукции: она появлялась когда-то вследствие ослабленной артикуляции гласных ĕ, ŏ, ē, ō, ā. Гласный, получавшийся в результате редукции ĕ, ŏ, невозможно определить в его образовании в наиболее ранних фонетических системах индоевропейских языков,— невозможно по той причине, что судьба его в отдельных языках различна. Условно обозначаем этот редуцированный гласный посредством буквы ª (иное обозначение: ₑ). *У* славян этот гласный изменился в *ь*, *ъ*. Редукция гласных *е*, *о* иногда доходила до нуля звука. Напр.: 3 л. мн. sǫtь, причастие наст. вр. sy (съ), но 3 л. ед. jestь; ср. и в др.-инд. sánti||ásti. Гласный, получившийся в результате редукции долгих ē, ō, ā, тоже невозможно определить для давних систем индоевропейских языков по причине различной замены его по языкам. Условно обозначаем этот гласный посредством ə. *У* славян вместо него получился *о*, в др.-инд. i, в греч. и лат. ă. Ослабление артикуляции в образовании гласных ĕ, ŏ, ē, ō, ā было вызвано каким-то положением слога с этими гласными в отношении ударения в слове. Но позднее морфологические акцентологические передвижки отразились и на применении ступени с результатом давней редукции: в некоторых случаях эта ступень оказалась не только вне ударения, но и под ударением или обобщена для той или иной грамматической категории некоторых слов.

В зависимости от положения в отношении к ударенному слогу находилось некогда и чередование кратких гласных с долгими.

Если чередуются гласные, образование которых различается в укладе органов речи, то такое чередование называют к а ч е с т в е н н ы м: ĕ||ŏ, ē||ō: bhĕr-||bhŏr-, sēd-||sōd- (sēd-||sad-).

Если чередующиеся гласные различаются в количественном отношении, то это будет чередование к о л и ч е с т в е н н о е: ĕ||ē, ŏ||ō (ŏ||a); чередование кратких или долгих гласных с результатом их редукции: ĕ||ª (слав. ĕ||ь или ъ), ŏ||ª (слав. o||ь или ъ), ē||ə (слав. ĕ||o), ō||ə (слав. a||o): sĕd-||sēd- (sedьło||sěděti), gᵘhŏr-||gᵘhōr-(gorěti||garь); berǫ||bьrati; gonʼǫ||gъnati; spěti||sporъ (o вм. ə).

Бывает и чередование смешанное, к а ч е с т в е н н о - к о л и ч е с т в е н н о е: sedьło||sadъ (a вм. ō), žeravь („раскаленные угли“)||garь.

§ 162. При изучении чередования гласных по отдельным индоевропейским языкам приходится выделять особо слова с дифтонгами в широком значении этого термина, т. е. сочетания e, o с i̯, u̯, m, n, r, l в разных фонетических положениях. Сущность чередования здесь та же, что и вне сочетаний с i̯, u̯, m, n, r, l. Но фонетические процессы, пережитые отдельными языками, сильно изменили звуковой облик этих чередований.

В индоевропейских языках имеются следы таких чередований, в которых в состав корня или базы входило сочетание: гласный + согласный шумный или сонорный i̯, u̯, m, n, r, l + гласный. В этой базе один из гласных представлял собою результат редукции: если в первом слоге был гласный e или o, то во втором находился редуцированный ə (результат редукции ē, ō, ā): etə-, otə-; если во втором слоге был ē, ō, ā, то в первом слоге был результат редукции ^{e} или нуль звука: ^{e}tē- (tē-), ^{e}tō- (tō-) ^{e}tā- (tā-).

Если за базой etə, otə следовал гласный, то ə отсутствовал: et, ot, ^{e}t (t). Например:

греч. πεσέομαι (вм. πετέσομαι) — „упаду": отражение базы petə-;
греч. πεπτηώς (πε-πτη-ώς) — „упавший": отражение базы ptē-;
греч. πέπτωκα (πέ-πτω-κα) — „упал": отражение базы ptō-;
др.-инд. patitáḥ (pati-taḥ) — „упавший": отражение базы p^{e}tə-.

Особо нужно учитывать двухслоговые базы с i̯, u̯, m, n, r, l: различные фонетические процессы пережиты этими сочетаниями в отдельных индоевропейских языках.

Отметим звуковой вид ступени редукции двухслоговых баз при положении между согласными: ī вм. ei̯ə-, ū вм. eu̯ə-; m̥̄ (^{e}m̥̄) вм. emə-; n̥̄ (^{e}n̥̄) вм. enə-; r̥̄ (^{e}r̥̄) вм. erə-; l̥̄ (^{e}l̥̄) вм. elə-: tīt, tūt, tm̥̄t, tn̥̄t, tr̥̄t, tl̥̄t; в фонетике славян ī → і; ū → у (ы); m̥̄, n̥̄ (^{e}m̥̄, ^{e}n̥̄) → ę; r̥̄ (^{e}r̥̄) → ьr, ъr; l̥̄ (^{e}l̥̄) → ьl, ъl; интонация в этих слогах, как и в слогах с or, ol, er, el вместо двухслоговых сочетаний, была у славян восходящая; в литовской группе ìm, ùn, ìr, ùr, ìl, ùl. Например:

слав. pъlnъ; лит. pìlnas, др.-инд. pūrṇá — вм. pl̥̄n-;
но ср. др.-инд. párīnam (párī-nam) — вм. pelə-;
греч. πολύς (πολ-ύς) — „многий" вм. pol-;
лат. plēnus — „полный", греч. (гомеров.) ἔπλητο (ἔ-πλη-το), др.-инд. áprāt — „он наполнил" — вм. plē- (с редукцией первого гласного).

§ 163. I. Во всех индоевропейских языках имеются слова, представляющие особый ряд чередований: именно, долгие гласные ē, ō, ā и их редукция ə (вместо ə в славянской группе *о*, др.-инд. i, греч. *α*, лат. ă). Это чередование представляло некогда такой вид:

ē || ō || ə
ō || ə
ā || ə

Перед гласным ə в этих случаях, как и в других сочетаниях, утрачивался. Слав. 3 л. мн. dadętь (da-d-ętь вм. dō-d-ᵊn̥ti), др.-инд. dádati (da-d-ati вм. dō-d-ᵊn̥ti), восходящие к основному *dōdəᵊn̥ti. Другие примеры отмечены будут ниже.

§ 164. В славянской языковой группе ряды чередования, возникшие в более ранней системе, подверглись сильному изменению вследствие фонетических процессов, происходивших в этой группе. В ряде случаев фонетические изменения затемнили связь одних и тех же корней, суффиксов, окончаний в разных словах и формах, как это покажут примеры, сообщаемые ниже.

Но в славянской группе грамматическое применение принципа чередования гласных имело в некоторых случаях актуальное значение, служа приметой для грамматической категории. Так, долгота коренного гласного в глаголах была связана в ряде случаев с итеративным значением основы: lьpéti ⟶ lipati (prilipati), gnetǫ — ugnētati, prositi — prašati. Так возник и новый ряд глагольных основ с долготой гласного, с i в чередовании с ь, с y (ы) в чередовании с ъ: bьrati — birati (izbirati), dъmǫ („дую") — dymati (vъzdymati). Но не во всех случаях гласные i, y (ы) в глагольной основе представляли результат удлинения: они могли представлять собою замену давней ступени редукции двухслоговых баз: ī замену ei̯ə; ū (⟶ y) замену eu̯ə; гласный ī у славян заменял также гласный ī и дифтонг ei̯.

žíti; i того же происхождения, как и в прилагат. živъ; др.-инд. jivaḥ; давняя база gᵘī- — редукция базы g'ᵘei̯ə-, gᵘi̯e-;

tÿti — „становиться жирным"; серб. tȉti (ˋ вм. ˊ), чешск. týti (долгота прежнего восходящего ударения); ср. др.-инд. tūyaḥ — „сильный", греч. τύλη — „опухоль"; с тем же суффиксальным элементом -l- слав. tylъ — „затылок" (чешск. týl); в основе лежит давняя база tū-, — редукция баз teu̯ə-, tou̯ə-, или tōu̯-; ср. указания на tou̯ — tōu̯-: слав. tovъ, серб. tȏv — „тучность", чешск.,

русск. otava, словин. otáviti — „подкреплять силы", чешск. otaviti se — „выздороветь".

Отметим теперь примеры чередования гласных, относящихся к славянской группе. В начале представляем столбец основного ряда чередования, в следующем столбце — чередование с результатами процессов славянской группы. При этом заметим, что не все ступени с чередованием гласных удержались в том или ином индоевропейском языке: многие слова с разными ступенями чередования вышли из употребления.

§ 165. ĕ — e
ŏ — o
ē — ė, a (a после палатальных согласных)
ō — a
ᵊ (ступень редукции) — ь, ъ, нуль звука.

tekǫ || tok, potokъ, otokъ — „остров" || tēchъ — 1 л. ед. сигматического аориста (tēk-s-on), utēkati || tak-, tačati (ст.-сл. истачати) || tьcil повелит. накл. || ticati;

godъ („определенное время"), godina (то же значение): поздѣ же бывъшю приидѫ оуче[ни]ци его глѫще поусто е мѣсто и годъ юже минѫ. отъпоусти народы (Савв. кн.). В соответствующем месте (Матф., XIV, 15) других старославянских памятников находится година (напр., в Мариин. ев.) || žьdati || židati, ožidati; мене ждѫтъ грѣшьници погоубити мѧ (Син. пс.), ждетъ тебе (Син. тр.);

pletǫ || płotъ, zapłotъ || sъplētati, zaplētati || sъplitati;

rekǫ || rokъ, otrokъ || rēchъ — 1 л. ед. сигматич. аориста (rēk-so-n) rēkati (ст.-сл. изрѣкати) || rьci || ricati, proricati;

grebǫ || grobъ — „яма" || grēsъ — 1 л. ед. сигмат. аориста (grēb-so-n), grēbati, progrēbati || grabiti || grьbēti — „быть погребаемым" || gribati;

pled-mę —→ plemę || płodъ;

tepłъ (tep-łъ) || topłъ, topiti;

разнегъть || разногъть („ноготь");

česati || kosa — „волосы";

lemechъ || lomiti;

sedьło || sēsti || sadъ;

skel- (ščel-ь) || skōl- (skala). Ср. лит. skélti „колоть" || skalà — „щепка";

de- в основе с удвоением корня de-d- (d вм. dᵊ — нулевая ступень в чередовании) || dē-, dē-dә (перед гласным dēd-). Это

чередование вм. основного чередования dhě- (dhědh-) || dhē-, dhēdhə- (dhēdh- — перед гласными) — „класть, ставить". Ст.-сл. деждѫ — „кладу", ст.-сл. надєжда, одєжда; і одеждѫтъ сѧ ѣко одеждєѭ стоудомь своімь (Син. пс.), вьдежди прьсты въ оухо его — „всунь пальцы в его ухо" (Син. тр.) || dėti — „класть", „ставить", dę̇ǫ, dějati || sǫdъ (sǫ-d-ъ; sǫ- префикс как в sǫsėdъ, sǫsėkъ) — „суд — judicium" и „vas — сосуд". Ср. др.-инд. dadhmaḥ, лит. deste — 2 л. множ. || др.-инд. ádhām — „я положил", греч. τίθημι (-θη-) буд. вр. θήσω, лит. dėti ||, др.-инд. nidhíḥ (ni-dh-í-ḥ) — „сбережение, сокровище";

noziti, nožь (вм. noz-jo-), пьziti (ст.-сл. проньзнти) || pronizati;

choditi || prichadjati (ст.-сл. прнхаждатн) || šьdъ, šьdъša (ср. русск. „хаживать") || ст.-сл. оушьдь — „беглец";

leg-: legti (ст.-сл. лєщи) || łogъ, połogъ, łože || lėg-: nalėgati || łag-: połagati;

jesmь || sǫtь, sy(сы) — именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.

В суффиксах и окончаниях.

nesešі (nese-ši), nesetь... || 3 л. мн. nesǫtь (вм. neso-nti); основа причастия наст. вр. nesont- (именит. ед. мужск. р. nesy, род. ед. мужск. р. nesontja, ст. сл. несѫща...).

kamy (вм. kamōn) в именит. ед. || kamen- — в других формах: kamene, kameni и др.; sėmę (вм. semēn) в именит.-вин. ед., но в других формах semen-: semene, semena...

nebo (вм. nebos) — в именит.-вин. ед. || nebes- — в других формах: nebese, nebesa...

vьlkъ (ъ вм. -os) в именит. ед., vьlkomъ — дат. мн. || звательный ед. с -e: vьlče! (ср. греч.: λύκος — λύκε!) || им.-вин. двойств. числа не -ŏ, а -ō → a: vьlka — „оба волка", voza; ср. греч. λύκω.

		Перед гласным:	Перед согласным:
§ 166. II.	em (en)	em (en)	ę
	om (on)	om (on)	ǫ
	ēm (ēn)	ěm (ěn)	ę с восход. интон.
	ōm (ōn)	am (an)	ǫ с восход. интон.
	ᵉm (или m, ᵉn или n)	ьm, ъm, (ьn, ъn)	ę
	ᵉm̥ (m̥, ᵉn̥, n̥)	удлинение ym, im	ę с восход. интон.

В этих рядах чередования гласных были замены давних односложных и двухслоговых баз. О двухслоговых базах и о результатах их редукции (n̥, n̥...) см. выше, § 162.

em-: emati: — „брать": вмати плоды (Савв. кн.), ꙁаемъ, ꙁаемодавьць, лихоемьство (Син. пс.)|| ьm-: vъz-ьm-ǫ, sъn-ьm-ъ, ср. синонимическое имя sъ-bor-ъ („собор, собрание"), sъn-ьm-išče („место собрания, сонмище"), j-ьm-ǫ → imǫ, imǫ||ę — перед согласным: vьz-ę-ti, j-ę-ti.

mьnéti||pamętь||poměnati||pominati. Ср. лит. minėti, atmintis.

gromъ||grьměti.

stremę||stromъ — „дерево, ствол"||strьmь.

ženǫ, ženeši — „гоню, гонишь"||gonъ, goniti||gan'ati||gъnati.

zvon||zvǫkъ (zvon-ko-)||zvękъ||zvьněti-; ср. чередование в литовском: žvéngti — „ржать"||žvangéti — „звучать" || žvíngti — „заржать".

pon-, opona (o-pon-a), ors-pon-ъ (распонъ), zaponъka|| pǫto (ponto|| ||pęti||pьnǫ — „натягиваю"||pinati, propinati.

kon-, konъ или konь („начало"): поконь („начало") прѣмѫдрости (Син. пс.), konьсь („маленькое начало, конец"), iskoni||čęti, načęti (восходит к ken- или kⁿn̥-)||načьnǫ||načinati. Ср. латышск. atkan — „снова".

tęga, tęgati||tǫgъ, tǫga, tǫžiti.

sęk-: sękǫnti — „течь", чешск. sáknouti — „просачиваться, иссякать", русск. сякнуть („вода сякнет ис катки" — Среднее Поволжье)||sǫk-: sǫčiti, ст.-сл. исѧчнти, прѣсѧчнти — „прекратить течение, высушить": ты бяко рачи („соблаговоли") нынѣ прѣсѧчнти іс̑точьникъ кръви своѩ (Син. тр.). Ср. лит. señka, sèkti — „падать, течь вниз".

blędь — „заблуждение"||błǫdъ.

pręgъ, zapręgati||prǫgъ, sǫprogъ — „один из двух волов в одном ярме": дроугы рече сѫпрѧгъ воловъныихъ коупихъ пать — „другой сказал: я купил 5 пар волов" (Мариин. ев.); Константин (Кирилл), умирая, говорил своему брату Мефодию: „се брате въ сѫпрѧга бѣахове юдинѫ браꙁдѫ тѧжаща, и аꙁъ на лѣсѣ падаѭ свои дьнь съконьчавъ" — „Вот, брат, мы с тобой были два вола, тянущие одну борозду, и я на борозде падаю, закончив свой день" (житие Мефодия).

tręsǫ, tręseši||trǫsъ.

mętǫ, męteši, mętežь||mǫtiti, sъmǫta.

lękǫ — „сгибаю"||łǫkъ — „лук", łǫka — „излучина, луг": наляжетъ лѫкъ свои — „натянет свой лук", (Син. пс.). Ср. лит. lenkti — „сгибаюсь"||lanká — „луг", как renkti — „подбирать", „собирать"|| ranká — „рука", слав. rǫka.

čęstъ — „частый“ (kᵉm̥-sto-)||komъ; ср. в литовском kim̃štas — „набитый“, kim̃šti — „набивать“, „затыкать“||kams — „ком, глыба“, kamũti — „давить“, „набивать“.

čęstь||kǫsъ — „кусок“, kǫsati: корень kond- — суффиксальный элемент -so-. Ср. в литовском: kánda, kąsti — „кусать“, др.-инд. knādati — „он раскусывает“.

dǫti (dǫ- — восходит, может быть, к dom-, перед согласным, а не к dᵉm̥-)||dъmǫ — „дую“, nadъmenъ (na-dъm-enъ)||dymati, vъzdymati. Отметим образование того же корня в литовском и др.-индийском языках: лит. dumiù, dùmti, др.-инд. причастие dhamitá, аорист adhmāsīt. Все эти формы указывают на давнюю слоговую базу с ее редукцией dhemə-, dhom-, dhᵉm-.

§ 167. III.

	Перед гласным:	Перед согласным:
er (el)	er (el)	er̥ (el̥)
or (ol)	or (ol)	or̥ (ol̥)
ēr (ēl)	ėr (ėl)	er̥ с восх. интон.
ōr (ōl)	ar (al)	or̥ с восх. интон.
ᵉr (или r̥), ᵉl (или l̥)	ьr, ъr (ьl, ъl)	ьr̥, ъr̥ (ьl̥, ъl̥)
ᵉr̄ (или r̥̄), ᵉl̄ (или l̥̄)	удлинение ir, yr, (il, yl)	ьr̥, ъr̥ (ьl̥, ъl̥) с восход. интон.

Сочетания er̥, el̥, or̥, ol̥, ьr̥, ьl̥, ъr̥, ъl̥ подверглись изменениям в славянских языковых группах. См. выше §§ 94—97; 101—107.

В рядах чередования er, or, ol и т. д. были сочетания, одни из которых восходили к односложным базам (er-, or-, r̥-...), другие к двухслоговым и их редукциям (erə-, ᵉre-, orə-, ᵉrō-, r̥̄-, l̥̄-):

berǫ, bermę (ber-mę; ст.-сл. брѣмѧ)||borъ||bьrati||birati, nabirati;

žeravь — „раскаленные угли“||gorėti||žarъ (žēr-, а это вм. gᵘ̯hēr-). Ср. отражение gᵘ̯her-||gᵘ̯hor — в др.-индийском, греческом, латинском: др.-инд. gharmáḥ — „теплота“, греч. θερμός, лат. formus — „теплый“.

stergǫ, steržeši (ст.-сл. стрѣгѫ) ||storža (ст.-сл. стража).

verėja, verti: южн.-сл. vrėti — „запирать“ ||vorъ, zavorъ — „запор“, vorta: южн.-сл. vrata, вост.-сл. vorota.

verteno (vert-eno): южн.-слав. vrėteno, вост.-слав. веретено, vermę (вм. vert-mēn; южн.-слав. vrėmę)||vortiti (южн.-сл. vratiti||vьrtėti, vьrsta (вм. vьrt-ta). Те же виды корня отражаются и в других индоевропейских языках: vert-: лит. ver̃sti — „что-

нибудь вертикально вращать", лат. vertō — „поворачиваю, вращаю", др.-инд. vārtate — „вращаться", vártman — „колея, путь"; vort: лит. vartýti; vr̥t-: лит. virtaũ, vir̃sti — „падать", „опрокидывать", др.-инд. vr̥tta — „образ жизни".

mer-, merti (южн.-сл. mrěti, русск. мереть) ||morъ, moriti ||umar'ati||umirati. Ср. лит. mérdeti — „быть мертвым" ||nemarùs — „бессмертный" ||mir̃ti — „умирать".

žer-: žer-dło („пасть", „отверстие", „устье реки"): ст.-сл. ждрѣло, жрѣло, белорусск. жерелó, русск. ожерёлок („ошейник"), украин. джерело („жерло", „источник"), чешск. žrídlo → zřídlo („источник") ||žьr-: žьr-a-ti — „глотать", žьr-dło (то же значение): ст.-сл. ждрьло, др.-русск. жьрло, украин. жорло, серб. ždr̂lo||gъr-dło, gъr-ło („горло"); тот же корень, распространенный посредством t — gъrt-anь. Ср. в литовском чередование ger-||gur-: gerklė̃ („горло"), gurklỹs („зоб"), др.-прусск. gurkle („горло"). Основное g̑ᵘer-||g̑ᵘᵊr-.

sъporъ (sъ-por-ъ) ||pьrěti, sǫpьr'ь (sǫ-pьr'ь) — „противник в споре" ||pirati, perpirati (ст.-сл. прѣпирати).

per-, perti (южн.-сл. prěti, вост.-сл. перети) ||por-, opora||pьrǫ — „подпираю".

čert-, čersti (вм. čert-ti; čert- вм. kert-) — „резать" (ст.-сл. чрѣсти, русск. очерести — „определить границу, провести пограничную черту") ||kort-,kortъkъ (южн.-сл. kratъkъ, вост.-сл. короток); kortъ — „раз", „удар" (южн.-сл. kratъ, ст.-слав. дъва краты) ||čьrt-, čьrta — „черта, штрих"; čьrtadło — čьrtáło — „нож": русск. чертало — „сошной нож", болгарск. чертало — в том же значении. Ср. литовские соответствия: kertù||kir̃sti — „рубить" ||kar̃tas — „раз", в др.-индийском: kr̥ntáti — „он режет", kr̥tíḥ — „нож".

vel-, velěti||voliti, vol'a, dovolъ — „достаточность, довольствие": да в'сегда в'сѣкъ доволъ имѫще (Син. тр.); ѿ своего довола (Галицкое ев. 1266—1301 гг.)||vьlěti, dovьlěti — „удовлетворять": довьлѣетъ намъ си — „нам достаточно этого" (Супр. рук.), довьлетъ ти подвигнѫти сѧ (Син. тр.), дъвѣма сътома сърebрьникъ хлѣби не довьлѣѭтъ имъ — „им недостаточно на 200 серебренников хлебов" (Остром. ев.).

mel-, melti (южн.-сл. mlěti; русск. молоть) ||molь||mělъ|| mьlinъ — „мельница".

stel-, stel'ǫ||stołъ||stьłati||stiłati.

delb-, delto (вм. delbto; южн.-сл. dlěto) ||dolto (вм. dolbto; южн.-сл. dłato) ||dьlbiti.

telk-, telkti (ст.-сл. тлѣщи) ||tolčiti (южн.-сл. tłačiti) ||tьlkǫ.

velk-, velkti (ст.-сл. влѣщи) ||volkъ (южн.-сл. vłakъ), obolko (вм. obvolko; южн.-сл. obłako) ||vьlk-, obьlčeno (вм. obvьlčeno). Ср. те же ступени чередования в литовском: velkù — „волоку" ||ùžvalkas — „наволока" ||vilkti.

ter-, terti (ст.-сл. трѣти, чешск. třiti, русск. тереть) ||torъ, zatorъ||tьr̥-, tьrti, прич. прош. врем. страдат. зал. tьrtъ (серб. tr̀ti, с ` вм. давнего ⌣) ||tьr-, tьrǫ. Того же образования корень отражается в других индоевропейских языках: лат. terō — „тру", греч. τορός — „проницательный", греч. τρᾱνής — „проникающий" (греч. ρᾱ, как и слав. ьr, указывает на более раннее r̥ или r̥). Имеются и другие варианты этого корня: греч. τέρετρον — „бурав", лат. terebra — „бурав", восходящие к базе terə-; греч. τρητός — „пробуравленный", др.-верхн.-нем. drājan — „вытачивать", восходящее к базе trā- или tᵊrā-; греч. τιτρώσκω (τι-τρώ-σκω) — „раню", восходящее к базе trō- или tᵊrō. Следует полагать, что в основе индоевропейских образований с этим корнем лежала двухслоговая база terə-|| torə- и ее изменение.

der-, derǫ, dereši; dervьn'a (русск. „деревня — поле, полевые угодья, поселок с полевыми угодьями") ||dorъ, orzdorъ (южн.-сл. razdorъ, название пункта поселения русск. Дор — пункта, возникшего на месте, на котором выдраны деревья) || déra — „дыра", украинск. дiра, чешск. dīra||darъ, udarъ||dъrati — „драть, колоть" (лит. dùrti — „колоть") ||dyra||dьrati — „сдирать" (лит. dìrti — „сдирать"), dьr̥nъ (dьr̥-nъ)||dirati, sъdirati, zadirati. Ср. еще лит. dúriau (в прош.врем.), греч. δῆρις — „борьба, спор", греч. δέρω, аорист ἐδάρην — „сдирать кожу", др. инд. dr̥ṇáti — „трескается", „лопается". В семантическом соответствии славянскому dervьn'a — „деревня" находится лит. dirvà — „поле". Во всех этих сочетаниях отражается давняя база derə-||dorə-||der-||dor-||dᵊrə-||dᵊr-(dr-).

vor-, — южн.-сл. izvorъ — „ключ, источник"||varъ — „кипяток, жара", variti||vьrěti — „кипеть"||virъ — „водоворот, пучина". Ср. лит. vérdu — „варю"||varùs — „кипящий, варящийся"|| vìrti — „кипеть, бить пеной, варить" (восходит к базе verə- и к результатам ее изменения).

zor-, zorъ, pozorъ, zor'a||zorkъ (zor-kъ; южн.-сл. zrakъ)|| zar'a|| zьrěti|| zirati, nazirati. Ср. лит. žėrė́ti — „лучезарно сиять", žarijà — „раскаленные угли". Восходят к базе g'herə- и к результатам ее изменения.

dervo (южн.-сл. drěvo)||sъdorvъ (sъ-dorvъ; ст.-сл. съдравъ)||drъva.

Семантическую параллель представлял др.-индийский язык: darṇaḥ — „крепкий, жесткий“ — dāru-||dru — „дрова“. Ср. лит. dervà — „сосновое дерево“||латыш. ˛darva — „деготь“||латыш. dũore — „посудина, выделанная из одного дерева“. Ср. греч. δόϝυ — „дерево, балка“||δρυϝός, родит. ед. к δρῦς — „дуб“; др.-инд. druváyaḥ — „посуда из дерева“; гот. triu — „дрова, дерево“. Во всех этих словах отражается в основе база derəu̯- ||dorəu̯- ||dᵉrəu̯- или dreu̯- (гот. triu)||dru̯u̯-. Неясны условия, при которых появились в литовской группе гласные i, u при r, e (ir, ur, il, ul), а в славянской в соответствии с этим ь, ъ (ьr, ъr, ьl, ъl). Неодинаковость гласного бывала иногда в одном и том же корне. Выше отмечены dьrati и dъrati, лит. dìrti и dùrti. С разным звуковым видом стало различаться в значении основы слав. dьrti, лит. dìrti — „сдирать“, слав. dъrti, лит. dùrti — „колоть“. Еще пример такого различия гласного при плавном на ступени редукции: слав. skъrbь — „скорбь“ (серб. skȓb); ср. лит. — жематийское skur̃bti — „находиться в жалком состоянии“, латыш. skùrbt — „становиться бессильным“; но слав. ščьrbъ, ščьrba — „зазубрина, щербина“, латыш. šk'irba — „трещина, щель“ ||skar̃bs — „острый“. Ср. также др.-верхн.-нем. scirbi — „черепок“ (Scherbe) ||scarbô — „резать на куски“. Выше было отмечено также чередование žer- ||žьr- ||gъr-: žerdło — žerło ||žьrdło — žьrło, žьrati||gъrdło — gъrło, gъrtanь. Чередование гласного на ступени редукции представлено было и в др.-инд.: giráti — „проглатывает“, gūrtáḥ — „съеденный“, „проглоченный“.

§ 168. IV.

	Перед гласным:	Перед согласным:
eu̯	ev, ov	ju → 'u
ou̯	ov	u
ēu̯	ěv перед гласн. передн. р.	ju → 'u с восходящ. интонацией
ōu̯	av	u с восходящ. интонацией
ŭ	ъv	
ū	ъv, yv в глаголах итеративного значения.	y (разного происхождения)

В ряду этих чередований имеются слова, одни из которых восходят к однослоговой базе, другие к двухслоговой с ее редукцией: eu̯ə-, ou̯ə- и к их изменениям: ᵉu̯ē- (u̯ē-), ᵒu̯ō- (u̯ō-), u̯ə-, ū-.

В славянской группе, кроме корней (баз) с у (ы) вместо ū, представлявшего ступень редукции двухслоговой базы, появились основы с новым коренным у(ы) в итеративных глаголах, имевших основу с ъ: bъv-(zabъvenъ)||byvati, как dъmǫ — „дую", naďъmenъ||dymati, vъzdymati:

rudъ, ruda||rъděti, rъdrъ — „красновато-желтый"; rъdja — rъd̄'a — „ржавчина"||rydjo → ryd̄'ь — „рыжий". Ср. в литовском raudà — „красная краска"||rūdas — „краснобурый", греч. ἐρυθρός — „красный, темнокрасный"||лит. rūdìs — „ржавчина".

dupa, duplo, dupъka — „отверстие, дыра"||dъno (вм. dъpno). Ср. лит. dubùs — „глубокий" и dùgnas вм. dùbnas — „почва, грунт".

gubiti, sugubъ — „двойной", собств. „согнутый"; такое же значение su- отражается и в таких прилагательных по болгарским говорам: суголѣм — суголем — „довольно большой", сумалечок — „маленький" (примеры из Македонии; того же значения слово было в древнеиндийском sū (на ступени редукции) — „хорошо" ||gъb-, gъnǫti (вместо gъb-nǫ-ti)||gybati, gybělь. Ср. значение литовского linkas в таких словах: dvìlinkas — „двоякий", „двойной", trìlinkas — „трoякий", „тройной"; тот же корень на полной ступени в глаголе lenkiù, leñkti — „гнуть".

bl'udǫ, bl'usti (восходит к bheu̯d-) ||buditi (восходит к bhou̯d-)|| bъděti, bъdrъ (bъd-rъ).

kruchъ, ukruchъ — „ломоть хлеба", krušiti — „ломать"||krъcha, krъšьka.

treu̯- ||trou̯-: натроути („накормить", синонимическое напитѣти), натровєши („накормишь): натровєши ны хлѣба слєзьна І напоіші ны слєзъ въ мѣрѫ (Син. пс.); truti, otruti („травить, отравить"); otrovъ („яд") ||treu̯-: trěva (ст.-сл. и совр. болгарск. трѣва первоначально имело значение „корм", затем „трава")||trōu-: trava („корм", затем „трава"), potrava, sъtrava („пища"), otravъ („яд"), otraviti.

dūžg-||dou̯zg: — ст.-сл. дъжд- — (дъждь)||доужд-: доуждєвьныихъ водъ (Супр. рук.);

studъ, studja → stūďa (русск. стужа)||stydъ.

nyně||nъně — русск. (диалект.) ноне, nъ — „но". Ср. чередование в других индоевропейских языках: др.-инд. nū — „ныне", греч. νῦν — „ныне", лит. nūnaĩ, сев.-герм. nūna||др.-инд. nú — „теперь"; греч. νῦ, νῦν — частицы усилительного значения: „ну, же", лит. nù — „теперь, ну!" — Производные имена прилагательные др.-инд. návah — „новый", греч. νέϝος, лат. novus, слав. novъ.

čuka — „выпуклость, горная вершина“ (вм. keuka)||kuka (вм. kouka) — „выпуклость“, kūca (вм. koukja)||kyka, kyčька, kyka — „макушка головы“; рабъ... постригающи кыкы главы своем (Син. тр.) ||kvaka значение то же, что и слова kuka: „выпуклость“, затем „крюк“. — Ср. лит. kaũkas „выпуклость“ || kùkis — „навозный крюк“. Восходят к двухслоговой базе и ее редукции keuə-|| kouə-||keu-||kou-||kuo-||kū-.

kovati||kujǫ (ku-jǫ), kuznica (ku-znica)||kъznь (kъ-znь) — „кознь“|| ky-znь: разрѣши кызни („козни“) вражим (Син. тр.) — διάλυσαν τὰς καθ' ἡμῶν μηχανὰς τοῦ ἐχθροῦ. Для понимания этимологии слова „kъznь“ (kъ-znь) ср. слово „kovь“ в том же значении: кови же й съвѣти („советы“) зьли на на плетоми възвахѫ (Супр. рук.), сохрани от всего дѣяниѣ и кова I дха нечиста (Син. тр.). — Ср. в лит. káuju, káuti „ударять, ковать“.

oup-: upiti (up-i-ti) — „вопить“. В таком виде корень был представлен в сочетании с префиксом vъz-(vъzupiti) по болгарским говорам X—XI вв. В старославянских памятниках не отразился этот глагол с таким видом корня. Но был в том старославянском оригинале, к которому восходит сербское Мирославово ев. (XII в.), представляющее възюпити (ю пишется в этом памятнике и вместо оу). || Слабая ступень корня ŭp-: v-ъp-: vъpiti; ст.-сл. въпити, възъпити, русск. диалект. вóпить.

choul-: chuliti — „унижать“ (собственно „склонять“), „ругать“, словинск. húla — „сгиб“||chūl-: chyliti — „наклонять“, chyłъ — „согбенный“, „слабый“.

pjōu||pjū-: pl'u- (pl'uti)|| pl'i- (pl'inǫti). В старославянском языке отражаются формы с той и с другой ступенью чередования: пл'юнати, пл'инати, пл'иновение; пливжвы на земльк замазавы слинами (Син. треб.). Ср. лит. spiáuti.

rovъ||runo (ru-no)||rъvati||ryti||ryvati, poryvati; ст.-сл. сънидетъ ѣко дождь на роуно ръватвы ржтьнык (Син. пс.); недѫгоу рыющюмоу жилы (Син. тр.).

uk-, nauka, učiti||vyknoti.

navь — „мертвец“, unaviti — „утомить“||nyti — „ныть“, unyłъ.

słovǫ, słoveši||słuti||sława||słyti.

gou-: gov-orъ; gu-kъ, gu-kati||geu-: žukъ||gū-: gykati||gъv-: gъvara.

krovъ, pokrovъ||kryti||krъvenъ, sъkrъvenъ||krъjǫ, krъješi. — Ср. лит. kráuju, kráuti — „класть рядом“||krūvà — „груда“.

reveši, revǫ||ruti; въздроувъ же воевода на воины (Супр. рук.). płovǫ||płuti||pławiti||płyti|| płъtъ — „плот, паром“. — Ср. латыш.

pɫevinât — „заставлять лететь", греч. πλέϝω — „плыву на корабле", др.-инд. plávate — „плавает" || лит. pláuti — „полоскать", греч. πλωϝω — „плаваю на корабле" || др.-инд. plāvayati „пускает плавать" || греч. πλύνω — „мою", латыш. pluts — „плот, паром". Эти образования восходят к двухслоговой базе pleu̯ə- || plou̯e- и к ее редукции.

zovǫ || zъvati || zyvati, prizyvati. Ср. лит. žavėti — „говорить, пересуживать", др.-инд. hávītavē — „кликать", havih — „жертва". Двухслоговая база и ее редукция g'heu̯ə-.

byti || baviti || bъvenъ, zabъvenъ || byvati. Ср. лит. búti, búvo — „был", др.-прусск. buvinaiti — „жить, обитать", др.-инд. bhávati — 3 л. ед. „есть, становится" || буд. врем. bhaviṣyáti || аор. ábhūt. Эти и другие образования для глагола „быть" имеют основы, восходящие к двухслоговой базе bheu̯ə- || bhou̯ə- и к ее редукции (bhū-, bhŭ-).

kvasъ || kysnǫti. База давняя keu̯əs- || ku̯ōs- || kūs-.

chvatati || chutь — „желание" || chotěti || chъtěti || chytiti, chytrъ (chyt-rъ). Ср. значение ɫovъkъ и ɫoviti. — Восходят к сочетаниям с заменой базы khou̯ət- || khu̯ōt- || khou̯t- || khūt- || khŭt- || khət-.

ku̯ōp-: kvapiti — „спешить", „торопиться" || kūp-: kypěti; ст.-чешск. kyprў — „старательный", „деятельный". Основной вид — двухслоговая база kᵃu̯ēp- || kᵃu̯ōp- || kūp- (ступень редукции).

chu̯or- (вм. chᵃu̯or), chvorъ — „больной" || chou̯r (вм. chou̯ᵃr), chur-: чешск. churavў — „больной" || chūr (ступень редукции двухслоговой базы): chyr-: chyrěti — „слабеть".

В суффиксах: в основах на- ŭ: в именит. ед. основа с -ŭ → ъ: synъ, ср. лит. sūnùs; в родит. ед. основа с -ou̯: synu; ср. лит. sunaũs; в дат. ед., в именит. множ. основа с -ov перед гласным: synovi (дат. ед.), synove (именит. мн.); в местн. ед. основа с -ōu̯: synu; ср. др.-инд. sūnāu; в именит.-вин. двойств. основа с -ū: syny.

§ 169. V.

	Перед гласным:	Перед согласным:
ei̯	ьj (ьi̯)	i
oi̯	oj (oi̯)	e
ēi̯	ěj (ėi̯)	i с восходящей интонац.
ōi̯	a, (ai̯)	ě с восходящей интонац.
ĭ	ьj (ьĭ)	ь
ī	ьj (ьi̯)	i
		i появился и в новых образованиях, в итеративных глаголах (nabirati...)

В рядах этого чередования были образования с заменами давних основ с односложной или двухсложной базой.

lěpiti||lьpěti, lьnǫti (вм. lьpnǫti)||lipati. Ср. латыш. pēlaipe — „припек в хлебе“ || лит. limpù, lìpti.

světъ||svьtěti, svьnǫti (вм. svьtnǫti) — „блеснуть“ (о свете, о заре): свѣтъло свьтатъ сѧ (Син. тр.) ||svitati. Ср. лит. švaisà — „проблеск“ || švintù, švìsti.

slěpъ||slьp-: oslьpnǫti ⟶ oslьnǫti — ст.-сл. осльнѫти, аор. осльпъ, чешск. oslnouti, польск. olśnǫć вместо oślnǫć.

tiskъ||těsk-no ⟶ těsno, těsk-to ⟶ těsto, тѣскъ — „пресс“ — в среднеболгарском Търновском ев.

tichъ||těch-: utěcha, tešiti.

strig-(strīg-, streig-)||strěg-(stroig-): построуци власы, постригалища, пострижения (Син. тр.).

čistъ||cěditi, cěstiti — „чистить“. Ср. лит. skýstas — „жидкий“ || лит. skáidyti — „отделять“, skaidrùs — „светлый, ясный“

viti||vьjǫ||voi (вм. voi-ь)||věnьcь.

piti||pьjǫ||poi (вм. poi-ь); napoi||pajati; napajati.

rinǫti||roi (вм. roi-ь)||rějati.

pьsati, pьstrъ||pisati.

pьchati, pьšeno||pichati.

liti||lьjǫ||lějǫ||loi (вм. loi-ь) — „сало“. Ср. лит. lěju, lějan, lěti|| lyjù, lijaũ, lýti. — Двухслоговая база leiə-.

žiti, živъ||goiti (вм. goiiti) „выращивать“, goi (вм. goi-ь) — „мир, изобилие“ ||gai (вм. gai-ь) — „лес, роща“; ср. в семантическом отношении русск. роща (вм. orstja; orsti ⟶ rosti). Ср. образования с соответствующим корнем в других индоевропейских языках: др.-инд. jīvaḥ (džīvaḥ) — „живой“, лит. gývas, лат. vīvus|| др.-инд. gáyaḥ — „дом“, др.-иран. gayō — „жизнь“. База g^u eiə-|| g^u oiə- и результаты ее изменения.

В суффиксах: в основах на -ĭ в именит. ед. основа с -ĭ ⟶ ь: gostь; родит. ед. основа с -ei ⟶ i: gosti; в именит. множ. основа с ei перед гласным окончания (-es); gostьje (вм. gostei-es), в именит.-вин. двойств. основа с -ī: gosti.

§ 170. Выше была отмечена схема чередований таких баз, в которых чередовались только долгие ē, ō, ā с их редукцией, с ə. Перед гласным ə утрачивался. Замена этого чередования у славян:

I. ē — ė или a после палатального согласного

ō — a

ə — o или отсутствие его (перед гласным).

rēzati||razъ, raziti. Ср. чередование в греческом: ῥῆγμα — „разрыв“ || ῥωχμός — „ущелье“ || ῥαγῆναι — „быть сломанным“ (греч. *a* вместо ə).

čadъ || kaditi.

lězǫ ||łaziti.

spěti||sporъ — „изобильный“. Ср. лат. spēs — „ожидание, надежда“, др.-инд. aphātiḥ — „ожидание“ ||др.-инд. sphiráḥ — „жирный, богатый“ (в др.-инд. ə ⟶ i).

dati||dadętь (da-d-ętь; d вм. də перед гласным), pridъ (prid-ъ) — „приданое“. Ср. греч. *δίδωμι*, лит. dů̊ti||лат. dedī (ded-ī).

II. a

ə

stati||stojǫ. Ср. лат. stāre, др.-инд. ásthāt||лат. status (в лат. ə ⟶ ă), др.-инд. sthitáḥ.

bajati, basnь||bobony (bo-bo-ny) — „суеверис, связанное с говорением“. Ср. греч. дорич. φᾱμι „говорю“||φᾰμὲς „говорим“.

В суффиксе: в основах на *-a* звательная форма представляла основу на -ə (в греч. ə ⟶ ă, в слав. ə ⟶ ŏ): žena||ženo! Ср. зват. форму в греч. νύμφᾰ! — „невеста!“, „невестка!“

Неясны условия чередования e||o||ē с ei̯||oi̯. Такое чередование было представлено, например, в таких корнях.

kep-||koi̯p-: čep-||cěp-, čepiti, русск. чепь, укр. чепiти — „виснуть“, чепкий — „ловкий, цепкий“; польск. čepić się — „зацепляться“. Ср. латышск. k'ept — „приставать“. Слав. čepiti, русск. цѣпь, укр. цiплятися.

Иное значение слов с корнями čep||cěp-: čepiti — „колоть, рассекать“, cěpiti, cěpati — в том же значении; cěpъ — „цеп“, „палка“, osěpěti или osěpeněti — „одеревянеть“; ср. синонимические слова o-kol-ěti, kołъ; ср. также значение kol — „рассекать“ (kolti — „колоть“). Ср. греч. σκίπων — „палка“, σκέπαρνος — „тесла, топор“.

skěp-||skēp-||skop-||skei̯p-||skoi̯p-||skīp-: ščep-||skop-||ščip-||scěp- — корень с значением „колоть“, „резать“: ščepati, ščepa, ščepь, ščapa (ė ⟶ a), ščipati, skopiti. Ср. σκέπαρνος — „топор“, σκίπων — „палка“, лит. skēpsnė — „кусок материала“, skópiti — „вырезывать ножом“, skāptas — „вырезной кривой нож“.

sker-||koi̯r — „отделять“, „резать“: ščer-||cěr-: ščeriti, cěriti — „отделять, скалить зубы“, русский глагол ощеряться — „зубо-

скалить", имя Ощера. Ср. лит. skìrti — „отделять, резать", греч. κείρω — „стригу, режу".

ă. Чередования с кратким ă в данной системе индоевропейских языковых групп были в немногих случаях. Так, в начале слова было в некоторых группах чередование ă||нуль звука. Напр.: греч. αὔξω — „увеличиваю", лит. áukštas — „большой"||др.-инд. úkşant — „растущий" и некоторые др. Для чередования ă||ŏ нет достоверных примеров. Если такое чередование и было когда-то, оно совпало в славянской группе с чередованием *o*||*e*, так как ă заменился тут гласным ŏ.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 171. Звуковой состав старославянского языка был охарактеризован выше, в §§ 35—40. Там же определено отношение старославянского языка к другим славянским языковым группам и отмечена генетическая связь элементов этого языка с говорами славян Македонии и Болгарии.

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в., за исключением немногих черт, представляла те же элементы, какие находились в системах и других славянских языков в ранний период их жизни, — элементы, возникшие в доисторическое время. В предшествующем отделе рассмотрены были главнейшие процессы и явления древнейшей фонетической системы славянских языковых групп. Нижеследующий же отдел посвящен изучению фонетической системы старославянского языка в его основе второй половины IX в. и в дальнейшей судьбе в X—XI вв. по указанию памятников этого языка.

ѣ.

§ 172. ѣ — в кириллице, ⰰ — в глаголице, — буква, называвшаяся славянскими книжными людьми „едью" (ⰰⰔ — ѣдь, ıадь — „еда"). В Битольской триоди (XIII в.) в одном месте (на л. 93 об.) три буквы, п, р, ѣ (в слове прѣставленӹ) написаны вместе. Против этой лигатуры писец заметил: „покои (т. е. букву п) и рьці (т. е. букву р) и ıадь (т. е. букву ѣ) ꙁаедно написахь простѣте ма".

Звуковое значение старославянского ѣ — широкий гласный переднего ряда ä с мягкостью предшествующего согласного. На

такое образование ѣ указывают графика, некоторые черты правописания, дальнейшая судьба этого гласного в болгарском языке, а также некоторые факты графики древнерусских и древнесербских рукописей.

В отношении графики важное указание представляет глаголица. Она имеет один знак ѧ для замен давнего ě и 'а (*а* после мягкого согласного) и jа. Составитель глаголицы ограничился одним знаком для передачи этих звуков потому, что они были близки один к другому,— близки потому, что вместо *а* после палатального согласного произносился гласный переднего ряда или близкий к нему,— явление, свойственное фонетической системе многих славянских языковых групп, в том числе и болгарской. Можно полагать, что не совсем тожественны были в болгарских группах, или по крайней мере в некоторых из них, образования ä вместо давнего ě (вѣнѣ, горѣ) и ä вместо *а* после палатального согласного (кон'ѣ — род. ед. от кон'ь, боур'ѣ — имен. ед.). Разница была повидимому и в предшествующем согласном и в самом гласном: согласный перед ѣ вм. ě не являлся таким сильно смягченным (палатальным), как перед ѣ вм. '*а*; возможно, что гласный ѣ вм. '*а* не был того же места образования, как ѣ вм. ě, а был близок к среднему ряду ('ä).

В кириллице имеются два знака: ѣ для замены ě, ꙗ для замены 'а и для jа (i̯а). Но в кириллических памятниках встречаются написания с ѣ и вместо ꙗ. Показательны в этом отношении листки Ундольского: они имеют только ѣ; ꙗ отсутствует: в одних случаях пишется ѣ, в других а: ѣко, твоѣ (=твоꙗ) септабрѣ — род. ед., съконьчѣние, слышавъши, ѡвѣщавъ... И в других кириллических памятниках, имеющих ѣ и ꙗ, находятся написания с ѣ вм. ꙗ: волѣ — им. ед., морѣ — род. ед.; но: моꙗ, часъ, ваша, жалоужще. (Савв. кн.)

§ 173. В Киевских листках ѣ вместо давнего *а* находится не только после j (ѣко), но и после ч, ш, ж; чѣшѣ — им. ед., нашѣ... Но имеются и написания с а после шипящих согласных: съгрѣшати, папежа. В других памятниках обычно пишутся ча, ша, жа при редких вариантах с ѣ, вероятно, перенесенных из более ранних оригиналов. При этом наблюдается такое различие в передаче замены того же гласного после мягких н', л', р': в глаголических памятниках после этих согласных пишется ѣ (ѧ): кон'ѣ — род. ед., вол'ѣ — им. ед., боур'ѣ (боурѣ) — им. ед.; после же ч, ш, ж — а: чаша, наша, жаль, при редких написаниях с чѣ, шѣ, жѣ. Из кириллических

памятников листки Ундольского представляют то же явление. Но в Саввиной книге ѣ пишется обычно после р, л: морѣ — род. ед., волѣ — им. ед. Но после н' — ꙗ: вонꙗ· После шипящих и после j в этом памятнике ꙗ: часъ, чаша, жалоуѭще, ꙗко· В Супрасльской рук. только в отдельных случаях, — в словах, перенесенных из более ранних оригиналов, — встречается ѣ после н', л', р'· Обычно пишется ꙗ: волꙗ. Таким образом, в кириллических памятниках нашел себе отражение результат дальнейшего развития того явления, на которое указывают и глаголические памятники: замена ѣ вместо давнего *'а* после шипящих согласных, а также после других мягких согласных посредством ꙗ. Во 2-й же половине IX в. и несколько позднее, как указывают Киевские листки, ѣ вместо давнего *'а* был представлен не только после j, n', l', r', но и после шипящих согласных. В XI же в., по указанию глаголических рукописей, после шипящих согласных произносился гласный *а* или близкий к нему: ша, жа, ча: чаша. Изменение это (шѣ ⟶ ша...) было вызвано особой артикуляцией шипящих согласных, — особенностью, независимой от их отвердения: и при мягком их произношении происходила диспалатализация гласного переднего ряда ь в ъ (шьдъ и др. в Савв. кн.); несколько позднее, с XII в., после ш, ж отражается веляризация ѧ: шѧ вместо ша, жѧ вместо жа: жѧтва... В таком же направлении изменялся и тот гласный ѣ, который в течение какого-то периода времени произносился вместо давнего *а*: шѣ ⟶ ша, жѣ ⟶ жа, чѣ ⟶ ча. Следовательно, до этого изменения, до веляризации его, это был гласный не е, а гласный ä или близкий к среднему ряду ȧ. В кириллических памятниках отражается более широко такое изменение ѣ (вм. *'а*): такой ѣ изменился в а не только после шипящих согласных, но и после j, л', н' р' (Супр. рук.).

Примерами могут служить формы повелительного наклонения с таким гласным (а). Саввина кн.; пиꙗте! плачате! покажате! Из Супрасльской рук.: постелимъ вместо пиите! плачите! покажите! постелимъ! Гласный а появился вместо ѣ. А с этим гласным (ѣ) стали вновь образовывать во множественном числе формы повелительного наклонения под влиянием форм с основой е/о: несѣмъ! несѣте! берѣте! Гласный же ѣ = ä после мягкого согласного получил более открытое образование, близкое к *а*.

В Саввиной книге и в глаголических памятниках имеются также примеры форм повелительного наклонения с ѣ после этих согласных: вънемлѣте! ꙁаколѣте! покажѣте! ищѣте! (Савв. кн., Остро-

мир., Зограф., Мариин., Ассеман.). Это — более позднего времени новообразования, когда ѣ не переходило уже в а после j, ч, ж, ш, шт.

Того же времени были и новообразования формы сравнительной степени с ѣ после шипящего согласного: мъножѣиша в Мариин., множѣиша в Савв. кн. Это новообразование (вместо мъножаи) возникло под влиянием форм сравнительной степени с ѣ: добрѣи, старѣи и т. п.

Ссылаются иногда на написание с ра вм. рѣ, находящиеся в Синайской пс.: пра̑врати вместо прѣврати (л. 103), пограбаѭ вместо погрѣбаѭ (л. 106), врамѧ вместо врѣмѧ (л. 110). Полагают, что в этих написаниях отразилось фонетическое явление: изменение рѣ в ра. Но эти написания Синайской пс. не показательны: в этой рукописи в многочисленных случаях отразилась невнимательность писцов: часто буквы недописываются, пропускаются, путаются; в особенности много графических заскоков вперед: написание буквы следующего слога: кото вм. къто, гога вм. рога и др. Полагаем: правраті, пограбаѭ, врамѧ относятся к числу таких же описок.

Не показательны для суждения об изменении рѣ в ра и написания трава и трѣва: здесь отражается давнее чередование ē (ё) с ō (а); см. в отделе о чередовании гласных, § 168. В языке славян Болгарии издавна употреблялись трава и трѣва. В таком виде это слово представлено и в современном болгарском языке. Это слово с ѣ находилось и в тех старославянских рукописях, которыми пользовались на Руси. Написания трѣва, трѣвьное находятся в Остромировом ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Кирилла Иерусалимского. Представлено это слово и с а: трава.

Такое же чередование отразилось в глаголе подражати — греч. ἐκμυκτηρίζω („насмехаться над кем.-н.“), в Зограф. ев., в Саввиной кн., в Остром. ев.; подрѣжати в Мариин. ев.

§ 174. В передаче греческих слов с αι неодинаково передается в старославянских памятниках греческий гласный, заменивший собою этот дифтонг. В Ассеманиевом кодексе, в Саввиной книге, в Остромировом кодексе в передаче таких слов пишется почти всегда е. Савв. кн.: галилеа — Γαλιλαία; елеонъ — ἐλαία; заведеовъ — Ζαβεδαῖος; кесариѧ — родит. ед. — Καισαρείας; преторъ — πραίτωριον и др. В Мариинском и Зографском кодексах эти слова передаются неодинаково: и с е и с ѣ. Такое колебание в передаче представлено

и в окончании и в корне: галилеи (родит. ед.) — галилѣи, преторъ — прѣторъ. Примеры с е и с ѣ в этих случаях не указывают на изменение гласного ѣ. В этих написаниях ѣ обязано было переписчику или справщику, который стремился внести дифференциацию в славянский текст (писать ѣ в соответствии греческому αι) подобно дифференциации греческого текста, где различались αι и ε, хотя в то время греческое αι имело значение гласного *e*. Непоследовательность такой искусственной дифференциации была обусловлена проникновением элементов живого произношения этих слов с *e*. Отражение такого произношения, ε вместо αι, славянские переводчики и справщики могли найти и в греческих оригиналах.

§ 175. В старославянских памятниках не отразилось изменение ѣ (вместо ė); он оставался гласным ā: — мѣсто, нѣмъ, лѣто, женѣ, рѫцѣ. Различие в судьбе ѣ вм. ė и в судьбе ѣ вм. 'а (нѣмъ, вънѣ, — кон'ѩ) обусловлено было тем, что неодинаково, повидимому, было образование этих ѣ: гласный вместо *'а* был ближе к среднему ряду, чем ā вм. ė; кроме того, неодинаковость палатализации перед этим ѣ имела значение в судьбе этих гласных: перед заменителем давнего *'а* согласный был более мягким (был палатальным), чем перед заменителем давнего ė; после палатального согласного происходил процесс диссимиляции, — процесс диспалатализации гласного ā или ȧ, подобный давнему доисторическому процессу изменения ē в а при таком условии (stojati, kričati...). Итак: kon'ā или kon'ȧ → kon'a. ѣ же, как заменитель давнего ė, не находился после палатальных согласных; согласный перед этим ѣ образовывался не при высокой палатализации; мягкость его была средняя (обозначим ее условно маленькой буквой ᵉ, а не апострофом '): nᵉāmъ (нѣмъ), dᵉālo (дѣло). Происходило взаимное приспособление артикуляции согласного и гласного. Такой гласный ā был представлен всеми группами славян болгарских и на севере от Дуная, и у Балкан, и во Фракии, и в Македонии, и в Греции, и в Албании: славянская топонимия в Румынии, Греции, Албании, славянские слова с ė, находящиеся в румынском, новогреческом, албанском языках, с ė, переданным посредством ā (ᵉa) или а, — судьба ė в разных болгарских группах свидетельствует о таком образовании ѣ, — об ā. Примеры топонимические и лексические были указаны выше: см. § 7.

Только в одном фонетическом условии обнаружилось ранее, чем в других положениях, изменение ѣ: в сочетании цѣ. В этом

сочетании ѣ → а в зависимости только от отвердения *ц*, — от отвердения, происшедшего раньше, чем отвердение шипящих согласных: цѣна → цана, цѣлоуите → цалоуите. Результат такого изменения обнаружился не в старославянских памятниках, а в среднеболгарских (Добрейшово ев. XIII в.). Но несомненно, процесс изменения цѣ по направлению к ца действовал в фонетической системе некоторых болгарских групп и в XI—XII вв.

Грамматик Константин Констенчский (конец XIV — первая половина XV в.), знавший хорошо болгарскую речь, указывал, что в то время ѣ имел широкое произношение, ӓ, и таким образом следует произносить эту букву ѣ, а не смешивать ее с е, как это допускали сербские писцы, и не растлевать писания. Звуки, близкие к ѣ, он указывал в тамошних балканских языках: в турецком бѣнь — „я" (1 *л.* ед. ч.), в греческом кръсь (т. е. *κρέας* — „мясо"), в румынском бѣ (т. е. bea — „пить"): аще оупишеши сѣ е, или аще рєши ѩко сѣ е гл҃ють, сѣ е не можеши право рєщи, сѣ ѣ же тако гл҃ють.

§ 176. В среднеболгарскую эпоху и позднée, в разное время, по отдельным болгарским группам, в одних раньше, в других позднée, происходило общее изменение ѣ (ӓ). Направление этого изменения было такое.

1) ѣ (ӓ) → е во всех положениях. Так в говорах западной Болгарии, Македонии, Албании. В полосе говоров, находящихся в западной Болгарии, в соседней части восточной Македонии, цӓ (цѣ) ранее общего изменения *а* в *е* заменилось посредством ца: цана. Но в то время было еще хл^еӓб, с^еӓно...

2) ѣ → е в одних фонетических условиях (перед мягким согласным или перед слогом с гласным переднего ряда), ѣ → 'а в других условиях (перед слогом с гласным непереднего ряда или в закрытом слоге перед твердым согласным: недел'а, верен, бели; б'ал, л'ато. Так на востоке Болгарии, в Прибалканье.

3) На юго-востоке Албании (в районе Корчи) и на юго-востоке от Солуня (в Родопском крае) находится 'ӓ во всех положениях.

По говорам на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке ее наличие ӓ обусловлено таким фонетическим положением: перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным: л'ӓтен, б'ӓли, нед'ӓл'а. В других положениях ӓ → 'а (или 'ӓ̆, 'ъ — вне ударения): б'ӓли, но б'ал.

Замены гласного ѣ (ė) в современных болгарских группах также свидетельствуют, что в ранней фонетической системе их этим заменам предшествовал гласный переднего ряда ā.

На звуковое значение гласного ѣ в старославянском языке, как на гласный ā, указывают и древнерусские и древнесербские рукописи.

В языке восточных славян образование ѣ было иное: это был гласный закрытый, произносившийся при подъеме языка, более высоком, чем при е, — гласный ê (e[1]). В старославянских памятниках нет написаний, которые указывали бы на гласный е вместо ѣ в речи их писцов. В русских же рукописях встречаются написания с е вместо ѣ. При этом смешение е и ѣ находится главным образом в словах, которых не было в обыденной речи восточных славян, — в словах церковных, книжных. Восточнославянские писцы при передаче этих слов руководствовались не своим произношением (с ê), а тем произношением, которое они слышали от своих учителей, от славян, прибывших из Болгарии. То было произношение с ā, — с гласным, который русские книжники передавали буквою е, так как гласный е был ближе к ā, чем ê (e[1]). — Арханг. ев. обiтель, опреснъкъ, лъжесвѣдетели; Сборн. Святосл. 1073 г. гн'евъ, обитель, съвѣдетел'ь, югоупьтене. В речи восточных славян слово, соответствовавшее старославянскому съвѣдѣтель, представляло иное образование: съвѣдокъ, послоухъ. Словам же с суффиксом -ѣние соответствовали восточнославянские с суффиксом -ание ('ане). Часто писали русские книжники е вместо ѣ в передаче старославянского рѣ в соответствии восточнославянскому *ере*. Реже находятся в русских рукописях примеры с ле вместо старославянского лѣ в соответствии восточнославянскому *оло*: насредоу, тревоу, треве, жребии, тресъ в Сборн. Святосл. 1073 г. и др.; плевелы, пленение, облекоста сѧ, привлече в Минеях 1095—1097 гг.

Возможно, что написание с ре вызвано тем же, чем вызвано и написание с ро в соответствии русскому *оро* и южнославянскому *ра*: в ст.-сл. градъ, врата — в русск. городъ, ворота. Стремясь подражать старославянской передаче, русский книжник писал свое слово без гласного перед *р*: гродъ, врота. Параллельно с этим он писал и ре, пропуская знак для первого гласного в русском *ере*: врема, жребии. Причина того, что написания с ле в русских рукописях находятся реже, чем ре, заключалась в том, что в речи русского писца не было слов с *еле*, которое соответствовало бы старославянскому лѣ, а были слова с *оло*: половелы,

полонъ — в ст.-сл. плѣвелъı, плѣнъ. Объяснять же частое написание с рѣ при редком с лѣ тем, что в произношении славян из Болгарии русские книжные люди слышали *р* твердым перед ѣ, а *л* мягким, не представляется возможным: данные болгарской диалектологии не дают основания для такого объяснения; перед ǎ все согласные в болгарских диалектах представляли мягкость, такими они являются и до сих пор не только перед 'а вместо ѣ (бр'аг), но и перед ǎ. Так по говорам Солунского и Леринского районов на юго-востоке Македонии; так в болгарском говоре изолированных сел на юго-востоке Албании, — в районе города Корчи: b'ăgam, l'ăto, r'ăka, r'ăč, ned'ăla, повелит. накл. nos'ăjte. Так и в говорах Родопского края на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке, к югу от Дуная: p'ăsni, l'ăten den, vr'ăme, повелит. накл. plet'ăte! gor'ăte! pišăte!

Часто встречаются в русских рукописях написания с є в формах с основами телес-, делес-: телесе, телеса, телесьнъıи, делесе, но с ѣ в написаниях форм тѣло, дѣло. Можно полагать, что в речи русского писца были формы, вновь образованные от основ *дѣло*, *тѣло*: *тѣла*, *тѣлу*, *дѣла*, *дѣлу*... вместо основных *тѣлесе* и т. д. Формы тѣлесе, дѣлесе считались книжными, старославянскими, произносившимися по болгарскому образцу t'ǎ-, d'ǎ-, что книжник и в произношении и на письме передавал посредством те-, де-. И памятники сербо-хорватские XIV—XVI вв., написанные на юге, где ě изменился в je, и современные сербские говоры юга также представляют такие книжные формы, с гласным *е*: telesa, прилагат. telesne. Но в именительном единств. ч. применялось это имя в местном звуковом виде: tjelo (tijelo).

Нередки в русских рукописях написания дат. и местн. единств. числа личных местоимений тебе, себе вместо ст.-сл. тебѣ, себѣ. В написаниях русского книжника отразилось смешение книжных форм родит. ед. с дат.: в его речи форма дат.-местного имела вид тобѣ, собѣ; встретив в старославянской рукописи форму тебѣ, себѣ, русский переписчик мог счесть ее за форму родительного единств. (тобе).

Написания форм сравнительной степени и повелительного наклонения с ѣ вместо а после шипящих и после j, — написания, встречающиеся в русских рукописях XI—XII вв., были перенесены из старославянских оригиналов; а там они отражали речевую черту, но не фонетическую, не результат изменения *а* в ǎ, а морфологическую — мъножѣиша, покажѣте, ищѣте и др.

Древнесербские рукописи также указывают на то, что в старославянском языке ѣ произносился не так, как сербский соответствующий гласный. В сербском языке это был гласный, как и на славянском востоке, — гласный ê. Стремясь к книжному произношению некоторых слов, сербские книжные люди подставляли для старославянского ѣ свой гласный є, как это было и в книжной среде восточнославянской: к этому гласному был ближе ѣ (ä), чем к сербскому ê (e^i); произношение же старославянских слов с ѣ могли слышать ранние сербские писцы от лиц, прибывших из Болгарии, из Македонии и утверждавших среди сербов письменность на старославянском языке. В Мирославовом ев. (XII в.) нет примеров, которые указывали бы на изменение в сербском языке гласного ѣ. Написания с є вместо ѣ имеются в этом памятнике. Но такие написания относятся к передаче форм и слов, перенесенных из старославянских оригиналов. Так, встречается написание формы сравнительной степени с є после шипящих: множеншихь (176^об.). Такой формы, с гласным *е*, не было в сербском языке; но в старославянских памятниках они отражаются, — с ѣ: мъножѣнишихъ... С ѣ пишутся они иногда и в сербском памятнике. Такого же значения и передача повелительного наклонения с є: оубнємь (127): в старославянском оригинале было оубнѣмъ, — с ѣ (вместо ꙗ) морфологического происхождения, как отмечено было выше. Сравните и восточнославянские параллели в передаче этих форм, — параллели, идущие от старославянских источников с ѣ = ä, произносившимся в сербской и русской среде как *е*, а не как свой ѣ = ê.

По-книжному, с *е*, произносили в сербской среде слова с корнем *вѣт-*. Такое произношение отразилось на письме Мирославова ев.: отвєщати, оувєщати, сьвєщати, ѿвєть, ѿвєта. С гласным *е* произносили в книжной сербской среде слова с этим корнем и позднée, как указывают грамоты XIV—XV вв. с чертами таких сербских говоров, в которых в то время на месте ѣ произносился je, i.

Как уже было выше отмечено, книжного происхождения были у сербов и хорватов формы telesa, telesne, при форме существительного в именительном единств. числа tijelo.

Ранее общего процесса изменения в артикуляции гласного ѣ происходило изменение в положении после *ц* и по другим славянским языковым группам, — изменение в таком же направлении, как и в болгарских диалектах: в связи с отвердением согласного *ц* произошло понижение в артикуляции гласного ѣ. Такое

изменение происходило и на славянском востоке, в группах южновеликорусской и северновеликорусской, и на юге, в группах сербохорватских. В северновеликорусских говорах, в которых замена гласного ѣ является в виде ê, е, і, находится иной результат в судьбе гласного ѣ после *ц*: ѣ в этом сочетании (цѣ), вследствие отвердения *ц*, понизил свою артикуляцию: ѣ → е или ä. Такой же процесс происходил и в южновеликорусских говорах, как подробнее об этом говорится в моем курсе истории русского языка. Позднее по северновеликорусским говорам цä → ца: цалова́ти, цалко́вой, цана. В других северновеликорусских говорах слова с *це-* вошли в ряд со словами, представлявшими гласный *о* вместо давнего *е* перед твердым согласным; стали произносить *цо-* и вместо *це-* из цѣ-: цоловати, цолковой,— без цолованья — в Стоглаве (XVI в.), не чолоую — в Новгородской 4-й летописи.

На такой процесс в изменении сочетания цѣ в областях сербских указывает Мирославово ев. своим написанием целꙑвати. Эта передача указывает на фонетическую черту (*це-*) и на морфологическую (глагольное новообразование с суффиксом *-ыва-*, *-ива-*). Такое изменение пережито было не только в сербском говоре писца Мирославова ев., но и в говорах других сербо-хорватских областей: глагол celivati представляют не только говоры на востоке сербской области (с е вместо ѣ), но и на юге (с је вместо ѣ).

ѫ, ѧ.

§ 177. В системе старославянского языка были носовые гласные. Один из них был заднего ряда, другой переднего. Можно полагать, что после палатальных согласных произносился носовой гласный не заднего ряда, а переднего или среднего: chran'ǫ̈ или chran'ǫ. В глаголице для передачи этих гласных служили знаки Ⱘ для носового гласного заднего ряда, Ⱙ для замены носового гласного заднего ряда после палатальных согласных, Ⱔ, Ⱗ для носового гласного переднего ряда. В кириллице — ѫ, ѭ, ѧ, ѩ.

Название буквы для носового гласного „юс" прошло сербскую или восточнославянскую языковую среду, с *у* вместо носового гласного заднего ряда. Название буквы ѫ (ѭ) представляло не только звуковой вид ѭсъ, но повидимому и ѫсъ („ус"). См. ниже, § 200а. Начертания глаголических Ⱘ и Ⱗ ясны по их происхождению: первый состоит из Ⱉ (*о*) и Ⱔ; второй — из Ⱛ (*е*) и Ⱔ. Одинаковая вторая часть начертания для того и другого юса указывает на

общий элемент передаваемых звуков, на носовое произношение их. Эта часть служила иногда и для передачи согласного *н*. Так неоднократно передан *н* в слове ангелъ в Синайской пс.: ⰰⰵⰐⰃⰵⰾⱏ
Происхождение левой части глаголического йотованного юса большого неясно. В первоначальной глаголице не было ⰵ в значении носового гласного переднего ряда после палатальных согласных: пользовались одним знаком ⱗ, параллельно тому, как употреблялся один знак ⰵ для *е* после непалатальных и после палатальных согласных, а также и для передачи je (ie). Только один этот знак применялся в Киевских лл., в Синайской пс. Позднее этот знак стали употреблять в начале слова и после гласного, а после согласного носовой гласный переднего ряда стали передавать посредством одной второй части этого знака.

Знаки юсов кириллицы находились в зависимости от глаголических начертаний. В первоначальной кириллице также не было йотованного юса малого. Его нет в старославянских кириллических памятниках. В лл. Ундольского находится один знак ѧ — десѧте, ѥѧ... В других памятниках отразилась потребность в передаче йотации (i или j) перед ę: введен второй знак для носового гласного переднего ряда, ѧ или ѧ. Прежний же знак ѧ применялся в значении ѩ (ję), а для ę после согласного писали ѧ или ѧ. Так в Саввиной книге: ѩзыкъ, своѩ вин. мн.; имѧ, сѧ. Так и в Супрасльской рукоп. В Хиландарских же лл. ѧ употребляется в значении ѩ, а ѧ особого начертания находится после согласного: подѧти, оуподѣл'ѣѧ, сѣѧѕѧ сѧ. В Зографских лл. после гласного находится ѧ, а после согласного ѧ, как ѧ в Хиландарских лл.

§ 178. Носовой гласный заднего ряда ѫ представлял собою в языке славян болгарских в VIII—IX вв. носовой гласный заднего ряда лабиализованный. Можно полагать, что этот гласный был тогда не обычного образования носовой гласный ǫ, а лабиализованный носовой ъ̨. К XII—XIII вв. определилось иное образование носового гласного заднего ряда,— образование носового нелабиализованного ъ̨ или по говорам неносового нелабиализованного *ъ*. После палатального согласного образование носового гласного было в среднем или в переднем ряде полости рта. На то, что ѫ в XI—XII вв. в болгарских говорах был носовым ъ̨, указывает судьба его в среднеболгарскую эпоху: он заменился по говорам в разных болгарских областях гласным ъ: памятники XII—XIII вв. представляют замену ѫ посредством ъ, или пишут иногда ѫ вм. ъ. Несколько примеров: съботныи (Боянское ев.

XIII в. из собрания Григоровича); лѫжь вм. лъжь; бѫдрь вм. бъдрь, тѫма вм. тьма из тьма (там же); нъѫда (Болон. пс. XIII в.).

На такую замену гласного ѫ указывают и все современные болгарские говоры: они представляют ъ или замену его (как и всякого другого ъ вторичного происхождения) посредством *а*, *о* (*о* в центральной части Родопской области и на западе в Македонии — в Дебре.)

В юго-восточной Македонии (по говорам Солунского края) и на юго-западной окраине ее (в Костурско-Корчанских говорах) судьба носовых гласных была такая. Перед затворным согласным в отношении небной занавески происходило то же, что и в польском языке в таком же положении: она стала опускаться не в момент произношения гласного (как это бывает при образовании носового гласного), а после него: развился вторичный носовой согласный n, m (m перед губным согласным). В польском языке носовые гласные ǫ, ę образуются перед s, ś, š, ch, z, ź, ž. Но перед затворным согласным образование носовых гласных раздвоилось на две артикуляции: гласный + n, m. Что касается гласного, то это был такой, какой произносился и раньше; но теперь он произносился при поднятой небной занавеске (при закрытом входе в полость носа). У поляков гласный *о* перед n, m вм. ǫ и гласный *е* (по диалектам *а*) перед n, m вм. ę (ą): sond (sont), žond (žont), domb (domp), rence, gemba. Так по типу варшавского произношения. Иначе в фонетике типа краковской речи: там гласные *о* и *е* назализованы: dǫmp, ręnce. В указанных македонских говорах перед затворным согласным представлены сочетания ън, ъm вместо ѫ (может быть по говорам и дальнейшая замена гласного ъ), en (än), em (äm) вместо ѧ. Напр., dъmp вм. дѫбъ, gъmba вм. гѫба, mъndъr вм. мѫдръ, sъt вм. сѫдъ, drъnk — „жердь" — вм. дрѫгъ и др.

Гласный ъ или его дальнейшая замена (*а*) и *е* (ä) могут быть назализованы как в польской речи краковского типа (польск.-крак. dǫmp, ręnce...). Носовой согласный элемент может быть неполного образования. Так, напр., в говоре села Бобошчица и Дреновене в юго-восточной Албании, недалеко от города Корчи: s^{n}ąt вм. сѫдъ, gą^{m}ba, gov'ą̈^{n}do, z'ą̈^{n}t вм. ꙁѧть и др.

Гласный ъ в ън, ъм указывает ясно, что в предшествующей фонетической стадии был гласный носовой ъ̨ (а не носовой ǫ). Возможно возражение: глаголический Ⱘ указывает на какой-то гласный *о*, — на носовой *о*. На возражение заметим, что в этом

ıучае наличие знака для *о* в комбинаторном начертании носового ıасного не обязательно указывает на носовой *о*: ведь тот же ıак находится и в написании для ъ: ꙋ .

В связи с утратой лабиального образования в гласном ъ̨ перед ɾим гласным в начале слова появилась в XII—XIII вв. фриıтивная артикуляция v: ǫъ (или ъ̨ᵒ) → vъ̨ → vъ. Таким обра›м возникли сочетания с v — в начале слова: вѫже (въже) — „верев›а", вѫдица (въдица) — „крюк" (в говоре района Корчи в Албании,— ą̊dak — „вязанка"), вѫсı (въсı) — „усы", вѫтък — вѫтѡк — „уток", ѫглен — „уголь" (вѣнгалʼ — в говорах сёл Сухо и Висохо, в Сорунском крае), вѫгарец (vą̊górec — в районе Корчи) — „угорь"; ѫзел — „узел". Ср. в польском яз. v в соответствующих ловах, возникший тоже в связи с утратой лабиализации в обра›вании носового гласного заднего ряда. В польском языке в давее время носовой гласный ǫ изменился в ą (ą̊), который затем олучил образование, как ǫ в долгом слоге, как ą или ę в кратом слоге: vęda („удочка"), vǫsy, vǫtek, vęgʼel („уголь"), vęgož „угорь"), vęzeł и др.

Иначе было в середине слова после гласного: лабиальный эле›ент не появлялся перед ъ̨ — ъ. Перед гласным ъ̨ развилась паатальная артикуляция i̯ или j — paǫъkъ → pajъ̨k → pajъk (паяк — паук"). Ср. и в польском языке — paјǫk. По болгарским го›рам не появлялся v и в начале слова. В фонетике этих говоров ‹еред начальным ъ̨ или ъ стало производиться образование для i̯ ıли j: jъже (по говорам jъже → jаже), jъdица, jъзел и др.

§ 179. Гласный ѧ (ЭЄ) имел такое значение: носовой *е* (ä) откры›ого образования: ą̈. Ср. передачу ап посредством ѧ в заим›твованных словах: констѧтинъ (Клоцов сб. и в др.), алексѧдровоу Мариин. ев.). Учтите и такое явление среднеболгарской эпохи: в ›пределенных фонетических условиях, после шипящих согласных, ıроизошло сближение артикуляции для ѧ и для ѫ,— сближение › гласном заднего ряда: шѧтати, жѧтва и др.; такое же сближение ıроисходило при ослабленном произношении безударных место›менных энклитик мѧ, тѧ, сѧ: мѫ, тѫ, сѫ (в современных говорах ıъ, тъ, съ). Такое сближение указывает, что гласный ѧ был ›ткрытого образования и был близок к среднему ряду (ą̈).

И в современных говорах имеются следы, ведущие к глас›ому ą̈ (а не к ę): ą̈ⁿ (ą̈ᵐ) или ä вместо ѧ. Так в говорах района ‹орчи (Бобошчица, Дреновене): glʼäⁿda — „глядит", govʼą̈ⁿdo, ‹ą̈ⁿt вм. ӡѧть; jäzik, mʼäso.

§ 180. Старославянские памятники не представляют указаний на значительные изменения в образовании гласных ѫ и ѧ; нет указаний на их изменение в неносовые гласные; нет указаний на их „смешение", которое обнаружится позднее, в среднеболгарскую эпоху (XII—XIV вв.).

Отступления в отношении применения знаков ѫ, ѧ имеются в старославянских памятниках. В некоторых из этих отступлений видят отражение фонетических явлений. Мы отрицаем такое показательное значение отступлений в отношении ѫ, ѧ в старославянских памятниках. Важно такое общее указание этих памятников: отступления в отношении ѫ, ѧ, главным образом ѫ, представляют глаголические памятники; таких отступлений нет в памятниках кириллических,— нет потому, что не было ничего общего в написаниях букв ѫ и оу, о с одной стороны, ѧ и е — с другой. В глаголице же знаки Ⱔ и Ⱁ, Ⱘ, Ⱙ и Ⱁ имеют общие черты. Все отступления в употреблении ѫ и ѧ разбиваются на 2 группы. 1) Одни из отступлений появились вследствие того, что писец спутал формы или не понял значения слова. 2) Другие отступления представляют собою описки переписчика: а) он не дописывал второй части глаголических знаков для носовых гласных, а иногда лишнюю часть присоединял к знаку для *о* или *е*,— часть в виде Ⱔ или только кружка, смешивал букву для *о* носового („юс большой нейотированный") с буквой для *и* (в кириллице оу), не дописывал он иногда и знака для *и* (в кириллице оу), так что оставался один знак для *о* (в кириллице о); б) он переносил букву одного слога в другой,—явление, нередкое при недостаточно внимательной переписке.

Из глаголических памятников наиболее многочисленны отступления в ѫ и ѧ в Синайской пс. и в Мариинском кодексе.

В Синайской пс. в длинном ряде написаний представлено Ⱁ (о) вместо Ⱘ; имеется немало написаний с Ⱔ вм. юса малого нейотированного. В написаниях с о вм. ѫ обычно видят указание на замену гласного *о* носового посредством *о* в говоре писцов этого памятника. На фонетическом значении написаний с глаголической буквой для *е* вм. юса малого нейотированного не настаивают, хотя и нет основания для особого выделения этой группы написаний. Не можем усматривать фонетическое значение не только в написаниях с буквой для *е* вм. юса малого нейотированного, но и для *о* вм. юса большого нейотированного в Синайской пс.

Сделаем небольшое отступление, в котором отметим одну

особенность письма Синайской пс.— особенность, в свете которой следует рассматривать и случаи отступлений в написаниях ѫ и ѧ (ѩ). Синайская пс. изобилует разными описками; они находятся тут в таком большом количестве, как ни в каком другом старославянском памятнике. Смешение букв, пропуски отдельных букв и целых слогов, лишние написания, многочисленные исправления, недописки букв, смешение форм и основ испещряют памятник. При решении вопроса о фонетическом значении написаний необходимо иметь в виду эту черту письма Синайской пс. Отметим несколько примеров.

1) Пропуск титл: гла (12 — 2 раза, 132 об.), црь (24) и др.

2) Пропуск букв: вргоу (8, вм. врагоу), тве (28 об., вм. тебе), тбѣ (21 об., вм. тебѣ), твего (32, вм. твоего), олтръ (65 об., вм. олтарь), сленъ (28 об., вм. сіленъ), домъ арнь (150, вм. ароі'ь), възвед мꙗ (19, вм. възведе мꙗ), скоуші (11, съкроуші), стасъ (4 об., вм. страсъ), оусташішꙗ сꙗ (103 об., вм. оустраш...), стѣлы (18 об., вм. стрѣлы), разгъдѣшꙗ (91 об., вм. разгръдѣшꙗ), оѵьшта (101 об., вм. оѵрьшта), жезъ (92 об., вм. жезлъ) незобѫ (54 об., вм. незлобѫ), обобъзасте сꙗ (114, вм. облобъзасте сꙗ), възгѫша сꙗ (141 об., вм. възгнѫша сꙗ), кънінѣемъ (52 об., вм. къніжнѣемъ) и др.

3) Пропуск слогов: оутѧръшꙗ (19, вм. оутвръдішꙗ), завѣтъ зѣштаашꙗ (111, вм. завѣштаашꙗ), съкатъ (138, вм. съкажетъ), раетъ сѧ огнъ (51, вм. ражежетъ...), рѫмі (140 об., вм. рѫкамі), прѣрѣньѣ (100, вм. прѣрѣканьѣ), оуѵі (21, вм. оумѫѵі), врѣште (82 об., вм. врѣтіште), боу҃ ждемоу (57 об., вм. боу҃ тоуждемоу), въстокъ ньца (148 об., вм. слъньца), не поѵенъ (19, вм. непороѵенъ), оуслытъ (122, вм. оуслышітъ), десні (76, вм. десніца) и др.

Не заметил переписчик и таких пропусков, которые искажают смысл текста: зане ꙗсꙗ вѣры (101, вм. зане не ꙗсꙗ); изнеможете (20, вм. и не изнеможете) и др.

4) Путаница в буквах. Она вызвана такими обстоятельствами:

а) Переписчик смешал формы или основы. Напр.: сѫдіті людемъ (8, вм. сѫдітъ); не ꙗсі вѣры (102, вм. не ꙗсꙗ...); въдѣлѣхъ (конец строки) рѫкѫ твоеѫ (121 об., вм. рѫкоу твоею); възнесітъ (95 об., вм. възносітъ); прѣвлѣѵетъ (10, вм. при-); может быть и иного происхождения прѣ-: под графическим воздействием написания следующего слога, что весьма часто отражается в памятнике.

б) Переписчик не дописал букву. Это часто бывало в отношении ы: ꙗзъ'къ (25 об.; ' надписано над строкой); оуслъші (13, 16, недописано ы); въсокъ (118); штедротъ твоꙗ (29); въ ꙗзіцѣхъ (125 об.).

Переписывая слова с буквой для *о*, он снабжал иногда этот знак крючком. Иногда он замечал свою описку и стирал этот крю-

чок для ъ. Так в слове въхомъ (23 об.) имеется буква со стертым крючком для о, мъмъ (53, вм. моимъ), крючок выскоблен слабо. Таково происхождение ɐ (ъ) или э вм. о и обратно с буквой для о с недописанным крючком вм. ɐ (ъ) в написаниях: вдды (133, вм. воды), сльвеса (20, вм. словеса), мъмъ (117, вм. моимъ), воїнѧ (44 об., вм. вънѧ), възнесето сѧ (21, вм. възнесетъ сѧ).

О недописке букв могут свидетельствовать и такие примеры: на л. 14 недописана часть второй буквы э (е) в слове безаконенъ; недописан нижний овал в букве для о (о) в префиксе до- (дoff 15).

с) Случайная путаница: троухъ (103, вм. троудъ), врама (110, вм. врѣма) и др.

5) В особенности часты случаи графического воздействия следующего слога на предшествующий. Вследствие такого воздействия пишется вместо одной буквы иная (буква следующего слога), появляется лишняя буква или несколько букв: грагы (31 об., вм. врагы); гога (95 об., вм. рога); похнахъ (174 об., вм. нознахъ); мюждю (81 об., вм. междю); кото (20, вм. къто); лотъ на кроулоу (18 об., вм. крилоу); правратіша (104, вм. прѣвра...), въ незлоба срьдьца (105 об., вм. въ незълобѣ) под влиянием окончания следующего слова; отъ ржтрокы (25 об., вм. отъ жтрокы); дрьштері (92 об., вм. дъштері); дровръ (90, вм. добръ); проложиша троупіе рарабъ твоихъ (105 об., вм. положиша троупіе рабъ); ста прѣсрѣдѣ (110, вм. посрѣдѣ — ἐγμέσῳ); ѣроростіѭ (140, вм. ѣростіѭ); гогоръ (89 об., вм. горъ); Іѫжмжтъ (105, вм. Іѫжтъ); мьмьи-ѣ-ко (167, вм. мьнѣ ѣко); нанашего (20, вм. нашего); свѧтѣтѣ (11 об.), сѣдѧщѧщиѧ (141 об.); Ізбьрара дада раба (105); аонагрі (133, — а слегка зачеркнуто;— греч. ὄναγροι); прінемсе імъ (101; м в первом слове полустерто). Из других подобных написаний отметим только 3: въ глаелехъ (127 об., вм. въ гѫелехъ), въ глаеехъ (121 об., с лишним л в первом слоге и с пропуском л во втором), творѧште (14): в переделано из р, написанного под воздействием следующего рѧ.

Вот при таких-то недописках, описках, переписках и путанице в письме невозможно безоговорочно выбрать отступления в отношении написаний с юсом большим и юсом малым нейотированными и истолковать эти отступления как отражение фонетических черт речи списателей. Нет: все случаи смешения ѫ — э, ѫ — э являются описками, относящимися к тем рядам их, которые отмечены выше. Мы отметили многочисленные примеры путаницы букв разных начертаний. Тем легче было появиться смешению э — ѫ — оѫ, появиться при наличии общей

части в начертании их. В рукописи памятника имеются прямые указания на такое происхождение смешения этих букв. Так, на 15 об. в слове жтроба в строке написана первая часть буквы, — написано Э, а вторая часть этого глаголического юса (Є) не написана была, и только позднее писец заметил свою ошибку и вверху надписал Є. Чаще он не замечал своих недописок, и оставалась только первая часть буквы. Недописывалась иногда и буква ꙋ (оу). Так, на 32 об. вър҃ѫ. Ясно, что недописана вверху буква ꙋ (кирилл. оу): вѣроуѭ. Также омлъчаахъ вм. оумлъчаахъ. Имеются следы недописки и в знаке юс малый нейотированный: вънꙗтъ; этот знак передан так: первая часть буквы находится в строке, а вторая часть была недописана, и только по написании слова списатель заметил пропуск и приписал вверху вторую часть буквы. Ясно указывает на графическую путаницу и такой пример на л. 9: своѩ (о написано не как Э, а с присоединением кружка, т. е. писец хотел написать юс малый нейотированный, но остановился, не дописав его: ⰔⰂⰑⰡⰅ вм. ⰔⰂⰑⰡⰅ Так же написано слово моꙗ на л. 73, на л. 121 от рѣлъ латиꙗштиꙗ (с ла вм. ле); о невнимательности писца свидетельствует и пропуск букв: стрѣлъ). Под графическим воздействием следующего слога написано ꙗꙗ вместо еꙗ 176 об.. Иногда писец пропускал первую часть глаголического юса. Так же недописки: л. 49 об. врѣме вм.— Ⱑ, тꙗжько теготѣшꙗ; в первом слове недописан юс малый нейотированный в первой его части, в последнем слове недописан он во второй его части; на л. 19: съхране; последняя буква представляет собой вторую часть буквы Ⱗ (ѭ).

Путанице Э — Ⱗ содействовало нахождение их в соседних слогах: пороглашꙗ сꙗ (25, вм. поржг-); осколѣшꙗ (120, вм. оскжд-); жтржба моѣ вкѹ осколѣ (36, вм. жтроба... оскждѣ); омотіхъ (116 об. вм. омжтіхъ); сждждобъ (162, вм. сждобъ?); въжвжтъ (78 об., вм. възозжтъ); жржжъемъ (58 об. вм. орж-...); правьджѭ (тв. ед., 77 об.), прѣдъ минжѭ (57 об.); прѣдъ сжбоѭ (115).

В немногих случаях то же графическое явление отразилось в Синайском требнике и в Мариинском ев. Син. тр.: не жзоѭ родьства и на той же странице не озоѭ рождествьноѭ (19); жза — „связь"; жтробж и на той же странице отрозж (83), оржжие и на той же странице жржжие (29); ножа („ножницы") и нжжа (177). То же графическое явление отразилось и в кирилличеcких памятниках. Например, в Новгородской минее 1095 г.: рокою и др.

То же явление и в отношении э — Ѩ — посрѣдѣ іаіа (176 об., вм. ѥіа).

Другие случаи недописанных знаков — юс большой и юс малый нейотированные: прѡзі (137, 145 об.), віа ꙁаблѡдішіа (141), молітво іхъ (140 об.), рокамі (128); ловъ (96); ѳꙁыці (1 об.); съпешті (прич. наст. вр. имен. мн.); нате (28 об., вм. натіа) и др.

Историческая диалектология болгарского языка также возражает против фонетического объяснения написаний с о вм. ж в Синайской пс.: нет болгарских языковых групп, которые бы указывали на о, как на непосредственную замену гласного ж. Такой заменой был повсюду в этих группах гласный ъ ⟶ ъ. Позднее в Дебре (в Западной Македонии) и в некоторых местностях восточной Албании, в связи с местной албанской фонетикой, вторичный гласный ъ всякого происхождения изменился в о, — в гласный, который находится там и в албанских говорах вместо ё (ъ — глухой с базисом *е*) других албанских говоров.

Те же группы отступлений в отношении ж и а представляет и Мариинский кодекс с тем отличием от Синайской псалтыри, что тут писец смешивал юс большой нейотированный чаще со знаком для u (оу), юс большой йотированный с буквой для ю и реже не дописывал вторую часть в юсе большом нейотированном, т. е. писал только э (о): сжхж ржкж (вм. соухж...); мжжж (дат. ед.); доуноу (вм. доунж); слоука (Лука, XIII, 11) — „согбенная"; но это прилагательное своим необычайным значением привлекло внимание переписчика, и он исправил описку: знак для u (оу) заменил посредством юса большого нейотированного; вжрѣ, кжплиатъ, лжбъве, люблю, въ нюже и др.;

о (у): бодетъ, содитъ, прикосноса, радовахо и др.

Недописывался иногда и знак для u (оу): помилон (вм. помилоун), охо (вм. оухо), оченикь (вм. оученикъ) и др.

Смешивались также э и ѳ: гроубоу (вм. гробоу), поуоучати (вм. пооучати).

Если бы в говоре писца Мариинского кодекса не было носового гласного ж, то не было и носового а: в славянских языках положение небной занавески было одинаково в образованиях замен ж и ж: если небная занавеска не опускалась при произношении заменителя гласного ж, то она не опускалась и при произношении заменителя гласного а. Между тем, писец Мариинского кодекса ни разу не спутал а и е, — не спутал потому, что это были разные гласные: один носовой гласный, другой неносовой.

Но почему нет графического смешения, подобного тому, какое отмечено было в Синайской пс.? Нет потому, что в Мариинском кодексе буква юс малый нейотированный имела значение ѩ = ję, употребляясь в начале слов и после гласного, а после согласного в этом памятнике, как и в других глаголических, пишется знак є, графически не похожий на э. В Синайской же пс. юс малый нейотированный был единственным знаком для носового гласного переднего ряда.

Следует принять во внимание и другие языковые черты, отразившиеся в Мариинском кодексе, главным образом замену ъ и ь в сильном положении: многочисленные примеры их замен посредством о, е указывают на юго-западные болгарские области. А таких областей, в которых были бы *о, е* вместо *ъ, ь* и гласный *у* вместо ѫ, нет ни в Болгарии, ни в Македонии, ни в Албании.

В Зографском и Мариинском ев. встречается особый значок для глаголического ѧ, с дужкою у левой стороны ę. Такой значок написан в передаче немногих примеров причастия наст. вр., в именительном ед. мужск. рода: градѧ (вместо грады), сѧ (вместо сы), ѣдѧ (вместо ѣды) (Зограф.). Как ниже показано (§ 214), этот значок ę указывал на твердое произношение предшествующего согласного: grędę, а не gręd'ę.

В памятниках отражается и изменение в образовании гласного ѧ в этой форме: в Мариин., Ассеман., Син. пс., Син. тр. находятся примеры с ѫ: градѫи, сѫи, живѫи, стрѣгѫи. Гласный ѫ появился здесь не от прочих форм причастия (градѫща, градѫщю), а представлял собою результат фонетического изменения гласного ę после твердого согласного.

§ 181. сѫбота — собота. „Суббота" в языке кирилло-мефодиевских переводов называется сѫбота. Представлено оно было и в мужском роде: сѫботъ (Син. тр.). Образцом было народно-греческое σάμβατον. В Мариинском кодексе это слово передано с со-: собота. Так и в Син. пс. В таком звуковом виде это слово проникло в некоторые старославянские памятники в областях моравских или паннонских, где оно было иного происхождения,— из латинской терминологии этих и соседних юго-западных областей: слав. собота восходит к латинскому слову sabbata (именит. множ. к sabbatum).

§ 182. ѫ — оу. В старославянских памятниках, глаголических и кириллических, имеются слова, переданные с ѫ и с оу:

мѫдити, моудити — „медлить, мешкать";

нѫдити, ноудити — „принуждать, заставлять";
гнѫшати, гноушати — „пренебрегать".

В этих словах носовой гласный появился вместо *и* вследствие ассимиляции с предшествующим носовым m, n. В других славянских языках эти слова представлены с давним *и*. Показательны соответствия словинского языка (nuditi — в словинском языке *о* вм. ǫ) и польского (nudzić). Но в польском языке, как и в старославянском, находятся слова не только с nud (nuda — „скука", nudzić — „возбуждать отвращение"), но и с nęd вместо более раннего nǫd (nędza — „нужда"), nędzić — „доводить до бедности". На то, что сочетания с *и* (nud-) не явились в давнее время вместо nǫd, может указывать и готское соответствие, с naud-; nauditharfts — „нужда, потребность", немец. Notdurft.

сѫмьнѣти(сѧ), соумьнѣти(сѧ) — „сомневаться, опасаться". Обычно объясняют это соу- диссимиляцией со следующим м: сѫмь → соумь, но неясным остается при таком объяснении, почему появился гласный оу, а не иной гласный заднего ряда (о, ъ). Кажется, будет ближе к истине полагать, что соу- в этом образовании не фонетического происхождения, а то же, что и в соу-гоубъ (соугоубъ). Это значение су- представлено и такими прилагательными в болгарских говорах: суголѣм — „довольно большой" („суголѣми уши"); сумалечок — „маленький" (из Македонии). Славянскому su соответствовало в др.-индийском sŭ (ŭ — ступень редукции дифтонга ou̯, au̯). Значение же этого sŭ было такое: „хорошо".

§ 183. -мѣн-, -мѧн-. В старославянских памятниках глагол „помянуть" встречается в двух вариантах относительно гласного после м: помѣнѫти, помѧнѫти. В гласном ѣ видят результат диссимиляции носового гласного ѧ со следующим носовым н. Полагаем иное происхождение этих вариантов: они были разного образования: помѣнѫти давнее образование, с -мѣн-, как и в слове възмѣнити, восходящее к -mēn-; ср. др.-верхн.-нем. meinan „думать", „сказать", др.-сакс. mēnian. Образование помѧнѫти не первоначальное образование, а возникло от основы mę, как в образовании pamętь. Были по славянским языкам и более поздние образования от слова, заменявшего собою ранее pamętь: ср. болгар. памет и глагол паметувам, паметвам — „памятую, помню", сербо-хорв. pȁmēt и глагол pȁmetovati и др. Были такие давние образования, в которых основа была некогда с инфиксом n или без него. Таково происхождение основ с ѧ или с ѣ, е в словах: сѧдѫ — сѣсти, обрѧщѫ — обрѣсти, сърѣсти, лѧгѫ — лешти.

Неясно происхождение звуковых вариантов с ѣ в старославянском языке, с ѧ в русском и сербском языках в таких случаях:

1) в наречии прѣмо — ст.-сл., прѧмо — др.-русск. и др.-сербск. смо — в древнесербском Мирославовом ев., с е вместо ѧ);

2) в суффиксе прилагательных — ѣнъ в ст.-сл., ѧнъ в др.-русск. др.-сербск.: камѣнъ — камѧнъ, мѣдѣнъ — мѣдѧнъ и др.;

3) в суффиксе существительных -ѣнинъ (ꙗнинъ после палатальных), -ѧнинъ: самарѣнинъ, граждѧнинъ — самарѧнинъ.

Полагают, что некогда в доисторическую эпоху не одинаково менился по славянским группам долгий ē перед носовым согласным: в одних группах он изменился в ė (ѣ) перед всеми гласными (после палатального согласного ē еще ранее изменения в ė получил открытое образование — a: kričati, gordjaninъ ст.-сл. граждѧнинъ); в других славянских группах ē перед носовым согласным назализировался, — стал гласным ę: pręmo, kamęnъ.

Мены ѫ и ѧ, при определенных условиях отражающейся в среднеболгарских памятниках XII — XIV вв., не было в старославянском языке IX — XI вв. Только в одном положении, после твердого согласного в форме именительного пад. единств. числа мужского рода причастия наст. вр., ѧ стал близок к ѫ: градѧи), см. выше.

Русские рукописи XI в., списанные с южнославянских оригиналов, также не представляют указания на смешение ѫ с ѧ. Немногочисленные случаи отклонения в употреблении ѫ или его русской замены оу и в употреблении ѧ или его русской замены (a) появились вследствие непонимания текста или вследствие описок. Например: творити ꙗ вместо творитъ ѭ; мко хощете да творѭ вместо творѧтъ (Арх. ев.). Писец, не вникнув в текст, в первом случае подставил местоимение в форме множественного числа (ꙗ) и написал по своему произношению ꙗ. Спутал он тут и форму предшествующего слова, написав творити вместо творитъ. В другом случае он прочитал глагольную форму как форму 1 лица единств. числа (творю) вместо 3 лица множеств. числа. Другие случаи (их немного) „смешения юсов“ (их русских замен) совсем не показательны. Нет указания на мену ѫ и ѧ и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев.

ъ, ь.

§ 184. В системе старославянского языка были редуцированные гласные: заднего ряда ъ, переднего ряда ь. Составитель

глаголицы для передачи этих звуков воспользовался буквою ⰵ (ⰵ): ⰵ для ъ, ⰵ для ь.

Начертания Ⱏ, Ⱐ послужили образцом для ъ, ь кириллицы. Были еще редуцированные *ы*, *и*; но о них говорится в следующем разделе.

Во 2-й половине IX в. в славянском говоре, легшем в основу кирилло-мефодиевских переводов, редуцированные гласные были в тех же положениях, в каких они находились и в более раннее время. Об этом с несомненностью свидетельствуют старославянские памятники. В Киевских листках эта норма соблюдена во всех многочисленных случаях их применения (за исключением двукратного написания въсѣхъ — написания, представляющего описку; см. § 28, 1). В других памятниках имеется много отступлений от прежней нормы в отношении ъ, ь. Но длинный ряд написаний, перенесенных из более ранних оригиналов, свидетельствует о наличии ъ, ь в тех положениях, в которых они были и в доисторическое время в славянских языковых группах. Итак: как и раньше, были в IX в. сочетания, напр.: бьрати, ꙁъвати, съпати, сънъ, мъного, тъкъмо, рабъ-тъ, правьдьнъ, сънъмъ, пришьльць, дьньсь, вьсь и др.

Кроме давних славянских ъ, ь, в системе старославянского языка были ъ, ь такие, которые появились при передаче заимствованных слов,— появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных, как это отмечено было выше, см. § 36. Напр.: пъсалъмъ — греч. ψαλμός; оръганъ—греч. ὄργανον; каперънаоумъ — καπερναούμ; ег'ѵпьтъ или ег'ѵпътъ — Αἴγυπτος и др. Выше было отмечено, что написание ъ, ь в передаче этих слов указывало действительно на редуцированные гласные, которые затем разделяли судьбу, одинаковую с ъ, ь более давнего происхождения: ср. замену их в сильном положении гласными о, е в глаголических памятниках: псаломъ, ег'ѵпетъ, ꙁемлю ег'ѵпетьска или ег'ѵпотьска. О том, что и перед слогом с гласным полного образования был ъ, ь в таких словах, могут свидетельствовать такие написания XI в: во пъсалътыри (Син. пс.), во вместо въ указывает на утрату редуцированного гласного в слоге пъ-[пъсалътыри].

В немногих случаях вторичный гласный ъ появился еще ранее в языке группы славян, предков славян болгарских,— в передаче сочетания al- перед согласным в начале слова: алъкати, алъдии, алъкни и, может быть, в середине некоторых слов: ꙁлатарнинъ, салътина.

В XI в. обнаружились результаты изменения в редуцированных гласных,— изменения, подготовлявшегося в течение длительного периода времени. Эти результаты в языке болгарском, как и в других славянских, весьма сильно изменили фонетическую систему. Изменился звуковой облик слов: после утраты ъ, ь многочисленные слова стали оканчиваться на согласный; стали возможны такие сочетания согласных, которые избегались раньше: пс, вн и др.

Старославянские памятники XI в. представляют указания на такие изменения в отношении ъ, ь: 1) на утрату ъ, ь, 2) на смешение ъ, ь 3) на замену ъ, ь гласными ѻ, є.

§ 185. 1) Утрата ъ, ь происходила в определенных условиях,— в таких, в каких утрачивались ъ, ь и в других славянских языках: в конце слова и перед слогом с гласным полного образования или с ъ, ь сильными, т. е. не подвергшимися утрате: мъного ⟶ много, бьрати ⟶ брати, правьдьнъ ⟶ правдьн ⟶ правден, пьсати ⟶ псати, ꙁъло ⟶ ꙁло, ꙁълъ ⟶ ꙁъл ⟶ ꙁол и т. п. Положение, в котором происходила утрата ъ, ь,— положение для слабых ъ, ь. Старославянские памятники XI в. представляют многочисленные примеры утраты слабых ъ, ь. Меньше примеров с отсутствием ъ, ь в конце слова. Но малочисленность написаний без ъ, ь в конце слов не имеет фонетического значения. Книжнику было легко запомнить правило, что в конце слова следует писать ъ, ь. Немало написаний без ъ, ь в конце слова находится в Ассемaниевом кодексе: градет, глаголѭт, живот, работ, лѣт и др.

Утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные гласные утрачивались раньше, в других позднее. Повидимому, не одновременно во всех словах (во всех положениях) они утрачивались и в других славянских языках. Были такие фонетические условия, при которых ъ, ь утрачивались раньше сравнительно с общим фонетическим процессом утраты ъ, ь в слабом положении. Полагаем, фонетические условия, благоприятствовавшие более ранней утрате артикуляции для ъ, ь, были такие.

а) Нахождение ъ, ь в начале слова между такими согласными (разумеется, если далее следовал гласный полного образования): п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. Наибольшая частота пропуска ъ, ь в рукописях наблюдается между этими согласными. Пропуск ъ, ь в этих случаях восходил к тем более ранним рукописным оригиналам,

в которых слабые ъ, ь еще не совсем были утрачены между другими согласными: псати, пшеница, птица, много, все и др.

б) В суффиксе перед сонорным *н, л* (далее следовал гласный полного образования). Многочисленны примеры пропуска ъ, ь в передаче прилагательных върна, правьдна (праведна), подобно.

в) В конце слова: градет, работ...

г) Более ранняя утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но еще иным обстоятельством: значением слова, способом его произношения. Выше, в отделе о возникновении редуцированных гласных (§ 88—90), и в пункте о конце слова (§ 152—153) отмечена была ослабленная артикуляция при произношении некоторых слов-частиц, некоторых наречий, местоимений, слов счета (числительных), слов-обращений, титульных слов. При таком произношении происходила редукция слова в отношении артикуляционном. Результаты редукции бывали и бывают разные. Одним из таких результатов является ослабление гласного полного образования или его утрата. Редукция в таких условиях, в связи со значением слова, переживалась всеми славянскими группами,— переживалась в разное время — и задолго до общего процесса ослабления и утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования и после этого процесса. К ранним результатам редукции, связанной со значением слов и ослабленным его произнесением, относится редукция, пережитая именем čelověkъ в южнословянских языках. В IX в. в области славян Болгарии это слово произносилось без ь: чловѣкъ, как свидетельствуют все памятники старославянского языка. (На славянском востоке в то время и позднее это слово произносилось без результата редукций: человѣкъ, чьловѣкъ.) Гласные ъ, ь перед слогом с гласным полного образования произносились в особенности слабо в местоимениях, в наречиях. В IX в. гласные ъ, ь в этих частях речи еще были, по крайней мере в речи славян Солунского района. Но в местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением сравнительно с именами, глаголами, происходила утрата их,— происходила ранее общего процесса утраты слабых ъ, ь. Много примеров с утратой и со смешением ъ, ь представляет Зографское ев.— памятник довольно консервативный в отношении передачи слов с ъ, ь. Несколько примеров: кто, что, кде, тъкмо (вм. тъкъмо), когда, тогда, иногда, вьсегда — всегда и др.; праздьникъ, праздьныи;

праꙁникъ, праꙁнꙑи. В старославянских памятниках находятся такие 2 варианта имен: 1) праꙁдьникъ, праꙁдьнꙑи, непраꙁдьна („беременна"). Так в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом ев. 2) Представлено это имя и с сочетанием ꙁн: праꙁникъ (Ассеман. ев., Саввина кн.), праꙁнꙑ, непраꙁна (Саввина кн.).

Едва ли сочетания с -ꙁн- явились вследствие фонетического изменения -ꙁдьн-. Вероятнее полагать, что это — давние образования с разными суффиксальными элементами: с *-ьn-* и с *-n-*: porzdьn и porzdn → porzn. На давние варианты porzdьn- и porzn-могут указывать их замены в древнерусском языке, отразившиеся в древнерусских рукописях: пороꙁдьнꙑи, пороꙁнꙑи в Уставе патриаршей библиотеки № 330, XII в. Перед палатальным n' (из n' в суффиксальных элементах -nj-) z → ž в давнее время. И на это указывают древнерусские рукописи и современный русский язык: оупоражнають в Уставе патриаршей б-ки № 330, соврем. русск. порожний, опорожнять, порожняко́м.

Во второй половине X — в XI вв. на Русь приходили с юга, из Болгарии, книжные люди вместе со старославянскими рукописями. Среди этих рукописей были и такие, в которых отражалась утрата ъ, ь в слабом положении, как можно судить по русским копиям с этих рукописей. Таким был оригинал Сборника Святослава 1073 г. Написания без ъ, ь здесь многочисленны.

Русские рукописи XI — XII вв. представляют определенные указания и на то, что процесс утраты редуцированных гласных в старославянском языке (как и в других славянских языках) проходил не в одинаковой степени интенсивно во всех случаях. В некоторых условиях ослабление артикуляции было более значительно, и гласные ъ, ь утратились раньше, чем в других положениях. И русские рукописи указывают на такие положения, в которых ъ, ь утрачивались раньше, чем осуществился общий процесс утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования.

а) В начале слова между п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. С пропуском ъ, ь в этом положении были старославянские рукописи и у русских книжных людей XI — XII вв. В некоторых из русских списков, при написаниях с ъ, ь перед слогом с гласным полного образования, встречаются написания без ъ, ь в начале слова в указанном выше положении. Так, например, в 1-м почерке Арханг. ев. пси, птица, вси и в ряде других русских рукописей XI — XII вв. представлены многочисленные примеры с про-

пуском ъ, ь в этих сочетаниях. Из Слов Кирилла Иерусалимского: многъ, птица, всего, вселеныя и др.

б) Многочисленны написания форм с утраченным ь в суффиксах с сонорным н, л перед слогом с гласным полного образования: оумна, вѣрна, подобно, тьмница, (тъмница), козлища (Арханг. ев.).

в) В конце слова: сътворит (Арханг. ев.), разоум, отълоучит'ся зъл' (Сборн. Свят. 1073 г.).

г) В местоимениях и наречиях, в связи с ослабленным произношением их. Во всех русских рукописях, кроме Остромирова ев., представлены многочисленные примеры без ъ, ь в местоимениях: мнѣ, мною, кто в наречиях тъкмо (вм. тъкъмо), дондеже (вм. дон'ьдеже). Так в разных древнерусских рукописях, в том числе и в первом почерке Архангельского ев. при редком пропуске ъ, ь в других случаях.

Может быть, не все написания с пропуском ъ, ь в этих положениях перенесены были из старославянских оригиналов: некоторые из них могли отражать соответствующее явление речи восточного славянина. Но детали совпадения слов и форм с утраченными ъ, ь в русских рукописях, с одной стороны, и в старославянских — с другой, указывают, что во многих случаях написания с пропусками ъ, ь перенесены в восточнославянские рукописи из старославянских оригиналов. Так было с написаниями разных форм местоимения вьсь, вьсего и др. Даже в Остромировом ев. (в первом почерке) находится это местоимение без ь: в'семоу, всякъ. Весьма часто представлено это местоимение без ь в других русских рукописях. По образцу старославянских оригиналов без ь передано в некоторых русских рукописях и именит. единств. мужск. р. в'сь или всь (Сборн. Святосл. 1073 г.). Ср. в'сь в Зограф. ев., всь в Саввиной кн.

Деталь совпадения написаний в древнерусских текстах с текстами старославянскими отражается в пропуске ь в формах дне, дни и др. и в передаче формы именительного единств. без ь в корне: днь. Такая передача появилась в старославянских текстах,— появилась вследствие уравнения звукового вида основы по другим формам, как в местоимении вс-его, всь. В виде днь эта форма находится в Зографском ев., в Саввиной кн. и в русском Сборнике Святосл. 1073 г.

Во всех этих случаях пропуска ъ, ь такое же показательное значение представляет и текст древнесербского памятника письменности — Мирославова ев. И в этом памятнике чаще всего

отсутствует ъ, ь в начале слова между пс, пш, пт, мн, ств (псн, пшеница, птица, створити, много); местоимение кто написано без ъ 141 раз и только 3 раза в виде къто; также почти последовательно мнѣ, мною (мноѭ); местоимение всего, всемоу и др. в 405 случаях без ь и только в 48 написаниях с ь.

§ 186. В некотором фонетическом положении редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только давний ъ, но и совпавший с ним давний ь. Так, по диалектам был ъ между д-щ, т-щ, д-н, т-м, т-к, м-ст, м-ӡд, м-г, л- начального слога перед слогом с гласным полного образования: дъщери, дъщица, тъща „теща", тъщанив, дъно, тъма, тъмѣ, тъкнѫти (прѣтъкнеши), мъстиши (вм. мьстиши), мъӡда, мъгла (вм. мьгла), лъсти. С гласным ъ такие сочетания сохранялись и позднее в языке славян болгарских: тъкѫ, тъчеш, тъкач („ткач"), дъштеря̀, дъно, дънѝште, пъси сине! („собачий сын!" — при ругани), именит. мн. пъсове — песове, мъгла, мъглив — на востоке Болгарии; мъгла — магла, могла — (с гласным *о* в Дебре, на зап. Македонии), тъшча, (тъшта) — ташча (ташта) — тошта (с *о* в Дебре, — „старуха", вместо tъšča с тем же гласным и форма для имени мужского рода — тъст — таст, тост — „старик", вместо tъstь).

Показательно в этом отношении и древнесербское Мирославово ев. (XII в.): при частых пропусках ъ, ь в слабом положении последовательно переданы со знаком редуцированного гласного сочетания лъж- (льжа, льжи...), лъст- (льсти, прѣльщени), мъӡд- (мьӡда...), мъст-(мьсти...), тъщ- (тьща, потьщавсе, отьщетить). Со знаком редуцированного гласного переданы и формы имени дъщи (дьщи, дьщерь...). Некоторые из таких написаний соответствовали сербской речи того времени: лъсти, лъжа, тъшта („теща"), отъштетит[ь]. Но написаний дъщи, дъщерь не было в сербской речи. Эти написания взяты из старославянского оригинала. Находились в этом оригинале и сочетания с ъ в указанных выше словах. Подобное явление представлено и в других славянских языковых группах. Так было у словаков (dъska, позднее daska и др.), у полабян.

§ 187. 2) Смешение ъ, ь. В старославянских памятниках XI в. обнаруживается весьма часто смешение ъ и ь: написан ъ вм. ь и обратно. Смешанное применение ъ и ь вызвано было разными причинами.

а) ъ вместо ь в сильном и слабом положении, после ш, ж: шъдъ, пришъли, шъстри, жъзлъ, жъня — θερίζω. Это — несомненно фонетическая черта: результат воздействия шипящих согласных ш, ж на следовавший за ними ь, который становился в этом положении веляризованным, близким к ъ. Такое же воздействие шипящих отразилось и на том гласном ā или ȧ (средний ряд), который был раньше вместо ѣ после палатального согласного: шѣ ⟶ ша, жѣ ⟶ жа: чаша, оужасъ (см. выше в отделе о ѣ). Несколько позднее веляризующее воздействие согласных ш, ж сильно отразится на ѧ: шѧ ⟶ шя, жѧ ⟶ жя (XII — XIII вв.). Веляризация гласных ь, ѣ (вм. 'а) могла не быть связана с отвердением ш, ж: и после мягких ш, ж, как и после j, бывал подобный процесс веляризации: ср. давний доисторический процесс изменения ē в а после j, š, ž, č. Изменение шь в шъ — процесс, отразившийся с несомненностью в языке писца Саввиной книги. Отмеченные выше примеры взяты оттуда. Такое явление отразилось в ряде случаев и в восточноболгарском оригинале Остромирова кодекса: шълъ, скрьжътъ, нашъ, кокошъ, лъжъ, мятежъ и др. Немногие примеры такой замены ь в сильном положении имеются также в Мариинском кодексе, в Синайском требнике: шъдъ, пришъдша... часты в Супрасльской рук. (там же шедъ...). Ряд написаний с шъ, жъ представляют и другие памятники, — но представляют в слабом положении: длъжьникъ, грѣшьнѣемь, нашъ, мѫжъ. Нет уверенности, что написания с ъ в этом положении отражали когда-то соответствующее фонетическое явление: такие написания могли появиться позднее, после утраты слабых ъ, ь, — появиться вследствие путанного их применения в письме.

б) Смешение ъ, ь, бывших в слабом положении, — смешение, вызванное утратой их. Отсутствие в языке гласных звуков в этом положении, недосмотр по отношению к оригиналу (переписчик читал чаще целые слова, а не отдельные буквы) — все это имело следствием пропуски ъ и ь и смешанное их употребление: дьни — дъни — дни, зьрнши — зърнши, вьсѣхъ — въсѣхъ — всѣхъ, дъва — дьва — два, мъного — мьного — много и мн. др.

в) В отношении мены ъ, ь в слабом положении. В. Ягич („Archiv für slav. Philologie" I, II) впервые обратил внимание на то, что она в длинном ряде написаний в старославянских памятниках представлена последовательно в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным переднего ряда написано ь, перед слогом с гласным заднего ряда — ъ: вънъ — вьнѣ; зъло —

ьлн; дъва — дьвѣ; вързни — вързна; бърати, вѫдовица и т. п. В. Ягич другие лингвисты полагают, что такая мена отражала соответтвующее явление речи: ассимиляцию слабых ъ, ь со следующим слогом; это была своего рода гармония гласных. Явление се это относилось ко времени более раннему, чем время напиания дошедших до нас памятников, — ко времени, когда в фонеической системе были еще ъ, ь в слабом положении. Во время се написания дошедших до нас памятников слабых ъ, ь уже не ыло в речи. Поэтому нет выдержанности в передаче мены ъ, ь зависимости от следующего слога. Пишут дъва и дьва, дъчи и р. Но отмечают для более раннего времени и две группы сочеаний, в каких эта мена не отразилась:

1) после задненебных согласных к, г написан ъ и перед слоом с гласным переднего ряда: къннжьникъ, кънязь — кънѧзь, къде, жгъннзъ;

2) после палатальных согласных пишут ь и перед слогом гласным заднего ряда: вл'ьвотниа, домоу коупл'ьнааго, запл'ьваша, оклон'ьшамъ, чьто, брашьно, рождьство и др.

В подтверждение того, что мена ъ, ь в зависимости от следующего слога представляла собою когда-то фонетическое явление, ссылаются на такие написания: врътопъ (в Син. пс.) — вертеп, пещера", предполагая, что такое сочетание (с -о-) получилось вместо врьтъпъ, а это вместо более раннего врьтьпъ; ср. русск. вертеп. Получилось же врьтъпъ (с -тъпъ) от косвенных падежей: врьтъпа, врьтъпоу вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде. Следовательно, в косвенных падежах был гласный ъ вм. ь перед слогом с гласным заднего ряда.

вьпл'ь вместо въпл'ь (Савв. кн.), при среднеболгарской книжной передаче вопль.

сѫдовъ — род. множ. (Син. пс.) вместо сѫдъвъ, а это по аналогии к другим формам: сѫдъва, сѫдъвѫ... вм. сѫдьва, сѫдьвѫ.

вьзьми, вьзьметъ (напр., Мариин. кодекс). С последними формами сопоставляют диалектические болгарские формы везми (по некоторым говорам Софийского района и в северносолунском селе Сухо).

Нам неясно происхождение написаний вьпл'ь и сѫдовъ. Что же касается вротопъ, с о, то, несомненно, гласный о не из ъ, а продолжал собою такой же гласный (о) доисторического времени. С гласным о это слово было в разных местах болгарских славян, и на юго-западе и на северо-востоке. Этим именем называли

и некоторые пункты поселений, в гористых ущельях. Так было у славян Албании (соврем. Vrtop). Так у славян Болгарии,— в Видинском и Софийском районах. В говорах этих местностей Болгарии замена сильного ъ не *о*, а *ъ*. Так и к северу от Дуная. Многочисленные топографические имена в Румынии: Vîrtópul, Vîrtuápele, Hîrtopul — свидетельствуют об этом. Тут тоже славянские элементы не указывают на *о* из ъ. В давних славянских группах образование этого слова было с разным гласным после t: *е* — *о* — *ь*: vьrtеръ — vьrtоръ — vъrtьръ (чередование гласных).

В языке старославянских памятников был представлен с разными гласными и суффикс в слове скждель — *κέραμος* — „черепок", „черепица": -ел-, скждель в Мариин., -ол-, скждоль в Зограф., -ьл-, скждьль в Саввиной кн., -ъл-, скждълъ (винит. множ.) в Ассеман.

Болгарское диалектическое везми появилось не в результате фонетического процесса вместо възьми. Формы глагола възяти в говорах Болгарии и Македонии разнообразны по своим элементам. На этих формах отразились результаты фонетических и морфологических процессов.

1) Результат фонетического изменения представляют формы аориста и причастия с з: зех, зе, зелъ вместо възяхъ, възя, възялъ. Утрачен *в* и в формах възьмешь — с основою ем-, как ємати (плоды ємати (Савв. кн.):земеш, земе. Основа зем- обобщена и для других форм: земи! — повелит. накл. В таком виде эти формы являются общераспространенными на востоке и на западе Болгарии и в Македонии. Утрата *в* в сочетании *вз* пережита всеми болгарскими группами, как и утрата *в* в сочетании *вс*-: секи — „всякий".

2) По говорам юго-восточной Македонии представлены формы зева — 3 ед., зеви! — повелит. накл.,— с суффиксом *ва*,— продуктивным в болгарской глагольной системе: чуваш, купва... Ср. контекст из Леринского края (в южной Македонии): си зевал пу двајсетина пари на ден и на вечерта си купвал [х]лепче — „брал по 20 денежек в день и вечером покупал хлебец".

3) зве, звел при формах зева, зеве — в южной Македонии.

4) везмеш, везми — в немногих солунских говорах; взе — аорист, везехте, везели — в говорах Софийского района. В формах наст. вр. и повелит. накл. в софийских говорах употребляется только основа земе: земеш, приземе, земи! С зе- бывают там и формы аориста и причастия: зех, зе, зел.

5) вени! — повелит. накл., в говоре солунского села Сухо.

Оставляя пока в стороне солунское везмеш, наблюдаем, что в говорах Македонии и Болгарии все формы образованы от основы с утраченным ъ: в[ъ]з-, з-. Полагаем, и вез не представляет собою замены въз из въз: образования с ве появились при фонетической тенденции этих говоров сохранить губно-зубную артикуляцию в *вз*: эта артикуляция стала сопровождаться артикуляцией гласного, который был во многих формах после *з*: зе, земеш — окружающих говоров.

Форма вени! связана с формами везмеш: отсутствует *з* подобно сочетанию излени! вместо излѣзни!

Вопреки В. Вондраку, Н. Ван-Вейку, считаем тезис Авг. Лескина („Archiv für slav. Philologie", XXVII, 345—349) относительно мены ъ, ь в старославянских памятниках более обоснованным, чем фонетическая теория В. Ягича и его последователей. Авг. Лескин склонялся к такому мнению: эта мена не была вызвана изменением гласных ъ, ь в слабом положении в зависимости от следующего слога; эта мена — явление более позднее, относившееся ко времени, когда слабые ъ, ь были уже утрачены. Если и была зависимость этой мены от следующего слога, то эта зависимость была не та, о какой думал В. Ягич: она указывала на твердость или на мягкость согласного, после которого писался ъ (после твердого) или ь (после мягкого); мягкость же согласного в одних случаях была давней, в других она появилась под влиянием следующего смягченного согласного. Итак: дьни могло обозначать д'н'и; зьли — з'л'и, зъло — зло с твердым з и т. п.

При таком понимании мены ъ, ь будет понятно отсутствие ее после к, г и после палатальных согласных: к, г не палатализовались перед мягким согласным (книга — на письме кънига); прежние палатальные согласные были мягкими и в XI в. (кроме ч, з, ѕ, которые по диалектам отвердели); поэтому и писали ь после л', н' независимо от образования следующего. слога (с гласным переднего и заднего ряда). Палатальность согласного не препятствовала веляризации гласного, как не препятствовала ей и в других языках, где действительно была пережита веляризация: ср. русск. mёšьkъ → mёšъkъ, мѣшок...

Отметим еще один факт графики в отношении мены ъ, ь. В Супр. рук. почти последовательно, за исключением весьма немногих случаев, предлог „к" в сочетании с местоимением юмоу, юи, ныа, нимъ передается без ъ: к н'емоу, к н'еи, к'нимъ... . как и кназь. Писец не находил нужным писать какой-нибудь знак после к,

так как в этих сочетаниях был обычный твердый согласный к. Иное отношение писца было к передаче сочетаний того же местоимения с предлогом „в": он также последовательно пишет вь; пропуска ь нет: вь н'емь, вь н'ен, вь н'ѭ, вь н'е... В этих сочетаниях не был обычный твердый *в*, а был мягкий в', в передаче которого нельзя было ограничиться написанием *в*, а нужно было еще написать ь: вь.

§ 188. 3) ъ, ь в сильном положении. Это было положение, когда в следующем слоге находился ъ или ь слабый или редуцированный и слабый: вънъ (после в), тъкъмо (после т), шьдъ, шьдъша (после ш), връхъ (после р), коньць (после н), пришьльць (после л), чьстиѭ (после ч) и т. п. Еще было одно фонетическое положение, в котором ъ, ь были сильными: в начале слова под ударением: дъсkѫ. В тех же условиях ъ, ь были сильными и в других славянских языках. В сильном положении ъ, ь в болгарских языковых группах, отразившихся в старославянских памятниках XI в., имели такую замену.

а) ъ ⟶ о, ь ⟶ е. Так в глаголических памятниках. Киевские листки сюда не относятся. Исключаются также македонские глаголические отрывки: Македонский листок и Охридские отрывки: в них недостаточно данных, чтобы судить о судьбе сильных. Отметим примеры из Синайской пс.

ъ: вонъ = вон, вопль, дождь, ѕолъ — род. множ., ложь, сонъ, сонъе, исохъ (вм. -съхъ);

соѕъда = созда (вм. съѕьда), солъгаша;

возъвахъ = возвах, возгрьмѣ, возъми, вонъми, во съмрътı = во смрти, во мнѣ, во нъ же денъ (вм. въ н'ь же дьнь), во вьсѫ, во съвѣтѣ, во тъмѣ, во кръві, во стьзѣхъ;

ото въстока = ото вссток, ото вьсѣхъ, ото съращтиꙗ;

крѣпокъ (вм. крѣпъкъ), кротокъ (вм. кротъкъ), пѣсокъ, устеръток, начатокъ.

ь: весь день (вм. вьсь дьнь), местьніка, лестъ, лестьѭ, темъна = темна (вм. тьмьна), отечьства, отъ стезь, песьꙗ моухы: нечестіѭ, пришельці, сънемъ = снем (вм. сънъмъ, „собрание"), но — сонъма = сонма (вм. сънъма);

боуренъ (вм. боурьнъ), красенъ (вм. красьнъ), мѣденъ, подобенъ, правьденъ (вм. правьдьнъ — „справедлив"), но — праведьнı = правед'нй;

конецъ = конец (вм. коньць), пръвѣнецъ, телецъ = телец (вм. тельць), пришьлецъ = пришлец (вм. пришьльць; но ср. отмеченное выше пришельца).

Знаки ъ, ь писались в Син. пс. иногда в значении о, е: естъ-станокъ (48об.) вместо естъ-останокъ; отъ бышедъшихъ (38об.) вм. отъ-обышедъшихъ; о ньмъ (78об.) = о н'ем (вм. о н'емь).

Подобные примеры с о, е вместо ъ, ь в сильном положении представляют и другие глаголические памятники XI в. Только в Зографском кодексе таких примеров мало. В небольших македонских отрывках нет достаточно данных по вопросу о сильных ъ, ь. В Македонском листке нет слов с сильным ъ; немногие примеры с ь сильным не отклоняются от обычной орфографии. В Охридских отрывках вместо сильного ь есть е, а слов с сильным ъ нет.

На гласные о, е вместо сильных ъ, ь в языке списателей глаголических рукописей указывает и такое морфологическое явление, находившееся в связи со звуковым видом слов в разных их формах, — слов, имевших в одних формах ъ, ь сильные, в других ъ, ь слабые: сънъ — съна, дьнь — дьне, вѣрьнъ — вѣрна. В XI в. такие формы имели звуковой вид сон — сна, ден' — дне, вѣрен — вѣрна. По образцу чередования форм с о, е и без о, е появились формы с „беглыми" о, е и в других случаях, в которых эти гласные не восходили к ъ, ь. Такое явление отразилось в говоре писца Синайской псалтыри: врѣмна — им. вин. множ. 136об., на камни 52. Это — не описка. То же явление отразилось и на имени демонъ — δαιμόνιον: и пожрѣша („и принесли в жертву") сн҃ы своя и дъщери своя демномъ, 140. Ср. такое же явление в судьбе некоторых слов с давними *е*, *о* в русском языке: ледъ — леда, камень — камене, ровъ — рова стали изменяться подобно словам с *е*, *о* вместо *ь*, *ъ*: лёд — л'да, камен' — камн'а, ров — рва.

Старославянские рукописи македонского происхождения, с о, е вместо ъ, ь сильных, были под руками и в Южной Сербии. Следы их отразились в древнейшем сербском памятнике, в Мирославовом ев., — отразились в ряде написаний с о, е вместо ъ, ь: лакоть, созда, сонмищихь, вонь (вм. вонъ из вънъ), сьнемь (вм. сънемъ из сънъмъ — „собрание"), праведьна и др.

б) ъ → ъ, ь → е. Редуцированный гласный заднего ряда не подвергся значительному изменению в укладе языка и губ; но он стал полнее в своем образовании, сохранив прежнюю характерную черту — более короткую вибрацию голосовых связок. Такая замена сильных редуцированных гласных отразилась в Супрасльской рукописи. Во всей рукописи нет примеров с заменою ъ сильного посредством о. Только в 3 словах оказалось о: в суф-

фиксе -ок- прилагательного крѣпокъ (464) и -ов- вм. -ъв- в прилагательных любовънын (166), смоковьнааго (345). Повидимому, эти слова не находились в связи с результатом фонетического процесса, пережитого в говоре писца: слова с основами любов-, смоков- были словами книжными, идущими из глаголических оригиналов с о вместо сильного ъ или были словами книжного языка, формировавшегося там, где ъ в сильном положении изменился в о. Прилагательные с суффиксом -ок- находятся и в среднеболгарских рукописях, при этом в таких, которые изготовлены писцами, не имевшими о вместо ъ; то же явление представляют и современные восточные болгарские говоры, в которых нет о вм. ъ (сън, дъжд). Образование прилагательных на -ок- распространилось от таких прилагательных, как высокъ, широкъ, жестокъ с давним -ок-; с таким же суффиксом стали образовывать и другие прилагательные: крѣпокъ, кротокъ. В отношении сильного ь многочисленные примеры с е свидетельствуют о фонетической черте писавшего (Супр. рук.) — ь ⟶ е: темници, темьници, дьнесь, месть, шедъ, праведнын, конець, силенъ и многие др. Так в первой части рукописи (до стр. 285 по изданию Северьянова). Но во второй части примеры с е редки. Повидимому, перед писцом был оригинал, не представлявший такой замены сильного ь.

Вероятно, одну группу с Супрасльской рукописью составляют листки Ундольского и Хиландарские. Они также представляют примеры с е вм. ь в сильном положении. Но примеров с ъ в сильном положении в этих отрывках нет. Предполагаем только, что о вм. ъ в них не было, подобно данным Супрасльской рукописи.

в) ъ ⟶ ъ, ь ⟶ ь. Таковы данные Саввиной книги. Сюда не относятся формы имен существительных на -емь (творит. ед. и дат. множ. в основах на -ь и на согласный), на -ехъ (местн. множ. в тех же основах): именемь (и — имеиьмь, именьмъ), людехъ, врѣменехъ и некоторые другие.

Эти формы образованы вновь, по образцу форм с давней основой на -jo (-'ь, '-е): кон'емь, кон'емъ, отьцемь, пол'емь...

Находится о и в двух основах слов книжного происхождения: смоковниѩ, смоковъвьна (-ов-), кинносовы — τοῦ κῆνσου (кинъсь, кинъсъ — κῆνσος — „дань, подать").

Не представляют замен ъ и ь в сильном положении и Зографские листки. В Македонском кириллическом листке один знак ь для ь и ъ во всех положениях.

Надпись Самуила 993 г. не представляет данных для определения судьбы ъ и ь в живой речи того времени. В немногих имеющихся тут примерах ъ, ь во всех положениях, в слабом и сильном, употреблены правильно. Только в одном случае написан ъ вместо ь: накрѣстѣхъ, ръ вм. рь. Если процесс утраты слабых ъ, ь после р, л проходил одновременно с утратой ъ, ь и в других сочетаниях, то можно полагать, что уже в конце X в. слабые ъ, ь были утрачены. Следовательно, такие написания, находящиеся на этой плите, как отьца, азъ, инъди[кта], представляли собой только орфографию.

§ 189. Глаголические памятники с заменой сильного ъ посредством о, сильного ь посредством е были написаны лицами, происходившими из Македонии или из нынешней юго-западной Болгарии. Мы располагаем памятниками XII — XIII вв., написанными в Македонии (Охридский апостол, Болонская пс., Битольская триодь и др.). Они представляют ту же замену ъ и ь, как и глаголические памятники XI в.: о, е. О той же замене свидетельствуют и современные говоры Македонии и юго-западной Болгарии.

Супрасльская рукопись отражает говоры восточноболгарской области. Среднеболгарские памятники, происходящие из восточной Болгарии, представляют такую же замену ъ, ь в сильном положении — ъ ⟶ ъ, ь ⟶ е: сънъ, крѣпъкъ, день, силенъ. Такое же указание извлекаем и из современных восточноболгарских говоров: сън, дъжд, тъкмо, ден, вѣрен, силен.

К какой области относился говор, отразившийся в Саввиной книге и в Зографских листках? Памятников среднеболгарских с такой судьбой ъ, ь в сильном положении (ъ ⟶ ъ, ь ⟶ ь) не известно. Нет и говоров, в которых были бы представлены гласные ъ, ь вместо сильных ъ, ь. Повидимому, продолжатели говора, отразившегося в Саввиной книге и в Зографских отрывках, восприняли в течение времени некоторые черты соседней диалектической области, в том числе замены сильных ъ, ь: или восточноболгарские или юго-западноболгарские, вероятнее восточноболгарские (ъ ⟶ ъ, ь ⟶ е).

Примечание к предшествующему отделу. Смешение ъ и ь, вызванное разными причинами, повело к тому, что в некоторых памятниках XI и последующих веков стали пользоваться одним знаком, ъ или ь. Так, в лл. Ундольского, за исключением немногих случаев с ь, пишется ъ, в кириллическом Македонском листке применяется только ь.

§ 190. Кроме редуцированных ъ, ь, в старославянском языке, как и во всех других славянских языках, были редуцированные y̆ (ы̆) и ĭ. В характеристике языковых процессов доисторической эпохи отмечены были фонетические условия, при которых появились эти редуцированные y̆, ĭ: вместо ъ, ь перед j (i̯) и перед i: mъjǫ → my̆jǫ, dobrъ-i → dobry̆i, vъ-inǫ → vy̆inǫ, dobrъ-ichъ (родит. множ.) → dobry̆ichъ, mъ-i (mъ-i̯i) → my̆i (повелит. накл.), bьjǫ → bĭjǫ, sin'ь-i → sin'ĭi, sin'ь-ichъ → sin'ĭichъ, znamenьje → → znamenĭje, bratrьja (bratьja) → bratrĭja (bratĭja), bь-i (bь-i̯i) → bĭi (повелит. накл.), sǫdьi (sǫdьi̯i) → sǫdĭi (именит. ед.) и т. п.

Эти редуцированные в старославянских памятниках передавались посредством ъı и и: крыюшн, добрын, вынинѫ („всегда"), вы нстинѫ, вы исходища водънаа (Син. пс.), добрыихъ, крын (повелит. накл.), бол'ии, братрнѩ, биюшн. Но это не были обычного образования гласные ъı, и, как в словах сынъ, быти, бити. Это были гласные неполного образования, похожие в акустическом отношении на *ы*, *и* по причине высокого подъема спинки языка, при каком произносились эти гласные (под воздействием следовавшего образования j, i). О том, что это были редуцированные гласные, свидетельствуют следующие обстоятельства.

В старославянских памятниках представлена и иная передача этих гласных — посредством ъ, ь: нареченъıи и нарьченъи, гостию и гостью, людии (родит. мн.) и людьи, абию и абью, пиѭ и пьѭ, ꙁъванию и ꙁъванью, о коурнѣ въспѧтнѣ, по коурьи въспѧтьи (последние 2 примера из Син. тр.). Но передача посредством ъ, ь в некоторых случаях представляла обычного образования гласные ъ, ь (как показано будет ниже).

Еще более показательно такое свидетельство о редуцированности ъı, и в указанных выше сочетаниях: перед слогом с гласным полного образования такой гласный и утрачен был ко времени написания дошедших до нас памятников XI в., т. е. это был гласный неполного образования, находившийся в слабом положении (примеров с ъı в слабом положении нет). Вот несколько примеров, ясно указывающих на утрату редуцированного и в слабом положении. волнѣ (Зограф.) вм. вълнѣ (vъ-lĭja); бренне вм. брьние; восиѣвъшю вм. въсиѣвъшю (примеры из Клоц. Сб.); невестіѩ вм. неуьстіѩ, во снѣ, во тъмѣ свѣтъ (Син. пс.); пришествие вм. пришьствие, бренне, їс трестнѣ, трестниѩ вм. трьстниѩ,

донне наши, целовних, любовних вм. цѣлъвних, любъвних (Син. тр.). пришествию, нашествни, цѣсарествию (Супр. рук.) и др. Гласные о, е вм. ъ, ь появились потому, что в следующем слоге произошла утрата редуцированного гласного. Это был редуцированный и, как вспоминает о нем традиционная графика, копируя прежние написания -ниж, -не... Писец иногда писал и ь, ъ в этих случаях, тоже не обозначавших в XI в. гласного звука в слабом положении. Например: денье вм. дьние, лестья вм. льстиж, бренье (Клоц. Сб., Мариин., Син. пс., Син. тр.), сонъе (Син. пс.). Знак ь или ъ в этих написаниях в XI в. имел то же графическое значение, как в написаниях ꙁемьж, ꙁемъж: он указывал на наличие i̯ (j) после согласного: лест'-jж, ꙁем'-jж.

Итак, в XI в. редуцированный гласный и в слабом положении не существовал в фонетической системе говоров, отразившихся в старославянских памятниках: было тогда знамен'jе вм. ꙁнамениѥ, брат'jа вм. братиѩ, здравjе вм. съдравиѥ.

Такой же процесс пережит и другими южнославянскими и восточнославянскими языками (за исключением некоторых западных хорватских говоров и некоторых словинских). У западных славян и в некоторых говорах хорватских и словинских процесс проходил иначе: там рано произошла утрата i̯ между гласными; два гласных, из которых предшествующий мог быть редуцированным ĭ, стянулись в один долгий гласный: znamenĭi̯e → znamenĭe → -n'ē, znamenĭi̯a → -n'ĭa → -n'ā...

§ 191. В сильном положении редуцированные были при таких условиях: а) в начале слова под ударением, б) перед i̯, который в заударном слоге после гласного становился редуцированным (а позднее неслоговым). В таком положении редуцированные ъ, и стали обычными ы, и полного образования. Так было в истории всех славянских языков.

а) мыж, мыѥши; виж, виѥши; мыи (повелит. накл.), вии (повелит. накл.).

б) добрыи (= dobryĭ вм. dobry̆i); бол'ии (= bol'iĭ вм. bol'ĭi).

На письме эти ы, и передавались попрежнему, буквами ы, и.

Стяжение. Сочетания y̆i, ĭi или позднее yĭ, iĭ подверглись ассимиляции и стяжению в один гласный ы или и. Именит. ед. добры, дроугы, нѣмы, боли, вели, трети; повелит. накл. оумы (Зограф.); вы (местн. ед.; именит. выѣ вм. vy̆ja — „шея"); сѧди вм. сѧдии; мльни вм. мльнии (последние примеры из того же памятника), выиж вм. въииж.

Так было и в других славянских языках.

Если же стяжения не происходило, то редуцированный ĭ (из i) становился неслоговым: umyĭ → umyị, piĭ → piị, dobryĭ → dobryị.

Формы повелит. накл. с -yị, -iị, (myi! bij!) находятся в разных славянских языках. Но формы именит. ед. мужск. рода прилагательных на -yị, -iị (dobryị, sin'iị) представляют только восточнославянские группы (в русском языке с дальнейшим изменением сочетаний yj, ij всякого происхождения в oj, ej: dobroj, sin'ej). В других славянских языках эти формы представляют результат стяжения, указанного выше: dobrȳ (dobry), sinī (sini), pěšī (pěši).

В старославянском языке, по указанию памятников XI в., нередко были представлены формы в именах существительных без результата стяжения и без изменения гласного i в ị. Напр.: о спасении, на распятиихъ и т. п., но и: о съпасениии, на распятиихъ... В последнем написании (с -ии) может отражаться графика более ранних оригиналов; но такие написания могли служить и для передачи сочетаний: о спасен'ји, на распят'јих. А такие сочетания — с i (или с ị) перед окончанием — появились вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде: как в родит. спасен'ја (вм. съпасенїꙗ), как в дат. спасен'ју, так и в местном: спасен'ју.

Сравните отсутствие стяжения и в таких формах, как выи, братии (дат. и местн. ед.) и т. п. Причина наличия -ыи, -ии та же, что и в предшествующих примерах, т. е. объединение основы в отношении звукового вида ее: как в именит. vyja, в родит. vyję, основа vyj- и в дат. местном: vyj-i (выи); как в родит. bratję (вм. bratĭję), в винит. bratjǫ (вм. bratĭjǫ), так в дат. местном bratji.

В старославянских памятниках сложные формы прилагательных представлены с результатами стяжения -ыи в -ы, -ии в -и: добрыхъ, добрымъ, тоуждихъ, тоуждимъ. Но имеются и формы с -ыи, -ии: добрыимъ, тоуждиимъ. Эти последние формы могли быть перенесены из более ранних оригиналов; но были и такие случаи, когда формы на -ыи, -ии (-ыих, -ыим) представляли собою выражения соответствующего явления современной речи: то были образования нового формирования, под воздействием форм местоимений их, им, ими: добрыих, добрыими... Связь сложных форм прилагательных с формами местоимений отражалась в разные периоды во всех славянских языковых группах, связь в том или ином направлении. Ср. в севернорусских говорах формы

позднейшего происхождения на -оему, -ыим, -ыих (-ыjех)...: в друго̀јом мѣстѣ, за но̀выим домом, но̀выјех домов.

В старославянских памятниках находится наречие вынинѫ и с дальнейшим результатом вынѫ — „всегда, постоянно". Иная судьба была сочетания предлога въ с именем истина: тут происходила только ассимиляция с и (вы истинѫ, въ истинѣ), но не представлено вы вм. вын (выстинѫ), не представлено потому, что сочетание с предлогом въ или в не отрывалось от прочих случаев применения этого имени,— случаев беспредложных; сочетание вынистинѫ не стало обособленным наречием, каким стало вынѫ, а потому не произошло и объединения вы-н[стинѫ] в вы(стинѫ). Но по говорам вы-истинѫ отрывалось от формы истина, истины... и становилось наречием. В таком случае вы-и-→вы-. На это указывает современное болгарское наречие вистина — „поистине, действительно".

§ 192. Выше были отмечены сочетания с ъ, ь перед и, ю, ꙗ, — отмечены с указанием, что в одних случаях посредством ъ, ь обозначались редуцированные ы, и, в других — ъ, ь могли не указывать на гласный, а на утрату слабого редуцированного и: пьѭштє вино (Син. пс.), пѣнью — пѣнье, пѣнъе = пѣнјe. Но были и такие случаи, в которых ъ, ь перед и передавали собою редуцированные ъ, ь.

Зограф.: нареченъі, стъі (свѧтъі), чекъі, бол'ьі, вельі, ȥаповѣдьі (-ь + і) — родит. множ. и др. Наличие ъ, ь в этих формах обязано связи с родственными формами и основами, в которых ъ, ь не находились перед і. Для формы именит. ед. мужск. рода имен прилагательных типа добръи имела значение связь с формой того же падежа в именном ее образовании: добръ; для бол'ьи — формы косвенных падежей: бол'ьша, бол'ь-шу. Формы родит. множ. с -ьи вызваны связью с другими формами множ. ч.: дат., твор., местн.: костьмъ, костьми, костьхъ; с основою кость- образована и форма род. мн.: кость-и, дьнь-і (Савв. кн.).

На то, что в таких образованиях действительно был гласный ъ или ь, а не ы, и, указывает их дальнейшая судьба в XI в. В глаголических памятниках, представляющих о, е вместо сильных ъ, ь, отражаются иногда о, е и в указанных выше формах. Напр.: Зограф.: стоі, крѣпл'еі (при наличии в написании и более ранних образований: крѣпл-иі — крѣпл'и), костеи, Мариин.: стои, нарицаемои, болеи, велеи, лоучеи, крѣплеи, оудареи (именит. ед. мужск. рода сложной формы причастия прош. оудар'ь, сложная

форма оударьи, с -ь под влиянием оударь, оударьша...); людеи, дьнеи...; Син. пс.лжкавои, прѣмѫдрої, нечьстівої, грѣшьної; велеи, вышьшеи, ніштеі (имеются и написания с ь: ништьи; были и именные образования: ніштъ, ніштә...); врабеі (как глосса к „птица", 11 об.); исуалеи, скрьбеи, ȥаповѣдеи, хвалеи твоіхъ, съвѣдѣнеи, дънеі. Син. тр.: велеи страхъ, врагъ бжеи, от сътеи, скръбеи причастие именит. ед. мужск.: граджщеи покои, створеи, помолеи са, Іȥволеи, ȥапрѣщеи и др.; -ои (оі или оі̯) -еи (еі или еі̯) были и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев. Несколько написаний с -ои, -еи в именит. ед. мужск. рода и в родит. множ. прежних основ на -ї (пѧть, двьрь), находящихся в этом памятнике, не могло быть внесено сербским писцом, так как в сербском языке судьба ъ, ь была иная. Эти написания перешли из старославянского, македоно-болгарского оригинала: болеи, велеи, бжеи, оумерои; пютеи (в ст.-сл. оригинале было пѧтеи), людеи, дьвреи, двреи (вм, двьреи), всеи (вьсь — „село", „деревня").

В болгарских диалектах формы прилагательных на -оі̯, -еі̯ вышли из употребления. В современном болгарском языке имеются только формы именные (нов) и сложные с результатом стяжения: на *-и* из *-ы* (нови). Формы имен существительных на еі̯ употребляются и поныне в болгарских говорах: вра́бей, сла́вий и славей, си́пей — „обвал", „обсыпающееся место", че́рвей — „червяк".

Формы на -еі̯, происходящие из -ьі̯, имеются и в восточнославянских языках. Так, в украинском: солове́й, ине́й; родит. множ. ночей, дверей, дней; в белорусском: салаве́й, вирабе́й, сам-трете́й (старобелорусск.); родит. множ. гасце́й, людзе́й, кане́й. Но в этих языках имеются и формы на -іі̯: соловій, гусий — гус'ій и др. (украинск.); коний, гроший (белорусск.). В русском языке сочетание іj всякого происхождения изменилось в еj: биj → беj, сам-третиj → сам-трете́j; Ки́jев → Кеjев, Куприја́н — или Кипријан или Чупријан → Купреjан, Кипреjан, Чупреjан и др. (Параллельно с этим ыj → оj: дурныj → дурноj, мыj → моj). Но в южнорусских (южновеликорусских) говорах имеются следы р а з н о г о происхождения сочетания -еj: 1) из -іj, 2) из -ьj. Следы эти выражаются в том, что перед ударенным *е* в форме именит. ед. мужск. рода и родит. множ. находится по говорам в одних словах *и*, в других — *'а*.

и: сам-трите́j, пличе́j (ед. пл'ачо́), свиче́j, дите́j, двире́j.

'а: ар'апе́j — „репейник", чарве́j, чарте́j, зил'ане́j (именит.

множ. зилин'а — „хлебные посевы"), н'а-бéј („не бей!"). Гласный *и* в предударном слоге указывает, что под ударением был некогда гласный не *и*, а *е* из *е* или из *ь*: ср. в таких говорах звуковой вид сочетаний: бирéш, нисéш, плитéн' („плетень"), типéр'а („теперь"), винéц; также перед 'о из ь: дин'óк („денек" — дьнькъ).

Гласный 'а в предударном слоге в таких говорах указывает на гласные *и*, *ы*, *у*, *ѣ*, которые были в следующем, ударенном слоге: ба'рú! н'асú! вил'акú („велики"), с'астры́, т'амны́н' („темнота"), гл'адéл, в'алéл, б'алéја — сравн. степень... Следовательно, диалектические южнорусские (южновеликорусские) тритéј, дви-рéј... с *и* в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -ьї: третьї, дверьї; -ьї (-ьі̯) изменилось затем в -еј.

Сочетания же ар'апéј, зіл'анéј, н'а-бéј!, с 'а в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -ії: рѣпиї, зелениї (родит. мн.); -ії (-іі̯) затем изменилось в -еј.

§ 193. Дополнение. Изменению в редуцированные ы, и подверглись также те ъ, ь, которые оканчивали собою слово в сочетании со словом, начинавшимся с и (і, і̯і): поставиты и, осждаты и, слышахомы и, виделы и вси (из Мариин.); погоубиты и, видѣвы и (Супр. рук.); азъ вамъ прѣдамі и (вм. прѣдамь и), паматі имъ (вм. памать имъ, из Клоц.). В этих случаях происходило то же явление, как и в сóчетаниях предлогов с именем или местоимением, начинавшимся с -и: вы истинѫ, вы инѫ ⟶ вынѫ, кы исправленью (последний пример из Клоц.). И в этих случаях отражалась связь с формами, находившимися вне сочетаний со словом, начинавшимся с и — принесеты и, но было и: принесетъ хлѣбъ; по образцу последних сочетаний говорили также с ъ и: принесетъ и. В сочетании с местоимением винит. ед. мужск. р. и это последнее, объединившееся с предшествующим глаголом в одно акцентное целое, было неслоговым, несколько ранее оно было редуцированным в таком сочетании: prinesetў-і ⟶ ty-ї; или prinesetъ-і — prinesetъ-і̯; vémь-і ⟶ vèmї-і ⟶ vemi-ї (-і̯) или vémь-і̯. Вследствие изменения конечного і после гласного в ї ⟶ і̯, редуцированный ў или ъ, ї или ь в предшествующем слоге оказывался в сильном положении. На то, что ъ, ь были в таком сочетании сильными, указывают примеры с о, е вместо них в глаголических памятниках: оубиемо и (Ассеман.); азъ вамъ прѣдаме и (Мариин.). Имеется ряд примеров с -о и и в Син. пс.: съмѣрито и, поіато и, избавито и, пожрѣхомо и. Но для этого памятника не исключена возможность и графической

причины появления написания с ѻ (ɔ), вместо ъ (ɘ), как отмечено было выше.

В сочетаниях с -ы, -и в конце слова, а также предлога (вы, кы) перед словом, начинавшимся с и, следует иметь в виду и то, что эти -ы, -и могли в некоторых случаях не представлять собою замен более ранних ъ, ь, а могли появиться позднее утраты конечных ъ, ь, появиться при сочетании конца слова, оканчивавшегося на согласный, или при сочетании предлога *в*, *к* со словом, начинавшимся с *и*. В таких сочетаниях вторая часть в образовании согласного конца слова или предлога, рекурсия его, сливается с артикуляцией гласного следующего слова. При твердом согласном предшествующего слова или предлога *в*, *к* гласный *и* изменялся в *ы*; при мягкости согласного предшествующего слова артикуляция гласного *и* примыкала без особого изменения к артикуляции предшествующего мягкого согласного: дам'-и ⟶ дам'и. Такое явление представляет фонетика современного русского языка (при наличии гласного *ы*): подывоj („под ивой"), с -ы-ваном („с Иваном"), з братом-ы-ваном („с братом Иваном"), пит'-и-i̯е'с'т' („пить и есть"). Подобное явление было и в болгарских говорах XI в., после утраты конечных ъ, ь. Такого происхождения -мы в сочетании: вѣмы и вм. вѣм-и, а это вместо вѣмь и (Ассеман.). Мы не может поддержать такое объяснение этих сочетаний: ы здесь вместо ъ, вследствие раннего изменения конечного мь в мъ (еще при наличии редуцированных гласных). Полагаем, что губные согласные отвердели в конце слова ранее, чем в середине слова, но все же отвердели после утраты слабого ь: вѣмь ⟶ вѣм' ⟶ вѣм; дамь ⟶ дам' ⟶ дам. Сочетание же вѣм'и ⟶ вѣмы, что передано писцом, желавшим выделить местоимение и, таким образом: вѣмы и, прѣдамы и. И в других славянских языках губные, заканчивающие слово, отвердевали раньше, чем перед гласным переднего ряда, но отвердевали после утраты конечных ъ, ь. Для восточнославянских языков имеются указания на существование мягких губных согласных не только в XI—XII вв. (отсутствие замены ь посредством ъ в этом положении), но и в XIII—XIV вв. Напр.: никимь, цѣлымь и др. в духовной грамоте Калиты 1328 г.; пудимымь товаромь, с мѣштеромь и др. в Полоцкой грамоте около 1330 г. По говорам на юге и на западе у восточных славян были в XIII—XIV вв. и сочетания с отвердевшими губными согласными в конце слова.

§ 194. Сочетания доисторической эпохи ър, ьр, ъl, ьl между согласными переданы в старославянских памятниках посредством ръ, рь, лъ, ль,— последовательно с ъ, ь после р, л: гръдъ, сьмрьть, срьдьце, хлъмъ, влъкъ. Для доисторической эпохи мы полагаем, что плавные r, l в этих сочетаниях были носителями слога, а находившиеся перед ними ъ, ь были неслоговыми: gъr̥dъ, sъmьr̥tь, chъl̥mъ, vьl̥kъ (см. § 94). В старославянском языке, как и в других южнославянских языках, а также в словацком и чешском, плавный продолжал быть носителем слога. Изменение, пережитое этими сочетаниями в той славянской группе, которая легла в основу старославянского языка, касалось неслогового редуцированного гласного элемента: он стал следовать за слоговым плавным, может быть, в связи с той же фонетической тенденцией, какой вызвана была и перестановка в tart, tĕrt, talt, tĕlt: trat, trĕt, tlat, tlĕt: gradъ, brĕgъ... Если бы гласный элемент попрежнему находился перед плавным, то Константин и Мефодий, с таким мастерством проанализировавшие фонетическую систему языка солунских славян и с такой точностью фиксировавшие ее в письменности, так и передали бы на письме: ъ, ь перед р, л. Знаки ъ, ь служили в этих случаях не одним только указанием на слоговость r̥, l̥, а передавали некоторый гласный элемент, похожий на ъ или на ь и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. На то, что ъ, ь в этих случаях выражали гласный элемент, указывает то различие в применении их, какое было в написаниях, восходящих к кирилло-мефодиевской орфографии: ъ писали в тех сочетаниях, в которых и в доисторическое время был редуцированный заднего ряда; ь писали там, где издавна был редуцированный переднего ряда. На такое применение ъ, ь при плавных указывают Киевские листки: скръбьні, скврьностии, оутврьди, тврьдь, срьдьцѣ, дрьжимъ, напльнени. И в других памятниках имеются следы такого применения ъ, ь. В глаголических памятниках в передаче замены tъr̥t служит ръ между согласными. Так же передается часто и замена tьr̥t. Но в передаче этой последней замены встречается и рь из более ранних оригиналов: мрьтвъ и мрътвъ, съмрьть и съмрътъ и др. Различие в применении в первых славянских переводах знаков ъ, ь при плавных указывает на разные гласные элементы за слоговым плавным. Мы не можем полагать, что ь указывал на мягкость плавного, как

утверждают некоторые из лингвистов. Нет следов ни в одном из славянских языков мягкости r, l перед твердым зубным согласным: skvьrno. Между тем, в Киевских листках, близко отражающих древнейшую орфографию старославянских памятников, находится рь: скврьностии. Мы не отрицаем некоторой мягкости плавных r̥, l̥ в сочетании с *ь* не перед твердым зубным согласным (vьr̥ɔa, vьr̥chъ...), но если она была перед твердым зубным согласным, то наличие ее указывает опять-таки на положение *ь* п о с л е плавного: некоторая мягкость согласного, в том числе и плавных, была вызвана здесь положением п е р е д гласными переднего ряда. Итак, если было r' перед твердым зубным согласным, то не потому, что ему предшествовал *ь* (tvьrdъ — такого произношения с мягким r' не было у славян), а потому, что за ним следовал ь: тврьдъ — tvr̥ьdъ, влькъ — vl̥ьkъ, мльчати — ml̥ьčati.

§ 195. Старославянские памятники XI в. указывают на то, что в языке их списателей слоговые r, l были без ъ, ь: эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Сохранялась только графическая традиция писать ъ или ь после плавного. Писали мрьтвь и мрътвъ, зрьно и зръно, отврьзи и отвръзи, дльгъ и длъгъ, напльни и наплъни и т. д. Встречаются и написания без ъ, ь; врхоу, срдьце,срдьця, црквве (Зограф.), скврнаштаа, милосрдовъ (Мариин.): тврдъ, съмрті (Син. пс.). Еще более важно указание Македонского кириллического листка. Писец отступил от прежней традиции писать ь после плавного: он пишет его перед плавным — вьрхъ, дьрзостиж, гьрдь. Таким же способом он передал l и в слове pl̥ti: пьлти. Но и такое написание он считал неудовлетворительным для передачи слогового свойства плавного. Он пишет ь по обе стороны л: дьльжаю.

Итак, в XI в. в языке старославянских памятников были сочетания с r̥, l̥: вр̣х, дл̣г. Во 2-й половине IX в. за слоговыми r̥, l̥ следовали ъ, ь неслоговые. Их значение в фонетической системе было не то, что обычного образования слоговых ъ, ь. Слоговые ъ, ь или подверглись утрате (в слабом положении), или заменились гласными полного образования (в сильном положении). Гласные же ъ, ь после слоговых плавных были очень слабыми неслоговыми гласными элементами. Утрата их произошла во всех положениях: не только врьхоу — врхоу, но и врьхъ — врх. Утрата ъ, ь не вызывала удлинения гласных ъ, ь в предшествующем слоге, — удлинения, связанного с утратой слабых ъ, ь, бывших раньше слоговыми. Поэтому: дьнь → до ı[ь],

но съмрьть → смрт[ь], съмрьти → смрти. Ср. фонетическое значение ъ и ь в сочетании въ съмрьти: в XI в. вместо этого сочетания было во смрти (три раза в Син. пс.), ото съмръти (Син. пс.): после о гласный ъ был в **слабом** положении, перед слогом с r̥ь; после в, т гласный ъ был в **сильном** положении в связи с ослаблением и затем утратой гласного ъ в следующем слоге (в съ-); ср. в Синайской же псалтыри отъ слезъ.

§ 196. От доисторической эпохи язык славян болгарских, как и другие славянские языковые группы, унаследовал такие сочетания плавного с ъ, ь между согласными, в которых редуцированные находились после плавного: krъvь, krъvavъ, slьza, slьzъ... Слоговое значение плавного и редуцированного в этих сочетаниях было не одинаково в зависимости от образования следующего слова.

1) Если в следующем слоге был слабый редуцированный *ъ*, *ь*, то носителем слога в сочетании rъ, rь, łъ, lь был гласный *ъ*, *ь*: krъvь, slьzъ. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. На такое значение сочетаний ръ, рь, лъ, ль в этом положении указывает то обстоятельство, что тут ъ, ь в памятниках XI в. не смешиваются, как смешиваются они в передаче gr̥d, tvr̥d, vl̥k: гръдъ — грьдъ, влькъ — влъкъ. О том, что в сочетаниях кръвь, плъть, сльзъ слогообразующим элементом был ъ, ь, свидетельствуют примеры с заменой их посредством о, е в глаголических памятниках: в этих сочетаниях ъ, ь были такими, как и в первом слоге слов сънъ, дьнь и т. п., — **слоговыми**, **сильными**: кровь, плоть, слезъ, времье (Син. пс. и в др.), стропьтівъ (Син. пс.).

Встречаются написания со смешанным применением ъ, ь и в этих случаях: пльть, крьвь. Но такие написания отражали более позднее состояние болгарских диалектов. Такие написания передавали сочетания с r̥, l̥ слоговыми (pl̥t', kr̥v' — kr̥v). А такие сочетания появились по образцу pl̥ti, kr̥vi и др.; см. ниже.

2) Сочетания rъ, rь, łъ, lь находились перед слогом с гласным полного образования. В таких сочетаниях ъ, ь были слоговыми **слабыми** гласными. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке славян болгарских в IX в.: кръве (род. ед.), кръви (дат. ед.), плъти, сльзами. В отличие от сочетаний типа tъ͡rt, tь͡lt (ст.-сл. тр̥ъ̥т, тл̥ьт) редуцированные гласные в сочетании типа trъt, tlьt перед гласным полного образования были **носителями** слога в то время, когда в фонетической системе славян имелись

ъ, ь слабые (ъ, ь перед слогом с гласным полного образования). Они составляли слог, как ъ, ь в других сочетаниях: sъna, dьne. Когда на следующей фонетической стадии утратились слабые редуцированные гласные, они утратились и в сочетаниях kr[ъ]vi, sl[ь]zami. Но след того, что они были некогда слоговыми (носителями слога), остался такой: если в предшествующем слоге был ъ или ь, то он был сильным и заменялся гласным полного образования: возгрьмѣ (Син. пс., 2 раза), во кръви (Син. пс., 2 раза), сокръвеныхъ и другие сочетания с во-, воз-, вос-, со- (вместо въ,- въз-, въс-, съ-). В этих сочетаниях изменение ъ в о обусловлено тем же, чем такое же изменение и в других сочетаниях: во вьсѣхъ и др. в той же Син. пс.: наличием слабого ь, ъ в следующем слоге и утратой его; этот слабый ь, ъ был некогда слоговым: vь|sě|chъ, dь|ne|... Таким он был и в сочетаниях krъ|vi... Сравните иное фонетическое значение ъ, ь в сочетаниях tъr̥t, tьr̥t (ст.-сл. тр̥ът, тр̥ьт): тут ъ, ь издавна не были слоговыми и потому не имели значения для усиления (для продления) гласного ъ, ь в предшествующем слоге: съмрьти, съмрьть⟶смр̥ти; въ съмрьти⟶во смр̥ти (см. выше).

§ 197. В судьбе отдельных славянских языков происходила утрата ъ, ь в замене сочетаний trъt перед слогом с гласным полного образования. Так было в южных, в западных и отчасти в восточных славянских языках. В тех языках, в системе которых были слоговые r̥, l̥, такими стали r̥, l̥ и в сочетаниях с утраченными ъ, ь: kr̥vi, kr̥vav, sl̥za. Так в языках сербо-хорватском, словинском, словацком, чешском. Так было и в языке старославянских памятников XI в., отражающих черты болгарских диалектов того времени. В передаче замен ръ, рь, лъ, ль со слабыми ъ, ь (перед слогом с гласным полного образования) знаки ъ, ь смешанно применяются на письме: дрьколььми и дръколььми, кръви и крьви, сльзы и слъзы, сльзами и слъзами, плъти и пльти; накръстѣхъ, с ръ вместо рь в надписи Самуила 993 г. Изредка встречаются и написания без ъ, ь: оутрии (Мариин.), креста, крестѣ (Клоц., Ассеман.). В Македонском кириллическом листке: пьлти с ь перед л, как и в вьрхь, гьрдь.

Памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм,—основ с заменами сочетаний trъt, tlьt. Такое объединение происходило в разных славянских языковых группах. Направление, в каком происходило это обобщение, было в южнославянских языках одинаково для всех слов: обобщалась основа с r̥, l̥: kr̥vi, так и kr̥v'—kr̥v;

p̥l̥ti, так и p̥l̥t' — p̥l̥t; s̥l̥za так и s̥l̥z и т. д. Старославянские памятники отразили результат такого морфологического процесса: кръвь, т. е. кр̥в' — кр̥в; пльть, т. е. пл̥т'. Имеются примеры написаний и без ъ, ь: крвъ, крстителъ (Мариин.), крстъ как и крста, крстѣ (Клоц., Ассеман.).

В XI в. процесс объединения основы с р̥, л̥ не отразился еще на всех словах: держались по диалектам и сочетания с ро, ло, ле вм. ръ, лъ, ль: кров' — кров, кровјѫ, плот', слеꙁ. См. выше.

Слоговой плавный л̥ после утраты гласного элемента ъ, ь был в болгарских группах, как и в других южнославянских, твердым, велярным (ł̥), а в некоторых говорах лабио-велярным. Таким (лабиовелярным) он был в говорах западной Македонии (см. ниже).

Слоговые плавные р̥, ł̥ в фонетической системе болгарских групп не удержались: они заменились неслоговыми, а носителем слога стал вторичный гласный, развившийся при плавном,— гласный ъ. В западной Македонии, где ł был лабио-велярным, ł → → oł — ou̯: vou̯k. Вторичный гласный ъ в этих сочетаниях часто не совпадал в своем образовании с гласным ъ в другом фонетическом положении (сън, ръка вм. рѫка...): перед плавным согласным ъ несколько подвинут к среднему ряду, вроде безударного, слабого русского ы: пъыръви; после плавного ъ часто сильно редуцирован, а плавный имеет свойство слогообразующего элемента: ꙁр̥ънце, кр̥ъф.

Положение вторичного ъ во многих болгарских говорах постоянное: перед плавными: върба, върху, първа, вълк, жълт, кървав, кърв (кърф). В немногих говорах ъ находится после плавного: връху, връба, влък. Так в некоторых юго-западных говорах (напр., в говорах Горной Джумаи). Во многих восточноболгарских говорах положение ъ после плавного обусловлено такой фонетической обстановкой: перед двумя согласными или перед одним конечным согласным: зърно, но зрънце; първи, но пръв (пръф)...

Еще на фонетической стадии с р̥, л̥ отразилась в болгарских диалектах, как и в других славянских группах, тенденция избежать сочетания čr̥. Эта тенденция имела следствием появление гласного *е*, который стал слоговым: čr̥ → čer: черни, червен', но върба. Та же тенденция действовала и в чешском языке: černý, но tvr̥dý. Там (в чешском) и žr → žer: žerd', žernov...

В Супрасльской рукописи, изготовленной где-то на востоке Болгарии, находится в одном случае цр вместо чр: цръноризьць (119).

Если это написание не представляет описки, а отражает соответствующую черту речи писавшего, то приходится полагать, что на востоке Болгарии в XI в. были такие немногие говоры, в которых от сочетания čr̥ избавлялись заменой его посредством cr̥. Но других указаний на такое изменение čr̥ в говорах Болгарии не имеется. Позднее, в XIV—XIX вв., в Македонии слова с čer вытеснялись под сербским воздействием словами с съг-: съгni. В сербо-хорватских говорах сочетание čr изменилось посредством cr-: cȓn, crven, а также crêvo, crép. Подробнее об этом сочетании — в моих „Македонских кодиках XVI—XVIII вв.", стр. 102—111.

-tvьt- (дьври, свьтѣти).

§ 197а. Подобно сочетаниям trъt, trьt изменялось по славянским языковым группам сочетание tvь- перед слогом с гласным полного образования: dvьri, svьnǫti (svьt- в чередовании с svět-). По утрате слабого редуцированного ъ образовалось сочетание dvr. Это сочетание во всех славянских языках изменялось. Изменение проходило в таких направлениях.

1) В тех языковых группах, в фонетической системе которых существовала артикуляция билабиального w, происходило изменение dwr-⟶dur, cwt⟶cut-. Так по говорам западной Македонии: цутиш вместо cwtiš (из cvьt-); так во многих говорах словинских (словенских): dwri⟶duri; так по лужицким группам: durje, źuri вм. dźuri (нижне-луж.).

2) Сочетание dvr представляло губно-зубной v, который не заменялся слоговым гласным. В таком случае развился вторичный гласный перед v. Так в болгарских говорах было уже в конце XII—XIII вв.: дъврехъ (Болонск. пс.), процъфтеть (Норовск. пс. XIII в.); соврем. болгарские цъфтиш, съмне вм. съвне (свьнетъ, svьt-). По словинским говорам davri — dau͡ri, dovri — dou͡ri.

3) Или же для избежания слоговости губно-зубного v произошла перестановка: dvŕ-⟶dŕv. Так в чешском языке — dřvi, в польском — dřvi (drzwi — džvi); старо-чешск. ktvu вместо kvtu (kvьt) — 1 л. ед. ч. наст. вр.

4) Обобщалась основа dvьr — с сильным ь или его заменой. Так в восточнославянских языках: дверь, двери, дверка, дверци; в чешском — dveře, родит. мн. dveří; в словацком — dvere, родит. мн. dverí, по словинским говорам dveri. Так было и в польских группах в прежнее время: dźv'eři; ze dwirzy — „из дверей" (XV в.).

Сохраняется до сих пор в слове dźviski — dźverki, но и dźvički (drzwiczki); русск. цвѣтý, цвѣтеш...

5) Утрачивалась губная артикуляция. Так было в старопольском kćeć вместо kvьtěti; так в польском диалектальном tknǫć вместо kvtnǫć. Так в верхнелужицких ktu, kćěš.

В старославянских памятниках соответствующие слова переданы посредством написаний с -вь-, -въ-: двьри, двърьмъ (дат. множ.), свьтѣти, процвьтетъ. Что касается звукового значения -вь- или -въ- в этих случаях, то полагаем, что по болгарским говорам того времени, XI в., произношение таких сочетаний было неодинаково: в одних говорах это были сочетания с билабиальным w (dwri, swtěti), в других — сочетания с губно-зубным v, но со вторичным гласным ъ, т. е. отражались результаты процессов, отмеченных в пунктах 1 и 2.

ы.

§ 198. Гласный среднего ряда ы был в системе старославянского языка. В некоторых старославянских памятниках XI в. находятся примеры написаний с и вместо ы. Наиболее показательны такие примеры в Саввиной книге: рибѣ, рибицѫ, но чаще рыбы, рыбѣ; отъкрити, отъкри, но и отъкрыѭтъ сѧ, отъкрыша и др. В Зограф. кодексе также находится в одном случае обѣ рибѣ. Имеются примеры написаний с и вм. ы в Клоц., в Мариин., в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук. Из этих примеров считаем наиболее показательными написания ри вместо ры: после *р* в некоторых славянских языковых группах, имеющих в своей системе гласный *ы*, отсутствует *ы*: вместо этого сочетания произносится *ри* с гласным *и*, несколько пододвинутым к среднему ряду: ри^ыба. Такое произношение этого слова можно наблюдать во многих русских местностях.

Примеры Синайской псалтыри, Синайского требника и Супрасльской рукописи рикати и другие образования с этим корнем, может быть, не представляют замены ры посредством ри-: ryk- восходит к rūk-: ср. лит. rūkti, латыш. rùkt — „мычать, ржать"; славянское же rik, как и латышское r'úk- (r'úkt-), могут восходить к более раннему rjūk-.

Написания с и вместо ы Мариинского и Клоцова кодексов не показательны. В Мариин. переписчик в ряде случаев не дописал ы: слъшати, вьдьнитъ (вм. ты) и др. Недописку и описку представляет большинство и других примеров с и (ꙑ) и с і (ꙑ). Переписчик за-

мечал свои описки и исправлял их, ставя ъ вверху над и: народиъ (Матф., IX, 36), ароматиъ (Марк, XVI, 1), миътаремъ (Лука, VII, 34), жениъ (Лука, XIV, 26) и др. Описки эти фонетическое значение могут представить в немногих случаях. В большинстве написаний спутаны окончания форм, и только в 5 случаях написано и в корне слова: миътаремъ, пилъ, риъбж, слишаштемъ, избітъка. Из них возможно было особое произношение рыбж как рнызж. Что касается билъ (Иоанн, VIII, 42), то здесь описка очевидна: этому слову предшествует би: би билъ вм. би былъ (сослаг. накл.).

Также ясны описки в употреблении ы вместо и: разбоиныкы (Лука, X, 30), рыбытвы (Лука, V, 2), выстыня (Лука, X, 30): тут написано ы под влиянием такого же написания в соседнем слоге.

Непоказательны написания с и вм. ы и в Клоцовом Сб.

В кириллических Зографских листках пишется ы не только для *ы*, но и для *i*: вьнѣшьньіихъ, съ ньіми. Как видно, тут отражается новое не только в орфографии, но и в графике: в состав буквы входит не знак ъ, а ь в сочетании с і, над которым ставят иногда точку. Может быть и такие примеры с ы вместо и не указывают на изменение *ы* в *i*. Эти гласные близки один к другому по типической черте своего образования, по высокому подъему языка, и эта близость может отразиться на письме: пишут один знак для этих гласных. Такое явление можно наблюдать в письме лиц из русской среды, не окрепших в обычной орфографии: „посилку от тебя я получил и откритку“ (из одного письма из Городецкого района, Горьковской области). Такие написания встречались у многих лиц этой местности. Образование же гласного *ы* в говорах этой местности обычное для русской фонетики.

є.

§ 199. Диссимиляция ео в заимствованных словах виѳьлеомъ, г'еона, об этом см. ниже.

В Зографском кодексе имеются случаи написания и вместо е. Невозможно усматривать в них указание на изменение *е* в *i*. Это смешение представлено в окончаниях и явилось по недоразумению и рассеянности списателя: хвалите вместо хвалити; пиети вместо пиете; спутаны отрицания: ни вместо не. Совершенно недопустимо объяснение и немногих написаний с и вместо ѧ: в них некоторые из лингвистов видят тоже фонетическое явление, ставя его в связь с изменением неударенного *е* в *i*. Здесь ясно сме-

шение форм: в трех случаях употреблены формы множ. числа вместо единственного: осѫдатъ (Лука, XI, 31), сълазатъ (Марк, XIII, 15), скврънатъ (Матф., XV, 20), вм. осѫдитъ, сълазитъ, скврънитъ. См. тексты. В одном случае списатель этого памятника, а может быть и его предшественник, глагол „судить“ согласовал не с царицей южской, а со всем коллективом, который будет судить: цѣсарицꙗ южьска въстанетъ на сѫдъ съ мѫжи [!] рода сего. і осѫдатъ [!] ѩ.

Так же просто было спутать числа и во втором случае: — іже на кровѣ да не сълазатъ въ домъ... Перед этим глаголы употреблены были во множественном числе: іже бѫдѫтъ въ їюдеі да бѣгаѭтъ на горы, — и далее следует — іже на кровѣ...

В третьем случае текст для писца был неясен: си сѫтъ скврьнаштаꙗ чл҃ка. а еже не оумъвенами рѫками ꙗсти не скврнатъ чл҃ка.

Наконец, писец раз написал форму единств. числа вместо множественного, оузърнтъ (Матф., XIII, 15) вм. оузьратъ, имени при глаголе нет; не досмотрев списываемого текста, книжник прочитал единственное число: егда кърда оузьритъ очима...

§ 200. i ⟶ ĭ ⟶ i̯. В старославянском, как и в других славянских языках, гласный і после гласного претерпел редукцию (ĭ) и затем стал неслоговым (i̯), если до этого он (ĭ) не ассимилировался с предшествующим гласным в один гласный долгий. В связи с редукцией гласного і происходило удлинение предшествующего редуцированного ў или ĭ: они становились гласными полного образования у (ы), і: dobrўi ⟶ dobry ĭ, bolĭi ⟶ bol'i ĭ, tvoi ⟶ tvoĭ ⟶ tvoi̯, boite sę ⟶ boĭte sę ⟶ boi̯te sę. По славянским языкам удлинялся в таком положении и гласный *о*: чешск. hnūj вм. hnōj из gnoi („навоз“), lūj вм. loi („сало“) и др.

С неслоговым i̯ была и сложная форма именит. ед. мужск. рода причастия наст. и прош. вр. градꙑи = градꙑi̯, глаголаи = = глаголаi̯, хвалаи = хвалаi̯, сътворьи — сътворси = сътвореi̯.

§ 200а. Начало слова. Выше, в §§ 149—151, были сделаны замечания о начале слова с гласного, о появлении вторичных i̯ (j) и u̯ (неслогового или билабиального w или губно-зубного v). Что касается слов со вторичным u̯ (v), появившимся в доисторическую эпоху, то они в старославянском языке представлены были в таком же виде, с начальным в-: въ, въпити, высокъ, выкнѫти (навыкнѫти). Изменения были пережиты сочетаниями с i̯ перед гласным в начале слова.

Во всех тех случаях, в которых появился в доисторическую эпоху į в этом положении, он был представлен и в старославянском языке. Но в старославянском языке были более многочисленны случаи, в которых пользовались словами без į. В одних из этих сочетаний į и не появлялся. Без į издавна произносились некоторые эмфатические слова, союзы, наречия: е, еse союз а, ešče, см. § 149. В других случаях получили более частое применение слова с начальным гласным *a* без į, отвлеченные от тех фонетических положений, в которых не появлялся į (начало слова): агньць, азъ.

а. В говорах славян болгарских сочетания с į в начале слова перед а и перед е переживали дальнейшие изменения. Изменения эти были неодинаковы во всех фонетических положениях. Различалось направление процесса в судьбе слов с į перед а- и перед е- также по диалектам. Так, не все слова старославянских памятников с а- таким же образом произносились в более раннее время. В некоторых случаях утрата į перед а произошла позднее. Сравните, напр., судьбу ꙗвити (глаголич. ѣвити) — авити. Наблюдения над передачей этого глагола в глаголических памятниках с ѣ и а приводят к заключению, что в ранних старославянских оригиналах более часто применялся этот глагол с ѣ- (ꙗ-). Так, в Зографском кодексе, в наиболее архаичной его части (от Иоанна), почти исключительно употребляется ѣви-, утрата į могла происходить в сочетании с предшествующим словом, оканчивающимся на гласный не і. Напр., законъ его авітъ імъ (Син. пс. 29об.); егда авітъ мѣсѧ (Син. пс. 17), как и: злаа (Син. пс. 41об.), окааная (Син. пс. 177), с позднейшей утратой į между гласными.

С другой стороны, после і могли появиться новые сочетания с į. Так, в языке славян болгарских издавна было местоимение азъ при įazъ других славянских языков. В виде азъ оно было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. Но ѣзъ (Мариин.). То же явление в авие: ѣвие (Мариин.). Общая же тенденция, обнаружившаяся в старославянском языке, как и в болгарских говорах более позднего времени, — это тенденция к утрате į. На то, что в фонетической системе появление į перед начальным а не представляло актуального значения, может указывать передача греческих слов с *α* (эти передачи представлены с а-, а не с ꙗ, не с ѣ в глаголических памятниках): авва = ἀββᾶ — „отец", аеръ = ἀήρ — „воздух", прилаг. аерьнъ = ἀέρων;ароматъ = ἄρωμα; архитриклинъ = ἀρχιτρίκλινος — „главный стольник" и др.

Итак, слова с а- и ꙗ- (с ị-, появившимся в разное время у славян перед а в начале слова): а (союз), агнѧ — ꙗгнѧ, аѧти — ꙗѧти, авѣ — ꙗвѣ, азъ — ꙗзъ, аще — ꙗще, агньць — ꙗгньць, агода, акы — ꙗкы в тех словах с начальным ị- (j-), которому было соответствие в других индоевропейских языках ị или j — были представлены в старославянском, как и в других славянских языках: ꙗже (местоимение с основой -jo, ja-) — „которая", ꙗко, ꙗръ, ꙗрость, ꙗрьмьнить (прилагат. от имени jarьmo), ꙗма...

Что касается вопроса об ị или его отсутствии перед е, то старославянские памятники представляют большое затруднение в решении его вследствие своей графики: в глаголице е и ѥ не различаются: для них служит один знак Э; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различают е и ѥ. Совсем нет ѥ в лл. Ундольского, Зографских; в Хиландарских лл. тоже обычно е: ѥ только в двух случаях в середине слова; в Саввиной книге ѥ находится весьма редко. Только в Супрасльской рук. различаются в длинном ряде написаний е и ѥ. Это различие показательно: е пишется в передаче словечек ен — „да", „так", есе (после и два раза ѥсе: и ѥсе) — „вот"; местоимение етеръ — образование от указательного словечка *е*; с е и с ѥ переданы слова еда — „ли, чтобы не", езеро, елень, ешꙗ — „о, если бы": ешꙗ моглъ быхъ азъ васъ оувѣштати. Выше, в § 149, дано было разъяснение написания е, выражавшего собою гласный *е*, а не ịе в словах е, есе, еда, етеръ: они образованы от указательного словечка *е*, произносившегося эмфатически при начале фразы. Произношение же слов езеро, елень с е и с ѥ находилось в связи с положением во фразе: с ѥ внутри фразы после слова, оканчивавшегося на i: при ѥзерѣ. Повидимому, произношение с ị (ịе-) было неактуально в фонетической системе того времени. Греческие слова с ε переданы посредством е: еѵга — Εὔγα, еллинъ — Ἕλλην, ел'пидий — Ἐλπίδιος, епитимиꙗ — ἐπιτιμία — „наказание", ефесъ — Ἔφεσος и др.; с е-, а не с ѥ переданы греческие слова с ε и в Остромировом кодексе по образцу восточноболгарскому.

В других случаях в Супрасльской рукописи употреблено ѥ-: ѥсмь, ѥстъ, ѥште, ѥдва и др.

Следует полагать, что и в более раннее время были сочетания с *е-* (ese, eterъ...), с ịe- (ịesmь, ješče и ešče...). В течение времени сочетания с *е* стали чаще в речи. Но и до сих пор в фонетической системе болгарских говоров, как продолжателей старосла-

вянских говоров, отразившихся в памятниках XI в., не получили определенного положения сочетания с i̯е- и с е-. В говорах, преимущественно западных, и в литературном языке обнаруживается тенденция в сторону сочетаний без i̯-.

Важное указание для суждения о начале слова с е или је- (i̯е-) представляют „русские рукописи" XI—XII вв. Во многих из них отражается различие между є и ѥ, как в Супрасльской рукописи. С є передаются в них греческие слова (єхидьна, єлинъ и др.) и следующие славянские: єи, єсє, єда, єша, єли, єдъва, єльма или єльми, єштє, єтеръ, єзеро, єлєнь, єдинъ. Некотóрые из этих слов: єштє, єдинъ, єльма, єзеро передаются и с ѥ. Весьма важное указание представляет передача частиц (єи, єсє, єда...), отражается ясно их произношение в речи писцов старославянских памятников,— произношение без начального ј (i̯). Колебание в передаче некоторых слов восходит к старославянским оригиналам, а не внесено русскими писцами. Русский книжник не мог руководствоваться своим произношением некоторых из этих слов: в его обыденной речи было не єзеро или ѥзеро, а озеро, не єсєнь или ѥсєнь, а осєнь, слова єтеръ совсем не было.

Везде с начальным ѥ переданы в русских рукописях формы местоимения ѥго, ѥмоу и т. д.; наречие ѥгда; форма глагола ѥсмь, ѥси и т. д.

ѩ. Перед ę в начале слова i̯ (j), как и в доисторическое время: ѩзыкъ, ѩза — „боль", ѩтро — „печень", ѩти. Так переданы эти слова в памятниках, различающих ѧ и ѩ, напр., в Мариинском кодексе (из ряда глаголических рукописей), в Саввиной книге (ѧ в значении ѩ, а ѧ в значении ѧ).

ѭ. Выше (§ 150) было отмечено, что в языке предков славян болгарских были сочетания с јǫ- и ǫ- в начале слова, параллельно сочетаниям с ја- и а- (jagnьсь, agnьсь, javiti, aviti). Несколько примеров из памятников старославянских XI в.: ѭтрь: вълѣзъ самъ вь ѭтрьн'жѭ клѣтькѫ (Супр.), ѭдоу же (Клоц.), отъ нѭдоу (Супр. — „откуда"); вьнѣѭдоу („снаружи"): гроби повапьнени („могильные склепы, выбеленные известью, окрашенные") їже вьнѣѭдѫ оубо сѫтъ красьни, вънѫтрьѭдѫ же плъни сѫтъ костии мрътвыихъ (Мариин.); ѭзоѭ родьства (Син. тр.), съ ѭзомь (Син. тр.), въ ѭдоль плачевьнѫѭ (Син. пс.). Примеры с ѭ- в русских, среднеболгарских и сербских памятниках, списанных со старославянских (староболгарских), или восходящих к ним: ѭза (Святослав. Сб. 1073 г.), ютрь (Минеи XI в.) вместо ѭтрь староболгарского

оригинала; жтрьждоу (Остромир.), южика (Болонск. пс.), юдоу (Шишатов. ап. XIV в.). Повидимому, с ю и ж произносился также жсъ, юсъ („ус, борода"). Этим словом называли в азбучном славянском перечне букву для носового гласного заднего ряда, а русские и сербские книжные люди передавали это название по своей фонетике, с *у* вместо ж: юс или ус. На название в виде ус указывает книжная грамматическая традиция, отразившаяся в одной русской рукописи XVII в. (Из собрания Тихонравова, б-ка им. Ленина в Москве.): „жсъ. Сегѡ ж ѡбыкѡша оу̓потреблꙗти лю̓дїе се́рьбьстїи и̓ вѡ̓лохове [румыны, пользовавшиеся славянским письмом] въ мѣ́сто ꙋ і ю. Аще лꙋчи́тсꙗ в прилꙋчїахъ писа́тисꙗ бѣ́сꙋ[!], ты же пиши жса сирѣчь бѣ́сж, псж, а' не у̓къ ꙋ, понеже оу̓подоблꙗй по дѣ́йствꙋ[!] е́го і имꙗ е́мꙋ".

ю, оу с i̯ (j) и без него находится в старославянских памятниках в слове ютро — оутро. В неодинаковом звуковом виде переданы и наречие юже — оуже, ю — оу, ню и чаще неоу — „еще не". Более старые элементы представляют сочетания этого наречия с ю. Так, в архаической части Зографского кодекса (от Иоанна) находится ю, юже, в другой части обычно оу, оуже; в Клоцовом Сб. юже (4 раза), 1 раз не оу, обычно оуже. В Саввиной книге чаще ю (юже), чем оу (оуже). В Ассеманиевом кодексе постоянно не оу, но обычно юже. Может быть, уже в доисторическую эпоху произносились в некоторых фонетических условиях эти слова без i̯, хотя i̯ тут не был вторичного происхождения: и в других индоевропейских языках имеется соответствующее образование с i̯ или его заменой: ср. лит. jaũ, гот. ju, др.-верхн.-нем. iu — „уже". В болгарских диалектах XI в. эти слова без i̯ стали употребляться чаще, чем раньше, в особенности часто без i̯ было оу, не оу. Внутри фразы, после гласного, в болгарских говорах XI в. мог отсутствовать i̯ в передаче с i̯e разного происхождения: и в i̯es (i̯esmь, i̯esi...) и в i̯ego, i̯emu.

В i̯esmь... i̯ был вторичного происхождения; он появился в славянских группах в доисторическое время перед *е*.

в i̯ego... i̯ был более давнего происхождения: соответствия ему имеются в других индоевропейских языках: ср. лит. jõ, jõs... На отсутствие i̯ в таких сочетаниях указывает результат ассимиляции *е* с конечным *е* или ь предшествующего слова. Такие примеры представляет Син. пс.: азъ же-смъ (вм. азъ же есмь); спни-е-го (вм. спис его, т. е. съпасение его); съвѣдѣние-го (вм. съвѣдѣниѣ его); срѣтаньѣ-го (вм. срѣтаньѣ его) и др.

§ 201. i̯ в середине слова: ai̯a (аѣ) → аа. В Киевских лл. не отразилась утрата i̯: вънатрьнѣѣ (= -ыи), вътьноѣ, милостивѣѣ... . Так же часты такие сочетания в Саввиной книге; но в ней находятся и сочетания с утраченным i̯: благаа. В других памятниках сочетания с аа часты: каа, покланию — покаание, ꙁлаа, оклзнза...

ai̯e → аа → а. Форма прилагат. родит. ед. мужск. и средн. рода: добраѥго. В таком виде (с -его или с -ѥго) эта форма была свойственна языку кирилло-мефодиевских переводов. С окончанием -аего ее представляют некоторые глаголические памятники (Зограф., Мариин., Син. пс., 1 раз в Клоц.). Но в этих и в других памятниках окончанием формы род. ед. является -ааго, -аго. Только -аго в Киевских лл. и в Саввиной книге.

Форма 2 и 3 л. ед. и множ. числа: подобаетъ (-ютъ, -етъ) → → подобаатъ → подобатъ (в Зограф., Ассем., Син. пс., в Супр. и в особенности в Мариин.), ѣи [ѣѣ] → ѣа: дѣити → дѣати, ꙁълодѣа (Син. тр.); ui̯e → ue → uu → u. Так в форме дат. ед. мужск. и средн. рода ед. ч. прилагательных: доброуемоу → доброуоумоу → доброумоу.

В форме 3 л. ед., 2 л. мн. наст. вр. дроугъ радоуоутъ сѧ; обѣдоуоутъ (3 л. ед.); їнъ съвѣдѣтельствоутъ; съвѣдѣтельствоуоуте. (Из Мариин.).

ѣю изменилось или в ѣе и далее в ѣ или в ѣа: местн. ед. мужск. и ср. р. прилагат.: добрѣемь → добрѣмь, добрѣамь (см. еще ниже, в замечании о диссимиляции).

Палатальность согласного, а также гласный i в предшествующем слоге благоприятствовали удержанию образования i̯ (j). Так, в Синайском требнике последовательно пишется ѣѣ после палатального согласного, а также ѣ (а не а) после и: трасавицѧ ютрьнѣѣ. послѣдьнѣѣ ѩꙁе. хоудооумънаа і хоудосилаа. Ср. ѣѣ после палатального н', аа вместо -аѣ (-ai̯a) после твердого н, как и после других твердых согласных (видимаа), -иѣ: братриѣ житиѣ (родит. ед.), василиѣ (родит.), пласаниѣ, враженнѣ (родит. ед.), похотьнаа вьꙁьрѣниѣ (именит. множ. средн. рода), пиѣнъство, виѣлица и др.

§ 202. Выше были отмечены ассимиляции гласных: аа → а, ae → аа → а; ѣе → ѣѣ → ѣ, уе → уу → у.

Кроме того: ии → и: о съпасении → о с[ъ]пасени, на распѧтиихъ → → на распѧтихъ, сѧди (вм. сѧдии) естъ, приде, прими.

ъи → ы: добрыи → добры и др.

ее. В старославянском языке оказались новые, заимствованные слова с *ее*. Напр. греч.: γέεννα, Βηθλεέμ. При фонетической тен-

денции к утрате ḭ между гласными в передаче сочетания *ее* отразился процесс диссимиляции ее→ео: г'еона, виѳьлеомъ — витлеомъ. Но имеются в памятниках и передачи, близкие к греческому образцу, с ее: витлеемъ.

Выше была отмечена судьба сочетания ѣю: происходила утрата ḭ и ассимиляция: ѣю→ѣе→ѣѣ→ѣ: добрѣюмь→добрѣѣмь→добрѣмь, въ поустѣѣмъ градѣ нарицаюмѣѣмь (Супр.). И в ином направлении изменилось ѣѣ: происходила диссимиляция: ѣѣ→ѣа: добрѣамь. Так передана эта форма в Ассеманиевом кодексе. Такой же результат в форме сравнительной степени и в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. добрѣа, оумѣатъ. (Мариин. и др.).

Результат стяжения гласных представлен некоторыми старославянскими памятниками в отношении не всех гласных. Так, в Синайском требнике обычно ы вместо ыи, оу вместо оуоу, ѣ вместо ѣѣ, но аа, ии: крѣщиѣы, не гашѧщии огнь, строупиѣыхъ, живымъ и мрътвымъ (дат. мн.), неүистымъ (дат. мн.) на н̃бесьныхъ и наземьныхъ и тръторьскыхъ (прилагат. от существ. тръторъ — τάρταρος, „ад, преисподняя"), словесъными ӏ животъными; живоумоу, соухоржиоумоу, сътворьшюмоу, зовѫщюмоу; въ страшьнѣмь и трепетьнѣмь сѫдищи; но: живааго, гладаѩаго, пришедъшааго; рождьшиимь сѧ (твор. ед.), болѧщиимъ (дат. мн.), оутѣшение скрьбѧщиимъ ӏ плачѧщиимъ сѧ оувѣтъ; съмѣрениыхъ молѧщиихъ.

Выше было отмечено, что в старославянском языке конец одного слова во фразе тесно примыкал к началу следующего слова. Вследствие такого объединения происходил процесс ассимиляции: конечный ъ перед начальным и изменился в редуцированный ы; възалъ и→възалыи. Конечный ь изменился перед и в редуцированный и: прѣдамь и→прѣдами и. И позднее, после утраты конечных редуцированных ъ, ь действовал процесс объединения конца слова с началом следующего слова: несет и→→несет -ы.

После гласного и одного слова мог появиться ḭ перед а другого слова: и азъ→и ӕзъ (см. выше).

Происходила и другого вида ассимиляция и стяжение гласных внутри фразы: дъштере — ѩ вм. дъштере — сѩ, рече — и вм. рече — еи; единого — ѣ вм. единого — отъ и др. Сообщенные примеры взяты из Марийнского кодекса. Еще чаще такое явление отражается в Синайской пс.: с̃пние — го вм. с̃пние — его; азъ же — смъ вм. азъ же есмь; сърѣтаньѣ — го вм. сърѣтаньѣ — его; знаѭщи — мѧ твое вм. знаѭщи — имѧ; любѧщи — мѧ вм. любѧщи имѧ; зълобы — хъ вм. зълобы — ихъ; грѣхы —

хъ вм. грѣхы — нхъ; ізбьранаго — тъ людоі вм. ізбьранаго — отъ людеі и др. Процесс объединения происходил в образовании и конечного согласного в сочетании с согласными, которым начиналось следующее слово: ıаꙁыком — онмъ вм. ıаꙁыком — моимъ (Син. пс.) и др., (см. ниже, в отделе о согласных).

§ 203. „Эпентетический“ l' был в языке кирилло-мефодиевских переводов, — был во всех тех сочетаниях, в которых он возник в доисторическую эпоху, — в начале слова и не в начале его (см. § 140):

а) бл'юдн, бл'юдѣтеса, пл'юнѫтн, бл'юдъ — „блюдо“.

в) ꙁемл'ю, ꙁемл'ѭ, ꙁемл'н, корабл'ь, корабл'нць, прн:тѫп'ль, прнстѫпл'ьшл, оулсвл'енъ, прославл'енъ.

В Киевских лл. в отношении „эпентетического“ l' не обнаружилось никаких изменений: нꙁбавленнѣ, вънлюбленъıа, прнемлемъ, пргемлн, ꙁемльскаѣ и др. подобные написания находятся и в других старославянских памятниках (XI в.), дойдя до этих рукописей из более ранних оригиналов, восходящих ко 2-й половине IX в.

На наличие „эпентетического“ l' в начале и не в начале слова указывают также древнерусские и древнесербские списки со старославянских оригиналов: в них не отразились написания без л': ꙁемьıа, любьѭ и т. д. Последовательность написаний с л' в этих рукописях (древнерусских и древнесербских) нельзя объяснять исключительно тем, что в русском и сербском языках было л' в начале и не в начале слова: несомненно, если бы в старославянских рукописях, которыми пользовались русские и сербские книжные люди, находились слова без л', то некоторое количество их попало бы и в русские и в сербские списки.

В старославянских памятниках XI в. представлены весьма часто отступления в отношении передачи таких слов. Эти отступления не относятся к началу слова: в этом положении в старославянском языке XI в. не отражалось изменений, как не происходило их и в других славянских языках: блюдъ, плькатн. Отступления относились не к начальному слогу и отражали значительное изменение, происшедшее в языке славян болгарских. Изменение состояло в том, что „эпентетический“ l' не в начальном слоге был утрачен. Изучение многочисленных передач слов с прежним l' epentheticum и замен этих слов дает возможность сделать следующие наблюдения в отношении этих сочетаний в конце X — в XI в. в говорах славян болгарских.

В ряде памятников (Зограф., Мариин., Клоц., Синайский требник) отсутствует л' перед ь, н; но перед другими гласными „эпен-

тетический" l' представлен. Несколько примеров из Зографского кодекса: кораб'ь — корабь, оставь, оставьша, пристѫпь, пристѫпьша, ӡем'и — ӡеми, корабн, корабицю;

дивл'ѣахѫ — дивл'ѣхѫ, корабл'ѣ, любл'ѣаше, ӡемл'ѩ, корабл'ѩ, приемл'ѩ, кѫжл'юблѭ, славл'ѭ сѧ, ӡемл'ѭ — ӡемл'ѫ, кораблю.

В Зограф. и Син. тр. отсутствует л' в формах благословенъ. В этих формах отсутствие л' не представляет собою явления фонетического. Нет основания видеть в этом результат диссимиляции с предшествующим слогом, имеющим л. Формы благословен- представляют новообразование, которое несколько позднее отразится последовательно на образовании причастия прош. врем. страдат. залога глаголов с инфинитивной основой на -i: ловено, любено, просено, градено и т. д.

В Син. тр. нет л' в словах оумрътвено, оумрътвѣетъ. Утрата л' в этом сочетании произошла в зависимости от скопления артикуляции -rštvl'e-. Можно полагать, что в языке писцов этих памятников (Зогр., Мар., Клоц., Син. тр.) или их оригиналов l' epentheticum утрачен был не в одно и то же время во всех положениях: ранее образование этого согласного перестало производиться перед ь, и (i).

Прочие старославянские памятники обнаруживают утрату „эпентетического" l' не только перед ь, и, но и перед другими гласными. Несколько примеров.

Ассеман.: корабь, прѣломь, пристѫпьше; корабн, вьӡлюбенъ, благословенъ, любѣаше, мльвѣше; ӡемѩ; вьӡлюбѫ.

Савв. кн.: корабь —› корабъ, оставьша, пристѫпь, корабн, въӡлюбенъ, ославена, авенне, вънемѣте, ӡемьѩ, ӡемьѧ, ӡемьѭ.

Супр. рук.: корабь, оставьша, пристѫпьша, добии (вм. добл'ии); вьӡлюбьена, ославьенѥ, оставьена, оуправьенъ, въскрьмьенъ, добье (вм. добл'ѥ), дрѣвье; дивьяхѫ, добьѩ, капьѩ, корабьѩ; корабью, добьюмоу...

§ 204. Теперь обратим внимание на то, каким образом передавались на письме замены прежних сочетаний с l'epentheticum. Перед ь, и нет особых обозначений при губном. Но перед другими гласными в ряде памятников (в Син. пс. и особенно в Савв. кн., в Супр. рук.) пишется ь или ъ. Син. пс.: ӡемъѣ, ӡемьѩ. Примеры из Савв. кн. и из Супр. рук. см. выше. Применение знака ь или ъ указывает на то, что артикуляция губного согласного не находилась непосредственно перед гласным (кроме *i*): ее отделяло какое-то образование; образование j (i̯): ӡемьѩ = ӡем'ja. В Ассеманиевом кодексе отсутствуют ь, ъ в этих случаях. Если отсут-

ствие этих знаков в таких написаниях не представляет собою неточности в передаче, то надо полагать, что в XI в. были такие болгарские говоры, в которых произошла ассимиляция j (вм. l') с предшествующим мягким губным согласным: земл'а → → зем'ja → зем'а.

Перед *ь* и *ĭ* особой артикуляции (j или i̯) не выделялось. артикуляция замены палатального l' в этом положении ассимилировалась с *ь* и *ĭ* и разделила его судьбу (утрата ь в слабом положении): корабь, пристѫпьша.

§ 205. Кроме фонетического процесса изменения l' после губного согласного не в начале слова, появились сочетания без l' морфологического происхождения. Таково происхождение в некоторых случаях формы причастия прош. врем. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на -*i* с предшествующим губным согласным: -вн-, -бн-, -пн-, -мн: ловити, възлюбити и др.— възлюбенъ... В Супрасльской рукописи и в Саввиной книге, в которых пишется ь или ъ на месте утраченного л', в передаче форм причастия прош. вр. страдат. залога в ряде случаев нет ь (ъ) — наставени, отравена, разломеныѩ (Супр. рук.); възлюбенъ, прославенъ, благословенъ (Савв. кн.). Такие формы представляли собою новообразование, которое последовательно отразится несколько позднее на всех глаголах с инфинитивной основой на -*i*,— отразится в морфологической системе всех болгарских говоров,— и на востоке и на западе. Это новообразование состояло в том, что перед суффиксом -*ен* стала применяться глагольная основа с тем согласным, какой был и в других формах: просено, возено, обѣсено, простено.

Процесс утраты l'epentheticum не в начале слова пережит всеми болгарскими говорами. Современные говоры представляют указание на такую же замену сочетаний губного согласного с l', какая обнаружилась уже в XI в., по данным старославянских памятников: губн. согл. + j + гласный или мягкий губн. согл. + j + гласный: зем'ja и чаще зем'а. Говоры западной Болгарии и северной Македонии имеют mn', которое указывает на mj предшествующей фонетической стадии: земн'а. Изменение mj разного происхождения в mn' происходило во многих славянских областях: и украинские, и польские, и чешские (в Чехии и в Моравии) говоры знают n' (mn') такого происхождения вместо j после m. В некоторых из этих говоров возникновение n' нормировано было уже условием нахождения mj перед гласным заднего

ряда. Такой же фонетический процесс происходил и в неславянских языках. Напр., в новогреческих говорах (mn'a вм. μιά), в румынских (n'edzu вм. mn'edzu, а это восходило к mĕdius и др.).

Сохранение сочетания pl', bl' в начальном слоге связано было с фонетикой начала слова: в этом положении слог в первой своей части представляет наибольшую высоту шума, которая благоприятствовала удержанию палатальной артикуляции pl', bl'.

§ 206. Наконец, замечание о форме ʒєми, часто встречающейся в старославянских памятниках. Возможно, что ʒєми представляет собою фонетическую замену более раннего ʒємли (ʒємлꙗ — им. ед.). С л (л') эта форма (ʒємли) также находится в памятниках, идя от ранних рукописных оригиналов. Но также возможно полагать, что форма ʒєми без л была в языке и в IX в. Эта форма от имени zemь с основой на -ĭ (-ь). При основе на -ĭ была основа и на -ja: zemja ⟶ zeml'a. Такие дублеты форм этого слова имеются и в русском языке: бросил на́-земь; ударил о́-земь; лежал на земи̯, зем' была сырая (последний пример из Курской области, Белгородский район).

Палатальные согласные.

§ 207. О составе палатальных согласных старославянского языка см. в § 35. О происхождении их см. в соответствуюших §§. В дополнение отметим следующее.

щ, жд. Это были палатальные št', žd'. Графика для этих согласных ясно указывает на такие элементы в образовании их: глаголич. Ⱋ или Ⱎ Ⱅ, Ⰶ Ⰴ, кирилл. щ или шт, жд. Но среди книжных людей X—XI вв. были и такие, в речи которых были $\widehat{\check{s}t'^{\check{s}}}$ или $\widehat{\check{s}t'\check{s}}$ и $\widehat{\check{z}d^{\check{z}}}$ или žd'. При наличии $\widehat{\check{s}t\check{s}}$ (шч) могло быть žd', с утраченной фрикацией в конце звонкого образования. Редукция в образовании звонких согласных, как более слабых, чем глухие, выражалась в разное время в разных славянских языках. Такое состояние представляют говоры Македонии и юго-западной Болгарии и в позднейшее время: štš (шч) — žd̆ž или žd. В других болгарских областях была пережита утрата фрикации в конце образования, — утрата и в голосовом и в безголосном образовании: št' — žd'. Такой процесс был пережит восточными группами славян болгарских и некоторыми группами на западе. št'—žd' во 2-й половине IX в. были и в говоре Солунского края. Лица же, в речи которых были $\widehat{\check{s}t\check{s}}$ или $\check{s}t'^{\check{s}}$, $\widehat{\check{z}d\check{z}}$ или žd' (или $\widehat{\check{z}d'\check{z}}$), действовали не только на

Балканском полуострове, но были и в числе учителей восточнославянских книжников: последние усвоили произношение буквы щ как $\widehat{št\check{s}}$ (шч) — усвоили по произношению своих учителей. По их произношению русские книжные люди читали буквы ъ и ь как о и е. Это также указывает на македонское происхождение южнославянских книжных людей, работавших среди восточных славян в конце X — в XI в. У восточных славян о вместо сильного ъ, е вместо сильного ь появились во 2-й половине XII в.

Происхождение старославянских щ, жд было разное.

1) Вместо ранних доисторических tj, dj; о процессе изменения этих сочетаний см. § 139. В славянских группах, легших в основу болгарских, направление в изменении долгих палатальных $\bar{t}$', $\bar{d}$' (вм. tj, dj) было такое же, как и в группах, легших в основу других южнославянских (сербо-хорватских и словинских) и восточнославянских групп: $\bar{t}' \rightarrow \widehat{t'^{\check{s}}}$, $\bar{d}' \rightarrow \widehat{d'^{\check{z}}}$. Отличие в фонетическом процессе в языке предков славян болгарских было то, что фрикация, как антиципация, появилась и перед затвором $\widehat{{}^{\check{s}}t^{\check{s}}}$, $\widehat{{}^{\check{z}}d^{\check{z}}}$. В дальнейшем происходило усиление фрикации: $\widehat{št\check{s}}$ — $\widehat{\check{z}d\check{z}}$. Такие образования согласных представляют до сих пор говоры юго-западной Болгарии, Македонии и Албании. Но по этим говорам происходила утрата фрикации в конце голосового (звонкого) образования, при удержании ее в безголосном (глухом) $\widehat{št\check{s}}$ — žd'. В других болгарских группах происходила утрата фрикации не только в голосовом, но и безголосном образовании: št' — žd'. Так в говорах юго-восточной Македонии и далее на северо-востоке (в восточноболгарских говорах). В этих говорах утрачена была фрикация во второй части štš — ždž всякого происхождения (см. ниже). Итак: свѣща, отъвѣщати, посъщати, лющии (ср. степень к лютъ); межда, междю, прѣждє, побѣждати, постыждѫ сѧ, сѫниждѫ, граждании, одєжда, даждь (повелит. накл.); бити ї говаждами жилами (последний пример из Супр. рук.).

2) щ вместо давних доисторических kt, gt перед гласным переднего ряда. Во всех славянских языках, как отмечено было в § 148, заменой kt (из kt и gt) перед гласным переднего ряда был долгий палатальный t', который изменялся в доисторическое время так же, как из tj. Поэтому замены kt (gt) перед гласным переднего ряда по славянским языковым группам такие же, что и замены tj. Ст.-сл. нощь, пещь, влѣщи (вм. velkti), дъщи, помощь (вм. pomogtĭ-)...

В Киевских листках, как в памятнике моравском, отразилась в отношении замен tj, kt' и dj тамошняя западнославянская (чешско-моравская) черта — ц, ꙃ: овѣцьнѣ (ст.-сл. кириллич. овьщанны), просяце, помоцьѭ; даꙃь, тоуꙃимъ (ст.-сл. тоуждимъ).

3) Вместо более ранних ŝtŝ, ẑdẑ, получившихся в доисторическое время во всех славянских группах вместо stj, zdj, вместо skj — zgj и вместо sk — zg перед гласным переднего ряда. См. § 141.

stj: оущѫ сѧ, оущение (вм. očistjǫ, očistjen; ср. очистити); тьща (вм. tьstja; мужск. р. tьstь), поущати (ср. поустити); мьщение (вм. mьstjen; ср. мьстити).

zdj: пригвожденъ (вм. prigvozdjen; ср. пригвоꙃдити, гвоꙃдь, гвоꙃдиинъ); възнѣждьшюмоу сѧ въ рабѣ твои (Син. тр. възнѣꙃдитисѧ).

skj, sk': ищеши (ср. искати); дъщица (ср. дъска); щитъ, ꙃащитьникъ (вм. skeito-; ср. лит. skiẽtas — „поперечный шест у бороны"); щадити — „щадить", „пощадить"; ср. чередование с ж: скжд-: скждъ — „бедный"; плищь — „рукоплескание" (Супр. рук.). В Киевских лл. отразилась и в отношении этой замены тамошняя чешско-моравская фонетическая черта шч: ꙃашчіті в соответствии старославянскому шт: оуішчение.

zgj, zg': дъждь (ср. лит. dúzgu, duzgĕ́ti — „издавать глухой звук"), иждити вм. iždžiti, а это появилось вм. iz-džiti; gi ⟶ dži ⟶ ži (см. § 148); мождань (вм. mozdžan из mozgēn); раждежетъ сѧ ꙗко огнь (Син. пс. orz-gegetĭ ⟶ orz-dždždžeti ⟶ raždžežetь ⟶ ст.-сл. раждежетъ).

4) Вместо t, st, zd перед палатальным r', v', l': оухыщр'енъ (прич. страд. зал. к глаголу оухытрити: ср. прилагат. хытръ): съмощр'ѭ 1 л. ед. ч. наст. вр. (инфин. съмотрѣти): съмощраахѫ вм. съмощрыахѫ (Супр. рук.), ощр'ѭ (остріти), врѣтѣ іꙃощрена (Син. пс.), оумрьщвл'ено; оумжждр'ити (оумждрити).

§ 208. ꙃ — ꙃ (ꙁ). Аффриката dẑ появилась вместо g в определенных фонетических условиях в доисторическое время; см. §§ 142—148. Такая аффриката находилась в системе языка кирилло-мефодиевских переводов. Об этом с несомненностью свидетельствует глаголическая графика: для передачи этого согласного в глаголице служил особый знак, отличный от знака для согласного z: ⰷ (название буквы было „дзѣлò", позднее „зело") для dẑ, ⰸ для z (ꙁ). В составе кириллицы, как представляет ее письмо старославянских памятников XI в., не было особого знака для dẑ. Буква ѕ („ѕѣлò" — „дзѣло", по позднейшему произношению название этой буквы „зело") служила в качестве цифры „6" и только позднее в среднеболгарских памятниках ѕ или ꙃ обозначала и

аффрикату $\widehat{dz}$. В кириллических памятниках XI в. в случае необходимости передать согласный $\widehat{dz}$ пользовались видоизменением буквы ꙁ: ꙃ. Так в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, Македонском.

Данные старославянских памятников указывают на изменение, пережитое болгарскими говорами в отношении аффрикаты $\widehat{dz}$: по говорам она утратила затвор, — явление, пережитое в разное время славянскими языками в звонких аффрикатах (dž, dz). Болгарские говоры XI в., сохранившие эту аффрикату, отразились в следующих старославянских памятниках: в Синайской пс., в Ассеманиевом кодексе и в названных выше кириллических отрывках с ꙃ (в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, в Македонском). Несколько примеров.

Син. пс.: ѕѣло, ѕвѣꙃды, ноѕѣ, полъѕѣ вм. польѕѣ, мъноѕѣ, враѕѣхъ, враѕи, помоѕі, кънѧѕь, стьѕѧ (им.-вин. множ.), гобъѕѩѭщнимъ — „изобилующим“, — перевод греч. τοῖς εὔθη νοῦσι; прилагат. гобьѕь, ср. гот. gabigs — „изобильный, богатый“, помнѕѣѭще отнма, вьꙃдвіѕаѩ.

Посредством ѕ передано и греческое ζ в заимствованном слове топаньѕие — греч. τοπάζιον: ꙃлата і топаньѕиѣ (164). Хиланд. лл.: пол'ьꙃѣ, ѣꙃѣ, мъноꙃи.

В Синайской пс. находится написание с ꙃ вместо ѕ в повелит. накл.: раждъꙃі 30, 18 — „разожги“. В этой форме была аффриката dz: -žьdzi! Вероятно написание Синайской пс. указывает все-таки не на ꙃ, а на ѕ (dz); редуцированный ь после жд, находясь в слабом положении, был утрачен; оказалось сочетание жддз, которое изменилось в ждз, что и передано посредством ждꙃ со вставочной буквой ъ: раждъꙃі — раждзи! [1].

Зограф. лл. мноꙃѣхъ; польꙃевати, подвиꙃаѩште.

§ 209. В говорах того времени, имевших в своей системе аффрикату dz, такое же образование появилось в некоторых словах и вместо давнего z. Так было в начале слова и реже между гласными — ꙁав- → ꙃав- и с префиксом про-: проꙃаве в Ассеман., проꙃавнѫти в лл. Ундольского. То же явление представляют среднеболгарские памятники письменности и современные говоры юго-западных болгарских областей (в юго-западной Болгарии и в Македонии). Примеры из области Охрида (в юго-западной Македонии):

---

[1] Другой пример с ꙃ вместо ѕ, находящийся в печатном издании памятника, ꙃѣло на 49$^{об.}$, 14, недостоверен: в словарном указателе это слово показано с ѕ.

1) вм. давне́го s: дзвезда, бла́дзе — „хорошо", до̀лдзи — имен. г. множ.; 2) вм. ꙁ: дзёмнам вместо дзёбнам — „зябну" (Велес), дзид — „стена", со̀лдза — „слеза", на̀дзот — „назад" и др.

§ 210. сц — ст, ꙁд. Сочетание сц было в языке кирилло-мефодиевских переводов вместо давнего sc, появившегося в доисторическое время в связи с процессом изменения задненебных согласных k, g, ch в с, dź, ś: отъ блисцаньѣ его (Син. пс.), о оудръжаньи людьсцѣмь, старьци їюдѣисции, о̄троци евр'ѣисции (Син. тр.).

Сочетание sc представляли и восточнославянские языки.

В западнославянских языках было šč, получившееся в давнее время вместо sc. Такое изменение sc было вызвано следующим: перед палатальным *с* согласный s был тоже палатальным (ś); в группах же, легших в основу западнославянских языков, палатальный ś изменился в š, при шипящем же š и аффриката стала образовываться с шипящей фрикацией: sc (śċ) → šč. Ср. судьбу st', zd' вместо stj, zdj: st' → št' → št'š повсюду у славян (§ 139). В отдельных западнославянских группах происходила утрата второго шипящего элемента šč → št'. Так по говорам чешским, в лужицких языках. Итак: чешск. v Polšt'e, старопольск. v Polšče. (Совершенно безосновательна попытка объединить процесс изменения skě в западнославянских и восточнославянских, в противоположность процессу, отразившемуся в южнославянских языках: „Revue des études slaves", VI, 216—223).

По болгарским говорам произошла утрата второго фрикативного элемента: sts (sc) → st (ст). Результат такого изменения отразился в ряде памятников: людьстии, ꙁемльстии, фарисеистии, морьстѣи, на дъстѣ и др. Но были говоры, в которых такое изменение не отразилось. Так в памятниках: Син. тр., Клоц. Сб., Савв. книга, в более архаической части Зографского кодекса (при одном случае с ст: галилеистѣмь).

Примеров к ꙁдꙁ в старославянских памятниках нет, кроме одного дрꙁдѣ — местн. ед. (Супр. рук.) к имени дрꙁга — „лес". Ничего определенного нельзя сказать о судьбе ꙁдꙁ в разных болгарских группах IX—XI вв.

Особо отметим сочетания суффиксов (префиксов) на z (s); iz, bez, orz (раꙁ), vъz — со словом, начинавшимся с z, s, š, с, č. Перед s, z, š в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный обычного образования с, ꙁ, ш вместо долгих ss, zz, šš, получившихся некогда вследствие объединения артикуляции согласного в предлоге и согласного s,

z, š, которым начиналось слово: безълобы, безаконение, ишьдъ вм. isšьdъ, въснити.

Перед ц сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены не в одинаковом виде во всех случаях.

1) сц: исцѣлити — в разных памятниках; бесцѣннаго (Супр. рук.).

2) ст: с результатом того же изменения, как и в окончании слова: sc → st: истѣлити в Син. пс., в поздней части Зограф., 1 раз в Супр. рук.

3) и,-бе-: ицѣлити в разных памятниках; і-цръкъве (Зограф.), и-цркве (Остром.), Іцѣли, ицѣление, бецѣнънъіѩ (Син. тр.). Повидимому, такие сочетания возникли под влиянием сочетаний с предлогом (префиксом) из (ис), без (бес) перед з, с, ш под влиянием ишьдъ, бе-зълобы...

1) С результатом фонетического изменения: sč → šč → št' (щ) ищезе, ищазати — „исчезать", ищрѣва — „из чрева", ищистити; ищадию вм. is-čęd-; бещадьнъ — „бездетный"; бещисльнъ — „бесчисленный".

2) и-ч-, бе-ч-: и-трѣва, ичезати, бе-чьсти (именит. чьсть). Эти сочетания возникли так же, как ицѣлити, бецѣньнъ.

В Синайском требнике отразилось различие в звуковом виде образований с предлогом (префиксом) ис сравнительно с образованиями с предлогом (префиксом) бес: -и- ч- вместо ис-ч — бещ вместо бес-ч-: Ічрѣва, мл(з)сть не ичтена. Но ищезоша, так как префикс ис здесь не воспринимался языковым чутьем говорящего: милость бецисльна, бещисльнъхъ.

3) Изредка книжное образование с ис-, без, бес: ис чрѣва (Савв.), безъ числа, бесчьстию, въсчоудитъ (последние 3 примера из Супр. рук.).

§ 211. л', н', р'. В образовании палатальных л', н' не было пережито изменений, кроме сочетаний с палатальным л' после губного согласного не в начале слова: земл'ю → земја → зем'а.

Что касается палатального р', то, может быть, в некоторых болгарских говорах XI в. не было уже палатального р'; произошло отвердение его. Может быть, на такое явление указывают написания ра вместо рѩ (рѣ), роу вм. рю, рѫ вм. рѭ в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи.

Савв. кн.: распьра, варааетъ — „ожидает", съмѣраетъ сѧ и др. Но имеются обычные написания с рѣ (вм. рѩ): морѣ род. ед. съмѣрѣаі... Супр. рук.: сътворѫ, твораста, оузьрѫ, покараемъ (при покар'ѣѭ), сак'елара, сак'елароу, тут же именит. ед. сакеларь, сак'еларии, греч. σακελλάριος — „казначей".

§ 212. ш, ж, ч, щ (шт), жд, ц, ѕ — з, с (ś: вьсꙗ, вьсе). В фонетической системе тех болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, эти согласные были палатальными („мягкими"). После этих согласных гласные заднего ряда а, u, ǫ были передвинуты несколько вперед в зависимости от палатальности предшествующего согласного: ȧ (среднего ряда) или ä (переднего ряда), u̇ (среднего ряда) или ü (переднего ряда), ǫ̇ или ǫ̈. Написания ѧ (ѣ в кириллических памятниках) вм. а, ю, ѭ могут свидетельствовать о таком произношении гласных и вместе с тем о мягкости предшествующих согласных.

Киев. лл.: нашѣ (= наша), мьшѣ (= мьша — messa), срьдьцѣ, обѣцѣлъ... .

Син. пс.: чѣша, жѣвы (= жабы), шюмоу, чюдоу, лицю, наоучѭ, оріт ъчѭ, хождѭ, въꙁвѣщѭ, вьсѣ (именит. ед. жен. = вьсꙗ), вьсѭ (вин. ед.), вьсѣкъ и др.

Такие написания имеются и в других старославянских памятниках. Но во всех дошедших до нас памятниках находятся и написания с а, оу, ѫ: наша, притъча, мѫжа... Так и в Киевских лл.: съгрѣшати, напожа, срьдьца. Так и в других памятниках. При этом написания с ю после ч, ш, ж (чюти, мѫжю, шюмъ) встречаются чаще, чем написания с ѣ вм. а: часъ, наша, мѫжа, оужасъ... Но в Супрасльской рукописи обычно оу: чоудо, бывъшоу, жоупаны...

В написаниях с а (вм. ѣ — ѧ) после ч, ш, ж и других давних палатальных согласных видят обычно указание на отвердение этих согласных, а более частые написания с ю (мѫжю, шюмъ) объясняют не тем, что предшествующий согласный был мягким, а тем, что буквою ю писцы передавали здесь гласный ü, т. е. в образовании согласного произошло изменение — он отвердел, а следовавший за ним ü, ранее зависевший в своем переднем образовании от палатальности согласного, остался без изменения ü. С таким объяснением нельзя согласиться. В отношении мягкости судьба палатальных ч, ж, ш была не во всех говорах одинакова с судьбою ц, ѕ — з, с'. Написания с а (часъ, а не чѣсъ, наша...) не представляют обязательного указания на отвердение ч, ш, ж. Такое написание могло отражать диссимиляцию, происшедшую в сочетании мягкого (палатального) согласного с гласным переднего или среднего ряда, — процесс, подобный давнему славянскому изменению ē в а после j, č, ž, š: kričati, žarъ, słyšati. После ш, ж в среднеболгарскую эпоху произошло изменение ѧ в ѫ, произошло независимо от твердости этих соглас-

ных. Данные современных болгарских диалектов в отношении шипящих согласных представляют следующее. В одних из них ч, ш, ж, шт (шч), жд (жджс) являются мягкими в той или иной степени. Такими являются эти согласные преимущественно на юго-западе, в говорах Македонии и соседних местностях юго-западной Болгарии. В других говорах шипящие согласные тверды. Как видно, отвердение шипящих согласных не произошло в значительной языковой болгарской области. Мягкими были эти согласные, разумеется, и в IX—XI вв., в говорах, отразившихся в языке старославянских глаголических памятников XI в. Полагаем, что и на востоке Болгарии отвердение ч, ш, ж, шт, жд относится к среднеболгарской эпохе.

§ 213. Что касается ряда ц, ѕ (з), с (всѥм), то можно полагать, что их отвердение произошло гораздо ранее диалектического отвердения шипящих согласных: по болгарским диалектам ц, ѕ (з), с были тверды уже в XI в. В отношении этих согласных обращает на себя внимание обычное написание ца, ѕа (за): написания цѣ, ѕѣ (зѣ) редки. Также обычны -ѕоу (-зоу): кънѧѕоу (кънѧзоу), пѣнѧѕоу (пѣнѧзоу). Отметим судьбу сочетания цѣ: в XIII в. в говорах западной Болгарии и северо-восточной Македонии было ца вм. цѣ (цана), изменения же ѣ после других согласных еще не обнаруживалось. Более раннее изменение ѣ (ä) в а в этом положении находилось в связи с отвердением согласного ц. Параллельно с отвердением ц происходило отвердение ѕ (з): польѕа — польза. Кроме написаний -ѕа (-за) старославянских памятников, о твердости з (вм. ѕ) может косвенно указывать и книжное русское пол'за с твердым з вместо русского пол'з'а с мягким з', как это представлено и доныне в севернорусских говорах.

Был твердым с в местоимениях вса, всѧ по болгарским диалектам XI в. Несомненно, таким он был в говорах, отразившихся в языке Супрасльской рукописи, Саввиной книги. С таким с были эти местоимения и в восточноболгарском оригинале Остромирова евангелия.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 214. В фонетической системе всех славянских языков некогда согласные перед гласными переднего ряда были мягки. Имеются следы такого образования согласных и в системе давнего,

доисторического времени. Но степень палатализации согласных перед гласными переднего ряда была не такой высокой, с какой артикулировались палатальные j, r', l', n': перед гласным переднего ряда мягкость согласных была средней; см. § 148. Такими были согласные в этом положении в старославянском языке. На мягкость их может указывать такая деталь письма. В Мариинском и Зографском кодексах имеются написания модифицированного юса малого, с хвостиком с левой стороны ѧ. Такой знак употреблялся в передаче формы именит. ед. мужск. и средн. рода причастия наст. вр. в основах на е/о и для глаголов быти, ѣсти (ꙗсти): градѧ, сѧ, ѣдѧ. Традиционным окончанием формы причастия наст. вр. именит. ед. в этих основах было -ꙑ(ы): градꙑ, сꙑ, ѣдꙑ. В разных славянских языках пережито было объединение в окончании этих форм с формами основ на -*i*, где окончанием был гласный -ѧ или его замена: nosę (носѧ), vidę (видѧ). При этом объединении сохранилась твердость согласного, с какой он произносился перед ꙑ: vedy (ведꙑ), grędy (грѧдꙑ): vedę, grędę; ср. в истории русского языка наличие форм этого причастия с *а* с заменою более раннего ę и с твердостью предшествующего согласного: веда, неса, мога; ср. в чешском языке ту же форму на *а* после твердого согласного: veda, pleta... То же происходило и в болгарском языке: объединение в окончании -ѧ, но с сохранением твердости предшествующего согласного. Чтобы отметить такое произношение -дѧ, -сѧ и др. в градѧ, сѧ, ѣдѧ, писцы изменили знак ѧ (ѥ): ѧ. Такая отметка понадобилась потому, что ею хотели отличить эти -дѧ (-дѧ), -сѧ (-сѧ) от основ на -i: видѧ, просѧ: последние отличались от градѧ не гласным, а согласным: в градѧ он был твердым, а в видѧ не твердым, мягким в той или иной степени. В Мариинском кодексе встретилось дважды горѧ с ѧ и в основах на -i: традиционным было горѧ. Возможно, что и в данном случае отмечалась твердость согласного, твердость р: его отвердение произошло уже по болгарским диалектам того времени.

В таком же направлении изменялась эта форма в других болгарских говорах XI в., отразившихся в прочих старославянских памятниках. В этих памятниках нет особого значка, который указывал бы на твердость предшествующего согласного в этих случаях: пользуются знаком ѧ (ѥ) — грѧдаи (сложная форма грѧдѧ- и в Мариин.), жиѧ в Син. тр., грѧдаи, сѧ (вместо сꙑ) в Сб. Клоца, грꙑдѧ в Ассеман. ев., жърѧ, вѣдѧ в Супр. рук., живѧ, сѧ в Савв. кн.

Фонетико-морфологическое значение этого окончания было то же, что и окончания с гласным, переданным в Зографском и Мариинском ев. посредством ѥ.

Отвердения согласных перед гласными переднего ряда не было в XI—XII вв. по болгарским говорам (кроме отвердения р'; процесс отвердения был иного содержания и не зависел от следующего гласного). Если бы согласные перед гласными переднего ряда отвердели, то неизбежно изменился бы гласный ӓ (ѣ) из ė (lėto). Полагаем, что он изменился бы при отвердении предшествующего согласного в *е:* произошло бы взаимное сближение артикуляции согласного и гласного, — процесс, противоположный более раннему процессу изменения цѣ в ца: ц отвердевал, а следовавший за ним ѣ, имевший более открытое образование, чем он имел позднее по болгарским диалектам на западе, изменился в а. Процесс изменения t'ӓ в te (t какой-нибудь согласный) происходил в среднеболгарский и новоболгарский периоды на юго-западе болгарской области (процесс этот проходит в разное время по западноболгарским группам). Далее держалось более открытое образование ѣ (ӓ) на востоке Болгарии. Там и больше следов мягкости согласного перед гласным переднего ряда, в том числе перед ӓ, а также перед а из ӓ: л'ӓто в Родопах и на северо-востоке; л'ато, но летен в Прибалканье.

Группы согласных. Конец слова.

§ 215. Вследствие утраты слабых ъ, ь оказались сочетания согласных, в том числе такие сочетания, которые раньше были не свойственны фонетической системе: тл, дл, тн, дн, пт, пс, пн, вн и др.: свѣт[ь]лост[ь], д[ь]нн, п[ъ]тица, єгvпта, п[ь]си и др.

В это время, в XI в., появились подобные сочетания и иного происхождения, — сочетания, оказавшиеся при новом образовании основы. В языке старославянских памятников находятся слова с пн, вн, возникшими вследствие нового присоединения суффиксов -нѫ- (в инфинитивной основе), -не- (в наст. времени) к корню на -п, -в, т. е. к корню в том звуковом виде, в каком он находился перед гласным в других образованиях: въ доунавѣ истопнѫша, освлпнѫша (Супр. рук.) с -п как слѣп-; погыбнѫти (Мариин., Син. пс.) — с гыб- как погыбати; прозабнѫти (Мариин., Син. пс.), — с зав-, как прозабати и т. п.

стр-: появился вторичный согласный т между с — р взамен давнего сочетания sor- (ser-) перед согласным: страм[ъ] вместо более

раннего срамъ (из sormъ). Так в Синайской псалтыри: страмомь срамыхъ сѧ. Такое явление (str-), со вторичным t, было пережито почти всеми говорами Македонии и юго-западной Болгарии: страм, страмота, страчка („сорока"), стреда, стред („среди"). Там же находится и сочетание zdr со вторичным d: здрее(т), здрак.

жств → ств: бѣство вместо бѣжьство (Марийн. и др.);

сд → ꙁд: ꙁдѣ вместо сьдѣ (Зограф.);

кд → гд: гдѣ, гдѣ вместо къдѣ, къдѣ (Мариин.).

гк: по утрате редуцированного гласного оказалась группа согласных гк в прилагательном льгъка, льгъко. Эта группа в одних славянских языках подверглась диссимиляции: гк → кк (ср. в русском лехка). В других языках сочетание гк ассимилировалось в долгий к(кк). Так было в южнославянских языках. Такое изменение отразилось в Син. тр.: лекъков, болѣꙁнь, лекъка.

кч → хч. Любопытное указание представляет Супрасльская рукопись в отношении судьбы сочетания согласных кч, оказавшихся рядом после утраты ъ: кч → хч — кн'ихчии (69).

§ 216. С утратой слабых ъ, ь изменился весьма значительно конец слова: раньше слова оканчивались только на гласный, теперь же много слов получило иное звуковое оформление: они стали оканчиваться на согласные: обѣд, дроуг, сын, пѫт', несѫт...

Вследствие тесного объединения слов во фразе произошла в ряде сочетаний ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова, — явление, отмеченное выше и в отношении гласных. Многочисленные примеры такой ассимиляции находятся в Син. пс.: на-дѣлы вм. над-дѣлы; бе-ꙁъла вм. беꙁ-ꙁъла, памѧ-твоѣ вм. памѧть-твоѣ, оудоблѣѭтъгда вм. оудоблѣѭтъ-тъгда, подъ ѩꙁыкомонимъ вм. подъ ѩꙁыкомь-монимь. Из Супр. рук. мъꙁда — многамъ.

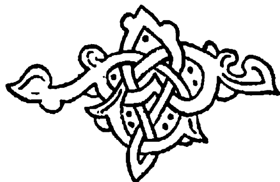
По говорам согласные губные в конце слова, по утрате конечного ь отвердели: вѣмь 1 л. ед. → вѣм; прѣдамь → прѣдам.

§ 217. О сочетаниях, в которые входили предлоги (префиксы) вън-, сън-, кън-, см. замечания выше, § 150: вънѣдра, вънѫтрь, вънити, вънаоушити, вънимати, вънььи, сънити, сънемъ, сънемище, вън'ь, кън'емоу, сън'имь...

В сочетаниях предлогов с именами, начинавшимися с гласного звука, в старославянских памятниках нет вън, сън, кън: уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде vъ, kъ, sъ: въ оустѣхъ, к отьц

цѹу, съ отьцемь. Редким реликтом было сочетание с вън: вопль мoi прѣдъ нимъ вьнідєтъ вън оуші єго (Син. пс.)

Что касается образований с префиксом vъn-, ѕъn-, то утвердились сочетания в давнем звуковом виде: вънити, вънидѫ, вънимати, вънимы, сънити („сойти“), сънимити сѧ („собираться“), сънимъ, сънимище, сънѣдь, сънѣдати, сънѣсти, вънѹшити, вънѫтрь. Но в отношении глагола вънѹшити и наречия вънѫтрь отражается в старославянском языке новшество: при традиционных сочетаниях вънѹшити, вънѫтрь применяются и новообразования с префиксом въ: въѫтрь (Син. тр.), въѹшити (Син. пс.): въѹші молєньє моє; ѹслъ[і]шітє сі вьсі ѩзъіци:· въѹшітє вьсі живѫщєі по вьсєлєнѣі; в Синайском требнике: въѹши г҃лы ѹстъ моихъ — в псалме 67-м, — так же как и в Син. псалтыри.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Введение. Фонетика

ВВЕДЕНИЕ

Начало славянской письменности

Положение славянских языковых групп среди других индоевропейских языков в отношении согласных

Небно-зубные t, d, n, s, z

s—ch

Плавные r, ł, l, l'

m, p, b, v

u̯, w, v

i̯, j

k, g, ch

Сочетания согласных с j

Группы согласных

Согласные перед гласными переднего ряда

Начало и конец слова

Количество слога

Интонация. Акцент

Чередование гласных

Фонетические черты языка старославянских памятников